

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»**

На правах рукописи

Коровин Валентин Александрович

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В
1941-1943 гг.: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
д.и.н., профессор Коровин В.В.

Курск – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	22
1.1. Тенденции развития историографии проблемы коллаборационизма.....	22
1.2. Терминологические и классификационные особенности исследования коллаборационизма	58
1.3. Организационно-правовые факторы борьбы с коллаборационизмом	82
ГЛАВА 2. ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, АДМИНИСТРАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ	113
2.1. Коллаборационизм в сфере реализации административной политики немецко-фашистских оккупантов.....	113
2.2. Участие курян в вооруженной борьбе на стороне противника.....	135
2.3. Исполнение охранных и военно-административных функций полицейскими формированиями, созданными оккупантами...	162
2.4. Социально-экономическое сотрудничество жителей региона с оккупационными властями.....	197
ГЛАВА 3. ДУХОВНЫЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ ЖИТЕЛЕЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941-1943 гг.	232
3.1. Участие граждан в пропагандистском обеспечении	

оккупационной политики.....	232
3.2. Распространение идей коллаборационизма религиозными объединениями.....	259
3.3. Формирование коллаборационистских настроений и поведения в молодежной среде.....	277
3.4. Проявление бытового коллаборационизма в повседневной жизни курян.....	298
ГЛАВА 4. УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА.....	322
4.1 Борьба добровольческих военизированных формирований и войск НКВД с вооруженным и административным коллаборационизмом.....	322
4.2 Деятельность партийно-политических структур Курской области по привлечению к ответственности коллаборационистов.....	352
4.3 Роль административных органов, общественных организаций и трудовых коллективов в ликвидации последствий коллаборационизма.....	379
4.4 Правоохранительная и судебная практика наказания лиц, сотрудничавших с оккупантами.....	404
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	440
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	451
ПРИЛОЖЕНИЯ	511

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется возрастающим интересом всех слоев российского общества к истории Великой Отечественной войны. Происходящие в современном обществе процессы полностью изменили массовое восприятие событий Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., особенно в молодежной среде. В научных и общественных кругах в настоящее время ведутся ожесточенные дискуссии, носящие часто некорректный характер, по определению места российского коллаборационизма в современной военной истории. Некоторыми историками и политическими деятелями либерального толка предпринимаются попытки переписать историю Великой Отечественной войны, пересмотреть ее характер и военно-политические итоги.

Нельзя согласиться с авторами новейшего многотомного издания «Великая Отечественная война 1941-1945 годов», что проблема коллаборационизма нуждается в глубоком осмыслении. Но «не может идти и речи о реабилитации предательства. Никакие идеологические и политические конфликты с властью не оправдывают измену Родине и переход на сторону ее смертельного врага»¹.

События, предшествовавшие 70-летию Победы, отчётливо продемонстрировали, что борьба за историческую память стала важнейшей задачей, стоящей в одном ряду с борьбой за укрепление национальной безопасности России. На встрече с молодыми учеными и преподавателями истории Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что сегодня «предпринимаются попытки перекодировать общество во многих странах, в том числе и перекодировать общество нашей страны... Это... связано с

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12-ти томах. Т. 1. Основные события войны. – М., 2011. – С. 10.

попытками переписать историю, причесать ее под чьи-то геополитические интересы»¹.

Противостоять попыткам спекуляции на истории нашего народа можно только путем подготовки серьезных научных исследований по различным проблемам истории Великой Отечественной войны. В них необходимо объективно выявлять и причины коллаборационизма, пресекать попытки «обеления» предателей, возвеличения этого позорного явления в любом его проявлении. Ведь за такими попытками отдельных историков и публицистов просматриваются далеко идущие планы деформации исторической памяти. Обобщение исторического опыта, накопленного органами государственной власти СССР, правоохранительной и судебной практикой, партийными, комсомольскими организациями и трудовыми коллективами по противодействию различным проявлениям коллаборационизма и преодолению его социальных последствий, имеют существенное значение в усилении патриотического воспитания молодежи, необходимость которого становится все более актуальной в современном российском обществе.

Объектом исследования выступает положение населения в условиях оккупационного режима, установленного немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Курской области в 1941-1943 гг.

Предмет исследования – различные формы коллаборационизма населения Курской области, методы противодействия ему, а также политико-правовые и социально-правовые последствия этого исторического явления.

Хронологические рамки работы охватывают, в основном, период с октября 1941 по сентябрь 1943 годов. Нижняя временная граница связана с началом оккупации территории Курской области, а конечная дата – с полным освобождением Курского региона от немецко-фашистских захватчиков. При

¹ Цит. по: Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46951> (дата обращения 18.08.2015).

раскрытии вопросов политических и социально-правовых последствий коллаборационизма хронологические рамки были расширены, в основном, за счет характеристики уголовных процессов, проводившихся в 1950-1970-е годы в Курской и Белгородской областях.

Территориальные рамки диссертации определены границами Курской области, образованной 13 июня 1934 г., как единой административно-территориальной единицы Центрального Черноземья и неизменно просуществовавшей до января 1954 года. Тогда из состава Курской области 26 районов было передано в состав вновь организуемых Белгородской и Липецкой областей РСФСР.

Историография проблемы исследования. В историографии проблемы участия курян в сотрудничестве с немецко-фашистским оккупационным режимом, мы определили два основных этапа: историография советского и постсоветского периодов. В отечественной историографии советского периода нами выделялось два основных этапа развития: первый, возникший еще в ходе Великой Отечественной войны и завершившийся в начале 60-х годов прошлого столетия; второй – начавшийся в середине 60-х и завершившийся к концу 80-х годов XX века. Отечественную историографию постсоветского периода условно мы разделили также на два этапа: с начала 1990-х годов до конца XX столетия, и современный, начавшийся с 2000 года.

Наличие большого числа разноплановых трудов, опубликованных по исследуемой нами проблеме (особенно в других регионах Российской Федерации), противоречивость содержащихся в них оценок, потребовали выделения историографического анализа проблемы становления и проявления в различных видах отечественного коллаборационизма в отдельный параграф в структуре первой главы диссертации.

Цель исследования: состоит в том, чтобы на основе анализа документальных материалов и опубликованной ранее научной литературы, представить обобщенную комплексную характеристику различных видов и форм коллаборационизма, имевших место в годы Великой Отечественной

войны, а также воссоздать целостную картину деятельности территориальных органов управления, общественно-политических и правоохранительных структур по преодолению последствий этого явления на территории Курской области.

Для достижения поставленной цели был определён ряд конкретных задач

- провести историографический анализ степени изученности проблемы исследования, представить научную трактовку массива источников, использованных для подготовки диссертации;

- проанализировать понятийный аппарат, использованный при рассмотрении научной проблемы регионального коллаборационизма;

- раскрыть мотивы и характер сотрудничества определенной части населения Курской области с немецким военным командованием, спецслужбами, оккупационными административными органами;

- рассмотреть практическую деятельность сформированной из местного населения полиции, ее роль и место в осуществлении восточной политики Германии в системе административного управления в области ;

- охарактеризовать основные формы вооруженного (военно-политический, военно-полицейский) и невооруженного (административный, экономический, идеологический, религиозный и др.) коллаборационизма, существовавшего на оккупированной территории Курской области в 1941-1943 гг.;

- показать специфику и источники кадрового пополнения коллаборационистских структур на территории исследуемого региона в 1941-1943 гг.;

- проанализировать деятельность партийных, советских, комсомольских и правоохранительных органов Курской области по противодействию коллаборационистским структурам и преодолению различных последствий этой политики в повседневной жизни населения Курской области в 40-х – 80-х годах XX столетия.

Методологическую основу исследования составили базовые принципы современной исторической науки, прежде всего, принципы историзма и объективности: рассмотрение изучаемых событий в их взаимосвязи и развитии, а также всесторонний анализ и оценка исторических фактов.

В работе были использованы следующие научные методы:

- проблемно-хронологический, позволивший исследовать проблемы формирования политики коллаборационизма в хронологической последовательности. Структура диссертации построена посредством применения данного метода;

- историко-сравнительный, положенный в основу исследования состояния коллаборационизма в изучаемом регионе в различные периоды времени, а также влияние различных факторов на его развитие;

- историко-биографический, оказавшийся полезным в изучении биографий отдельных антигосударственных деятелей, имевших непосредственное отношение к коллаборационистской политике;

- ретроспективный, использование которого позволило в динамике изучить и анализировать проводимую государственную политику по преодолению коллаборационистских тенденций, оценивать последствия решений, принимавшихся под воздействием общегосударственной стратегии борьбы с коллаборационизмом;

- статистический, с помощью которого произведена обработка данных, извлеченных из архивных и других исследуемых материалов, для составления таблиц, характеризующих динамику состояния коллаборационизма;

- структурно-системный, применение которого в рассмотрении проблемы исследования позволило избежать описательность и придать работе уровень теоретических обобщений. Этот метод весьма важен при выявлении, структуризации и систематизации ранее не использовавшегося фактического материала.

Использование основных принципов современной исторической науки и выше указанных методов исследования в полной мере способствовали формированию развернутого представления о политике поддержки оккупационных структур и деятельности коллаборационистской администрации в Курской области в 1941-1943 гг.

Источниковая база диссертации представлена опубликованными материалами и комплексом архивных документов, извлеченных из фондов федеральных, региональных и ведомственных архивов. Значительная их часть впервые была введена автором в научный оборот. Исходя из цели и задач, поставленных при подготовке диссертационного исследования, были обозначены следующие группы источников.

I. Архивные документы. В нашем исследовании использованы не опубликованные ранее документы, извлеченные из 50 фондов 15 архивов архивного фонда Российской Федерации.

Так, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) были исследованы документы Генеральной прокуратуры СССР (Ф. Р-8131), Верховного суда (Ф. Р-9474), Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (Ф. Р-7021), Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР (Ф. Р-9408). Исследованные в ГАРФ архивные материалы дают отчетливое представление о разноплановой деятельности органов государственной власти СССР, правоохранительных и судебных структур по законодательному обеспечению противодействия коллаборационизму на временно оккупированных территориях Советского Союза, привлечению к судебной ответственности лиц, принимавших активное участие в сотрудничестве с оккупантами.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) были изучены документы из фондов 17 (Центральный комитет РСДРП-КПСС), 644 (Государственный Комитет Обороны) и 69 (Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного

Главкомандования). В фонде 17 изучались информационно-аналитические материалы (отчеты, докладные записки, поступавшие в оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) от областных партийных комитетов, в том числе и от Курского). Документы фонда 69 представлены боевыми донесениями, аналитическими записками, отчетами о боевой и разведывательной деятельности, поступившими в ЦШПД при Ставке ВГК от штаба партизанского движения на Брянском фронте, осуществлявшего руководство деятельностью отрядов 1-й и 2-й Курских партизанских бригад.

В фонде 644 изучался ряд постановлений Государственного Комитета Обороны, принятых в 1941-1945 гг. В них намечался широкий комплекс мер по противодействию коллаборационизму и преодолению разнообразных его последствий как на освобожденных территориях Советского Союза, так и в странах Восточной Европы.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) анализировались документальные материалы Управлений внутренних войск НКВД по охране тылов Центрального, Воронежского и Степного фронтов (Ф. 32925, 32981, 32905). Были изучены боевые донесения, представляемые начальниками Управлений указанных выше фронтов в адрес начальника Управления войск НКВД по охране тыла Красной Армии в период с марта по август 1943 г., объяснительные записки к отчетным карточкам о боевой и оперативно-служебной деятельности войск НКВД, информационные и аналитические материалы, свидетельствующие о деятельности штабных структур войск НКВД по преодолению последствий военно-политического коллаборационизма на территории Курской области в 1941-1943 гг.

Документы Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) были извлечены из фондов полевых Управлений Центрального (Ф. 62), Брянского (Ф. 202), Воронежского (Ф. 203) фронтов, полевых управлений 6-й гвардейской (Ф. 335), 7-й гвардейской (Ф. 341), 40-й (Ф. 395), 13-й (Ф. 361), 65-й (Ф. 422) общевойсковых армий Юго-Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов, полевых управлений ряда

стрелковых дивизий и бригад, входивших в оперативное подчинение вышеперечисленных армии. В частности, 1-й гвардейской СД (Ф. 1043), 248-й отдельной курсантской бригады (Ф. 2051) и других. Документы оперативных объединений и соединений Красной Армии предоставили возможность получить ценную информацию о взаимодействии разведывательных органов, политических управлений фронтов и отделов армий с территориальными органами власти, НКВД и НКГБ в ходе розыска и привлечения к ответственности военных преступников, преимущественно из числа местных коллаборационистов.

В фонде штаба партизанского движения на Брянском фронте (Ф. 1650) центра новейшей истории Брянской области (ЦНИБО) были исследованы материалы о вооруженной борьбе, которую вели курские партизаны с разведывательными и карательными подразделениями абвера и Вермахта в 1941-1943 гг., о взаимодействии оперативно-чекистских групп, действовавших в составе партизанских отрядов, с территориальными структурами НКВД-НКГБ по физическому истреблению пособников немецко-фашистских оккупантов. Эти документы стали существенным дополнением к исследованным документам фонда 69 РГАСПИ.

Наиболее значимыми документами, использованными при подготовке диссертационного исследования, стали разнообразные информационно-аналитические материалы, протоколы пленумов и заседаний бюро партийных комитетов разного уровня (областных, городских и районных). В них представлены полноценные и весьма объективные материалы о деятельности партийных организаций Курской области по преодолению последствий коллаборационизма, как в военный период, так и в послевоенные годы.

Так, в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО) изучались документы, содержащиеся в фондах Курского обкома и горкома ВКП(б) (Ф. П-1 и Ф. П-2878), обкома и горкома ВЛКСМ (Ф. П-131 и Ф. П-40), райкомов партии и комсомола (Рыльского, Львовского, Поныровского, а также Сталинского, Кировского, Ленинского

районов города Курска и др.). В Государственном архиве новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО) были исследованы материалы фонда-коллекции: Белгородчина в период Великой Отечественной войны (Ф. 1140), Ивнянского (Ф. 15), Прохоровского (Ф. 22), Шаталовского (Ф. 32), Шебекинского (Ф. 33) и др. райкомов ВКП(б). Они стали существенным дополнением к документам, которые мы изучили в ГАОПИКО.

Фонды государственных архивов Воронежской (Ф. 2100), Белгородской (Р-1047, Р-1063, Р-1053, Р-1050 и др.), Курской (Ф. Р-3487, Р-3489, Р-3605 и др.) областей содержат большой объем документов немецко-фашистских оккупационных и коллаборационистских органов местного управления. Они характеризуют масштабы и возможные последствия политики оккупантов, различные формы коллаборационизма (административного, экономического, идеологического, религиозного, бытового и др.) в период оккупации территории Курской области (1941-1943 гг.).

В архиве Управления Федеральной службы безопасности по Курской области (АУФСБ КО) был изучен большой пласт документов 4-го отдела УНКВД-УНКГБ по Курской области, раскрывающий работу курских чекистов по борьбе с оккупационными властями, с вспомогательной полицией, разведчиками-диверсантами, забрасываемыми в советский тыл, резидентами и агентами германских спецслужб. Большинство документов, изученных в Архиве УФСБ РФ по Курской области, лишь в последние годы получили статус рассекреченных и вводимых в научный оборот.

В архиве УМВД России по Курской области (ИЦ УМВД КО) исследованы документы из фонда 5 (Приказы начальника областного Управления НКВД) и фонда 38 (Штаб истребительных батальонов Курской области). Они позволили получить дополнительную информацию об использовании структур НКВД и истребительных батальонов в ходе борьбы с региональными коллаборационистами.

В Архиве Управления Московской железной дороги (АУ МЖД) и в объединенном архиве Московской железной дороги (ОА МЖД, гор. Курск) в фондах различных предприятий: станции Курск (Ф. 2), паровозного депо Курск (Ф. 3), вагонного участка и вагоноремонтного пункта ст. Курск (Ф. 4) исследовались ранее неизвестные региональным историкам материалы о роли администраций предприятий Курского железнодорожного узла, их трудовых коллективов в противодействии экономическому коллаборационизму и по преодолению его последствий.

II. Печатные (опубликованные) материалы.

В диссертации они представлены разнородными группами. Первый блок печатных источников представляют партийно-государственные документы. Это Законы СССР, Указы Президиума Верховного Совета СССР за 1941-1945, 1955, 1965 гг., постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР и другие документы, опубликованные в различных сборниках¹.

С целью глубокого изучения темы исследования были использованы некоторые сборники, вышедшие из печати в серии «Русский архив: Великая Отечественная». Это «Приказы народного комиссара обороны СССР с 22 июня по 9 мая 1945 гг.» (Т. 13) и «Партизанское движение в годы Великой Отечественной 1941-1945 гг.» (Т. 20); сборники документов, извлеченных из фондов Центрального архива ФСБ РФ: «Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне» в четырех томах (М., 1995-2008). Также были использованы документальные свидетельства о военном коллаборационизме, представленные в сборнике «Генерал Власов: история предательства» в двух томах (М., 2015). Документы, раскрывающие деятельность партийных и государственных органов в борьбе с коллаборационизмом и в ходе преодоления его последствий на территории

¹ Например: Ведомости Верховного Совета Союза СССР за 1943-1945 гг.; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК (1898-1986). Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 9. – М., 1985 и др.

Курского региона, изучались по документальным сборникам «Суровая правда войны»¹.

Расширить научно-справочный аппарат диссертации значительно позволило использование военно-биографических словарей: Великая Отечественная: Комкоры (М., Жуковский, 2006); Великая Отечественная: Комдивы в трех томах (М., 2013-2014) и др.

Третья группа опубликованных источников представлена материалами периодической печати. К ним относятся корреспонденции из центральных газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», областных газет «Белгородская правда», «Курская правда», «Молодая гвардия», городских и районных изданий, выходивших в ряде районов Курской (ныне Белгородской) области, а также красноармейские газеты Центрального фронта «Красная Армия», 40-й, 21-й армий, 121-й стрелковой дивизии «Боевой натиск», «За ПобедУ», «Большевицкий натиск» и др. В работе над диссертацией использовались и коллаборационистские газеты «Речь», «Курские известия», «Новая жизнь», «Рыльский новый путь», «Восход», «Дмитровская газета», выпускавшиеся при активной поддержке оккупационных властей в 1941-1943 гг.

III. Материалы личного происхождения.

Новые сведения о специфической работе чекистов извлечены из воспоминаний одного из руководителей разведки советских органов безопасности П.А. Судоплатова. Он возглавлял Особую группу при НКВД, а с апреля 1942 г. – 4-е Управление НКВД СССР, созданное для ведения разведывательно-диверсионных операций против Германии и ее союзников, в том числе коллаборационистов².

¹ 1941 год на Курской земле в документах архивов. Часть I. Изд. 2-е, испр. – Курск, 2010; 1942 на Курской земле в документах архивов. Часть II. Изд. 2-е, испр. и доп. – Курск, 2010; 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Часть III. – Курск, 2007.

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М., 1996; Он же. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. – М., 1998.

Характеристики военного, охранно-полицейского, идеологического, бытового коллаборационизма и мер по противодействию им, раскрыты в воспоминаниях ветеранов спецслужб Курской области: полковников госбезопасности В.Т. Аленцев, Г.Ф. Коробко и В.Т. Ковалева, подполковников А.Т. Москаленко, М.И. Кравченко, В.И. Жинкина, И.Н. Букреева, А.Ф. Травенко¹, бывших руководителей и сотрудников администрации Курской области В.В. Волчкова, Е.Л. Усовой и других².

Ценные сведения по теме диссертации содержатся в воспоминаниях партизанских командиров и подпольщиков А.Д. Федосюткина, И.Д. Кубрикова, О.Г. Казанкова, Н.С. Исаева, А.А. Губернаторова, П.П. Бабкина, И.А. Николаева, опубликованных в книге «Народные мстители»³.

Благодаря исследованиям В.В. Коровина, в 2004-2006 гг. в печати появились публикации воспоминаний А.Д. Федосюткина, И.И. Свирина и П.Н. Свечкина. Они по-новому раскрывали разнообразные формы борьбы курских партизан с местными коллаборационистами⁴.

Результатом организаторской и исследовательской работы курских историков: профессора А.Ю. Друговской, кандидата исторических наук

¹ См. например: Аленцев В. Курская земля в огне // Фронт без линии фронта. – М., 1970. – С. 132-147; Он же. Враг на пороге // Противостояние. Рассказы о курских чекистах. – Воронеж, 1991. – С. 82-88; На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области. Статьи, очерки, воспоминания. – Курск, 2008 (опубл. воспоминания М.И. Кравченко (С. 139-1945), Г.Ф. Коробко (С. 145-155), И.Н. Букреева (С. 163-169), А.Т. Москаленко (С. 92-107); Ковалев В.Т. Курск довоенный. – Курск, 2003 и др.

² Волчков В.В. Так рождалась победа // Курский край. Научно-историч. журнал. –2004. – № 6-7(56-57). – С. 4-12; Усова Е.Л. Письмо-исповедь (Курск военный глазами медика) // Спасенные жизни. Подвиг медиков в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). – Курск, 2003. – С. 219-226.

³ Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. – Воронеж, 1966; 2-е издание, испр. и доп. вышло в Воронеже в 1975 году.

⁴ См.: Коровин В.В. Малоизвестные страницы диверсионной войны в тылу врага (по воспоминаниям курянина П.Н. Свечкина) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 6-7(56-57). – С. 25-38; Федосюткин А.Д. На земле железной (Записки комиссара Первой Курской партизанской бригады) // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2006. – № 1. – С. 1-128; Коровин В.В. Боевая деятельность и повседневная жизнь дмитриевских партизан (по воспоминаниям командира отряда И.И. Свирина) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 10-11(60-61). – С. 9-28.

Л.С. Холтобиной за последние годы, стала публикация во многих сборниках воспоминаний курян, переживших оккупацию и ставших свидетелями того произвола, который творили сообщники нацистского «нового порядка» – полицейские и каратели¹.

В процессе работы над диссертацией мы знакомимся с воспоминаниями заместителя главного редактора газеты «Речь» г. Орла, впоследствии профессора русской литературы в Йельском университете США В.Д. Соколова (Вл. Самарина)² и заместителя главы Курской городской управы, инженера А.Г. Кепова, опубликованными в открытой печати³.

Воспоминания А.Г. Кепова, В.Д. Соколова (Вл. Самарина), Б.Г. Меньшагина и других коллаборационистов ценны для исследователя, поскольку подобные мемуары являются большой редкостью. Это объясняется следующим. Во-первых, многие пособники оккупантов были приговорены к высшей мере наказания. Во-вторых, изменники Родины, сумевшие скрыться от правосудия в послевоенные годы, не оставляли своих воспоминаний.

Воспоминания непосредственных участников событий, занявших сторону противника, являются первоклассными источниками по истории коллаборационизма, в особенности по психологии людей, для которых сотрудничество с оккупантами было сознательным выбором; подобные источники по истории оккупационной политики содержат свидетельства о преступлениях фашистов; кроме того, эти источники отражают историю

¹ См.: например: Детство, опаленное войной / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. – В 3 кн. – Курск, 2005; Война и женская судьба / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. – Курск, 2000; Те, кто видел войну. Сб. воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / Сост. А.А. Корнеева. – Курск, 2013; Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография. Сб. научн. статей / Отв. ред. Л.С. Холтобина. – Курск, 2015 и др.

² Самарин Вл. Гражданская жизнь под немецкой оккупацией // «Свершилось. Немцы пришли!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 2012. – С. 227-303.

³ Кепов А.Г. Курск в период оккупации 1941-1943 гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – Курск, 2002. – № 1. – С. 24-45.

советского общества в экстремальных условиях войны, когда ценностные и поведенческие стереотипы людей проявлялись особенно ярко.

Но мемуары, используемые в исторических исследованиях, требуют критического подхода и трезвости оценок в их восприятии. И все же воспоминания очевидцев событий военного времени открывают историкам много сведений, которые трудно отыскать в других видах источников. Мемуары имеют особое значение для изучения общественных настроений жителей региона, связанных с воспоминаниями о войне, с ужасами немецко-фашистской оккупации и действиями коллаборационистов. Но критические оценки не всегда присутствуют в таких воспоминаниях. На их содержании сказываются особенности памяти и кругозора, время, которое изменяет приоритеты, и, особенно, способности мемуаристов трезво оценивать прошлое с позиций сегодняшнего дня. Оставаясь сугубо субъективными источниками, они свидетельствуют о том, какие мнения высказывались, обсуждались, распространялись в широком круге современников.

Сбор и обработка устных воспоминаний помогли собрать ценную информацию от тех представителей фронтового поколения и детей войны, без свидетельств которых было бы невозможно получить объективное представление об описываемых событиях.

Были проанализированы воспоминания, заверенные автографами 15 жителей Курска и области – непосредственных свидетелей событий военных лет. Это воспоминания почетного ветерана Московской железной дороги Н.П. Манжосова, ветерана локомотивного депо Курск В.И. Чернышевой (Ильиной), ветерана педагогического труда А.Н. Подручных (Лавровой) и других. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что многие из тех, кто успел поделиться с нами своими воспоминаниями, ушли из жизни за последние годы.

Отметим, что весь комплекс источников, исследованных при разработке темы диссертации, содержит различную по полноте и достоверности информацию. Представленная в диссертационной работе

источниковая база позволяет исследователю воссоздать объективную картину деятельности различных государственных, партийных, правоохранительных, органов государственной безопасности и военной контрразведки «Смерш», общественных организаций, трудовых коллективов в борьбе с проявлениями коллаборационизма и преодолении его последствий на территории Курской области в 1940-е – 1990-е годы.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная диссертационная работа стала первым конкретно-историческим исследованием сложной научной проблемы: распространения коллаборационизма на территории Курской области в октябре 1941 – августе 1943 годов. Она выполнена на основе использования современных научных исторических подходов в пределах одного субъекта Центрально-Черноземного региона России, что определило возможности для дальнейшего проведения аналогичных региональных исследований.

Впервые в научной литературе в диссертации рассмотрен целый ряд аспектов историографической проблемы, установлена степень ее изученности. В научный оборот введено значительное число архивных и печатных источников не только регионального, но и союзно-республиканского уровней. В диссертации использовано значительное число рассекреченных архивных документов, фактического и статистического материала, ранее неизвестного историкам. На региональном уровне это позволило воссоздать целостную картину зарождения, становления и развития различных форм коллаборационизма на территории Курской области в 1941-1943 годах.

Рассмотрение в диссертации проявлений коллаборационизма сочетается с характеристикой противоположного социального явления – сопротивления населения региона немецко-фашистским оккупантам. Это позволило более детально проанализировать два исторических феномена и конкретизировать комплекс социальных и политических причин, приведших некоторую часть курян к сотрудничеству с врагом.

Опираясь на выполненные ранее исследования отечественных авторов, посвященные проблеме коллаборационизма на временно оккупированной территории Советского Союза, нам удалось представить новую классификацию такого историко-юридического понятия, как коллаборационизм, выделить в нем два вида (вооруженный и невооруженный) и 8 основных форм (военно-политический, военно-полицейский, административный, экономический, идеологический, религиозный, бытовой, подростковый).

Анализ генезиса регионального коллаборационизма, понимаемого нами как открытое сотрудничество с оккупантами, рассматривается в диссертации в контексте региональной экономической и идеологической политики оккупационных властей гитлеровской Германии.

Впервые для исторических исследований в диссертации комплексно рассмотрены организационные основы противодействия проявлениям коллаборационизма в период Великой Отечественной войны и участию в партийных, советских правоохранительных органов, общественных организаций и трудовых коллективов в преодолении его последствий в 1940-1990-е годы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Коллаборационизм как особый социальный феномен, обозначившийся в годы Первой мировой войны только как предательство, в период Второй мировой войны получил широкое распространение в виду беспрецедентного сотрудничества большинства населения и даже представителей органов власти и управления всех уровней, включая полицию всех оккупированных гитлеровцами стран Европы.

2. Несмотря на то, что коллаборационизм в различных проявлениях и формах получил довольно широкое распространение на оккупированных территориях Советского Союза, его масштабы были несоизмеримы с масштабами европейского коллаборационизма, особенно оккупированной Франции, Дании, Голландии, Бельгии и Польши.

3. Основными идеологическими и социальными причинами, побудившими определенную часть населения Курской области к сотрудничеству с немецко-фашистскими оккупантами были: открытое неприятие отдельными лицами Советской власти еще в период гражданской войны, уголовное прошлое значительной части коллаборационистски настроенных граждан, затаенная злоба к представителям органов государственного и партийного руководства за нанесение морального ущерба в период коллективизации (1929-1939 гг.), а также в ходе массовых репрессий, проводимых в стране во второй половине 1930-х годов.

4. На территории Курской области одинаковое распространение получили различные формы вооруженного (военно-политического, военно-полицейского) и невооруженного (административного, экономического, идеологического, религиозного, бытового) коллаборационизма.

5. Разнообразные проявления коллаборационизма получили более широкое распространение среди городского населения, чем среди сельских жителей Курской области.

6. В числе активных коллаборационистов оказались не только лица, враждебно относящийся к Советской власти еще до начала Великой Отечественной войны, но и определенная часть партийных, советских и сельских активистов, т.е. люди идеологически и морально неустойчивых, пытавшихся любой ценой спасти свою жизнь или их близких родственников.

7. С начала 1943 года, т.е. после освобождения территории Курской области, органы партийной и государственной власти, правоохранные структуры развернули непримиримую борьбу с лицами, активно сотрудничавшими с немецко-фашистскими оккупантами, а также по преодолению политико-правовых и социальных последствий коллаборационизма. Ведущее место в этой борьбе отводилось органам государственной безопасности, прокуратуры и суда.

Практическая значимость исследования: диссертационная работа вносит существенный вклад в историографию Великой Отечественной войны

1941-1945 гг. Полученные в диссертации выводы и обобщения позволяют организаторам героико-патриотического воспитания молодёжи давать объективную оценку тех негативных явлений, которые способствовали гражданской деградации и антипатриотическому поведению молодежи, проживавшей на оккупированной территории.

Выводы диссертации позволяют развенчать идеи героизации коллаборационизма, тем самым вносят достойный вклад в объективное освещение истории Курского края в годы Великой Отечественной войны. Основные положения диссертации могут быть использованы при создании коллективных обобщающих трудов по истории Курской области, при разработке лекционных и практических курсов по отечественной и региональной истории.

Апробация работы.

Содержание диссертации было обсуждено на заседании кафедры конституционного права ЮЗГУ. Автор работы выступил с докладами и сообщениями на 6 международных, республиканских и региональных научных конференциях. Всего по материалам диссертации автором опубликовано 17 научных работ (из них 1 коллективная монография), в том числе 5 публикаций в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертационного исследования включает введение, четыре главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1.1 Тенденции развития историографии проблемы коллаборационизма

Характеризуя основные этапы изучения истории Великой Отечественной войны, следует отметить, что в публикациях, рассматривающих периодизацию историографию Великой Отечественной войны, встречаются различные точки зрения. Так, В.М. Кулиш, Б.А. Томан, К.В. Яценко и др. историки предполагают периодизацию, включающую четыре этапа. Первый охватывает период Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие, т.е. (1941-1955 годы), второй – включает середину 50-х – конец 60-х годов XX века (1956-1969), третий – с начала 1970-х до конца 1980-х годов. Четвертый период берет свой отсчет с начала 1990-х годов и продолжается по настоящее время¹.

Опираясь на данные исследователей Б.Н. Ковалева, Е.Ф. Журавлева, М.И. Варфоломеевой, Е.Н. Шанцевой (Абовян), отечественную историографию советского периода в своей работе мы разделили на два этапа развития: первый – после окончания Великой Отечественной войны до конца 1950-х годов, второй – с начала 60-х до начала 90-х годов XX столетия. Такая градация историографии изучаемой проблемы основывается, в первую очередь, на том обстоятельстве, что до середины 1970-х годов тема коллаборационизма в СССР оставалась по идеологическим соображениям «закрытой». Поэтому число публикаций по этой научной проблеме было незначительным.

¹ См.: Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Россия XX век. Советская историография. – М., 1996. – С. 274-315; Томан Б.А. Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. – 2000. – № 6. – С. 4; Яценко К.В. Курская область в период Великой Отечественной войны: Историография. – Курск, 2006. – С. 4-5.

Как подчеркивает Е.Н. Шанцева (Абовян), большинство работ, опубликованных в военное время, чаще всего «носили эмоционально-пропагандистский», а не научный характер. Проблемы коллаборационизма упоминались в них только в контексте политики и зверств, творимых немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками¹.

В годы войны и сразу после ее окончания появился ряд работ, авторами которых стали авторитетные военные юристы и руководители прокурорских органов Красной Армии². Но и эти публикации не содержали глубокого анализа причин возникновения коллаборационизма, имея специфически выраженный юридический характер.

По мере того, как в конце 1940-х – начале 1950-х годов строилось понимание новой концепции истории Великой Отечественной войны, шло изучение определённого пласта архивных документов, была вынуждена происходить коррекция официальной истории войны и ее отдельных эпизодов. Определенное место в публикациях того периода заняли материалы о нацистских злодеяниях, участии отдельных предателей и пособников врага в осуществлении оккупационной политики в различных регионах СССР и РСФСР³.

Для нашего исследования большой интерес представляют докторские диссертации М.В. Кожевникова, Д.С. Карева и В.Д. Меньшагина⁴.

¹ См.: Шанцева Е.Н. Генезис партизанского движения и коллаборационизма в Великую Отечественную войну (на примере оккупированной территории Брянского региона: август 1941 – сентябрь 1943 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2011. – С. 8.

² Строгович М.С. Военные трибуналы Советского государства / Под ред. Рычкова Н.М. – М., 1942; Носов В. Военная прокуратура в Великой Отечественной войне // Социалистическая законность. – 1944. – № 2. – С. 11-12; Утевский Б.С. Судебные процессы захватчиков на территории СССР / Под ред. М.Н. Рычкова. – М., 1946 и др.

³ Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы. Вып. 9. – М., 1943; Документы обвиняют. Сб. документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. 2. – М., 1945.

⁴ Кожевников М.В. История советской прокуратуры: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1995; Карев Д.С. Военные суды и военная прокуратура: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1951; Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1951.

В эти же годы начинает формироваться и зарубежная историография изучаемой проблемы. Она отличалась большим разнообразием оценок и полярностью мнений. Например, Д. Каров в работе «Партизанское движение в СССР в 1941-1945 гг.» предпринял первую попытку очернить советских партизан, выдвинув тезис об отсутствии тесной связи советских партизан с местным населением¹. В своей работе он привел примеры тех «зверств», которые, якобы, творили советские партизаны и части Красной Армии в городе Невеле Калининской области, освобожденном в октябре 1943 г., по отношению к лицам, служившим в местной полиции и в различных учреждениях оккупантов².

В тот же период за рубежом стали освещаться и отдельные факты о деятельности Локотского окружного самоуправления, так называемой «Локотской республики», ее вооруженных сил – Русской освободительной народной армии (РОНА). В 1952 г. в газете «Наша страна» (Аргентина) появилась статья курского журналиста и литератора, а ныне эмигранта Б. Башилова (настоящая его фамилия – Б.П. Юркевич)³.

Он знал лично руководителя Локотского самоуправления Б.В. Каминского. Несмотря на содержащуюся в статье критическую оценку деятельности Б. Каминского, Б. Башилов определил его как «несомненного антикоммуниста и талантливого полководца». Б. Башилов называл бойцов РОНА «крестьянами и колхозниками, погибшими в борьбе с большевизмом». Статья Б. Башилова также содержала довольно любопытные характеристики руководителей коллаборационистской «Локотской республики».

Второй этап советской историографии получил развитие с начала 1960-х годов (это было связано с работой над Историей Великой Отечественной

¹ Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941-1945 гг. – Мюнхен, 1954.

² См.: Каров Д. Указ. соч. – С. 93.

³ Башилов Б. Правда о бригадире Каминского // Наша страна [Аргентина]. – 1952. – № 152.

войны Советского Союза 1941-1945 гг.¹, развернувшейся после принятия постановления ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г.). Этот период так же не отличался насыщенностью исторических исследований по рассматриваемой проблеме. В основном, историография 1960-х годов представлена публикациями материалов Нюрнбергского международного трибунала над нацистскими военными преступниками (ноябрь 1945 – октябрь 1946 гг.)².

Стандартные обвинения, выдвигавшиеся в адрес советского генерала, предателя А.А. Власова, содержались как в Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.³, так и в 12-томной Истории Второй мировой войны⁴.

В работах советских историков Л.Н. Бычкова, Т.А. Логуновой, В.М. Гриднева, В.Н. Земскова и др. проблема коллаборационизма на временно оккупированных территориях Советского Союза рассматривалась только через призму экономической политики немецко-фашистских оккупантов и развития в этих краях партизанского движения⁵.

В ряде работ М.М. Загорулько, А.Ф. Юденкова⁶ исследовались аспекты оккупационной политики с активным участием местных

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. в 6 томах была издана в 1960-1965 гг.

² Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: Сб. материалов. В 3-х томах / Под общ. ред. Р.А. Руденко. – М., 1965-1966.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. Т. 3. – М., 1962. – С. 434-478.

⁴ История Второй мировой войны 1939-1945 гг. В 12-ти томах. – М., 1973-1982. Т. 5. – С. 279-290; Т. 6. – С. 167-176; Т. 7. – С. 299-306 и др.

⁵ Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – М., 1965; Логунова Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941-1943 гг. – М., 1973; Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных территорий РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики. – М., 1976; Земсков В.Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной территории СССР (1941-1945). – М., 1986.

⁶ Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Край плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). Изд. 3-е. – М., 1980; Юденков А.Ф. Политическая работа среди населения оккупированной советской территории (1941-1944 гг.). – М., 1971; Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированных районов СССР (1941-1944): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 1969.

коллорационистов, в том числе и курского региона. Позднее была опубликована совместная работа И.А. Ивлева и А.Ф. Юденкова, авторы которой детально изучили структуру и организацию фашистской и коллорационистской пропаганды, дали свою оценку «психологической войны», проводившейся на оккупированных территориях СССР¹.

В изданных за рубежом в 1960-1980-е годы книгах о деятельности немецко-фашистской разведки предпринималась попытка снять с нее ответственность за участие в подготовке и ведении войны². В этих книгах лишь вскользь упоминалось о действиях отдельных диверсионно-разведывательных групп, перебрасываемых в тыл Красной Армии. В их состав часто включались советские коллорационисты.

«О секретных разведывательных службах историки Второй мировой войны либо вообще не пишут, либо весьма скупо упоминают», – подчеркивал бывший сотрудник Абвера Р. Бамлер³.

По военным и политическим результатам деятельность советской разведки и контрразведки имела стратегическое значение. Это относится и к борьбе с различными формами коллорационизма. Поэтому обоснованным представляется нам включение исторических очерков о деятельности органов госбезопасности и их сотрудников по противодействию коллорационизму в фундаментальные многотомные труды по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн⁴.

Необходимо отметить и научные исследования по интересующей нас проблеме, опубликованные в период 1970-1980-х гг. за рубежом. Как

¹ Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды: советская пропаганда среди населения оккупированных районов СССР. 1941-1944 гг. – М., 1988.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. – М., 1969; Колвин Я. Двойная игра. – М., 1960; Фельфе Х. Мемуары разведчика. – М., 1988; Шелленберг В. Лабиринт. – М., 1991 и др.

³ Бамлер Р. Роль немецкой военной секретной службы в подготовке и проведении Второй мировой войны – запретная тема германской историографии. Проблемы истории Второй мировой войны. – М., 1959. – С. 38.

⁴ Великая Отечественная война. 1941-1945. Краткая история. – М., 1965; История Второй мировой войны. 1939-1945. – М., 1974-1982; Советская военная энциклопедия. В 8 т. – М., 1978-1981.

подчеркивает Е.Н. Шанцева, на Западе в 50-60-е годы получила широкое распространение теория «упущенных возможностей»¹. Иностранные исследователи В. Блейер, К. Дрехслер и Г. Ферстер² смогли показать несостоятельность оккупационной политики на занятой советской территории. В работах Н. Мюллера³, Ф. Даллина⁴, близких по своей позиции к подходам советской историографии, была отмечена значительная роль гражданского населения страны в срыве экономической политики и противостоянии экономическому коллаборационизму.

С. Стеенберг (Шенберг) впервые уделил внимание разнообразным проявлениям коллаборационизма на территории СССР, тем самым он внес существенный вклад в реабилитацию советского генерала-предателя А.А. Власова⁵.

Признавая определенную значимость публикаций второго периода историографии изучаемой проблемы, нельзя не отметить, что во многих из них информация, касающаяся Курского региона, носила весьма отрывочный характер. Как подчеркивает профессор К.В. Яценко, возможность объективного научного анализа событий Великой Отечественной войны вплоть до начала 90-х годов была ограничена⁶. Он цитирует известного военного историка, академика В.А. Золотарёва о том, что в 1970-1990-е годы советская историография войны «...постоянно находилась под контролем ЦК КПСС и во многом превратилась в отрасль партийной пропаганды»⁷.

Хотим подчеркнуть, что завершение периода советской историографии тесно увязывалось с новыми тенденциями, получившими развитие в исторической науке. В научный оборот тогда вводились ранее засекреченные

¹ Шанцева Е.Н. Указ. соч. – С. 9.

² Блейер В., Дрехслер К., Ферстер Г. и др. Германия во Второй мировой войне (1939-1945). – М., 1971.

³ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1945). – М., 1974.

⁴ Даллин А. Немецкое правление в России. – М., 1961.

⁵ Стеенберг С. Власов (пер. с немецкого И. Сабуровой). – Мельбурн, 1974.

⁶ Яценко К.В. Указ. соч. – С. 26.

⁷ См.: Золотарёв В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной // Новая и новейшая история. – 2000. – № 2. – С. 3.

материалы, появлялись комментарии отдельных исторических событий, которые в научных журналах давали видные советские историки и юристы.

Так, в Военно-историческом журнале в июне 1990 г. был опубликован документальный материал Главного военного прокурора Советской Армии А.Ф. Катусева и военного историка В.Г. Оппокова¹. Эта публикация, в основу которой были положены документы Главной военной прокуратуры по делу генерала А.А. Власова и его ближайших соратников, вызвала противоречивые отклики многих отечественных и зарубежных историков².

«Имеющаяся статья «Власовцы на службе у фашизма», – писал в редакцию Военно-исторического журнала доктор Йохим Хоффман из Фрайбурга (Германии) – неправдоподобна уже с самого заголовка. Она не просто разочаровала, но она ошеломила. Тайные протоколы сталинского позорного судилища, происходившего в 1946 году за закрытыми дверями, должны были объяснить единственный в своем роде исторический феномен»³.

Й. Хоффман в своем письме называл А. Власова «борцом против Сталина», причем «последовательным и непримиримым». Такие отклики, поступившие в редакцию ВИЖа, подтолкнули А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова к публикации на страницах журнала больших выдержек из материалов судебного процесса над генералом А.А. Власовым и одиннадцатью его сподвижниками из ближайшего окружения, организованного Главным управлением контрразведки «Смерш» в июле 1946 года⁴.

¹ Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Иуды. Власовцы на службе фашизма // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 6. – С. 8-81.

² См., например: Кудряшов С., Коренюк Н. Трудно расстаться с мифами // Огонек. – 1990. – № 4. – С. 88-91; Коренюк Н. Трудно жить с мифами // Огонек. – 1990. – № 46. – С. 31.

³ Цит. по: Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 18.

⁴ См.: Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было или история власовского предательства // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 18-28; № 7. – С. 12-20; № 9. – С. 45-51; № 12. – С. 31-41.

Вскоре свои публикации бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» В.И. Филатов обосновал как ответ на опубликованные ранее материалы А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова. В них генерал В.И. Филатов представил собственную версию действий генерал-лейтенанта РККА А.А. Власова. Он увидел их как глубоко законспирированную «разведывательную» операцию ГРУ Генштаба РККА¹. К сожалению, В.И. Филатов в пользу своей версии не привел убедительных доводов, основанных, в том числе, на многочисленных документах, хранящихся в российских архивах.

Поэтому можно утверждать, что к концу 80-х годов отечественные историки так и не смогли создать обобщающих трудов, в которых были бы в полной мере отражены проблемы развития коллаборационизма в Советском Союзе и в Курском регионе, в частности.

Зарождение постсоветского периода изучаемой историографии относится к началу 1990-х годов. Этот период был тесно связан с социально-политическими изменениями, которые произошли в российском обществе после распада СССР, с коренными изменениями многих идеологических концепций. Тогда в исторической и историко-публицистической литературе отчётливо наметились две противоположные тенденции: последовательно-патриотическая, основанная на пропаганде подвигов героев минувшей войны и воинственно-критическая.

В эти годы начался поиск новых теоретико-методологических основ исторической науки и оценки исторических событий, происходивших во второй половине XX века. Но их освещению весьма существенно вредила политическая конъюнктура, которая всегда становилась объектом личных идеологических спекуляций или групповых пристрастий. Как справедливо подчеркивает академик РАН Г.А. Куманёв, огромный вред для объективной

¹ Филатов В. Сколько было лиц у генерала Власова? // Машина смерти. Преступления против России и русского народа. Библиотека журнала «Молодая гвардия». Т. 2. – М., 1995. – С. 154-413.

истории наносится тогда, когда за создание «исторических подделок... берутся люди без надлежащей профессиональной подготовки и глубоких знаний о прошлом»¹.

Профессор РГГУ И.А. Анфертьев, также обращал внимание на необходимость наделения молодых россиян глубокими знаниями военной истории. Он справедливо указывает на то, что «объективность освещения отечественной военной истории дает нам возможность воспитывать лучшие черты из нравственного арсенала – патриотизм, верность воинскому долгу, честь и достоинство в защите Отечества»².

Отечественную историографию постсоветского периода мы также разделили на 2 этапа: первый, начавшийся с рубежа 1990-х годов и продолжавшийся до конца XX столетия, второй, начав развитие с 2000 года, продолжается по настоящее время. Как указывают Ю.Т. Трифанков, Е.Н. Шанцева и др., за эти годы «происходит расширение источниковой базы, постановка новых проблем и вопросов, касающихся коллаборационизма»³. В ряде исследований также рассматриваются вопросы отношения партизан и местных коллаборационистов.

Как подчеркивает профессор Ю.Т. Трифанков и его соавторы, «в те годы в науке сложилось два течения: одно, опирающееся на прежние представления о войне и региональных событиях в ней, и второе, возникшее в отечественной историографии и подвергающее сомнению значение... оценок региональных событий на оккупированных территориях. Историография опустилась на более низкий уровень, приняла

¹ Цит. по: Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938-1945 гг.). – М., 2007. – С. 624.

² Анфертьев И.А. Основные направления фальсификации Великой Отечественной и Второй мировой войны в зарубежных странах на постсоветском пространстве и в России // СССР, союзники и противники во Второй мировой войне. Мат. Международной научно-практ. конф., приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – М., 2010. – С. 79.

³ См.: Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941-1945 гг.). – Брянск, 2012. – С. 256.

фактографический, региональный и эпизодический характер... Разнообразную конкретику стали трактовать в зависимости от политических взглядов исследователей и их соотношение с существующей властью»¹.

В рамках первого периода российской историографии стали чаще появляться тенденциозные статьи и сообщения. Так, П.М. Полян на основе архивных документов рассматривал организацию принудительной мобилизации граждан в Германию, условия содержания в Рейхе и сферы применения труда. Но автор соотносил это с положением людей после их репатриации, делая это весьма в неконкретной манере².

По мнению ряда историков, специфика советского коллаборационизма, в отличие от европейского, заключалась в том, что он был спровоцирован социально-политическими и национальными условиями, созданными «сталинским режимом»³, или желанием «свергнуть тоталитарный режим» и освободить Россию «от большевизма»⁴. Эта тема стала весьма дискуссионной, поскольку ее оценки были крайне неоднозначными⁵.

Во второй половине 1990-х гг. в ряде сборников стали появляться статьи, где авторы поднимают проблему численности и национального состава советских граждан, сражавшихся в рядах Вермахта⁶. Анализ архивных материалов свидетельствовал о том, что коллаборационизм невозможно определять в количественных показателях. Так, если в немецких

¹ Цит. по: Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941-1945 гг.). – Брянск, 2012. – С. 256.

² Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Военнопленные и остарбайтеры в Третьем рейхе и их репатриации. – М., 1996; Он же. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М., 2002.

³ Другая война 1939-1945 гг. / под. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1996. – С. 322.

⁴ Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. – 1994. – № 8. – С. 179.

⁵ Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М., 1994; Колесник А.Н. Генерал Власов – предатель или герой? – М., 1991; Бахвалов А. Генерал Власов. Предатель или герой? – СПб., 2000; Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. – М., 1995.

⁶ Сазонов О.Н. Граждане СССР в рядах вермахта // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. – СПб., 1999. – С.64-69; Дробязко С.И. Советские граждане в рядах Вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов и аспирантов, молодых ученых. – М., 1997. – С. 128-133.

источниках присутствуют данные о служивших в военных немецких формированиях выходцах из СССР, то сведения о числе полицейских, старост, бургомистров в них отсутствуют.

Существующая отечественная статистика оказывалась весьма противоречивой. Например, в официальном документе Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации – «Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР» приводились следующие цифры: советских граждан, служивших в полиции и Вооруженных силах Германии в 1941-1945 гг., было от 280 до 300 тысяч¹. По мнению К.М. Александрова этот показатель был сильно занижен². В проведенном статистическом исследовании сотрудников Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации содержатся сведения лишь о 150 тысячах советских граждан, в 1941-1945 гг. служивших только в «Ваффен СС». Но в составе Вермахта их служило значительно больше. Сотрудники Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации указывают цифры не менее 800 тыс. человек.³

Большинство историков, занимающихся этой проблемой: К.М. Александров, С.И. Дробязко, О.В. Романько, К.К. Семенов и др., полагают, что через фронтовые, вспомогательные, охранные части и подразделения Вермахта, «Ваффен СС», различные карательные формирования СД и СС, за 1941-1945 гг. прошло от 1,1 до 1,5 миллионов советских граждан (с учетом их боевых потерь и естественной убыли)⁴. В научном труде «Под знаменами врага» С.И. Дробязко исследует причины,

¹ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 95-96.

² См.: Александров К.М. Армия генерала Власова в 1944-1945. – М., 2006. – С. 10.

³ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. – С. 385; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М., 2009. – С. 367.

⁴ Александров К.М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. – М., 2005. – С. 132-133.

которые побудили некоторых советских граждан надеть форму врага и с оружием в руках сражаться против своих соотечественников. Он анализирует масштабы сотрудничества с противником и объективно оценивает вклад антисоветских вооруженных формирований в достижении военных успехов гитлеровской Германии¹.

Проблемы коллаборационизма стали популярными. В научных журналах по данной тематике появился ряд публикаций. Так, С.В. Кудряшов в своей статье уделяет особое внимание теме Локотского округа и формированию РОНА². В этот период происходило «пробуждение» научного внимания к изучаемой проблеме, были введены в научный оборот новые сведения, предпринята систематизация многих новых фактов.

В связи с происходившими социально-политическими изменениями в бывших республиках и восточно-европейских странах изменилась и зарубежная историография. Стало модным винить государственную власть СССР, произошло оживление тех направлений, которые стремились найти как можно больше негативного в действиях Советского Союза и его Вооруженных Сил в годы Второй мировой войны.

Активно продолжала исследоваться тема власовского движения³. В 1990 г. журнал «Вече. Независимый русские альманах», издаваемый «Российским национальным объединением» в Мюнхене, опубликовал статью О. Красовского «Страшная правда» о книге Гофмана «Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944-1945». Она завершалась словами: «Немецкий историк воздвиг своим произведением великолепный памятник Русскому освободительному движению. Он бросил

¹ Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. – М., 2004.

² Малиновский В.В. Кто он российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. – 1996. – № 11-12. – С. 160; Кудряшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы войны? // Свободная мысль. – 1993. – № 14. – С. 88-91; Коренюк Н. Трудно жить с мифами. Генерал Власов и русская освободительная армия // Огонек. – 1990. – № 46. – С. 29-31; Млечин Л. Могла ли Россия получить свободу из рук Гитлера? // Новое время. – 1993. – № 9. – С. 44-48.

³ Хоффман Й. История власовской армии. – Paris, 1990.

яркий свет на фигуру вождя движения Андрея Андреевича Власова, почтил память его ближайших соратников, жертвы бесчисленных русских героев – мучеников, павших в отчаянной и самоотверженной борьбе за свободу Отечества»¹.

Вслед за Й. Хоффманом В. Штрик-Штрикфельд в книге «Против Сталина и Гитлера»² уделил большое внимание вопросам, связанным с формированием нового сознания населения оккупированных территорий в период войны, изменения его по отношению к фактам предательства.

Так, в 1997 г. американский историк А. Муноц опубликовал специальное исследование, посвященное Б.В. Каминскому. Особенность этой работы, носящей в целом компилятивный характер, заключалась в том, что на основе большого количества уже ранее опубликованного материала, была сделана попытка представить историю Локотского самоуправления «как самостоятельного явления в истории русского освободительного движения»³.

Второй этап развития постсоветской историографии начинается в 2000 году. Но проблемы его заключались в том, как полученную информацию «интерпретировали» различные исследователи. Например, в энциклопедии «Великая Отечественная война» впервые отдельный блок был посвящен теме коллаборационизма⁴. Аграрную политику, как один из факторов коллаборационизма в западных областях РСФСР, исследовал брянский историк В.Е. Рымарев⁵.

Проблема коллаборационизма заняли существенное место, например, в коллективном труде «Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки», где было представлено административное устройство

¹ Красовский О. Страшная правда // Вече. – 1990. – № 39. – С. 228-241.

² Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение / Авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. – М., 1993.

³ Munoz A.J. Kaminski brigade: A history 1941-1945. New York, 1997.

⁴ Великая Отечественная война. 1941-1945. Иллюстрированная энциклопедия / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М., 2005.

⁵ Рымарев В.Е. Аграрная политика фашистской политики оккупационной власти в западных областях России, 1941-1943 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2000.

на захваченных Вермахтом территориях СССР, деятельность органов управления, наводивших «новый порядок». Значительное внимание уделено в жизни и быту советских людей в условиях оккупационного режима, поскольку эта сторона предлагаемой темы наименее освещена в литературе. А.С. Князьков, Н.М. Раманичев стремились объективно показать характер сотрудничества отдельных советских людей с врагом, вскрыть причинно-следственные связи этой проблемы. Однако в книге не исследовалась служба советских граждан в полицейских формированиях, что несколько снижает ценность данной монографии¹.

В этот период появились фундаментальные монографии М.И. Семиряги «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны»² и Б.Н. Ковалева «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944 гг.»³ Наиболее известный российский исследователь проблемы коллаборационизма Б.Н. Ковалев, анализируя в докторской диссертации политику оккупантов в северо-западных областях РСФСР, применил дифференцированный подход и выделил различные направления коллаборационизма в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, в духовно-нравственной сфере, в области образования, семейно-брачных отношений и воспитания детей и подростков. Он использовал значительный объем архивных источников. Это позволило автору раскрыть деятельность административных органов, разведывательных и контрразведывательных служб, сформированных из гражданского населения и военнопленных, а также полицейских формирований, в большинстве своем

¹ См., например: Раманичев Н.М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Книга 4-я. Народ и война. – М., 1999. – С. 153-167.

² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000.

³ Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. – М., 2004.

состоявших из местных коллаборационистов¹. Б.Н. Ковалев справедливо утверждает, что деятельность коллаборационистов должна быть представлена «как измена Родине как в нравственном, так и в уголовно-правовом смысле этого понятия». Анализ различных форм коллаборационизма раскрыт и в ряде других его работ².

Значительный вклад в разработку проблемы советского коллаборационизма внесли труды Е.Н. Журавлева, О.В. Романько и др. авторов³. Но в те годы историческое сообщество уже раскололось на два противоположных и непримиримых лагеря: на военных и гражданских историков, остававшихся на традиционных позициях в отношении к коллаборационизму и явным апологетов коллаборационизма. Курский историк С.А. Никифоров последних образно назвал «историками – ревизионистами»⁴. Наряду с объективными исследованиями, стали появляться публикации, авторы которых, как отмечает С.А. Никифоров, «забыли о целях фашистской агрессии против СССР»⁵.

Для работ этих историков характерен односторонний тенденциозный подбор фактов. Ставились на одну доску агрессор и его жертвы, затушевывался антифашистский характер Великой Отечественной войны. В качестве примера можно привести книгу Б.В. Соколова «Оккупация. Правда

¹ Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. 1941-1944 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2002.

² Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 51. – С. 8-14; Он же. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011 и др.

³ Журавлев Е.Н. Коллаборационизм на юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Ростов-на-Дону, 2006; Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС. – М., 2006.

⁴ Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 367.

⁵ Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2003. – С. 16.

и мифы». В ней объявляются преступниками партизаны, а пособников и предателей возводят в герои¹.

С начала 2000-х годов реже стали встречаться публикации, подобные статье М. Куца «Прислужники фашизма». Ее автор, используя архивные документы, беспощадно разоблачал коллаборационистскую позицию украинских националистов – бандеровцев, которые сражались на стороне Вооруженных сил нацистской Германии².

Попытки доказать несправедливый характер войны со стороны Советского Союза вели к отрицанию наименования войны как Великая Отечественная. Так, в 2009 г. из печати был выпущен двухтомник «История России. XX век», подготовленный под редакцией доктора исторических наук, профессора МГИМО А.Б. Зубова³. В этом издании утверждается, что войну 1941-1945 годов надо именовать «Советско-нацистской». По мнению авторов, советский режим был кровавым, более губительным, чем нацистский. СССР закончил Вторую мировую войну не как победитель, а как агрессор и оккупант. Эти псевдо-историки пытаются навязать Народу-победителю идеологию «национального поражения», привить всем россиянам комплекс ущербности, свойственный проигравшей стороне. Как отмечает по этому поводу К.В. Яценко, с полным основанием подобное можно считать «диверсией против исторической памяти народа»⁴.

Благодаря таким авторам, как А.Б. Зубов, на смену традиционным историческим понятиям приходит извращенная, основанная на апологии предательства, система координат. Ими утверждается, что во время войны народ воевал по обе стороны противоборствующих сил. Сторонники такой

¹ Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М., 2002.

² Куц М. Прислужники фашизма // Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Т. 2. – М., 1995. – С. 511-519.

³ История России. XX век. В 2-х т. – М., 2009.

⁴ Цит. по: Яценко К.В. Целят в победу – бьют по России // Книга Памяти. Т. 17. Ч. 1. – Курск, 2013. – С. 441; Он же. Проблемы современной историографии Великой Отечественной войны // Судьбы детей военной поры: документы, воспоминания, историография. Сб. научных статей. – Курск, 2015. – С. 13.

точки зрения раздувают масштабы коллаборационизма. Профессор А.Б. Зубов постоянно призывает принять чувства тех, кто сотрудничал с гитлеровцами и не судить их за сделанный ими выбор¹.

К сожалению, в восхвалении власовщины в те годы участвовали и высокопоставленные представители РПЦ. Так, протоиерей Георгий Митрофанов – профессор Санкт-Петербургской духовной академии и церковный историк – в 2006 г. совершил панихиду по генерал-майору Русской освободительной армии М.А. Меандрову и его подчиненным, которые в 1946 г. были выданы советским властям американским военным командованием. После панихиды он положительно отозвался о власовцах и заявил, что они «были настоящими патриотами, сумевшими в невыразимо трудной ситуации сделать правильный выбор, требующий удивительной силы духа»².

В работе С.Г. Чуева «Проклятые солдаты»³ исследованы формирования вооруженных сил Третьего рейха, создаваемые из числа граждан СССР и эмигрантов. В частности, дано подробное описание деятельности бригады Б.В. Каминского, оставившей свой кровавый след и на территории Курской области. Но подготовив свой сборник на основе материалов других исследователей, его автор нарушил хронологию изложения многих событий. Поэтому некоторые цифры и даты, приведенные в нем автором, нуждаются в уточнении⁴.

Попытки пересмотра итогов войны заключаются в стремлении многих авторов доказать, что в борьбу с нацистской агрессией включалась «третья сила». Она выступала за «демократическое развитие национальных обществ» с помощью... советских коллаборационистов⁵.

¹ История России. XX век. 1939-2007. – М., 2009. – С. 113.

² Цит. по: Яценко К.В. Указ. соч. – С. 441.

³ Чуев С. Проклятые солдаты. Предатели на стороне Третьего рейха. – М., 2004.

⁴ См.: Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. Указ. соч. – С. 269.

⁵ Кузнецовский В.Д. Почему фальсифицируется история Второй мировой // Коллаборационизм и предательство во Второй Мировой войне. Власов и Власовщина

Среди подобных «трудов» можно выделить книгу «Под оккупацией в 1941-1944 гг. Статьи и воспоминания»¹. Один из ее авторов, А.С. Гогун доказывает, что «созданное для борьбы с оккупантами партизанское движение легло тройным бременем на население оккупированных областей». Углубленное изучение военного сотрудничества с врагом вооруженных «восточных» формирований в своих работах провели С.И. Дробязко², К.М. Александров³, И.Г. Ермолов⁴, И.В. Грибков⁵ и другие исследователи.

Так, российские историки К.М. Александров⁶ и И.Г. Ермолов характеризуют власовское движение как явный антагонизм сталинскому режиму, царившему в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны. Противоположных взглядов на эту историческую проблему придерживаются исследователи А.В. О कोरोков, С.И. Линец, В.А. Горелкин, А.А. Червякова, Н.В. Доронина⁷.

(Москва, 12 ноября 2009 года): Матер. Международ. круглого стола. – М., 2010. – С. 22-23.

¹ Под оккупацией в 1941-1944 гг. Статьи. воспоминания / А.С. Гогун, И.В. Грибков, К.Л. Таратухин, Т.С. Джолли и др. – М., 2004.

² Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская освободительная армия. – М., 1998; Он же. Вторая мировая война 1939-1945. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. – М., 2000; Он же. Вторая мировая война. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. – М., 2001.

³ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945 гг. – СПб, 2001; Он же. Русские солдаты Вемахта. Герои или предатели. – М., 2005.

⁴ Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области: история Локотского автономного округа и Русской Освободительной Народной Армии. – Орел, 2008; Он же. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупационных территориях СССР в 1941-1944 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Тверь, 2005.

⁵ Грибков И.В. Хозяин брянских лесов. – М., 2008.

⁶ См., например: Александров К.М. Вооруженные формирования Комитета освобождения народов России в 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – СПб, 2002.

⁷ О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2001; Горелкин В.А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения в оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2003; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Пятигорск, 2003; Червякова А.А. Власовское движение и массовое создание в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2004; Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на

Например, труд военного историка О.С. Смыслова «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова» рассказывает о зарождении «власовского движения» и содержит любопытные материалы о сотрудничестве с фашистской Германией еще до начала Великой Отечественной войны представителей русской эмиграции и различных сепаратистов из числа советских граждан¹.

Исследователи Д.А. Жуков и И.И. Ковтун длительный период изучают оперативно-служебную деятельность вспомогательной полиции. Детальный анализ этой научной проблемы представлен в их монографии «Русская полиция»². В ней авторы, основываясь на многочисленные рассекреченные документы федеральных и региональных архивов, показали многообразие функций, которые выполнял аппарат русской вспомогательной полиции. Они представили анализ кадрового состава русской полиции и привели сведения о наказаниях, которые понесли полицейские за свои преступления перед советским народом в 1943-1980-х годах.

Отдельный пласт литературы посвящен одиозной теме войны – Локотскому окружному управлению и РОНА³. Так, С.И. Дробязко стал первым исследователем коллаборационистских процессов на территории современных Брянской, Орловской и Курской областей. Он сделал вывод о весомости экономического фактора стимуляции коллаборационистских настроений местного гражданского населения. Но использование документов только одного фонда Центрального штаба партизанского движения Российского государственного архива социально-политической истории

оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942-1945 гг.: цели, особенности, крах: Дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005.

¹ Смыслов О.Л. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. – М., 2004.

² Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010.

³ Грибков И.В. Хозяин Брянских лесов. – М., 2008; Макаров В., Христоров В. Дети лейтенанта Шмидта. Миф о «Локотской альтернативе» // Родина. – 2006. – № 10. – С. 90-91; Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». – М., 2009.

лишило автора возможности критически осмыслить сведения из других источников¹.

В работах известных историков С.И. Дробязко и А.В. Огорокова, основанных на изучении новых материалов архивов, результатом которых стало обобщение истории с анализом структуры, боевой деятельности и особенностей РОНА, авторы весьма осторожно подошли к оценке личности Б.В. Каминского в рамках Русского освободительного движения и постарались избежать однозначных суждений². К истории «Локотского округа» обращался и К.М. Александров. Он проанализировал структуру ее организации, раскрыл особенности использования частей и подразделений ВС КОНР («Вооруженные силы Комитета освобождения народов России») на стороне фашистской Германии³.

Многие аспекты оккупационного режима на территории соседней Украины и взаимодействие оккупационных сил с организациями украинских националистов исследованы в кандидатских диссертациях А.И. Баканова и И.И. Баринава⁴. Всесторонний анализ деятельности коллаборационистов в Крыму и на территории Белорусской ССР представлен в трудах доктора исторических наук О.В. Романько⁵. Проблемы взаимоотношения нацистских

¹ Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного движения: сб. статей, воспоминаний, документов. Вып. 2. – М., 1998.

² Огороков А.В. Антисоветские военные формирования в годы Второй мировой войны. – М., 2000; Он же: Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. – М., 2007.

³ Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы Второй мировой войне. Сб. статей и материалов. – СПб, 2003; Он же. Армия генерала Власова 1944-1945. – М., 2006.

⁴ Баканов А.И. Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов (1929-1945 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2012; Баринова И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941-1944 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2013.

⁵ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. – М., 2008; Он же. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941-1945. – М., 2013; Он же. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение, 1941-1944. – М., 2014 и др.

оккупантов и населения Белоруссии также изложены в диссертационных исследованиях В.Ю. Чехлова и И.Ю. Сервачинского¹.

Военный коллаборационизм народов Средней Азии и Северного Кавказа освещен в исследованиях С.И. Дробязко, О.В. Романько, К.К. Семёнова, в диссертациях И.А. Гилязова и Н.Т. Напсо². В трудах Е.М. Малышевой приводится глубокое научное трактование проблем коллаборационизма некоторых горских народов Северного Кавказа³. Она рассматривает указанные проблемы в тесной взаимосвязи с политикой немецко-фашистских оккупантов в этом регионе, в сравнении с патриотическими настроениями населения Адыгеи, Кабардино-Балкарии, проявленными в период Великой Отечественной войны.

Объективные выводы Е.М. Малышевой существенно отличаются от тех, которые делает чеченский ученый Р. Джалил-Ходжа. Он пытается нивелировать многочисленные проявления коллаборационизма народа Чечни и Ингушетии в 1942 – начале 1943 гг. и подкрепляет свою позицию витиеватой фразой о том, что «в истории коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны... все было гораздо сложнее, чем мы представляем»⁴.

¹ Чехлов В.Ю. Отношение населения к нацистскому оккупационному режиму на территории СССР 1941-1944 гг.: на примере Белорусской ССР: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003; Сервачинский И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июль 1941 – август 1944): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Мн., 1999.

² Романько О.В. Мусульманские легионы Третьего рейха. – М., 2004; Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. – М., 2009; Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюркско-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй Мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2000; Напсо Н.Т. Восточные легионы в Вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2000.

³ См.: Малышева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов. Современные подходы. – М., 2005. – С. 305; Она же. Патриотизм народов Кавказа, Адыгеи в борьбе за великую Победу // Патриотизм на защите Отечества – традиция Российской армии / Сост. М.И. Фролов, отв. ред. Н.Я. Гребенев. – СПб., 2012. – С. 263-288 и др.

⁴ Джалил-Ходжа Р. Кавказский коллаборационизм: новый взгляд современника // Победа народов Советского Союза в Великой Отечественной войне: национальное самосознание и историческая память 1945-2015 гг. Матер. Международной научно-просветительской конф., 22-26 мая 2015 г. – Краснодар, 2015. – С. 58.

Взвешенная позиция по отношению к советским коллаборационистам изложена в статье красноярских ученых А.В. Толмачевой и Е.С. Маменковой¹. Используя неопубликованные источники, они приводят данные об общем количестве военнослужащих РОА, интернированных в 1945-1955 гг. в советские исправительно-трудовые лагеря.

К числу значимых работ по проблемам коллаборационизма во временно оккупированной Советской Карелии, относятся публикации доктора исторических наук С.Г. Веригина².

Среди диссертационных исследований по рассматриваемой научной проблеме следует отметить работы А.В. Якутина и И.Ю. Молодовой. Так, А.В. Якутин исследовал военное управление и мероприятия захватчиков в экономической, социальной, культурной и идеологической сферах, проводимые на территории Смоленской области³. На основе рассекреченных архивных документов И.Ю. Молодова проанализировала мероприятия противника в отношении населения зон оккупации, а также основные формы политической реакции советских граждан на действия немецких властей⁴.

О.Н. Литвинова, исследовавшая повседневную жизнь брянских партизан, пришла к выводу о том, что на оккупированной территории региона существовала настоящая палитра настроений различных социальных групп и слоев советского общества. Такие настроения привели одних из них

¹ Толмачева А.В., Маменкова Е.С. Сотрудничество с врагом: проблемы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. – 2009. – № 12 (120). – С. 85-98.

² Веригин С.Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй Мировой войны 19369-1945 гг. – Петрозаводск, 2012; Он же. Особенности проявления коллаборационизма на оккупированной финскими войсками территории Карелии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная. К 70-летию народного подвига: Материалы Международной научной конференции «Ялта-45. Крымская конференция 1945 г. в контексте “острых” вопросов окончания Второй мировой войны и начала войны “холодной”». – М., 2015. – С. 186-201.

³ Якутин А.В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области (июль 1941 – сентябрь 1943): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2009. – С. 24.

⁴ Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории западного региона РСФСР: власть и население: Дисс. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2010. – С. 224.

к участию в партизанском движении, а других, наоборот, побуждали к активному сотрудничеству с врагом¹.

В исторических исследованиях последнего десятилетия значительный объем занимают труды, посвященные деятельности органов государственной безопасности, особенно в сфере организации и руководства партизанским движением на оккупированных врагом территориях, совместной с партизанами и территориальными органами власти борьбе с коллаборационизмом. Деятельности органов госбезопасности в борьбе со шпионами и диверсантами противника на фронте и в тылу посвящены исследования В.В. Коровина, В.М. Звягинцева².

Интересные данные по проблеме нашего исследования содержат работы А.И. Кокурина, Н.В. Петрова и А.И. Колпакиди. Они исследовали структуру, функции, кадровый состав СМЕРШ³.

Формы и методы разведывательно-диверсионной деятельности немецких спецслужб на оккупированной врагом территории Советского Союза подробно излагаются в работах Ф.М. Сергеева, Т.К. Гладкова, Ю.А. Неподаева⁴.

В обобщающих трудах Н.Ф. Азяского, А.С. Князькова и В.А. Пережогина поднимаются вопросы совместной работы сотрудников органов государственной безопасности и партизан по борьбе с предателями в глубоком тылу⁵.

¹ Литвинова О.Н. Культура повседневной жизни партизан Брянского края в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2008. – С. 124.

² Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Русь, 1998; Звягинцев В. Война и правосудие // Человек и закон. – 1990. – № 6.

³ Кокурин А.И., Петров Н.В. НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры (1941-1943) // Свободная мысль.– 1997. – № 8; Они же: НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры (1943-1945) // Свободная мысль. – 1997. – № 9; Энциклопедия секретной службы России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди. – М., 2003. – С. 243-247.

⁴ Сергеев Ф.М. Тайные операции нацистской разведки. 1933-1945. – М., 1991; Гладков Т.К. Тайна спецслужбы III рейха. – М., 2004; Неподаев Ю.А. Спецназ адмирала Канариса. – М., 2004.

⁵ См.: История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Историографическое исследование партизанского

Значительные теоретические и фактические материалы, способствующие раскрытию заявленной темы исследования, содержатся в трудах военного историка А.Ю. Попова, который проанализировал оперативную обстановку на временно оккупированных территориях СССР (в том числе и в Курской области), показал основные направления деятельности чекистов в борьбе с местными коллаборационистами¹.

Доктор исторических наук О.Б. Мозохин посвятил монографическое исследование анализу внесудебных полномочий органов госбезопасности. Углубленное освещение в его монографии получили вопросы привлечения к ответственности военных преступников, предателей Родины, дезертиров из рядов Красной Армии Особым совещанием, действовавшим при Наркомате государственной безопасности СССР².

Новой темой в отечественной историографии стало исследование последующих судеб советских коллаборационистов. Многие исследователи обращали свое внимание на то, что государство заняло довольно жесткую позицию по отношению к тем, кто не только уже выступал с оружием в руках, но и потенциально мог решиться на подобные действия. Авторы таких работ указывают, что к коллаборационистам и членам их семей применялись различные репрессивные меры как со стороны партизан, так и органов государственной безопасности³.

движения на временно оккупированных территориях Российской Федерации во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. – М., 2001; Партизанское движение (по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). – М., 2001; Князьков А.С. Народная борьба с захватчиками // Великая Отечественная война. Военно-исторический очерки. Кн. 4. Народ и война. – М., 1999. – С. 130-153; Пережогин В.А. Солдаты партизанского фронта. – М., 2001 и др.

¹ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М., 2003.

² Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953). – М., 2011.

³ См., например: Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 155-163; Толмачева А.В., Маменкова Е.С. Сотрудничество с врагом: проблема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. – 2009. – № 12 (120). – С. 93-96; Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010. – С.

В 12-томном издании «Великая Отечественная война 1941-1945 годы», вышедшем из печати в канун 70-летия Победы, помещен специальный раздел – «Сотрудничество с врагом»¹. Здесь представлены интересные сведения о том, что сотрудничество некоторой части населения с врагом явилось основной причиной депортаций. Репрессии на этнической почве продолжились и в послевоенное время. Отношение к депортированным «Малым народам» изменилось лишь после 1953 года².

Как ответ на попытки фальсифицировать историю стали появляться работы исследователей, выступивших против искажения истории войны. Так, 12 ноября 2009 г. в Москве состоялся Международный круглый стол на тему: «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне», организованный с целью противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России³.

В постсоветский период возникла историография о коллаборационизме как прямом предательстве. В последние десятилетия проявилась и такая часть исследований, которые прямо противоположно представляли партизанское движение и коллаборационизм. Разнообразную конкретику многие авторы стали трактовать в зависимости от своих политических взглядов и соотнесения их с существующей властью.

Как отмечает Е.Н. Абовян, в эти годы происходил процесс определения новых проблем, связанных с пребыванием миллионов граждан в условиях фашистского режима⁴. Тогда же появились принципиально разные подходы к оценке причин и мотивов сотрудничества советских граждан с врагом. В

219-244; Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. – Волгоград, 2005.

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 годы. В 12 т. Т. 1. Основные события. – М., 2011. – С. 435-439.

² Великая Отечественная война 1941-1945. Кн. 4. Народ и война. – М., 1999. – С. 163; Вторая мировая и Великая Отечественная война в учебниках стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации. – М., 2010. – С. 192-195.

³ Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и Власовщина. Матер. Международного круглого стола (Москва, 12 ноября 2009 года). – М., 2010.

⁴ См.: Абовян Е.Н. Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм. – Брянск, 2014. – С. 174.

большинстве исследований привлекают внимание проблемы вооруженного коллаборационизма.

Подробнее остановимся на характеристике научных трудов историков из ближайших областей Центра и Центрального Черноземья России (Воронежской, Белгородской, Орловской, Брянской обл.), успешно работающих по данной проблематике. Среди наиболее значимых работ воронежских историков, освещающих проблему регионального коллаборационизма, необходимо отметить монографии С.И. Филоненко и Н.В. Филоненко¹, С.И. и М.И. Филоненко², публикации Н.В. и М.И. Филоненко³, а также выполненные ими одноименные кандидатские диссертации⁴.

Проблемы деятельности сотрудников Воронежской областной прокуратуры в рамках противодействия и борьбы с политико-правовыми последствиями коллаборационизма получили подробное освещение в монографии В.С. Филоненко и в ее кандидатской диссертации⁵.

По исследуемой нами проблеме труды орловских историков представлены работами Е.Е. Щекотихина⁶, И.С. Гаврилина, С.А. Громова, А.И. Кондратенко, опубликованными в сборнике «Нацистский

¹ Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). – Воронеж, 2003.

² Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942-1943. – Воронеж, 2006.

³ Филоненко Н.В. Обстановка на временно оккупированной территории Воронежской области (июль 1942 – февраль 1943 гг.) // Вставай, страна огромная: Матер. областной научно-практич. конф. – Воронеж, 2011. – С. 45-47; Филоненко М.И. Фашистская пропаганда, направленная на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 3. – Воронеж, 2005. – С. 148-169.

⁴ Филоненко Н.В. Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах (июль 1942 – февраль 1943 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2003; Филоненко М.И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2006.

⁵ Филоненко В.С. Воронежская прокуратура в годы Великой Отечественной войны. – Воронеж, 2010; Она же. Деятельность органов прокуратуры Воронежской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2010.

⁶ Щекотихин Е.Е. Орловская битва – два года: факты, статистика, анализ. В 2-х кн. – Орел, 2006.

оккупационный режим и его демографические, экономические и социально-культурные последствия»¹.

На наш взгляд, наиболее подробно и аналитически проблемы коллаборационизма Брянского региона изложены в научных трудах Ю.Т. Трифанкова, Е.Н. Шанцевой и других². Так, кандидатская диссертация Е.Н. Шанцевой содержит детальный анализ проблемы коллаборационизма жителей Брянского региона. В исследовании она рассматривается во взаимосвязи с сопротивлением населения региона оккупантам и местным коллаборационистам.

Рассмотрение различных аспектов оккупационной политики на территории Курской области, действий германской и местной коллаборационистской администраций, позволило расширить представление региональных историков и краеведов о многих драматических эпизодах отечественной военной истории. Необходимо подчеркнуть, что в конце 1940-х – 1960-х годов местные исследователи старательно обходили масштабы недовольства жителей Курской области политикой партийно-административных органов и властных структур, что способствовало переходу части населения региона к открытому сотрудничеству с оккупационными властями³.

¹ См.: Кондратенко А.И. Оккупационные газеты на территории Орловской области: тематика публикаций, идейное содержание, воздействие на аудиторию // *Нацистский оккупационный режим и его демографические, экономические и социально-культурные последствия: Сб. материалов Международной научной конф.* – Орел, 2010. – С.140-145 и др.

² Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В., Трифанков Ю.Т. *Брянщина в период оккупации 1941-1943 гг.: Генезис партизанского движения и коллаборационизма.* – Брянск, 2010; Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. *История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941-1943 гг.).* – Брянск, 2012.

³ Шевелев А.В. *Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.* – Курск, 2004. – С. 8.

Как указывает профессор К.В. Яценко¹, признание двух качественно различных периодов в изучении истории Великой Отечественной войны, разделение каждого из них на более узкие хронологические рамки, позволяет историкам детальнее подходить к рассмотрению ранее не исследованных проблем региональной военной истории.

Первые попытки представить обобщенную картину событий Великой Отечественной войны, происходивших на территории Курской области, были предприняты еще составителями сборника «Родной край» в 1946 году. В разделе сборника «Дни Великой Отечественной войны», подготовленном методистом областного института усовершенствования учителей С.В. Курдяевым, приводился ряд примеров злодеяний, чинимых немецко-фашистскими оккупантами, а также добровольными пособниками в отношении мирного населения области (осенью 1941 – зимой 1943 годов)².

В своей книге И.А. Ахун и соавторы не объективно подошли к непростой проблеме сотрудничества курян с оккупантами. Авторы книги завершили повествование цитатой из речи первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) П.И. Доронина, в которой он приводил впечатления о том, что И.В. Сталин хорошо отзывался о патриотизме курян – участников Великой Отечественной войны и трудящихся области, помогавших фронту, заявив, что за всю войну он ни разу не слышал жалоб на жителей Курска³.

В 1949 г. в Курске была опубликована документальная повесть В.Г. Злуникина «Вера»⁴. Ее автор – бывший редактор газеты Дмитриевского подпольного окружка ВКП(б) «Народный мститель», на основе личных

¹ Яценко К.В. Курская область в период Великой Отечественной войны: историография. – Курск, 2006. – С. 5.

² Курдяев С.В. Дни Великой Отечественной войны в Курской области // Родной край / Под ред. Ф.С. Максименко и П.К. Старовойтова. – Курск, 1946. – С. 75-83.

³ Курская правда. – 1946. – 28 сентября; Город меняет лицо. Курск в новой пятилетке / И.А. Ахун, С.И. Лузан, Х.Л. Лейбельман. – Курск, 1947. – С. 28.

⁴ Злуникин В.Г. Вера. Повесть. – Курск, 1949. Эта документальная повесть позднее была дополнена историческими фактами и переиздавалась трижды – в Курске (1959), Хабаровске (1962), Воронеже (1965).

воспоминаний поведал читателям о предательстве со стороны дмитриевских полицейских, в результате чего была казнена разведчица В.М. Терещенко¹.

В диссертационном исследовании и ряде последующих публикаций преподаватель Курской областной партийной школы А.И. Залесский, в рамках анализа аграрной реформы, проводимой гитлеровскими оккупантами, приводил некоторые факты участия местного населения в экономической политике оккупантов. Но автором не вскрывались причины экономического коллаборационизма со стороны населения области. Проблемы регионального коллаборационизма были обойдены вниманием и в статье заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Курского мединститута, доцента И.З. Кузнецова, посвященной действиям курских партизан в 1941-1943 гг.²

Проблемы сотрудничества курян с оккупационной администрацией не поднималась и в исследованиях В.М. Плотникова, М.А. Алёхина, Г.М. Богданова, опубликованных в конце 1950-х – середине 1960-х годов³.

В 1961 г. из печати вышла документальная повесть журналиста газеты «Молодая гвардия» А. Горбатова и бывшего сотрудника КГБ В.В. Прусакова «Разведчицы»⁴. В ней был отображен героизм советских разведчиц А. Жук, М. Руденской и З. Токмаковой, казненных гитлеровцами в Щиграх весной 1942 г., а также факты службы в составе немецких разведывательных и

¹ Залесский А.И. Борьба колхозного крестьянства Курской области за сохранение и возрождение колхозов во время Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1950; Он же. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага. – М., 1962.

² Кузнецов И.З. Курские партизаны в Великой Отечественной войне (июнь 1941 - март 1943 г.) // 1917-1957. – Курск, 1957. – С. 333-348.

³ Плотников В.М. Роль Курской областной партийной организации в мобилизации трудящихся масс на помощь фронту накануне и в период битвы под Курском (февраль-август 1943 г.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1959; Он же: Помощь курян Советской Армии в битве под Курском // Краеведческие записки. Вып. 1. – Курск, 1959. – С. 70-122; Алёхин М.А. Вклад трудящихся Курской области в разгром немецко-фашистских захватчиков под Курском. В помощь лекторам и докладчикам. – Курск, 1963; Богданов Г.М. В помощь краеведу (Пособие по истории Курского края для учителей начальной школы). – Курск, 1963.

⁴ Прусаков В., Горбатов А. Имена стали известны (новые сведения о героизме молодых курян в годы Великой Отечественной войны) // Молодая гвардия. – 1959. – 9 мая; Горбатов А., Прусаков В. Разведчицы. – Курск, 1961.

карательных частей жителя Курской области С.Д. Коржа. В других публикациях В.В. Прусакова приводились факты предательства белгородских партизан, сообщалось о роли советских спецслужб в поимке вражеских агентов, забрасываемых в Курскую область летом-осенью 1943 года¹. Имея доступ к архивным документам спецслужб и следственных органов, автор привел сведения о действиях армейской и партизанской разведки на территории региона.

На наш взгляд, основная цель публикаций В.В. Прусакова заключалась лишь в популяризации действий сотрудников местных органов госбезопасности в период Великой Отечественной войны. При этом, к сожалению, автором не всегда достигалась документальная достоверность фактов, приводимых в указанных книгах.

Но со середины 1960-х до конца 1990-х годов в региональной печати не появилось ни одного значимого исследования о сотрудничестве курян с оккупантами. Эта проблема была искусственно «закрыта» идеологическими структурами Курского обкома КПСС. Они считали, что такие темы не должны становиться предметом исследовательского интереса и не имеют права на их публичное освещение.

Лишь на исходе политики «перестройки» в феврале 1991 г. увидел свет сборник «Противостояние. Рассказы о курских чекистах»², в котором были опубликованы материалы ветеранов спецслужб А.Т. Москаленко, С.П. Пятовского, М.И. Кравченко, курских журналистов В.Г. Воробьева, Б.М. Паничева, С.С. Цветкова о деятельности сотрудников областного управления НКГБ – КГБ СССР по розыску и привлечению к уголовной ответственности коллаборационистов.

В 1990-е годы в ряде курских газет стали часто появляться публикации краеведов А.А. и Г.А. Гонголевичей, А.И. Наседкина. Они делали попытки

¹ Прусаков В.П. Дневники суровых лет. – Курск, 1963; Он же. Неподкупные сердца. – Воронеж, 1965.

² Противостояние. Рассказы о курских чекистах. Сборник очерков. – Воронеж, 1991.

«обелить» многих пособников фашистов, например, инженера А.Г. Кепова. В этой связи приведем мнение профессора Тель-Авивского университета историка Г. Городецкого, замечавшего, что в России «бурный переходный период породил поколение иконоборцев – ниспровержителей мифов. Результатом их действий становится... искажённая и политизированная версия истории Великой Отечественной войны...»¹

В трудах И.Г. Гришкова² впервые в региональной литературе, на основе рассекреченных документов архива УФСБ по Курской области, был представлен анализ деятельности оккупационных структур, курской полиции и установлены основные причины сотрудничества с врагом некоторых жителей области.

В переизданном учебном пособии И.Г. Гришкова исследуемые проблемы получили дальнейшую разработку³. Так, автор первым из курских историков проанализировал масштабы сотрудничества населения Курской области с оккупационными властями⁴.

Оккупационная политика германской администрации, в том числе и коллаборационизм курян в 2000-е годы изучали А.С. Амоскин, К.В. Яценко, С.И. Гальченко, В.Г. Карнаевич, А.Н. Манжосов, С.А. Никифоров и другие⁵.

¹ Городецкий Г. Миф «Ледокола». Накануне войны. – М., 1995. – С. 3.

² Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Учебное пособие. – Курск, 1993; Он же. Фашистский оккупационный режим // Курский край. История и современность: Учебное пособие. – Курск, 1993. – С. 134-136.

³ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 2-е изд., доп. – Курск, 1999.

⁴ Гришков И.Г. Указ. соч. – С. 39-40.

⁵ Амоскин А.С. Школьная политика оккупантов в Курской области (1941-1943 гг.) // Курские учителя в годы военного лихолетья. Сб. очерков, документов, воспоминания из статей. – Курск, 2002. – С. 138-143; Гальченко С.И. Немецкая оккупационная политика в области низшего профессионального образования в 1941-1943 годах (по материалам периодической печати Курской области) // Курский край. – 2003. – № 12-13 (44-45). – С. 42-45; Карнаевич В.Г. Антигерои или жертвы войны? // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. – СПб., 1999; Он же. Война с Россией глазами германского солдата // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 5. – С. 72-74; Никифоров С.А. Оккупационный режим и экономическая политика фашистской Германии в Курской области в 1941-1943 гг. // Книга Памяти. Т. 12. – Курск, 2000. – С. 75-92; Никифоров С.А., Манжосов А.Н., Крамаренко А.Д. Кадровая политика немецко-фашистских оккупантов в Курской области в 1941-1943 гг. // Курский край. Научно-

Внимание историков в середине 1990-х гг. привлекла статья краеведа Ю.А. Бугрова «Оккупация»¹. В ней автор анализировал экономическое положение в оккупированном Курске, приводил примеры сотрудничества курян с врагом в сфере культуры, медицины, народного образования.

В научных публикациях А.В. Бондаревой, А.В. Третьякова, А.В. Шевелева, Г.Д. Пилишвили, А.Р. Бормотовой, А. Ю. Золотухина и других авторов были отражены различные направления экономической, пропагандистской деятельности оккупационных властей, приводились примеры взаимодействия молодых курян с германскими и венгерскими спецслужбами².

А.В. Бондарева и Г.Д. Пилишвили представили результаты деятельности сотрудников НКВД-НКГБ и бойцов истребительных батальонов в совместной работе по обезвреживанию вражеской агентуры, остававшейся на территории прифронтной Курской области и сразу после ее освобождения в 1943 году.

историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 6-26; Яценко К.В. В борьбе за победу: Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. – М., 2003; Он же. Фронтной регион. Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. – Курск, 2006.

¹ Бугров Ю.А. Оккупация (краткий историко-публицистический очерк) // История Великой Отечественной войны в документах и судьба (по материалам Курской области) / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. – Курск, 1995. – С. 91-101.

² Бондарева А.В. Оперативно-служебная деятельность сотрудников территориальных органов НКГБ-НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Курской области). – Курск, 2002; Третьяков А.В., Шевелев А.В. Печатные периодические издания городских властей в период оккупации Курска (по материалам УФСБ РФ по Курской области) // Непобедимые сыны отечества. Сб. науч. статей / Под ред. Н.А. Постникова. – Курск, 2003. – С. 292-296; Пилишвили Г.Д. Боевая деятельность истребительных батальонов в Центральном Черноземном регионе РСФСР (1941-1945). – Курск, 2007; Бормотова А.Р. Пропагандистское воздействие немецкой оккупационной печати на население захваченных территорий // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия. Матер. Международной науч. конф. – Орел, 2010. – С. 152-158; Золотухин А.Ю., Манжосов А.Н. Некоторые аспекты нацистской оккупационной политики на территории Центрального Черноземья (1941-1943) // Там же. – С. 192-198 и др.

Определенный интерес для исследования представляют публикации А.В. Апанасенка о коллаборационистских настроениях курских старообрядцев и Х. Неизвестного о деятельности добровольных пособников оккупантов в пос. Теткино Глушковского района Курской области в 1941-1943 годах¹.

Деятельность сотрудников Курской областной военной прокуратуры по противодействию коллаборационизму в регионе и по соблюдению законности в привлечении их к уголовной ответственности была рассмотрена в диссертации С.С. Бобровского².

К числу исследований белгородских историков по освещению коллаборационизма и противодействия ему на территории Курской области (с 1954 г. – районов Белгородской обл.) относятся публикации Ю.В. Коннова и М.И. Варфоломеевой³. Определенный вклад в исследование оккупационного режима в южных районах Курской области и участия земляков в его функционировании внесли работы белгородских краеведов А.П. Чиченкова, Э.Н. Позднякова, Н.П. Прокопенко. В них отражено проявление коллаборационизма населением Шебекинского и Борисовского районов, названы фамилии активных представителей местной профашистской администрации и полиции. Примеры борьбы белгородских партизан и подпольщиков с гитлеровскими оккупантами и их пособниками в

¹ Апанасенок А.В. Курские старообрядческие общины и оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны // Курский край. Научно-исторический журнал. – 2007. – № 4-5 (97- 98). – С. 24-28; Неизвестный Х. Теткино: Штрихи истории // Курский край. Научно-исторический журнал. – 2006. – № 9-10 (84-85). – С. 37-44.

² См.: Бобровский С.С. Становление и развитие территориальных органов прокуратуры СССР в центральном Черноземье (1934-1953 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2003.

³ Коннов Ю.В. Система правоохранительных органов в структуре оккупационных властей на Белгородчине в 1941-1943гг. // Матер. научно-практической конф. «Проблемы коренного перелома во Второй мировой войне. Год 1943». – Белгород, 2013. – С. 65-72; Варфоломеева М.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере современной Белгородской области в 1941-1943гг) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия История. Политология. Экономика. – 2011. – № 19 (114). – Вып. 20. – С. 202-208.

1941-1942 гг. приведены в книге «Земля Белгородская в годы Великой Отечественной войны»¹.

В ряде публикаций и в диссертационной работе А.Р. Джонева (Бормотова) дает подробный анализ процессов идеологической обработки населения оккупированных районов Курской области с помощью коллаборационистских газет, издававшихся при поддержке оккупационных властей².

Весомым вкладом в разработку интересующей нас проблемы стали исследования В.В. Коровина³. Вводя в научный оборот значительный пласт документов федеральных, региональных и ведомственных архивов (в т.ч. управлений ФСБ по Курской, Воронежской и Белгородской обл.), он впервые раскрыл формы участия курян в коллаборационизме, дал им соответствующее трактование.

Диссертация С.А. Никифорова посвящена анализу деятельности оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 годах⁴. В ней подробно освещена экономическая политика захватчиков: мероприятия в аграрном секторе, в сфере промышленности и транспорта. В его диссертации большое место уделено коллаборационизму земляков, показу их роли в жизни оккупированного региона.

¹ Чиченков А.П. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Белгород, 2005; Поздняков Э.Н. Шебекино в период оккупации (новые сведения) // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Уроки истории. – Белгород, 2000. – С. 97-101; Маслов Н.П., Плиско Л.Н. Борисовский район в 1941-1943 военные годы // Там же. – С. 92-97; Прокопенко Н.П. Движение сопротивления на Белгородчине // Белгородский краеведческий вестник. Вып. 3. – Белгород, 2003. – С. 71-75.

² Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области: Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2010; Она же. Немецкая оккупационная печать на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России. Сб. научных статей. Вып. 5. – Курск, 2009. – С. 182-186.

³ Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг. – Курск, 2005; Он же: Поднимались войны народа: Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг. – Курск, 2007.

⁴ Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2003.

В своей диссертации А.В. Шевелев особое внимание акцентировал на действиях разведывательных, полицейских и пропагандистских формирований и различных служб оккупационных властей, а также их влиянии на местных жителей¹.

Деятельность сотрудников Курского управления НКВД-НКГБ, бойцов истребительных батальонов по борьбе с вражеской агентурой, с бывшими старостами и полицейскими нашли подробное отражение в диссертационных работах Д.В. Верютина, А.В. Бондаревой и Г.Д. Пилишвили².

К монографическим исследованиям последних лет, освещающим различные стороны изучаемой нами проблемы, необходимо отнести работы С.А. Никифорова³, В.В. Коровина, А.Н. Манжосова, А.Д. Немцева и других⁴.

Так, коллективная монография «Победу приближали как могли» содержит информацию о судьбах советских военнопленных, находившихся на оккупированной территории Курской области, их роли в развитии вооруженного коллаборационизма. В публикациях А.Н. Манжосова приводятся многочисленные примеры сотрудничества части курских железнодорожников с оккупантами⁵.

¹ Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004.

² Верютин Д.В. Органы НКВД Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2002; Бондарева А.В. Органы государственной безопасности советской провинции в годы Великой Отечественной войны (на примере Курской области): Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004; Пилишвили Г.Д. Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны: на примере народного ополчения истребительных батальонов в Курской области: Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2005.

³ Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг. – Курск, 2007; Он же: Немецко-фашистская оккупация. Т. 1. Под нацистской пятой. - Курск, 2012.

⁴ Коровин В.В., Манжосов А.Н. Немцев А.Д., Цуканов И.П. Победу приближали как могли (Боевые действия Брянского и Юго-Западного фронтов и партизан против гитлеровской Германии и ее союзников в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (октябрь 1941 – июль 1942 гг.). – Курск, 2006.

⁵ См., например: Манжосов А.Н. Железнодорожники Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Курск, 2002.

Определенный интерес для нашего исследования представляет освещение отдельных эпизодов служебной деятельности сотрудников Курского областного управления НКВД-НКГБ по борьбе с добровольными помощниками оккупантов в книге «На службе Отечеству: история органов безопасности Курской области»¹.

Значительный объем информации по интересующей нас научной проблеме представлены в коллективной монографии «Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»². Ряд аспектов военно-политического коллаборационизма на оккупированной территории Курской области получил освещение в статьях И.П. Цуканова³.

Разнообразные методы привлечения к ответственности за активное сотрудничество с врагом, последовавшие сразу после освобождения территории Курской области советскими войсками, раскрываются в монографии Н.Г. Кононова «Курская деревня в годы великих испытаний 1941-1945 гг.»⁴. В ней детальному анализу подвергнута идеологическая политика оккупантов, раскрыты факты поддержки германской оккупационной политики бывшими сельскими активистами.

Определенные сведения о деятельности судебных органов Курской области по наказанию коллаборационистов в 1940-1960-е гг. содержатся в публикациях и диссертации С.В. Труфанова⁵.

¹ На службе отечеству: Из истории органов безопасности Курской области. Статьи, очерки, воспоминания / Под. ред. Г.А. Свиридова. – Курск, 2008.

² Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев и др. – Курск, 2010.

³ Цуканов И.П. О проблеме коллаборационизма советских военнопленных на оккупированной территории Курской области в 1941-1943 гг. // Нацистский оккупационный режим и его последствия... – Орел, 2010. – С. 21-25; Он же. О проблеме коллаборационизма на оккупированной территории областей Центрального Черноземья в 1941-1945 гг. // Великая отечественная война 1941-1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации. Матер. международной научн. конф. – М., 2015.

⁴ Кононов Н.Г. Курская деревня в годы великих испытаний. 1941-1945 гг. – Курск, 2015.

⁵ Труфанов С.В. Военный коллаборационизм и уголовная ответственность за него в Курской области в 4060-е годы XX века // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА. Вып. 1. – Курск, 2011. – С. 24-32.

Значение исторической памяти, необходимость критического отношения к проблеме предательства Родины, перехода на сторону врага в период Великой Отечественной войны, подчеркиваются в публикациях профессора А.В. Третьякова¹.

Анализ историографии исследуемой нами темы, в том числе и работ региональных исследователей, свидетельствует, что в настоящее время в отечественной исторической литературе отсутствуют специальные труды, освещающие особенности проявления коллаборационизма на территории Курской области, пропагандистского обеспечения политики германской оккупационной администрации. Практически не раскрыта деятельность партийных, государственных органов и специальных служб в борьбе с разнообразными проявлениями коллаборационизма, а также с наиболее одиозными представителями добровольных пособников нацистов. Это указывает на необходимость комплексной разработки с современных позиций, данной научной проблемы, как в целом, так и отдельных ее аспектов, ранее не получивших должного внимания со стороны региональных исследователей.

1.2 Терминологические и классификационные особенности исследования коллаборационизма

Исследование истории Великой Отечественной войны сегодня является одной из актуальных научных проблем отечественной и зарубежной историографии. Наиболее сложным и менее изученным ее аспектом является

¹ См.: например, Третьяков А.В. Советский народ в Великой Отечественной войне: состояние и проблемы формирования исторической памяти в конце XX – начале XXI веков // 65 лет Победы: историческая память о Великом подвиге народном. Сб. научных трудов Международной научно-практич. конф., посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Курск, 2010. – С. 3-10; Он же. Патриотическое воспитание – основа консолидации общества и укрепления российской государственности на рубеже XX-XXI веков // Гражданско-патриотическое воспитание населения на постсоветском пространстве: история, проблемы и перспективы. – Курск, 2012. – С. 2-12 и др.

характеристика жизни гражданского населения на оккупированных территориях, рассмотрение политики агрессора и противодействие населения ее реализации, анализ форм сотрудничества граждан с оккупационным режимом¹.

В отечественной исторической литературе 1950-1980-х годов лиц, сотрудничавших с военными и политическими структурами нацистской Германии, было принято изображать только с негативной стороны, что, по мнению белгородского историка М.И. Варфоломеевой, «никак не способствовало пониманию этого общественно-политического явления». В реальности коллаборационизм был намного сложнее и всегда зависел от ряда факторов, оказавших на его развитие различное влияние².

Не случайно в начале XXI столетия в научной литературе активнее стала исследоваться многогранная проблема коллаборационизма. Многие авторы раскрывали причины этого явления, описывали его сущность и формы. Некоторыми российскими историками сегодня высказывается мнение о том, что во время Великой Отечественной войны массовое сотрудничество с оккупантами жителей СССР – явление уникальное и беспрецедентное, как для истории страны, так и для мировой истории. Но, как отмечает С.Г. Чуев, элемент уникальности здесь присутствует, как и в любом историческом событии³.

Как подчеркивает С.Г. Чуев, если обратить свой взгляд в глубь российской истории, то выясняется, что всякий раз, когда враг вторгался на

¹ См.: Коровин В.В. Поднимались войны народа. Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Черноземья в 1941-1943 гг. – Курск, 2007; Щанцева Е.Н., Дзюбан В.В., Трифанков Ю.Т. Брянщина в период оккупации 1941-1943 гг.: Генезис партизанского движения и коллаборационизма. – Брянск, 2010; Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под пятой фашистов. – Курск, 2012; Абовян Е.Н. Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм. (1941-1943 гг.). – Брянск, 2014 и др.

² Варфоломеева М.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере территории современной Белгородской области) // Научные ведомости БГУ. – 2011. – № 19 (114). Вып. 20. – С. 202.

³ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М., 2004. – С. 5

территорию России, находились предатели или просто малодушные соотечественники, предлагавшие свои услуги противнику. Исторический анализ событий XIII века (сдача Пскова ливонским рыцарям воеводой Твердилой Иванковичем в 1240 году) дал основание выдающемуся русскому историку Н.М. Карамзину подчеркнуть, что «гнусный изменник Твердило начал господствовать во Пскове, делясь властью с немцами, грабя села новгородские»¹.

Не менее циничной была измена и воеводы, князя Андрея Курбского, его переход на сторону Речи Посполитой и последовавшие за этим многочисленные поражения русских войск в боях под Оршей (1564-1566 года)². Совсем безнравственные формы принимал российский коллаборационизм в Смутное время (1604-1618 года). Так, 17 (27) августа 1610 г. был подписан договор между боярами и польским гетманом Жолкевским. К королю Речи Посполитой Сигизмунду III было направлено русское посольство во главе с князем Василием Голицыным для выработки условий воцарения его сына Владислава Королевича на русский престол и для обсуждения мирного договора. Опасаясь войск самозванца, бояре пошли на откровенное предательство, когда в ночь на 21 сентября 1610 года они впустили поляков в Кремль.

«Сразу же многие города, как только услышали, что в Москве присягали Королевичу, таким же образом, с рвением, присягали, как и в столице, именно: Новгород и Великий, Чуранда, Устюг, Переяславль Рязанский, Ярославль, Вологда, Бело-озеро (Белозерск), Силийские города (замки), и весь тот тракт к Архангельскому порту и к Ледовитому морю, вся Рязанская земля до Нижнего Новгорода. Молились в храмах за государя нового: все указы писались, все суды производились его именем; спешили изобразить оноена медалях и монетах. Многие радовались искренне, алкая

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. первая. Тома I,II,III, IV. – СПб., 1998. – С. 532.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. третья. Тома IX-XIII. – СПб., 1998. – С. 37-40.

тишины после мятежей», – отмечал Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского»¹.

А разве не стоит относить к числу «выдающихся» коллаборационистов изменника делу Петра I – украинского гетмана И.С. Мазепу. Он с 12 тысячами украинских казаков, совершив предательство, перешел на сторону шведского короля Карла XII, и участвовал на его стороне в Полтавской битве, состоявшейся 27 июня (9 июля) 1709 года.

Во время Отечественной войны 1812 года православное духовенство Могилевской епархии, оставаясь на землях, занятых французской армией, присягнуло Наполеону и служило молебны за победу французского оружия. Во времена русско-персидской войны 1826-1828 гг. на стороне персов сражались подразделения, сформированные из русских перебежчиков.

Имел место переход на сторону противника и в русско-японскую войну 1904-1905 гг. В годы Первой мировой войны немцами и австрийцами на территории бывшего Царства Польского формировались части из поляков – бывших русских подданных. Велось создание подразделений и из финских эмигрантов.

«Но может быть, подобное явление свойственно только России? Изучение истории показывает, что мы здесь отнюдь не уникальны. Чтобы не углубляться в дебри мировой истории, ограничимся Второй мировой войной. Выясняется, что в занятых немцами странах Западной Европы сотрудничество с оккупантами было почти поголовно. Причем, если у нас служба немцам всё-таки воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, а уж если бургомистром становился бывший советский и партийный чиновник, а полицаем – бывший милиционер, то такой поступок расцениваться как особо циничный и непростительный, то на Западе это было в порядке вещей – полиция и органы местного управления продолжали исправно функционировать и при оккупантах. Можно также

¹ Карамзин Н.М. Указ. Соч. Кн. третья. Том IX-XIII. – СПб., 1998. – С. 734.

вспомнить наплыв добровольцев в части СС со всех концов Европы» – отмечал С.Г. Чуев.¹ Тем не менее, невозможно отрицать, что коллаборационистское движение на оккупированной территории Советского Союза имело довольно широкие размеры.

Поэтому ранее безобидное французское слово «collaboration», что в переводе означает сотрудничество, с нележкой руки маршала Филиппа Петена в годы Второй мировой войны стало означать сотрудничество с врагом. В обиход со временем прочно вошел и социальный термин (производный от collaboration) – коллаборационизм. Он стал означать исключительно сотрудничество жителей оккупированных территорий с оккупантами.

Коллаборационизм был общеевропейским явлением: по различным мотивам с нацистами сотрудничали миллионы людей, в том числе и граждане Советского Союза. Разумеется, сотрудничество происходило в разных формах: служба в полиции, в административных органах, созданных оккупантами, в вооруженных формированиях Германии, работа на предприятиях, производивших продукцию для нужд нацистов, деятельность в сфере пропаганды, которую вели оккупированные власти.

Нетрудно заметить, что на сотрудничество с оккупантами как в странах Европы, так и в СССР, в основном люди шли в силу сложившихся обстоятельств. «Так, трудно вообразить, что герой Вердена маршал Петен ждал прихода гитлеровцев для реализации своих амбиций. Так уж случилось, что он возглавил правительство Франции после разгрома её армии. А его попытки спасти страну вылились в предательство её интересов. Советский генерал Власов мог закончить войну, как он ее начал, не попади он в плен. Ничто не указывает на то, что он собирался «освободить» Россию до пленения и своего выбора: остаться одним из узников немецкого лагеря для

¹ Чуев С.Г. Указ. соч. – С. 6.

военнопленных или начать политическую карьеру коллаборациониста», – подчеркивают российские исследователи О.В. Будницкий и Г.С. Зеленина¹.

Большинство современных российских историков волнует вопрос: «Почему же такое стало возможным на территории Советского Союза?» Как, нам представляется, «советский» коллаборационизм имел ряд истоков и социально-экономических причин. В СССР накануне войны было немало людей, мечтавших о гибели советской власти. Ради этого некоторые из них были готовы пойти на сотрудничество с любой внешней силой, способной уничтожить эту власть. В первую очередь, к такой категории активных борцов с большевизмом необходимо отнести лидеров белой эмиграции первой волны – казачьих генералов П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, руководителей Русского общественного союза (РОВС) А.П. Архангельского, А.А. фон Лямпе. Нападение Гитлера на СССР было воспринято частью русских белоэмигрантов как сигнал к началу «нового вонного похода Белых Ратей». Уставшие ждать падения Советской власти, они рассчитывали освободить свою Родину от «коммунистического ига» с помощью гитлеровских вооруженных сил².

Многие бывшие военнослужащие Белой армии и немецких Добровольческих корпусов «фрайкоров» служили в Вермахте, Абвере, и в СС. В отличие от своих русских коллег, они на Восточный фронт попадали открыто, как полноценные граждане Третьего Рейха³. Большую роль в становлении коллаборационизма играло наличие антисоветской эмигрантской колонии, разбросанной по многим странам Европы и Азии. Важным фактором, обеспечившим массовую поддержку оккупантов, стала активная деятельность секретных служб Германии и ее союзников в 1933-1941 годах.

¹ Цит. по: Будницкий О.В., Зеленина Г.С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 2012. – С.6.

² Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М., 2004. – С. 9; Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. – М., 2005. – С. 52-54.

³ Чуев С.Г. Указ. соч. – С. 10.

В исторической литературе часто проводится мысль о том, что корни коллаборационизма, наряду с обстоятельствами военного времени, следует искать в политике Советского государства 1920-1930-х годов¹. Модернизация экономики привела к быстрому созданию тяжелой промышленности и колхозного строя, к гибели миллионов людей. Демографические результаты такой политики выглядели к началу 1940-х гг. следующим образом: в конце 1930-х гг. половина всех умерших относилась к населению в возрасте от 16 до 49 лет, причем доля умерших в возрасте от 16 до 29 лет составляла 20 % от всех возрастов².

В конце 1930-х гг. власти развернули мощную антирелигиозную кампанию, и приступили к массовой ликвидации религиозных объединений и массовым репрессиям среди священнослужителей. Если в 1936 г. в СССР действовало 20 тыс. церквей и мечетей, то к началу 1941 г. их оставалось менее тысячи. В 1936 г. в СССР насчитывалось свыше 24 тысяч «служителей культа». Но в начале 1941 г. их число составило 5665 человек, причем более половины из них было зарегистрировано на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины, присоединенных к СССР в 1939-1940 годах³. Антисоветские настроения, вплоть до надежд на внешнее вмешательство, которое покончит с безбожной властью, были широко распространены среди российских крестьян⁴.

Значимую роль играли национальные противоречия, накопившиеся к началу войны в советском обществе. Этому также способствовала подрывная деятельность спецслужб гитлеровской Германии, стремившихся к созданию «пятой колонны» внутри СССР. Она не ограничивалась только

¹ Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М., С. 26-47.

² Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Указ. Соч. С. 32-33.

³ «Свершилось немцы пришли!»... – М., 2012. – С. 7.

⁴ См: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2001. – С. 13.

прибалтийскими республиками, где традиционно царили сильные антирусские настроения. Так, в мае-июне 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли ряд постановлений об «очистке» республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии от «антисоветского» и уголовного элемента. Аресту и выселению подлежали члены контрреволюционных партий и участники различных антисоветских, националистических, белогвардейских организаций; крупные чиновники буржуазного государственного аппарата; бывшие офицеры Польской, Литовской, Латвийской, Эстонской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы; крупные помещики, фабриканты, торговцы и члены их семей; лица, прибывшие в 1920-е г. из Германии по репатриации; подозревавшиеся в связях с иностранными разведками; уголовники, продолжавшие заниматься преступной деятельностью¹. Согласно данным, представленным в сентябре 1988 г. председателем КГБ СССР В.М. Чебриковым в комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями периода 1930-1940-х и начала 1950-х годов, значилось, что в 1940-1941 гг. с территории западных областей СССР было выселено 338942 человека, из них из областей Западной Украины – 163641 человек, Белоруссии – 105272 человека, Латвии – 15171 человек, Литвы – 15851, Эстонии – 9156, из Молдавии – 29839 человек². Данные репрессивные мероприятия привели к осложнению национальных отношений в годы Великой Отечественной войны. Как свидетельствует американский исследователь Р. Смал-Стоцкий, гитлеровцы смогли сформировать национальные части, в которых против Красной Армии и

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало 22 июня–31 августа 1941 года. – М., 2000. – С.525-534; Саберов Ф. Краткий очерк истории Латвийской армии // Военно-исторический архив. – 2011. – №1 (133). – С. 49, 51-53.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 108. Д. 526. Л. 5-7; Сойма В.М. Запрещенный Сталин. – М., 2009. – С.408-409; Историк Ю.В. Емельянов приводит другие цифры – в 1940-1941 гг. из Эстонии было выселено 60 тыс. человек, из Латвии – 35 тыс. чел., из Литвы – 34 тыс. чел. (См: Емельянов Ю.В. Сталин: На вершине власти. – М., 2002. – С. 183).

войск НКВД сражалось более 220 тысяч украинцев, 10 тысяч белорусов, 27 тысяч литовцев, 20 тысяч латышей, выше 10 тысяч эстонцев, 220 тысяч выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, 15 тысяч калмыков, и 35 тысяч крымских татар¹.

Задолго до начала войны органы госбезопасности СССР располагали сведениями о том, что спецслужбы фашистской Германии ведут националистическую пропаганду среди немцев, проживавших в Советском Союзе, привлекая при этом к сотрудничеству руководителей белоэмигрантских и других антисоветских организаций².

Завербованная немецкой разведкой агентура, кроме сбора разведывательной информации, организовывала переправку за границу клеветнических писем о голоде в СССР, о хозяйственном развале в зонах проживания граждан немецкой национальности. Тем же пропагандистским целям служила «благотворительная» помощь советским гражданам, родственники которых жили в Германии. Это преподносилось как забота «великой Германии и сыновья».

Дипломаты стран Запада, ставших союзниками СССР в войне с гитлеровской Германией, оценивали внутреннюю ситуацию в СССР следующим образом. Американский посол в Москве Д. Дэвис указывал, что «значительная часть ... считала, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935-1938 гг. являются возмутительными примерами варварства и проявления истерии. Однако стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина... Сталин и его соратники убрали предательские элементы». Через несколько дней после нападения Гитлера на Советский Союз американские журналисты задали вопрос Д. Дэвису: «А что

¹ Цит. по Емельянов Ю.В. Сталин: На вершине власти. – М., 2002. – С. 305.

² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 535-536.

вы скажете относительно членов пятой колонны в России?» Он спокойно заявил: «У них таких нет, они их расстреляли...»¹

Активная поддержка этническими немцами наступающих частей Вермахта стала поводом для принятия мер по выселению немецких колонистов с территории Украины и из Республики Немцев Поволжья. 28 августа 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»². Мероприятия по переселению из Республики Немцев Поволжья продолжались до 20 сентября 1941 года. За указанный период из этих зон было переселено 376717 человек³.

31 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». В нём утверждалось предложение НКВД СССР и предписывалось: «1) немцев, состоявших на учете как антисоветский элемент, арестовать; 2) остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР».⁴

Осенью 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял несколько постановлений (№ 636 от 6 сентября, № 698 от 21 сентября, № 702 от 22 сентября, № 743 от 8 октября 1941 г.), в которых обязал НКВД СССР организовать выселение немцев из Москвы, Московской, Тульской областей, из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской и Воронежской областей.⁵

¹ Цит. по: Бушков А. Сталин: Ледяной трон. – СПб., 2005. – С. 83.

² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 539-540.

³ Там же. – С. 541.

⁴ Цит. по: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 448.

⁵ РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д. 8. Л. 171-172; Д. 10. Л. 42-43, 62-63; Д. 11. Л. 195.

Согласно Указам Президиума Верховного Совета СССР и Постановлению ГКО, в отдаленные районы страны в 1941-1942 гг. было выселено более 815 тысяч советских немцев¹. У большинства историков «демократической волны» (Д.А. Волкогонов, А.И. Козлов, Л.М. Млечин, Г.А. Бордюгов и др.) не вызывает сомнения вывод о «необходимости распространения на все немецкое население... утверждений о том, что оно представляло «сплошную сеть диверсантов и шпионов».²

Утверждения историков, юристов и архивистов А.А. Здановича, О.Б. Мозохина, С.В. Дьякова, В.Н. Кравцова о том, что в начале войны политические построения населения Республики Немцев Поволжья оставались здоровыми, что на военной службе в рядах Красной Армии находились десятки тысяч солдат и офицеров из числа советских немцев, не могут опровергнуть сведений о том, что советские немцы не участвовали в движении коллаборационистов³. Документы периода оккупации, в том числе территории Курской области, убедительно дают основание согласиться с мнением историков и краеведов, о явном коллаборационистском настрое этнических немцев.

Развитию и становлению коллаборационистских тенденций способствовали и следующие факторы. В первую очередь, это была готовность немецких командиров привлекать на службу местных жителей и военнопленных. Часть высшего армейского руководства и руководства секретных служб Германии делала ставки на активное привлечение «расово неполноценного» населения на свою сторону, вооружало его и, в ряде случаев, представляло самостоятельность.

Рост партизанского движения в немецком тылу и активность советских спецслужб вынуждали германское военно-политическое руководство искать

¹ АПРФ Ф. 3 Оп. 108. Д. 526. Л. 7. По данным проф. А.И. Козлова в восточные районы было переселено 855674 немцев.

² См.: Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. – Ростов-на-Дону, 1991. – С. 328; Млечин Л.М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. – М., 2003. – С.616.

³ См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия государственной безопасности. – М., 2011. – С. 328.

содействие со стороны «аборигенов». Его результатом было формирование армейских, полицейских, «спецназовских» частей и подразделений. Руководство Вооруженных сил Германии постепенно приходило к выводу о замене немецкого кадрового состава тыловых частей восточными «добровольцами».

Далее, нельзя не отметить исключительно тяжелые условия, в которых оказывались советские пленные. Зачастую, их вступление в коллаборационистские формирования для них было единственной возможностью спастись от голодной смерти в концлагерях¹.

Неверным было бы игнорировать и мнение военных историков Н.Ф. Азяского и А.С. Князькова, которые отмечали, что «из уголовных элементов, различного рода националистов и возвратившихся белоэмигрантов оккупанты создавали местное самоуправление, вспомогательную полицию, добровольческие отряды, которые находили их контроль. Эти отщепенцы были пособниками фашистов по кровавым злодеяниям против советского народа, по идеологической обработке населения в духе шовинизма...»²

Как указывают историки О.В. Будницкий и Г.С. Зеленина, несмотря на массовые репрессии, чистки, жесткий идеологический контроль, органам советской власти все же не удалось выявить всех своих противников. Большинство врагов советской власти никак себя не проявляли, понимая безнадежность борьбы с ней, мимикрировали, пытались приспособиться к существовавшим в сталинском СССР «правилам игры». В СССР существовал слой людей, не принимавших советского режима, его идеологию и обычаи. Это была так называемая внутренняя эмиграция³.

«Внутренняя эмиграция – это самое решительное неприятие советской власти, самое решительное отрицание ее теоретических основ, обычно ничем

¹ Чуев С.Г. Указ. соч. – С. 6-7.

² Азяский Н.Ф., Князьков А.С. Плечом к плечу. Советские партизаны в период подготовки и в ходе Курской битвы (апрель–август 1943 г.). – Воронеж, 1988. – С. 14

³ Будницкий О.В., Зеленина Г.С. Указ. соч. – С. 8.

не обнаруживаемое. Это понятие: малейшее проявление протеста повело бы к немедленной ликвидации протестанта; внутренняя эмиграция существует постольку, поскольку оно себя не обнаруживает. Обычно внутренний эмигрант считает всякую борьбу с советской властью безнадежной и бесполезной. Единственной формой обнаружения своих настроений является самоубийство» – отмечал Н.И. Осипов¹.

Но, антисоветские настроения и рассуждения о поражении в войне, необязательно означали сотрудничества с врагом, когда, в самом деле, началась война. Нередко коллаборационистами оказывались благополучные советские граждане и многие члены партии². Тогда как люди, долгие годы ненавидевшие большевиков, оказывались вполне лояльными гражданами и даже патриотами.

Обобщая эти причины, приведем мнение курского историка И.Г. Гришкова о причинах, побудивших некоторых земляков к сотрудничеству с немецкими властями. Как отмечал И.Г. Гришков, одни из них становились пособниками оккупантов по идейным соображениям, ибо ненавидели Советскую власть еще с момента победы Октябрьской революции. Другие встали на этот путь из-за страха, таким способом, надеясь сохранить жизнь, жизнь себе, своим родственникам и выжить в условиях оккупации. Третьих оккупанты насильно заставляли им служить. На поведении определенной части населения сказались деформации в социально-экономическом развитии страны: насильственная коллективизация, порой, незаконные репрессии 1930-х – начала 1940-х годов.

¹ Осипов Н. Внутренняя эмиграция в СССР // Грани. – 1949. – №5. С. 81-84; Термин нередко употреблялся на страницах эмигрантской печати. – С. 81-84.

² Например, в районных центрах Курской, Орловской и Смоленской областей в период оккупации регистрировались в немецких комендатурах от 80 до 150 коммунистов, в большинстве своем занимавших ответственные должности. Почти 70% из них в разных формах сотрудничали с оккупантами, занимая посты в местных администрациях (См: Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. – М., 2010. – С. 31).

Среди коллаборационистов встречались часто лица безнравственные, аморальные, типичные уголовники, заслуженно осужденные советским судом к различным срокам заключения. Такие элементы, выполняя волю новых хозяев, жгли села, убивали мирных граждан – женщин, детей, стариков, занимались грабежами населения¹.

Рассмотрев основные истоки и причины российского коллаборационизма, постараемся провести анализ его юридической и исторической трактовки. Так, юридическое определение норм международного права таково, что коллаборационизм есть добровольное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству. Большая Советская Энциклопедия определяла понятие «коллаборационисты» следующим образом: «лица, сотрудничавшие с фашистскими захватчиками в странах, оккупированных ими во время Второй мировой войны 1939–1945 гг.»²

Российская энциклопедия термин «коллаборационизм» определяет, как «добровольное сотрудничество граждан оккупированной страны с противником во вред своему государству в ходе войны или вооруженного конфликта. В законодательстве многих государств коллаборационизм приравнивается к военному преступлению»³.

Большая Энциклопедия издательства «Терра» дает следующую трактовку понятию «коллаборационисты»: это лица, сотрудничавшие с гитлеровцами в странах, захваченных ими в период Второй мировой войны 1939-1945 годов⁴.

В восьмитомной Военной Энциклопедии понятие «коллаборационисты» трактуется в том же ключе: «лица, предавшие интересы своей Родины и вставшие в годы Второй мировой войны на путь

¹ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945гг. Изд. 2-е, доп. – Курск, 1999. – С. 39-40.

² Большая Советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т.12 / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1973. – С. 421.

³ Российская энциклопедия (РЭ). Т. 14. – М., 2009. – С. 476.

⁴ Большая энциклопедия (БЭ). В 62 т. - Т. 22. – М., 2006. – С. 345.

сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами»¹. В выше приведенных определениях обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, термин «коллорационист» (личность), скорее чем «коллорационизм» (явление) – во многих справочных изданиях отсутствует. Во-вторых упоминаемые коллорационисты связываются исключительно с периодом Второй мировой войны и считаются изменниками. В-третьих, появление коллорационистов в трактовке отечественных историков относится и к другим государствам.

В энциклопедии «Великая Отечественная война», изданной в 2015 году в канун 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, понятие и формы «коллорационизма» трактуются довольно широко. Формы коллорационизма: участие в формировании марионеточных правительств и органов местного самоуправления; участие в полицейских и других карательных операциях против местного населения и партизан, в других террористических мероприятиях оккупантов, в вольнонаемной вспомогательной службе в Вермахте и других немецких военных организациях, в вооруженной борьбе против армий антигитлеровской коалиции. В оккупированных странах коллорационизм проявлялся также в области экономики, культуры и науки.

Авторы статьи, помещенной в Энциклопедии, особо указывают: «В годы Великой Отечественной войны в СССР коллорационизм никогда не достигал таких масштабов, как, например, во Франции, Норвегии, Бельгии, Голландии, где в полную силу действовали немецкие «пятые колонны»².

Выдающийся российский историк, профессор М.И. Семиряга первым предложил следующее определение этого социального явления:

¹ Военная энциклопедия: в 8-ми томах. Предс. редакц. коллегии И.Д. Сергеев. – Т.4. – М., 1999. – С. 131; См.: Военный энциклопедический словарь. В 2-х т. / Ред. колл. А.П. Горкин, В.А. Золотарёв, В.М. Карев и др. – Т. 1. – М., 2001.– С. 804.

² Великая Отечественная война. Энциклопедия / Под общ. ред. В.В. Герасимова. – Курск, 2015. – С. 326.

«коллораборационизм» – это содействие в военное время агрессору со стороны граждан, его жертвы в ущерб своей Родине и народу»¹.

Заслуживает внимания предложенное этим автором разграничение понятий. М.И. Семиряга рассматривает коллаборационизм как синоним осознанного предательства и измены, сотрудничество – как «вынужденный и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами». Употребление термина не лишено противоречий. Грань между понятиями «предатель», «изменник Родины» и «коллораборационист» «весьма подвижна, тонка и трудно уловима. Но она все же существует»².

В своих фундаментальных работах видный российский исследователь проблемы коллаборационизма Б.Н. Ковалев используют понятие «коллораборационист» как «изменник, предатель Родины, лицо, сотрудничавшие с фашистскими захватчиками в оккупированных ими странах во время Второй мировой войны (1939–1945)». Он считает, что этот термин чаще всего применяется в более узком смысле – как сотрудничество с оккупантами. До этого использовались такие понятия, как измена Родине, переход на сторону врага, пособничество³.

Некоторыми российскими историками (Е.Ф. Кринько, М.И. Варфоломеева и др.) наряду с формами коллаборационизма, также выделяются «виды сотрудничества», такие как:

- активное – граждане по собственной воле вступают в сотрудничество с врагами Родины, вследствие чего причиняют ей вред, знают о таких последствиях и желают их наступления (явные антикоммунисты, лица, «обиженные» советской властью; форма сотрудничества может быть любая, чаще- политическая и военная);

¹ Семиряга М.И. Коллораборационизм. Природа, типология и проявление в годы Великой Отечественной войны. – М., 2000. – С. 9.

² Там же.

³ Ковалев Б.Н. Коллораборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. – С. 8.

- вынужденное – граждане не по своей воле вступают в сотрудничество с врагами Родины, они знают о таких последствиях, однако не способны их предотвратить (лица, привлекаемые, как правило, к административной или хозяйственной деятельности принудительно, под страхом наказания, либо вынужденные служить оккупантам из страха за жизнь и здоровье своих родных и близких);

- пассивное – граждане не осознают в полной мере того, что вступают в сотрудничество с врагом своей Родины, вследствие чего причиняют ей вред, не задумываясь о последствиях и не желая их наступления (например, крестьянин, выращивающий хлеб, который необходим и коммунистам, и фашистам)¹.

Первым в российской историографии к изучению типов и форм коллаборационизма в своих исследованиях обратился профессор Н.И. Семиряга. Он выделял бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм, считая, что не все данные действия «можно квалифицировать как измену Родине. Разве только за исключением последнего типа, т.е. военно-политического коллаборационизма»².

Военный историк Н.М. Раманичев обосновал четыре основных формы сотрудничества с оккупантами. Политическое сотрудничество – это деятельность национальных комитетов (русских, украинских, белорусских, туркестанских, азербайджанских и других), претендовавших на роль правительств; административное – это участие в работе созданных оккупационными властями местных административных органов; хозяйственное – это работа в промышленности и сельском хозяйстве; военное – служба с оружием в руках на стороне Третьего рейха³.

¹ См.: Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 153-154; Варфоломеева М.И. Указ. соч. – С. 203-204.

² Семиряга М.И. Указ. соч. – С.10.

³ Раманичев Н.М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. – М., 1999. – С. 153-154.

С.В. Кудряшов отмечал, что «иногда очень сложно, а то и почти невозможно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями, от сотрудничества с ними». Он выделил военное, политическое и экономическое (гражданское) сотрудничество. Кроме того, считая, что «между работой в военных частях и участием в боевых действиях с оружием в руках существовала большая разница», он предложил разграничивать пассивный и активный военный коллаборационизм»¹. В диссертационной работе И.Г. Ермолов объединил формы военного и политического коллаборационизма в одну. По его мнению, нельзя рассматривать обособленно вооруженную борьбу на стороне Германии и политико-пропагандистские мероприятия, направленные на привлечение к борьбе против Отечества. Он определил военно-политический коллаборационизм как «добровольное участие в вооруженной борьбе на стороне Германии против партизан, Красной армии и союзнических англо-американских сил, а также участие политико-пропагандистских мероприятиях, направленных на привлечение в коллаборационистские формирования для вооруженной борьбы на стороне Германии»².

Другую технологию предложил В.В. Малиновский, отмечавший, что коллаборационизм различался в зависимости от мотивов и масштабов. По его мнению, в Прибалтике и Западной Украине коллаборационизм «имел определенную националистическую окраску – местные коллаборационисты надеялись при помощи немецких войск воссоздать свои национальные государства». Напротив, в коренных районах СССР коллаборационизм имел, в основном, социальный характер³.

¹ Кудряшов С. Предатели, «освободители или жертвы войны?» // Свободная мысль. – 1993. – № 14. – С.88-91.

² Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941-1945 гг.: Дисс. ...канд. ист. наук. Тверь, 2005. С. 4.

³ Малиновский В.В. Кто он российский коллаборационист: Патриот или предатель? // Вопросы истории. – 1996. – № 11-12. С. 165.

Доктор исторических наук И.А. Гилязов подчеркивал необходимость индивидуального подхода к каждому конкретному случаю, указывая, что «не все коллаборационисты были действительными борцами против «сталинизма». Многие бывшие красноармейцы, оказавшиеся в плену, переходили в стан врага и элементарно пытались спасти свою жизнь, избегать голодной смерти в лагерях для военнопленных, переждать, а по возможности перебежать обратно к своим¹.

В большинстве трудов и публикаций Б.Н. Ковалев приводит подробную классификацию коллаборационизма. Он выделяет военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный, детский и половой коллаборационизм. Но как указала М.И. Варфоломеева, напрашивается вывод о том, что такая классификация является избыточной, ряд форм пересекаются и почти поглощаются другими².

Выводы М.А. Мамонова, представляют собой нечто среднее между подходами вышеупомянутых авторов:

- политическое сотрудничество выражалось в создании и функционировании при правительстве германских властей различных национальных комитетов (русских, белорусских, украинских и др.);
- военное сотрудничество с врагом выражалось в участии советских граждан, с оружием в руках в военных действиях на стороне оккупантов;
- административное сотрудничество выражалось участие советских граждан в деятельности созданных оккупационными властями местных органов управления;

¹ Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2000. – С. 4-5.

² Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России 1941-1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. С. 8; Варфоломеева М.И. Указ. соч. – С. 203.

- хозяйственное сотрудничество выражалось в работе населения оккупированных территорий в промышленности и сельском хозяйстве¹.

В публикациях некоторых авторов употребляется термин «бытовой коллаборационизм». Однако вряд ли всегда можно было признать вынужденное сотрудничество с врагом на бытовом уровне формой коллаборационизма. Б.Н. Ковалев, употребляя этот термин, отмечал, что «...вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова бытовой коллаборационизм, как, например, размещение на постой солдат противника, показания для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т.д.)»².

Курский историк, участник Великой Отечественной войны И.Г. Гришков еще в 1999 г. подчеркивал, что: «Следует отметить, что вина всех тех, кто сотрудничал с оккупантами, была неодинаковой»³. Большинство историков сходятся во мнении, что в сотрудничество были вовлечены представители всех социальных слоев общества, «не только идейные противники советской власти, но и подвергшиеся репрессиям командиры Красной армии, недовольные принудительной коллективизацией крестьяне»⁴.

Как показывает анализ, основанием для любого коллаборационизма являлась социальная среда, которая образовалась с приходом оккупантов. Ознакомившись с точками зрения многих исследователей, мы выделили понятие коллаборационизма как сотрудничество населения оккупированных районов с оккупированными властями и созданными ими структурами.

¹ Мамонов М.А. Советской коллаборационизм в годы второй мировой войны: проблемы и ее интерпретация на уроках истории // Проблемы изучения и преподавания истории культуры. – Воронеж, 2005. – С.117.

² Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2009. – № 51. – С. 13.

³ Гришков И.Г. Указ. соч. – С. 40.

⁴ Кринко Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в русской историографии // Вопросы истории. – 2004. № 11. – С. 156.

Позволив не согласиться с мнением М.И. Варфоломеевой по поводу многообразия форм коллаборационизма, выделяемых в классификации Б.Н. Ковалева, мы в нашей диссертации остановились на 8 основных формах коллаборационизма. На наш взгляд, это отвечает их многообразию и определяет условности. Мы выделяем также два вида этого явления: вооруженный и невооруженный коллаборационизм.

Давая им характеристику, особо хотим подчеркнуть, что вооруженный коллаборационизм – это необратимый процесс перехода к сотрудничеству с врагом, на службу с оружием в руках против своего Отечества. Синоним данного понятия – предательство. Основные категории вооруженного коллаборационизма – это агентурная сеть – скрытый коллаборационизм – служба в структурах таких организаций, как «Абвер», тайной полевой полиции, в кадровых германских частях или кадрах войск «местного самоуправления», находящихся под контролем врага. Служба в таких частях нами рассматривается как предательство вне зависимости от занимаемой должности. В рамках охранно-полицейского коллаборационизма немецкое военное командование (в лице военных комендатур, полевой жандармерия, службы гестапо) занималось поддержанием правопорядка на оккупированной территории, привлекая местные полицейские формирования к борьбе с партизанами и подпольщиками, вплоть до участия в совместных показательных акциях против партизан.

К формам невооруженного коллаборационизма мы относили: административный, административно-полицейский, экономический, идеологический, религиозный, детский и повседневный (бытовой) коллаборационизм.

Административный коллаборационизм – это служба различных групп населения оккупированных регионов в административных структурах местного «самоуправления», создаваемых оккупационными властями для обеспечения Вооруженных сил, сохранения инфраструктуры и самообеспечения населения. Основные категории этой формы: добровольная

работа населения в административных структурах различного уровня, начиная от «самоуправления» округа, района, города до поселка и деревни (бургомистры, сельские старосты, волостные старшины). Низшей ступенью коллаборационистской администрации в городах и разных населенных пунктах были коменданты улиц и домов («сотские»).

Административно-полицейский коллаборационизм – это служба в полицейских формированиях под руководством органов местного управления, действовавших под контролем врага. К ним относились: вспомогательная полиция – «служба порядка», «служба охраны», «стража порядка» или «организация самозащиты». Силы самообороны – это добровольное служение в самообороне в сельских населенных пунктах или кварталах городов, создаваемых под руководством органов местного самоуправления находящихся под контролем оккупантов.

Экономический коллаборационизм – разнообразное участие населения оккупированной территории в содержании вражеской армии, отправке материальных и людских ресурсов в Германию и их союзников, содержание «самоуправленческих» структур пособников врага в добровольно-принудительной форме. Основными категориями такой формы коллаборационизма были: добровольная работа населения оккупированных районов на «новую власть» (работа на фабриках, заводах), добровольная уплата налогов или отъезд трудоспособного населения для работы в Германию и на другие союзные ей территории.

Идеологический коллаборационизм – это форма коллаборационизма, влияющая на идеологические, нормативно-ценностные ориентации населения через средства массовой информации, учреждения культуры, образования и другие учреждения «идеологического влияния». Основные категории такого коллаборационизма: печать (например, оккупационные газеты «Речь», «Новый путь», «Курские известия», «Новый Рыльский путь», «Дмитровская газета» и др.), деятельность учреждений культуры – театра, кино.

Религиозный коллаборационизм – это проповедническая деятельность представителей различных конфессий (русской православной, зарубежной православной, древнеправославной (старообрядческой) церкви, различных сектантских объединений и групп), направляемых на пропаганду смирения и терпимости к захватчикам, на призыв к прямому сотрудничеству с нацистскими властями.

Детский коллаборационизм – организованные, просветительские мероприятия с молодежью и подростками школьного возраста, проводимые оккупационными властями и русскими учителями для внедрения в детское сознание нацистской идеологии. К категории детского коллаборационизма мы отнесли и привлечение подростков 12-16 летнего возраста к разведывательно-диверсионной работе германских служб.

Повседневный (бытовой) коллаборационизм – это участие в обеспечении повседневных нужд военнослужащих оккупационных войск. Особой категорией у нас выделен половой коллаборационизм – добровольное сожительство советских женщин с солдатами и офицерами вражеской армии.

Хотим подчеркнуть, что все предложенные формы и типы коллаборационизма весьма условны. Деятельность отдельных коллаборационистов протекала в различных формах, а переход на сторону противника мог обуславливаться сразу несколькими мотивами.

Рассмотренная классификация коллаборационизма позволила нам более системно осмыслить его сущность и реальные проявления в исследуемом регионе. Со временем содержание форм коллаборационизма менялось в зависимости от положения на фронтах и необходимости борьбы с партизанами. Типы, формы и категории коллаборационизма тесно переплетались. Поэтому отделить добровольные формы сотрудничества от добровольно-принудительных форм практически было невозможно, особенно в объемах экономического коллаборационизма.

Завершая данный параграф, нельзя не отметить моральной стороны поднимаемой проблемы. Сегодня известно, какая участь ожидала народы СССР в случае победы Гитлера. В лучшем случае – онемечивание с полной утратой национальной самобытности. Для основной же массы населения – превращение в рабов или физическое уничтожение. Это не советская пропаганда, а реальные планы, подтвержденные документами и практическими действиями оккупантов. Каким бы не было отношение к Сталину и советской власти, нельзя ничем оправдывать сотрудничество с противником.

Как отмечал И.Г. Гришков, коллаборационистам впоследствии приходилось нести ответственность в соответствии с советским и международным законодательством¹. Не случайно в законодательство большинства стран мира внесено положение о том, что коллаборационизм относится к разряду военных преступлений. Поэтому большинству российских коллаборационистов, преступивших законы Отечества, приходилось нести ответственность вплоть до уголовной за действия или преступления перед своим народом.

В данном параграфе мы также применяем такое понятие, как последствия коллаборационизма. К ним относятся политико-правовые последствия, т.е. привлечение лиц, совершивших предательство или ставших на путь открытого сотрудничества с оккупантами к партийной, комсомольской, а в случаях более тяжких деяний – к уголовной ответственности по Законам РСФСР или уголовного судопроизводства союзных республик.

Социально-правовые последствия коллаборационизма включают такие понятия, как общественное восприятие случаев сотрудничества с врагом, формирование общественного мнения по отношению к лицам, совершавшим переход на сторону оккупантов, а также положение в обществе лиц, чьи

¹ Гришков И.Г. – Указ. соч. – С.40.

действия нанесли определенный вред делу обороноспособности своей страны в военный период.

1.3 Организационно-правовые факторы борьбы с коллаборационизмом

Великая Отечественная война в начальный период (июнь-август 1941 г.) характеризовалась довольно сложными проявлениями сотрудничества населения стран и регионов с немецко-фашистскими оккупантами. В значительной степени этому способствовала и многолетняя подрывная деятельность различных спецслужб гитлеровской Германии по созданию внутри СССР «пятой колонны» еще задолго до начала Второй мировой войны. С первых дней нападения Германии на СССР руководство советского государства и ВКП(б) было вынуждено принимать экстренные меры по обезвреживанию немецко-фашистской агентуры, борьбе с парашютными десантами и диверсантами врага в прифронтовой полосе, по пресечению дезертирства из рядов Красной Армии и добровольному переходу советских военнослужащих на сторону немецко-фашистских войск и разведывательно-диверсионных служб врага. В первые месяцы Великой Отечественной войны вступил в действие ряд документов правового характера, которые определяли формы ответственности военнослужащих в условиях военного времени за совершаемые правонарушения, за проявление трусости и предательства, выразившегося в сотрудничестве с врагом, вплоть до вооруженного противостояния частям Красной Армии.

Утром 22 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий¹. Военным трибуналам поручалось рассмотрение дел, отнесенных к их

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. – М., 1945. – С. 228-231; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – Сб. документов. Т. 2. Кн.1. Начало. 22 июня-31 августа 1941 года. – М., 2003. – С. 8-10.

подсудности по ст. 27 УПК РФ РСФСР или соответствующим статьям УПК других союзных республик (ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре и ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»)¹.

29 июня 1941 г. была подготовлена директива Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), адресованная партийным и советским организациям прифронтовых областей. В ней было рекомендовано «организовать беспощадную борьбу со всякими дезертирами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая быстрое содействие истребительным батальонам»².

В распространенной по закрытым каналам директиве, СНК СССР и ЦК ВКП(б) потребовали от советских и партийных органов прифронтовой полосы «в захваченных [врагом] районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников преследовать и уничтожать их на каждом шагу, скрывать все их мероприятия»³.

3 июля 1941 г. с обращением к советскому народу выступил Председатель Совнаркома СССР и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин⁴. Он повторил в своей речи основные задачи по противодействию военному и экономическому коллаборационизму, изложенные в директиве СНК СССР и ЦК КПСС 29 июня 1941 года. 18 июля

¹ Правда. – 1941. – 23 июня; Известия. – 1941. – 23 июня; Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. – М., 1982. – С. 61.

² Истребительные батальоны, организуемые для борьбы с парашютными десантами и вражескими диверсантами, повсеместно создавались с июня 1941 г. на основании утвержденных 24 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Постановления СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе» (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 115). 25 июня 1941 г. в соответствии с приказом № 00821 Наркомата внутренних дел СССР руководство деятельностью истребительных батальонов на местах было возложено на областные управления НКВД (См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. Документы и материалы. – М., 1975. – С. 542-543).

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 9. – М., 1985. – С. 223.

⁴ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. – М., 1951. – С. 15.

1941 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» также были поставлены задачи перед партийными организациями по созданию невыносимых условий для германских интервентов, дезорганизации работы их транспорта и средств связи, по срыву всех мероприятий, проводимых оккупантами, вплоть до прямого уничтожения захватчиков и их пособников¹.

6 июля 1941 г. на очередном заседании Государственного Комитета Обороны, который был создан 30 июня 1941 г., был обсужден вопрос об ответственности населения за распространение ложных или провокационных слухов в условиях военного времени².

На следующий день, 7 июля 1941 г., во всех газетах страны был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»³. Жителям страны в прифронтовых и тыловых районах согласно этому Указу запрещалось иметь радиоприемники и прослушивать радиопередачи, особенно передаваемые немецкими радиостанциями.

Весьма действенной формой борьбы с основными проявлениями военно-политического коллаборационизма, пресечением случаев малодушия и дезертирства советских военнослужащих стал приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г., подписанный председателем ГКО И.В. Сталиным, его заместителем по ГКО В.М. Молотовым, Маршалами Советского Союза С.М. Будённым, К.Е. Ворошиловым, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошниковым и генералом армии Г.К. Жуковым.

¹ Русский архив: Великая Отечественная война. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Док. и матер. – Т. 20(9). – М., 1999. – С. 18-19.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.

³ Известия. – 1941. – 7 июля; Правда. – 1941. – 7 июля;

В приказе № 270 в жесткой форме, характерной для начального периода войны, отмечалось, что «командиров и политработников, во время боя, срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи, нарушивших присягу и предавших свою Родину... Обязать всех командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из [числа] начсостава...»¹

Несмотря на явные перегибы в оценочных суждениях, прозвучавших в строках этого приказа Ставки (например, в отношении командующих 12-й и 28-й армий генералов П.Г. Понеделина и В.Я. Качалова, командира 13-го стрелкового корпуса генерал-майора Н.К. Кириллова и др., обвиненных в добровольной сдаче в плен), этот документ стал действенным наставлением для командиров и политработников по борьбе с проявлениями военно-политического коллаборационизма и по пресечению попыток его зарождения. К сожалению, в практике применения положений этого приказа встречалось довольно много субъективизма, самоуправства, неверных оценок действий командиров и политработников различного уровня. Иногда это вело к трагическим развязкам (например, по личному приказу начальника Главного политического управления Красной Армии (ГЛАВПУР КА) генерала армии Л.З. Мехлиса, 12 сентября 1941 г. был расстрелян без должных оснований командующий 34-й армией генерал-майор К.М. Качанов).²

Статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» послужили правовой основой для действий руководства наркоматов государственной безопасности и внутренних дел СССР по изданию многочисленных руководящих директив, приказов,

¹ Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М., 2003. – С. 485.

² Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. – М., – Жуковский, 2005. – С. 91. 30 января 1958 г. обвинения с генерала К.М. Качанова были сняты определением Верховного Суда СССР.

регламентировавших проведение разнообразных мероприятий, которые противодействовали коллаборационизму.

Все основные мероприятия по противодействию вражеской агентуре, подготовке и ведению шпионажа, террористических актов, разнообразных диверсий сотрудниками Народного комиссариата государственной безопасности СССР проводились, как в центре, так и во всех регионах страны. Так, 22 июня 1941 г. во все республиканские и областные Управления была передана директива Наркома госбезопасности СССР В.Н. Меркулова № 127/5809 о проведении разнообразных мероприятий в связи с началом военных действий с Германией.

В ней, в частности, указывалось, что «при поступлении данных о готовящихся государственных преступлениях – шпионаж, террор, диверсии, бандитские выступления, контрреволюционный саботаж – немедленно принимать оперативные меры к пресечению попыток вражеских элементов нанести ущерб Советской власти...»¹

В директиве 3-го Управления НКВД СССР № 34794 от 22 июня 1941 г., предназначавшейся для органов военной контрразведки были определены задачи по активизации их деятельности. В частности, требовалось «решительно пресекать все антисоветские проявления и вражескую работу по разложению личного состава воинских частей, распространению контрреволюционных листовок, провокационных и панических слухов»².

В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. сотрудники НКВД и НКГБ активно привлекались к мероприятиям по борьбе с вражескими диверсантами (среди которых в большинстве были

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М., 2000. – С. 35; Аналогичные задачи органов государственной безопасности были определены и в директиве НКГБ СССР № 136 от 24 июня 1941 г. (Там же. – С. 67-68).

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн.1. – М., 2002. – С. 37.

советские люди, перешедшие на сторону врага – авт.), забрасываемыми в прифронтовые и тыловые районы страны¹.

17 июля 1941 г. в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 127 органы Третьего Управления НКО СССР были преобразованы в Особые отделы НКВД СССР². Им предоставлялось право ареста дезертиров из рядов Красной Армии, а при необходимости расстрела их на месте³. Это существенно способствовало стабилизации обстановки на фронте в этот драматический период военной истории Советского Союза.

20 июля 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об объединении Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности в единый Народный комиссариат внутренних дел в главе с Генеральным комиссаром безопасности Л.П. Берия⁴.

25 августа 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия подписал приказ № 001157 о реорганизации оперативных групп республик, краев и областей по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в 4-е отделы НКВД-УНКВД⁵. В их задачи входило противодействие вражеской разведке, парашютным десантам, участие в организации партизанских отрядов и в борьбе со всевозможными проявлениями коллаборационизма (прежде всего, военно-политического). Приказом № 001157 от 25 августа 1941 г. Нарком внутренних дел СССР назначил заместителя начальника УНКВД по Курской области, капитана

¹ Там же. – С. 83.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 118.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 338.

⁴ Там же. – С. 372-373.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 518-519.

госбезопасности В.Т. Аленцева начальником 4-го отдела УНКВД по Курской области¹.

8 сентября 1941 г. в войсках РККА было получено разъяснение Главного военного прокурора Красной Армии генерал-лейтенанта юстиции В.И. Носова о порядке ареста дезертиров и лиц, возвратившихся из немецко-фашистского плена в прифронтовые районы Действующей армии².

6 декабря 1941 г. была издана новая директива НКВД СССР № 283 о мероприятиях по борьбе с дезертирством. В ней подчеркивалось, что «бывшие военнослужащие, дезертирующие из частей Красной Армии, проникают в тыловые области, укрываясь под различными предлогами». Особо отмечалось, что дезертиры из рядов Красной Армии в последнее время стали пополнять ряды русско-немецких добровольческих частей и отрядов³.

Важнейшим документом, разработанным руководством НКВД СССР в 1941 г., стал приказ НКВД СССР № 001683 об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника, датированный 12 декабря 1941 г. В нём «с целью революционного порядка и организации оперативно чекистской работы в местностях, освобожденных Красной Армией от войск противника» было приказано:

1. Начальникам прифронтовых УНКВД при освобождении Красной Армией от войск противника населенных пунктов немедленно комплектовать соответствующие городские, районные отделы (отделения) НКВД.

¹ Там же. – С. 519. 31 августа 1941 г. приказом начальника НКВД по Курской области был утвержден штат сотрудников отдела в 28 человек. В их задачу также входила засылка разведчиков на территорию врага, руководство деятельностью истребительных батальонов и разведывательных групп НКВД (АУВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 317; АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 23-25).

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. – М., 2000. – С.35-36.

³ Там же. – С. 391-392.

2. При вступлении на территорию, освобожденную от противника, органам НКВД организовать выявление и изъятие агентуры немецких разведывательных органов... в нашем тылу.

Учитывать возможность организации со стороны вражеских элементов актов диверсий, террора и контрреволюционного саботажа.

В этих целях [было необходимо]:

а) восстановить связи с агентами и осведомителями, оставленными в тылу противника, приступить к насаждению новой агентурно-осведомительной сети; б) установить связи с действовавшими в тылу противника партизанскими отрядами-группами; в) через агентов, осведомителей, партизан, честных советских граждан установить и арестовывать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе у немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследований партийно-советского актива...

...7. Наряду с агентурно-осведомительной работой немедленно развернуть следственную работу и выявляемых лиц, причастных к антисоветской работе, немедленно арестовывать и предавать суду...»¹

Во второй половине 1941 г. существенно были усилены внесудебные полномочия органов НКВД, в первую очередь, направленные на противодействие различных форм коллаборационизма.

Так, с началом Великой Отечественной войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., военные власти имели право на территориях, объявленных на военном положении, принимать решение о выселении лиц, признанных социально опасными².

В случае вынесения такого решения выселение этих лиц возлагалась на органы НКВД. Им предлагалось вести подготовительную работу, брать на

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. – М., 2000. – С. 413-414.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 114-115.

учет бывших членов антисоветских политических партий, проявляющих антисоветские, пораженческие настроения, а также участников различных контрреволюционных организаций и групп, занимавших руководящее положение и продолжающих проявлять антисоветские настроения. Семьи этой категории лиц подлежали выселению при наличии на них проверенных материалов, влекущих за собой арест глав этих семей¹.

В местностях, объявленных на военном положении, где Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 июня 1941 г. Военным Советам фронтов в исключительных случаях предоставлялось право утверждения приговоров военных трибуналов о высшей мере наказания с немедленным приведением приговоров в исполнение, органы НКВД могли передавать дела на рассмотрение военных трибуналов.

28 июня 1941 г. проведение следствия по делам об изменниках Родины, бежавших за границу, было возложено на органы НКГБ. По окончании следствия дела направлялись при классификации по ч. 1 ст. 58-1в в военные трибуналы, а по ч. 2 той же статьи УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик – в Особое совещание при НКВД СССР².

С 26 августа 1941 г. следственные дела, передаваемые на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, направлялись по предварительному согласию с секретариатом Особого совещания при НКВД СССР³.

Все представляемые на рассмотрение Особого Совещания дела предписывалось оформлять в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса. Обвинительные заключения по делам, представленным на рассмотрение Особого совещания, должны были утверждаться наркомками внутренних дел республик, начальниками УНКВД краев, областей, начальниками транспортных отделов, особых отделов (или

¹ См.: Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953). – Изд. 2-е, расш. и доп. – М., 2011. – С. 250.

² Мозохин О. Б. Указ. соч. – С. 251.

³ Там же. – С.252.

их заместителями) – по принадлежности и прокурорами республик, краев, областей, округов (или их заместителями) соответственно.

16 декабря приказ НКВД СССР № 001613 от 21 ноября 1941 г. распространили и на оперативно-чекистские отделы лагерей, которые обязывались свои дела представлять в Особое совещание после окончательного утверждения НКВД-УНКВД и прокурора республики, края, области соответственно.

27 декабря 1941 г. И.В. Сталиным было подписано постановление ГКО № 1074, в соответствии с которым НКВД решением Особого совещания при НКВД СССР разрешалось выселять в отдаленные северные области семьи лиц, служивших в административно-карательных органах германских властей, добровольно отступивших вместе с фашистскими войсками¹.

30 января 1942 г. устанавливался новый порядок исполнения решений Особого совещания при НКВД СССР о применении высшей меры наказания. Решение Особого совещания объявлялось осужденному непосредственно перед его исполнением. Ранее лицам, приговоренным к расстрелу, такие решения не объявлялись.

Несмотря на многие директивные указания НКВД СССР о привлечении к ответственности членов семей изменников Родины, этой работе на местах не уделялось должного внимания.

30 мая 1942 г. было предложено немедленно развернуть работу по репрессированию членов семей изменников Родины. В соответствии с указаниями, подлежали аресту и ссылке в отдаленные места СССР совершеннолетние члены семей военнослужащих, осужденных Особым совещанием при НКВД СССР или судебными органами за побег за границу (в соответствии со статьей 58-1в ч. 2 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик); командиры и политработники, во время боя срывавшие с себя знаки отличия и дезертирующие или сдающиеся в плен

¹ РГАСПИ.Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 198.

врагу (в соответствии с приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года)¹.

27 июня 1942 г. в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 1926 от 24 июня 1942 г. «О членах семей изменников Родины»² предлагалось НКВД СССР и Прокурором СССР в дополнение к директиве № 215/51 от 30 мая 1942 г. руководствоваться следующим положением³.

Аресту и ссылке в отдаленные места СССР на срок 5 лет подлежали совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), приговоренных судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по статьям 58-1а и 58-1б УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с Советским Союзом стран; за переход на сторону врага; за предательство или содействие немецким оккупантам; за службу в карательных или административных органах немецких оккупантов в захваченной ими территории; за попытку измены Родине и изменнические намерения; за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории. Применение репрессии в отношении членов семей перечисленных выше лиц производилось органами НКВД на основании приговоров судебных органов или решений Особого совещания при НКВД СССР.

Сотрудничество жителей оккупированных областей СССР с немецко-фашистскими властями встречалось в различных проявлениях. Многообразие коллаборационизма постоянно требовало от советских властей дифференцированного подхода к наказанию разных категорий лиц за сотрудничество с врагом. Такой подход к наказанию коллаборационистов прослеживался в официальных документах, регламентирующих

¹ Мозохин О. Б. Указ. соч. – С. 254-255.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». – М., 2003. – С. 570-571.

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 40. Л. 61.

репрессивную деятельность органов НКВД-НКГБ СССР на освобожденной территории в 1942 году.

Так, граждане, чье сотрудничество с оккупантами было незначительным, брались под наблюдение, но не репрессировались. Даже в период войны, когда от гитлеровских агентов, оставшихся на освобожденной территории, исходила серьезная угроза, советские чекисты не относили к числу изменников Родины служащих оккупационных организаций и предприятий. В соответствии с Указанием № 64 от 18 февраля 1942 г. НКВД СССР «О задачах и постановке оперативно-технической работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР»¹, органам НКВД предписывалось брать на учет 13 различных категорий граждан, проживавших на оккупированной территории и связанных с оккупантами своей деятельностью. В документе особо отмечалось, что «мелких служащих созданных немцами учреждений и организаций (истопников, уборщиц, сторожей, рядовых канцелярских служащих) арестовывать лишь при наличии материалов о предательской работе с их стороны при немцах»².

Важным оперативным документом для работы по выявлению агентов разведывательных служб гитлеровской Германии и ее союзников, стало указание НКВД СССР № 66 от 20 февраля 1942 года. Этим указанием «особым отделам, оперативно-чекистским группам и органам НКВД в прифронтовой полосе» вменялась необходимость вести мероприятия, обеспечивающие задержание и тщательную фильтрация всех лиц, в том числе женщин и детей, переходящих через линию фронта с территории противника». Органам НКВД предписывалось организовывать выявление лиц, прибывших с территорий, временно занятых противником. При наличии данных о враждебной работе или подозрительном поведении таких лиц, их

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига»: 1 января–30 июня 1942 года. – М., 2003. – С. 130-137.

² Там же. – С. 132.

надлежало арестовывать и выяснять их возможные связи с германской разведкой¹.

В июле 1942 г. руководство НКВД СССР дважды направляло специальные директивы особым отделам НКВД фронтов, военных округов, отдельных армий, флотов по усилению борьбы с дезертирством из рядов Красной Армии, этой важной социальной базы по пополнению рядов военных коллаборационистов, сражавшихся на стороне гитлеровской Германии².

Среди ведомственных приказов, направленных на борьбу с военным и полицейским коллаборационизмом, особое место занимал приказ Народного комиссара обороны И.В. Сталина № 00189 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения»³. В соответствии с п. 7 приказа № 00189 партизанская борьба должна была охватить все оккупированные города и территории страны. Пункт 8 этого приказа предписывал уничтожать крупных военно-полицейских деятелей противника и видных коллаборационистов. Приказом объявлялась тотальная политическая и экономическая война оккупантам и изменникам Родины, находящимся на службе у врага⁴.

Подход правоохранительных органов к наказанию коллаборационистов, в разных формах сотрудничающих с оккупационными властями, в течение 1942 года становился все более дифференцированным. Уголовную ответственность для пособников нацистов из числа советских граждан определяли пункты «а» и «б» статьи 58-1 Уголовного кодекса РСФСР. Указанная норма в официальных комментариях к УК толковалась

¹ Там же. – С. 141, 145.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля-31 декабря. – М., 2003. – С. 17-19, 85-86.

³ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Документы и материалы. – Т. 20(9). – М., 1999. – С.133.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 2 – М., 2003. – С. 570-571.

следующим образом: «В условиях Великой Отечественной войны измена Родине – самое гнусное преступление»¹.

Как отмечает доктор исторических наук Б.Н. Ковалев, в советской юриспруденции достаточно четкое определение понятия военных преступлений по отношению к деяниям гитлеровских оккупантов на территории СССР тогда еще отсутствовало. Применительно к ним следственные и судебные органы, а также специалисты отказались даже от самого наименования «преступление». Для их обозначения применялись термины «зверства» и «злодеяния», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий. Поскольку деяния, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение².

В условиях войны нормотворческая деятельность Советского государства дополнялась судебной практикой. Особенно важное значение приобрели постановления Пленума Верховного Суда СССР, которые достаточно быстро и оперативно откликались на требования военного времени. Верховный Суд разъяснил нижестоящим судам, как им надлежало применять законодательство. Устанавливая порядок применения ряда правовых норм, толкуя законы и подзаконные акты, Верховный Суд не редко указывал на проблемы в праве, которые выявлялись на практике, но не были решены законодательством.

Согласно приказу Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» советские граждане,

¹ См.: Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарии. – М., 1944. – С. 65.

² Цит. по: Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 21. – С.12.

перешедшие на службу к оккупантам, выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности карательных органов немцев, подлежали ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. подобные лица были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: за совершение убийств и истязаний гражданского населения они подлежали, согласно его ст. 1, преследованию наравне с гитлеровцами: шпионы и изменники из числа советских граждан карались смертной казнью через повешение². Статья 5 Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. конкретизировала форму исполнения наказания: «Приведение в исполнение приговора военно-полевых судов при дивизиях, повешение осужденных к смертной казни производить публично, при народе, а тело повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как карают и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и предают свою родину»³. Статья 2 этого Указа целиком посвящалась пособникам из представителей местного населения, уличенным в оказании содействия фашистским злодеям и в совершении расправ и насилий над гражданским населением или пленными красноармейцами. Указ ПВС СССР вводил для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет⁴.

Весьма действенным стал и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании чрезвычайной государственной

¹ Елифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. – Волгоград, 2005. – С. 39.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 30 июня 1943 года. – М., 2008. – С. 401-402.

³ Там же. – С. 402.

⁴ Там же. – С. 402.

комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозом, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) наряду с правоохранительными органами, выполняла функции по расследованию преступлений нацистов и их пособников¹.

В числе преступлений, виновники которых подлежали уголовной и материальной ответственности по всей полноте, Указ ПВС СССР от 2 ноября 1942 г. называл пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод их в «иноземное рабство»; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного имущества советских граждан, колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов. Указом от 2 ноября 1942 г. в качестве их субъектов рассматривались преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

В инструкции ЧГК о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления конкретных лиц из числа представителей германских вооруженных сил, а также и оккупационной администрации. Устанавливались признаки, характеризовавшие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники².

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 декабря 1942 г. об организации чрезвычайных комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на

¹ Кузнецова Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (общая часть) // Вестник МГУ. – 1991. – № 5. – С. 36.

² Там же. – С. 19.

территориях республик, краев и областей Советского Союза, постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) от 17 мая 1943 г. была образована Курская областная чрезвычайная комиссия (ОЧК) в составе: П.И. Доронин (секретарь обкома ВКП(б)), В.В. Волчков (председатель облисполкома), П.М. Аксёнов (начальник УНКВД по Курской области), руководители подпольных групп, действовавших в оккупационном фашистами Курске – С.Н. Попов и П.П. Бабкин, Р.Ф. Ансон (председатель областной комиссии по эвакуации населения)¹.

Областная чрезвычайная комиссия завершила подсчет нанесенного экономического ущерба уже в феврале 1944 года². По итогам работы областной чрезвычайной комиссии в адрес ЧГК было передано 1059 дел, содержащих тысячи фактов расследованных злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на Курской земле в 1941–1943 годах³. Были составлены списки на 341 предателя-пособника гитлеровцев, совершавших преступления в оккупированных районах области, а также список из 652 пособников, помогавших оккупантам организовывать угон 38797 советских граждан на работы в Германию⁴.

8 сентября 1943 г. вступил в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении военным трибуналам права рассматривать дела, предусмотренные статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. В этом документе указывалось, что в тех случаях, когда по обстоятельствам военного времени передача дел в военно-полевые суды о преступлениях, предусмотренных статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., невозможна, эти дела могут передаваться на рассмотрение военных трибуналов с

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2920. Л. 68.

² ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 2. Л. 38, 54.

³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1–1059

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 127. Д. 142. Л. 1-18; Д. 143. Л. 1-22.

применением мер наказания в виде ссылки на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет¹.

В судебной практике военных трибуналов осенью 1943 г. стали возникать правовые коллизии. Военные трибуналы при рассмотрении дел часто квалифицировали как измену Родине всякое содействие, оказанное советскими гражданами захватчикам в период временной оккупации территорий, освобожденных Красной Армией. Поэтому 25 ноября 1943 г. было принято специальное постановление Пленума Верховного Суда СССР № 22/М/16/У/сс о квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, ранее оккупированных немецкими захватчиками². Пленум Верховного Суда СССР в этом документе постановил дать судам следующие указания:

«1. Советские граждане, которые в период временной оккупации той или иной местности немецкими захватчиками служили у немцев в органах гестапо или на ответственных административных должностях (бургомистры, начальники полиции, коменданты и т.п.), доставляли врагу сведения, составляющие военную или государственную тайну; выдавали или преследовали партизан, военнослужащих Красной Армии, советских активистов и членов их семей; принимали непосредственное участие в убийствах и насилиях над населением, грабежах и истреблении имущества граждан и имущества, принадлежащего государству, колхозам, кооперативам и общественным организациям, а равно военнослужащие, перешедшие на сторону врага, – подлежат ответственности за измену Родине по ст. 58-1 «а» и 58-1 «б» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случаях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. – по ст. 1 этого Указа.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом: 1 июля – 31 декабря. – М., 2008. – С. 337.

² ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 1. Д. 136. Л. 24-25; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 43-45.

2. Лица, выполнявшие задания немецких захватчиков по сбору продовольствия, фуража и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства или оказывавшие им активное содействие, при отсутствии в их действиях признаков, указанных в п. 1, – подлежат ответственности как пособники по ст. 58-3 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик...

3. Не подлежат привлечению к уголовной ответственности:

а) советские граждане, занимавшие административные должности при немцах, если будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии или саботировали выполнение требований немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества, или другими способами содействовали борьбе с оккупантами;

б) мелкие служащие административных учреждений, рабочие и специалисты, занимавшиеся своей профессией (врачи, ветеринары, агрономы, инженеры, учителя и т.п.), если они не совершили преступных действий, подпадающих под пункты 1 и 2 настоящего постановления.

4. Добровольная явка с повинной при отсутствии тяжких последствий преступной деятельности обвиняемого должна рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство»¹.

14 апреля 1943 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении Народного комиссариата государственной безопасности СССР во главе с В.Н. Меркуловым². 21 апреля 1943 г. Государственный Комитет Обороны утвердил Положение о Главном управлении контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны

¹ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом: 1 июля – 31 декабря 1943 года. – М., 2008. – С. 572-573.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. – М., 2008. – С. 384, 385-386.

СССР. В соответствии с постановлением СНК СССР № 415-138сс управление особых отделов НКВД СССР было реорганизовано в ГУКР НКО «Смерш» с передачей ему соответствующих функций, ранее выполнявшихся этими структурами НКВД¹.

Но после окончания Великой Отечественной войны права Особого совещания оставались такими же, как и в годы военной обстановки. 18 сентября 1945 г. совместной директивой НКВД и НКГБ предписывалось тщательно посмотреть все законченные следственные дела. Те из них, которые могли рассматриваться в судебном порядке, предлагалось направлять в соответствующие суды. На рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР до особого указания разрешалось направлять только те следственные дела, которые нельзя было по оперативным или иным причинам передать в суд².

27 февраля 1946 г. на основании решения Особого совещания при НКВД СССР из-под стражи были освобождены лица, ранее судимые этим органом до 15 июля 1942 г., и направленные в ИТЛ НКВД на срок до окончания войны. Этим решением всем ранее отбывавшим заключение было разрешено свободное проживание на территории Советского Союза, за исключением режимных местностей³.

Ужесточив наказание для тех, кто был непосредственно замешан в уничтожении мирного населения и военнопленных, советское руководство начало одновременно смягчать наказание для тех коллаборационистов, кто в подобных преступлениях не был замешан. 11 сентября 1943 г. была издана совместная директива НКВД и НКГБ СССР № 494/94, ознаменовавшая

¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 108. Л. 152, 153-157; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. – М., 2008. – С. 397-398, 405-408.

² Мозохин О.Б. Указ. соч. – С.257.

³ Там же. – С. 257-258.

новый подход к репрессиям против коллаборационистов¹. Согласно этой директиве, аресту подлежали офицеры коллаборационистских формирований и рядовые, участвовавшие в карательных операциях против мирного населения, перебежчики из Красной Армии, бургомистры, крупные чиновники, агенты гестапо и Абвера, те сельские старосты, кто сотрудничал с немецкой контрразведкой². Всех прочих коллаборационистов направляли в проверочно-фильтрационные лагеря, где их проверяли на тех же условиях, что и вышедших из окружения бойцов Красной Армии и военнопленных. Коллаборационисты призывного возраста, согласно директиве от 11 сентября 1943 г., освобождались, но оставались под наблюдением местных органов НКГБ³.

Проверочно-фильтрационные лагеря в СССР создавались согласно Постановлению ГКО № 1069 от 27 декабря 1941 года. В нем указывалось, что в «целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников Родины, шпионов и дезертиров создавать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты Наркомата обороны. Воинские части Красной Армии обязывают при освобождении населенных мест, обнаруживаемых там военнослужащих, находившихся в плену или в окружении противника задерживать и направлять на сборно-пересыльные пункты. Для содержания ... бывших военнослужащих и обеспечения их фильтрации НКВД СССР обязывается организовать специальные лагеря»⁴.

Одновременно с применением дифференцированного, но строгого подхода к коллаборационистам, осуждавшимся в индивидуальном порядке,

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 2. Великий перелом: 1 июля–31 декабря 1943 года. – М., 2008. – С. 350.

² ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

³ Дюков А.Р. Милость к падшим: советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. – М., 2009. – С. 27; Журавлев Е.Н. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время // Научные ведомости БГУ. – 2013. – № 22 (165). – Вып.28. – С.154-155.

⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 179-179-об.

руководство советского государства осенью 1943 г. приступило к подготовке депортаций народов Северного Кавказа (карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев), а также степных калмыков¹. По мнению историка А.Р. Дюкова, решение о депортации принималось, учитывая наличие среди представителей этих народов значительного числа коллаборационистов, повстанцев и дезертиров, а также невозможностью наказать преступников в индивидуальном порядке из-за традиционной социальной структуры общества с сильными родо-племенными связями. Это делало весьма трудным индивидуальные выявление и наказание коллаборационистов, которые всегда могли рассчитывать на помощь своих родственников².

После победы Советского Союза над фашистской Германией руководство страны столкнулось с новой проблемой. На территории Германии находились миллионы советских граждан. Большинство из них из СССР были вывезены насильно: это восточные рабочие, заключенные концлагерей или военнопленные. Но были и те, кто ушел с немецкими войсками добровольно, опасаясь справедливого наказания за бывшее сотрудничество с врагом.

Советское руководство приняло довольно простое решение. Все задержанные в Германии коллаборационисты направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря. По докладам Управления по делам репатриации советских граждан из Центральной группы советских войск (Австрия, Чехия, Венгрия) на 26 октября 1945 г. через систему лагерей и сборно-пересыльных пунктов прошло 373656 человек. Из них 226355 человек отправлено на Родину, передано на укомплектование частей ЦГСВ – 77374 человек, направлено в рабочие батальоны – 15671 человек, 48650 человек отправлено в специальные проверочно-фильтрационные лагеря³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 63. Л. 58, 65, 81.

² Дюков А.Р. Указ. соч. – С. 29.

³ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 1-2.

В целях успешной фильтрационной работы по разоблачению предателей из среды репатрируемых советских граждан также организовалась и агентурная работа. Агентура распределялась по баракам по принципу землячества или по контингентам, находившимся в немецкой неволе в одних и тех же в лагерях.

В результате сочетания официальной проверочно-фильтрационной работы агентурой было выявлено: 11603 коллаборациониста, в том числе власовских офицеров – 57, рядовых РОА – 3118, легионеров – 759, изменников Родины – 619, нацистских – 2297, служивших в частях Вермахта – 4425. При этом было арестовано 433 человека¹.

Окончательно судьба репатриантов-коллаборационистов определялась постановлениями ГКО № 9871с от 18 августа 1945 г.², СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 года. Согласно этим документам лица из проверочно-фильтрационных лагерей, прошедшие проверку, направлялись на шестилетнее спецпоселение³. Советское руководство отказалось от принципов индивидуального наказания, в целом предпочтя более мягкое коллективное наказание. За период с 1945 по 1951 гг. на поселение поступило 177,6 тысяч бывших власовцев, из них большая часть – 132,5 тысячи – в 1945 году⁴.

Таким образом, репрессивная политика советских властей по отношению к коллаборационистам в течение минувшей войны смягчалась и становилась все более и более дифференцированной.

В 1951 г. у большей части бывших власовцев истекал установленный срок спецпоселения. Для того, чтобы эти лица не смогли покидать места расселения, на них стали распространять статус «временно оставленных» на учете спецпоселений. Они подлежали освобождению только после

¹ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 19. Л. 7-8.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 457. Л. 194-198, 199-202.

³ ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁴ Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. – М., 1999. – С. 96; Толмачева А.В., Маменкова Е.С. Сотрудничество с врагом: проблема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. – 2009. – № 12(120). – С.94.

завершения строительства объектов, где они были закреплены. По данным историка В.Н. Земскова, численность власовцев, освобожденных от поселения на 1 января 1953 г., составляла от 87,6 до 93,5 тысяч человек¹.

Сотрудники органов внутренних дел тщательно отслеживали морально-психологическое состояние спецконтингента с целью предотвратить возможные антигосударственные выступления. Ведь в числе недовольных, прежде всего, были те, кто не испытывал чувства любви к лагерным порядкам, а их политическая позиция не соответствовала общепринятой идеологии.

Одним из способов демонстрации неприятия советской власти становились побеги. Так, из общего числа задержанных в ходе организации побегов власовцы до 1949 г. составляли 15%. Но среди власовцев, находившихся на поселении, было и немало тех, кто испытывал искреннее чувство вины за предательство Родины².

Большинство бывших «власовцев» было амнистировано на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года.

После окончания боевых действий в Европе часть добровольческих формирований, участвовавших в войне на стороне Вермахта, оказалась на территории, занятой войсками союзников. В западные районы Чехословакии и Австрии стекались остатки из частей РОА, «восточных легионов», охранных частей, отступавших под натиском Красной Армии и англо-американских войск. Согласно Ялтинской договоренности (1945 г.), СССР и его союзники обязались возвращать друг другу всех граждан, включая освобожденных военнопленных, перемещенных гражданских лиц или военнослужащих добровольческих формирований. Значительная часть «добровольцев» сумела все же остаться на Западе. Всего «невозвращенцев»

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М., 2003. – С.136.

² Толмачева А.В., Маменкова Е.С. Сотрудничество с врагом: проблема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. – 2009. – № 12 (120). – С. 95-96.

(включая жителей западных областей СССР) насчитывалось более 500 тысяч человек.

Лишь полвека спустя многие из сотрудничавших с противником в годы Второй мировой войны были реабилитированы Указом Президента Российской Федерации от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период»¹. Но действие этого Указа не распространяется на бывших советских военнопленных и гражданских лиц, которые служили в строевых и специальных формированиях Вермахта, в отрядах полиции, на всех, кто согласно Закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» не подлежал реабилитации, поскольку предательство и измена Родине сроков давности не имеют².

Следует отметить, что меры по уголовному преследованию гитлеровских военных преступников и их пособников стали осуществляться в Советском Союзе лишь с середины 1944 года. В сложившихся условиях местным руководителям органов борьбы с преступностью не оставалось ничего другого, как самим разрабатывать детали процесса расследования, определять признаки деяния гитлеровских захватчиков как преступлений в издаваемых ими руководящих служебных актах³.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. открытые процессы над военными коллаборационистами, которые совершали преступные деяния по отношению к мирным гражданам, проходили в Краснодаре (14-17 июля 1943 г.), в Краснодаре Ворошиловградской области (август 1943 г.), в Курской, Орловской,

¹ Российская газета. – 1995. – 28 января; Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 5. – Ст. 394.

² Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 1. – М., 2011. – С. 438-439.

³ Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). – Волгоград, 1997. – С. 9-26.

Брянской областях РСФСР (в 1943–1944 гг.), а также в Бобруйске БССР (1944 год).

В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором, как известно, возобладало обоснованное мнение о том, что субъектами военных преступлений является государство и его организации, в данном качестве на территории СССР рассматривались лишь физические лица.

17 сентября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Согласно документу, амнистия применялась в отношении советских граждан, «которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами». Четвертая статья данного Указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осужденным за убийство и истязания советских граждан»¹.

Сегодня нужно объективно признать, что степень вины различных категорий коллаборационистов остается разной. Однако при этом, как неоднократно отмечалось руководящими и надзорными инстанциями органов военной юстиции, основанием для привлечения к ответственности, в большинстве случаев, оказывался сам факт службы на административных или иных должностях в оккупационных органах противника. Основной причиной сложившегося положения послужила «существующая... у ряда работников установка, что ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР подлежат все лица, работавшие или служившие у немцев, независимо от конкретного характера их деятельности»².

Наиболее важные дела по обвинению в измене Родине рассматривались Военной коллегией Верховного Суда СССР. Так в июле – августе 1946 г. на

¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955-1991 гг.: Сб. правовых актов. – М., 1997. – С.89.

² Епифанов А.Е. Указ. соч. – С.47.

смертную казнь через повешение были осуждены генерал-коллаборационист А.А. Власов и его сообщники. Еще в ноябре 1942 г. против них было возбуждено уголовное преследование, а 24 февраля 1943 г. они были заочно приговорены к смертной казни¹.

16 января 1947 г. в Москве был проведен закрытый судебный процесс по делу эмигрантов-генералов П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснова и Султан Кереч-Гирея; бывшего советского гражданина Т.М. Доманова и германского подданного Г. фон Паннвица. Они все были приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение по окончании судебного процесса на виселице, сооруженной во дворе Дома Союзов².

Подобная участь постигла коллаборационистов из казачьих частей, которые были вывезены в проверочно-фильтрационный лагерь под Кемерово. Офицеры казачьих частей приговаривались военными трибуналами Восточно-Сибирского военного округа к расстрелу, а остальные отправлялись на каторжные работы сроком не менее 20 лет в рудники Кузнецкого угольного бассейна³.

В эти годы начались и процессы реабилитации народов, обвиненных в массовом коллаборационизме в период Великой Отечественной войны. Так, 29 августа 1964 г. специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР были сняты все бывшие обвинения в пособничестве врагу с советских немцев, выселенных из различных территории Советского Союза.

Но в этом Указе не говорилось о восстановлении их привилегий или разрешении возвратиться на места бывшего их проживания (например, в Саратовскую область, в районе бывшей Республики Немцев Поволжья)⁴.

¹ Известия. – 1946. – 2 августа; Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. – М., 2005. – С. 216.

² Правда. – 1947. – 15-17 января.

³ Журавлев Е.И. Указ. соч. – С. 157.

⁴ Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 52. – Ст. 562; Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. – М., 2010. – С. 557.

Процесс наказания коллаборационистов – бывших сотрудников немецких карательных частей растянулся на долгие годы. Об этом могут свидетельствовать и судебные процессы, проведенные в Курске в 1953, 1959, 1962, 1973 гг., в Белгороде – в 1959, 1974, 1976 и 1977 годах над рядом коллаборационистов, служивших в разведывательных и карательных подразделениях гитлеровской Германии. На их совести было участие в совершении тяжких преступлений против жителей Курской области. Такие преступления не могли быть забыты или прощены.

Не случайно Президиум Верховного Совета СССР 4 марта 1965 г. принял Указ «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершенных преступлений»¹. В этом документе было особо подчеркнута, что нацистские преступники, виновные в тяжчайших злодеяниях против мира и человечности и военных преступлениях, а также советские граждане, которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 году проводили активную карательную деятельность, принимали личное участие в убийствах и истязаниях мирных граждан, подлежат наказанию независимо от времени, истекшего после совершения преступления.

Оценивая материалы, приводимые в § 3 главы I, подчеркнем, что для советского законодательства в период войны была характерна прямолинейность и жесткость. Но при объективном рассмотрении такого многогранного явления, как коллаборационизм, необходимо учитывать все реалии военного времени. В годы Великой Отечественной войны в СССР имели место как судебные, так и внесудебные наказания коллаборационистов. При судебных наказаниях применялся дифференцированный подход, который ужесточал наказание для коллаборационистов, совершивших военные преступления, и часто смягчал наказания для тех коллаборационистов, кто не совершал таких преступлений.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1965. – № 39. – Ст. 569.

Значительное место в практике наказания занимали внесудебные преследования коллаборационистов, расстрелы их без суда и следствия. В них участвовали как военнослужащие действующей армии, так и партизаны. Подобные действия становились ответной реакцией советских патриотов на зверства и расправы с мирным населением, которые проводили вооруженные сторонники оккупационного режима, особенно из числа советских граждан.

Можно согласиться с мнением М.И. Семиряги, который в фундаментальном исследовании, посвященном коллаборационизму в годы Второй мировой войны, писал о том, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма.

К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии и полицейских формирований, советские граждане, работавшие на предприятиях и учреждениях оккупационной администрации. Американский историк А. Даллин в фундаментальной работе о немецкой оккупационной политике в СССР в годы Второй мировой войны пришел к выводу, что без пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив обеспечить свое господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла.

В России термин коллаборационизм сегодня применяется для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом. В советской науке ранее использовали слова «предатель», «изменник Родины», «пособник». Однако, на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли коллаборационистами.

Массовые передвижения освобожденных советских граждан, вывезенных на принудительные работы в Германию, затрудняли оперативную работу военнослужащих войск НКВД по охране тыла, и не давали возможности приступить к качественной проверке местного населения, которое также перемещалось с мест эвакуации к постоянному месту жительства. В этот период немецкая агентура имела возможность свободного перемещения под прикрытием лиц, уходящих из немецкого плена. В ориентировках, рассылаемых войска НКВД, отмечалось, что вражеские разведорганы для возобновления подрывной работы против СССР, уходя в подполье, оставляли широко разветвленную сеть под видом местных жителей или бывших военнопленных, работавших на спецслужбы Германии. Это подтверждалось показаниями разоблаченных агентов и данными фильтрации.

70-летие, прошедшее со дня окончания Великой Отечественной войны позволяет исследователям достаточно полно охарактеризовать многие аспекты ее конкретной истории. Оценивая с позиции сегодняшнего дня события Великой Отечественной войны, следует признать, что наряду с патриотическим порывом и единением народов СССР в борьбе с фашизмом, имели место и панические настроения, антисоветизм и предательство.

Но осуждение по обвинению в пособничестве оккупантам только по одним формальным признакам, исходя из факта нахождения у них на службе, было признано недопустимым. Даже в приказе Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. категорически воспрещалось привлекать к ответственности граждан, хотя и занимавших административные должности при немцах, в отношении которых следствием было установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям РККА, саботировали мероприятия немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества. Не подлежали ответственности также рабочие и мелкие служащие административных учреждений захватчиков; лица, продолжавшие

при оккупации заниматься своей профессиональной деятельностью, – врачи, агрономы, ветеринары и другие служащие.

Сложность следственной и судебной работы состояла в том, чтобы не подвергать необоснованным репрессиям лиц, которые стали жертвой провокации немцев. В этой связи в пример приводились в случаи, когда старостами назначались бывшие председатели колхозов, имевшие по несколько сыновей в Красной Армии, не успевшие по различным причинам эвакуироваться и под угрозой расстрела приступившие к исполнению своих функций. Эти люди предупреждали жителей о готовящихся фашистских грабежах, помогали партизанам. По данному поводу следовало указание о том, что формальное пребывание в роли старост подобных лиц не может влиять на привлечение их к уголовной ответственности.

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами была во многом связана с положением на фронтах. Понятно, что после срыва плана блицкрига, в условиях активизации советского Сопротивления в тылу врага многие коллаборационисты пытались искупить вину перед соотечественниками.

Современным исследователям истории Второй мировой войны необходимо осознавать, что люди, находившиеся под властью оккупантов, не могли не взаимодействовать или не сотрудничать с ними, хотя бы ради собственного выживания и сохранения жизни своих близких и родных.

Степень вины людей, которые сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавало руководство советским Сопротивлением еще в начальный период войны.

ГЛАВА 2. ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, АДМИНИСТРАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

2.1. Коллаборационизм в сфере реализации административной политики немецко-фашистских оккупантов

Изучение различных видов и форм сотрудничества с врагом советских граждан, остававшихся на оккупированных территориях, показывает, что, чаще всего, оно выходило за рамки обычного предательства и носило характер довольно распространенного социально-экономического явления¹.

Многие отечественные исследователи коллаборационизма (Б.Н. Ковалев, В.А. Пережогин, Е.Н. Шанцева и др.)², едины в убеждении, что административный коллаборационизм в основном проявлялся участием советских граждан в деятельности местных органов управления, создаваемых оккупационными властями для обеспечения нужд вооруженных сил и самообеспечения населения, проживавшего в зоне оккупации.

В публикациях Б.Н. Ковалева, Е.Н. Шанцевой, С.А. Никифорова и др. подробно рассмотрены основные направления, цели и задачи, способы реализации административной политики оккупантов. В нашей работе, прежде всего, мы сосредоточили внимание на обеспечении кадрами системы местного управления оккупированными территориями.

¹ Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Том I. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 203.

² Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Вел. Новгород, 2009. – С. 8; Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941-1945 гг. В 2 кн. – Кн. 2. – М., 2004. – С. 293; Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В., Трифанков Ю.Т. Брянщина в период оккупации 1941-1943 гг.: генезис партизанского движения и коллаборационизма. – Брянск, 2010. – С. 71.

Ведущий исследователь коллаборационизма периода Второй мировой войны в странах Западной Европы и в СССР профессор М.И. Семиряга подчеркивал, что «никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями этой страны»¹. Без привлечения специалистов, знающих особенности местного хозяйства, процессов осуществления властных полномочий, без необходимого числа переводчиков и других помощников, происходивших из числа местных жителей, было невозможно использовать экономические ресурсы захваченных территорий для нужд оккупантов.

Западногерманский историк К.Г. Пфедфер подчеркивал, что: «Немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам»².

В соответствии с инструкцией от 3 апреля 1941 г. Главнокомандующего Сухопутными силами (ОКХ) В. фон Браухича структуры военной администрации выполняли функции поддержания порядка и безопасности на территориях, оккупированных германской армией. Инструкцией допускалось создание органов местной администрации среднего и низшего звена, городских и районных управлений, местной полиции (службы охраны порядка). Они обязаны были работать под непосредственным наблюдением германских военных комендатур³. 7 июля 1941 г. командующий тылом группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф подписал административное распоряжение. В нем он определил

¹Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 5.

² Пфедфер К. Г. Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. – СПб., 1998. – С. 513.

³ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010. – С. 29.

первоочередной задачей военных комендантов создание органов местного управления и полиции порядка¹.

Фашистское руководство, скрывая истинные цели войны, относилось к привлечению в местные органы власти противников советского режима с опаской. Так, в циркулярном письме командующего тылом 16-й армии 19 октября 1941 г. отмечалось: «Новое политическое деление русского населения наталкивается в этой стадии оккупации на особенные трудности. На политических основаниях в новом строительстве не могут быть использованы ни эмигранты, ни их потомки, ни православная церковь, несмотря на их однозначно антибольшевистские настроения»².

Немецко-фашистские оккупанты стремились призывать к себе на службу только лиц, желавших достичь высокого положения, стремившихся отомстить за обиды, нанесенные им или их родственникам Советской властью. Но они не должны были претендовать на создание самостоятельной власти, независимой от Германии.

Действительно, на местах коллаборационисты стали основной опорой для захватчиков. Повсеместно в оккупированных районах Центрально-Черноземного региона создавался вспомогательный аппарат управления, формируемый из представителей гражданского населения. Этот административный аппарат полностью был подчинен нацистским властям. Сотрудники местной администрации помогали оккупантам осуществлять экономические, политические и карательные цели. Оккупанты при этом отмечали, что органы местного самоуправления, в которых работали коллаборационисты, не являются «носителями русской государственной власти»³. Они играли только вспомогательную роль и выполняли приказы оккупационных властей.

¹ Там же. – С. 30.

² Цит. по: Никифоров С.А. Указ. соч. – С. 205.

³ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 237.

В зависимости от предпочтений военных комендантов, районные и городские управления назывались «магистратурами», «бургомистерствами» или «старостатами». Их руководители именовались бургомистрами, городскими головами и районными старостами (названия их были различны в противоположность должностным обязанностям). Так, Городскую управу в Курске возглавил городской голова И.А. Смялковский. Обязанности руководителей местных администраций были сформулированы в «Наставлении бургомистру» таким образом: выполнение приказов и распоряжений комендантов, поддержание общественного порядка, руководство деятельностью полиции, сбор оружия у населения, регистрация прибывших граждан, задержание военнослужащих Красной Армии, предотвращение неразрешенных собраний и демонстраций, восстановление работы учреждений и предприятий, поддержание в порядке сельхозорудий и автомашин, обеспечение светомаскировки в населенных пунктах. Им самостоятельно запрещалось принимать решения и применять административные меры без разрешения немецких властей¹. Главы местного управления создавали и возглавляли чиновничий аппарат.

В администрациях районов и городов ключевые фигуры назначались только оккупантами. Весьма характерен пример назначения городской администрации Курска, описанный в воспоминаниях бывшим заместителем главы городской Управы инженером А.Г. Кеповым. 5 ноября 1941 г. он, как и другие специалисты различных отраслей городского хозяйства, были вызваны к военному коменданту. Комендант города капитан Штумпфельд строго заявил: «Или вы будете работать у нас, или мы повесим за саботаж вместе с вашими семьями. Думайте двадцать минут. Это вам не Совдепия»². Никто из вербуемых отказываться не решился.

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 237.

² Кепов А.Г. Курск в период оккупации 1941-1943 гг. // Курские мемуары. – 2002. – № 2. – С. 28.

В городских Управах на руководящих должностях в дни оккупации появилось большое число служащих из бывших советских учреждений (начальники отделов, руководители предприятий, бухгалтеры). Так, Городским головой Курска служил Иван Алексеевич Смялковский. До оккупации города он работал заместителем заведующего областной конторой «Союззаготкожсырье». Как отмечалось в оперативных документах УНКГБ по Курской области, «за период оккупации Курска Смялковский исполнял обязанности бургомистра города. Назначение на должность он получил благодаря настоянию гражданского коменданта Курска Вегемана. Характеризуется грубым и крайне замкнутым человеком»¹.

Заместителем Городского головы в Курске работал инженер А.Г. Кепов. Он руководил восстановлением электростанции, водопровода, мельницы № 17 и других хозяйственных объектов. И.А. Смялковский и А.Г. Кепов также уделяли большое внимание идеологической работе с населением. Они восхваляли «новый порядок», пропагандировали идеи неизбежной победы Германии. А.Г. Кепов приложил много усилий для регулярного снабжения населения города хлебом (из расчета 300 граммов – работающим, 200 граммов – иждивенцам).

Отдел здравоохранения Городской управы Курска с 1942 г. возглавлял Н.М. Кононов, ранее работавший санитарным инспектором горздравотдела². Он был осужден в довоенное время и находился в Курске в административной ссылке. До начала войны Н.М. Кононов старался публично не высказывать своих антисоветских настроений. Позднее, когда советские войска освободили Курск, на первом допросе в органах НКВД он признался, что «на службу к немецким оккупантам поступил добровольно, будучи подготовленным к предательству и измене Родине»³. По указанию коменданта Н. Кононов в Курске поддерживал не только развитие медицины,

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 74-об.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 43.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 96.

но и порядок в домах терпимости, открытых для немецких офицеров¹. В одном из номеров газеты «Курские известия» за своей подписью Н.М. Кононов опубликовал статью, в которой угрожал расстрелом медработникам, лечившим частным порядком венерических больных².

Отдел здравоохранения городской Управы руководил работой трех курских больниц. Как вспоминал курский краевед А.И. Наседкин, «...одна больница была на улице Садовой (главврач – С.Н. Попов), другая – на Юрьевской (главврач – Е.К. Коровина). Работали и городская инфекционная больница, Санбакинститут под руководством Б.И. Воробьева. На ул. Дзержинского в поликлинике трудились врачи и средний медицинский персонал... Для того, чтобы воспрепятствовать мобилизации русской молодежи на принудительные работы в Германию, русская администрация увеличила штаты поликлиники в 2 раза за счет привлечения на работу молодых людей и тем самым буквально спасла многих из них от принудительного труда в Германии»³.

Городскому отделу здравоохранения подчинялось и управление аптечным делом. Оно стало базой для заготовки аптечных товаров и снабжения ими лечебных учреждений, медпунктов и аптек Курска и в его окрестностях⁴.

В период оккупации для местного населения здравоохранение явно находилось на низком уровне. Фашистские руководители вкладывали человеконенавистническую сущность в систему здравоохранения, организованного для населения оккупированных территорий. В одном из немецких документов отмечалось: «...Мы должны внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1132. Л. 19; ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2998. Л. 98.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 98.

³ Наседкин А.И. Курск. Оккупация. 1941-1943 гг. // Курские мемуары. Науч.-историч. журнал. – 2007. № 1. – С. 36.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.

на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей, и т.п. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств... Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев... Следует сократить до минимума подготовку детских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям...»¹

Лечением немецких солдат и офицеров занимались гарнизонные врачи. До здоровья местных жителей им не было дела. Старший гарнизонный врач Керн был инициатором санкций на массовое убийство пациентов областной психиатрической больницы, расположенной в с. Сапогово севернее Курска. Это стало одним из самых страшных злодеяний, совершенных в Курске оккупантами и их пособниками².

После занятия Курска немецкой армией, комендант города майор В. Фляг и майор Керн дали указание директору психиатрической больницы В.И. Краснопольскому и старшему врачу А.Т. Сухареву о необходимости приступить к умерщвлению пациентов больницы. Гитлеровские офицеры заявили медперсоналу, что «по германским законам душевнобольные являются лишним балластом для общества и подлежат уничтожению». Руководству больницы было предложено из 1500 пациентов, находившихся на лечении, оставить не более 200, наиболее крепких и способных выполнять физически трудную работу³.

18-21 декабря 1941 г. группой врачей (М.Г. Нестерова, О.С. Котович) и медицинских сестер, возглавляемых врачом А.Т. Сухаревым, было произведено отправление 538 больных путем введения им в прямую кишку 70% раствора хлоралгидрата. Несмотря на высокие дозы введенного

¹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. – М., 1973. – С. 38.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 53.

³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 22. Л. 23-24, 26.

снотворного, некоторые пациенты оказывали сопротивление. Тогда лекарство им вводилось повторно.

Сотрудники больницы к 18 декабря 1941 г. уморили голодной смертью около 350 пациентов. В щели и бомбоубежища, располагавшиеся на территории больничного городка, сбрасывались еще полуживые люди. Некоторые из них находили силы и выбирались из ям, возвращаясь в палаты. Тогда сотрудники больницы вводили им повышенные дозы снотворного. Всего погибло около тысячи пациентов психиатрической больницы¹.

Некоторые средние и младшие медицинские работники (медицинские сестры, санитарки, лаборантки), оставшись на оккупированной территории, открыто сотрудничали с врагом. Так, медицинская сестра Ю.И. Локтионова, работая в Михайловской больнице, в которой лечились немецкие военнослужащие и местные полицейские, проявляла к ним максимум обходительности и внимания. Кроме того, она часто участвовала в вечеринках, организуемых гитлеровскими офицерами. Но с местных жителей Ю. Локтионова брала взятки за оказание медицинских услуг. От партизан, приходивших к ней за помощью, она постоянно скрывалась². Такое же поведение было характерно и для медицинской сестры Глушковской больницы М.П. Лукашенко. Она отказывала в помощи местным жителям, но за приносимые ей подношения охотно обслуживала дезертиров из рядов Красной Армии³.

Города, бывшие центрами областей – Орел, Воронеж, Курск, в период оккупации стали населенными пунктами «внерайонного» подчинения. Их жизнедеятельность обеспечивалась под контролем двойной администрации.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 22. Л. 2, 5-6, 16-19; Д. 1049. Л. 16; Курская правда. – 1943. – 26 июня; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 1. – Курск, 1960. – С. 178.

² Исключена из ВЛКСМ 31 мая 1943 г. Михайловским РК ВЛКСМ (ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 95. Л. 97).

³ Исключена из ВЛКСМ 3 апреля 1944 г. Глушковским РК ВЛКСМ (ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 96. Л. 117).

Для примера рассмотрим систему местных органов власти, действовавших в период оккупации Курска. С первых дней оккупации в городе действовала гражданская комендатура (располагалась по ул. Ленина, 30), подчинявшаяся военной комендатуре. Гражданским комендантом стал Р.Е. Вегеман. До войны он работал профессором кафедры немецкого языка Курского педагогического института¹. В функции гражданской комендатуры входили: учет материальных ценностей, изъятие их для нужд немецкой армии, учет квартир и размещение военнослужащих по квартирам, регистрация населения, выдача документов, пропаганда.² Вегеман был вторым по влиянию человеком в городе, уступая только военному коменданту³. В Белгороде, помимо военной комендатуры (комендант – Бабингер), действовала гражданская комендатура. Ее возглавил К. Штарк.

Военным комендантам города майору Флягу (до июля 1942 г.) и генерал-майору Марселлу (июль 1942 – январь 1943 гг.) удалось наладить взаимодействие военной оккупационной администрации со многими представителями местного населения, имеющими личную мотивацию (были осуждены или подверглись репрессиям, как и их родственники в 1930-е годы, неудачная карьера, материальные трудности в быту и др.) иметь негативное отношение к Советской власти.

В укреплении городской администрации Курска и Белгорода важное значение имело следующее обстоятельство: должности гражданских комендантов в этих городах занимали фольксдойче («природные немцы») Р.Е. Вегеман и К. Штарк. До начала войны они долгое время проживали на территории СССР. Благодаря хорошему знанию языка, традиций местного населения, специфики политического и хозяйственного управления, они смогли стать самой важной опорой режима немецко-фашистской оккупации.

¹ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. – Курск, 1999. – С. 39.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 74.

³ Кепов А.Г. Курск в период оккупации 1941-1943 г.// Курские мемуары. – 2002. – № 2. – С. 27, 28.

Но как отмечает историк С.А. Никифоров, с начала лета 1942 г. гражданские комендатуры функционально объединились с военными комендатурами¹.

С 5 по 11 ноября 1941 г., т.е. в первые дни оккупации Курска, была создана городская Управа. Ее возглавил И.А. Смялковский. Управа занималась организацией хозяйственной жизни города. Все свои действия она должна была согласовывать с гражданским и военным комендантами или с их специальными представителями. Городская Управа Курска имела в своей структуре 10 отделов и специальный отдел службы порядка. Отраслевое управление осуществляли: промышленный отдел (руководитель – А.В. Томилло); жилищный отдел (Э.А. Духновский); школьный отдел (И.Ф. Матушкин); отдел здравоохранения (А.С. Федотов, затем Н.М. Кононов); финансовый отдел (В.В. Никольский); торгово-заготовительный отдел (А.Н. Тимошкин); сельскохозяйственный отдел (Г.А. Никольский); общий отдел (А.А. Ковалевский); отдел просвещения (А.Г. Морозов); административно-хозяйственный отдел (А.Г. Кепов); отдел службы порядка (Д.В. Михайловский, затем П.Н. Рябчевский)².

За период деятельности городская Управа Курска подвергалась различным реорганизациям. Так, на страницах газеты «Курские известия» в статье «Перестройка работы Городской Управы» подчеркивалось, что «в связи с новыми заданиями, поставленными перед Городской Управой, и на основании указаний комендатуры... проведена ее реорганизация». Вместо 10 ранее существовавших отделов были образованы части, руководимые членами Управы: финансовая, техническая, хозяйственная, культурно-бытовая, служба порядка, общая канцелярия Управы. Организованные части подразделялись на ряд отделов³. Начальники всех отделов назначались

¹ Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под пятой фашистов. – Курск, 2012. – С. 232.

² ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 1. Л. 58; АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 74-об.; Кепов А.Г. Курск в период оккупации 1941-1943 г. // Курские мемуары. – 2002. №2. С. 25-26.

³ ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 20; Курские известия. – 1943. – 10 января.

городской Управой. Так, в марте 1942 г. курская группа инженеров обратилась к начальнику ВИКДО майору Рауш и бургомистру И.А. Смялковскому с заявлением о том, что все они «поставили целью выполнять заказы для частей германской армии». Отдавая свои профессиональные навыки врагу, эти «интеллигенты» превратили себя в немецких лакеев, выполняя самые разные поручения оккупантов¹.

В распоряжении № 223 городской Управы от 14 ноября 1942 г. говорится об образовании самостоятельной продовольственной конторы, которая выделялась из торгово-продовольственного отдела. Она должна была подчиняться лишь Городскому голове И.А. Смялковскому².

В начальный период оккупации Курск был разделен на четыре района: Московский, Херсонский, Стрелецкий, Ямской. Позднее был образован пятый район – Казацкий. Каждый из районов делился на участки, во главе которых находилось 100 старост³. Такое административное деление существовало с лета 1942 года.

Судебная власть в Курске сосредотачивалась в руках Городского головы. С марта 1942 г. И.А. Смялковский лично выносил приговоры. Городской следственный суд только вел следствие и готовил материалы для приговоров. В мае 1942 г. оккупационные власти утвердили «Положение о наказаниях», ставшее подобием временного уголовного кодекса. За уклонение от трудовой повинности предусматривалась отправка в лагерь принудительных работ на срок до 6 месяцев, побег из него карался смертной казнью. Одним из ярых коллаборационистов, творивших в Курске «правосудие», был адвокат Соколов. Позднее, на следствии, он показывал, что «совершенному предательству... предшествовали контрреволюционные настроения и сожаление о потерянных в прошлом привилегиях»⁴. Адвокаты Соколов и Демин, служившие в период оккупации судьями по уголовным

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 97-98.

² ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

³ ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 63, 82.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2998. Л. 96.

делам, в 24 часа выносили приговоры советским гражданам за отказ от исполнения принудительных работ¹.

Аналогичная система гражданского управления и судопроизводства существовала в Белгороде, Льгове, Фатеже, Обояни, Рыльске и других городах области. В Рыльске, например, насчитывалось 30 городских старост². Во Льгове до мая 1942 г. действовала самостоятельная городская Управа (городской голова – С.И. Праведников), напрямую подчиняясь местной комендатуре. Руководство Льговским районом осуществляла районная управа (руководитель – А.М. Алябьев). Своя администрация существовала даже на железнодорожной станции Льгов III (ее возглавлял Р.Г. Шульц). В мае 1942 г. управа Льгова и бургомистерство станции были упразднены. Власть в районе передавалась районной управе во главе с А.М. Алябьевым³.

В Шебекино должность управляющего районом занимал А.Г. Жилин, проявивший себя активным пособником фашистов. Управу города Шебекино в начале оккупации возглавлял А.З. Кравцов, расстрелянный за помощь партизанам. Позднее городским головой стал М.Д. Авдеев, активно сотрудничавший с оккупантами и гестапо⁴.

По результатам разведки, проведенной сотрудниками 4-го отдела УНКВД по Курской области на оккупированной территории, 26 сентября 1942 г. был составлен разведывательный бюллетень, содержащий информацию об опорных кадрах оккупационных властей. В числе активных пособников фашистов значились: городской голова Дмитровска А.С. Попов, районный староста Чаповский (бывший агроном райзо), редактор «Дмитровской газеты» Л.Д. Соловьев (бывший агроном госсортфонда), бургомистр Дмитриева Васильченко (бывший заведующий магазином), Корневский бургомистр Трофимовский (член ВКП(б)), бургомистр Льгова

¹ Там же. Л. 97, 98.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 241. Т. 3. Л. 30, 46.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 247; Т. 2. Л. 760, 763.

⁴ Поздняков Э.Н. Шебекино в период оккупации (новые сведения) // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Уроки истории. Материалы научно-практич. конференции, г. Белгород, 18 апреля 2000 г. – Белгород, 2000. – С. 98.

Бородин (член ВКП(б)), староста Беловского района Сытнянский (бывший статист райпотребсоюза), староста слободы Белой Н.И. Шапошников (бывший секретарь райздравотдела)¹.

В числе «верноподданных» слуг «нового» порядка, установленного оккупантами на территории области, необходимо отметить гражданского коменданта Щигров И. Волобуева, старост Никольского сельсовета и с. Сныткино Щигровского района Ф.В. Жеребьева и Ф. Брусенцова (в 1937 г. был исключен из ВКП(б) за сокрытие социального прошлого, но перед войной был восстановлен в партии и работал председателем местного колхоза – авт.), помощника старосты Томаровского района И.И. Кравцова (до войны судимого по ст. 58-7 УК РСФСР), старосту сел Вязовое и Щигорчик Щигровского района Солодухина (он в 1939 г. был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) за развал работы возглавляемого им колхоза – авт.), помощника старосты с. Сабынино Сажновского района И.И. Чицова (осужденного в 1929 г. за бандитизм)².

Многие упомянутые представители местной администрации творили произвол и беззаконие. Так, при попустительстве И.И. Чицова в селе Сабынино были расстреляны 24 старика и 12 малолетних детей. Оккупанты железными скобами прибили к воротам дома жену красноармейца О.А. Примакову, сожгли в доме жену военнослужащего РККА А. Кравцову и двух ее малолетних детей³.

Численность населения оккупированных городов и районов существенно не влияла на количество служащих в органах местного управления. Так, в штате городской управы Курска, где до войны население города превышало 140 тысяч человек, работало 136 служащих.

Деятельность представителей местной администрации оккупированных городов и районов Курской области вызывала серьезные

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 14-15.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 23; Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 6.

³ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 130. Л. 93.

нарекания у оккупантов. Немецкие спецслужбы отмечали широкое распространение взяточничества, наличие среди чиновников советских агентов, низкий уровень компетентности многих сотрудников. Весной 1942 г. для борьбы с коррупцией стали создаваться инспекции по гражданскому управлению. Предполагалось, что «они должны содействовать выполнению важных и ответственных задач для возвращения русского народа к нормальной человеческой жизни»¹.

Одним из направлений работы инспекции по гражданскому управлению стала оптимизация структуры городской и районной местной администрации. Так, в крупных городах, отнесенных к населенным пунктам «внерайонного подчинения», обособленные городские органы местного самоуправления были сохранены.

Изменения в системе управления затронули работу гражданских комендантов. Гражданские коменданты, потеряв часть полномочий, стали представителями военных комендантов по связям с местной администрацией. Большая часть полномочий гражданских комендатур передавалась органам местного самоуправления². Причиной удаления Р.Е. Вегемана с поста гражданского коменданта Курска, стало обвинение в коррупции. По данным А.Г. Кепова, бывший гражданский комендант города был уличен немецкими властями в тайных делах, вывезен в Гомель, где был расстрелян в августе 1942 года³.

В состав местных оккупационных администраций часто включались люди, которые до войны являлись сослуживцами. Так, городским головой Фатежа стал преподаватель педучилища Ерохин. Промышленный отдел городской Управы возглавила завуч школы Пономарчук. Инспектор районо Позднахарева выдавала немцам коммунистов и советских активистов. Большая группа предателей в Белгороде сплотилась из бывших работников

¹ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Вел. Новгород, 2009. – С. 139-140.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 50 (об.); Д. 136. Л. 74.

³ Кепов А.Г. Указ. соч. – С. 27.

консервного завода треста «Главплодоовощ». Городским головой Белгорода был назначен начальник цеха завода Г.Х. Пфецер, а его помощником И.И. Рожков – бывший коммерческий директор завода. Директором городской электростанции стал работать И.В. Розенталь – бывший инженер и секретарь парторганизации консервного завода, а старшим нарядчиком Управы – экспедитор Попов. Членом правления городской Управы был назначен заведующий отделом сбыта завода И.А. Четвериков¹. Старшим бухгалтером городской Управы Белгорода служил Решетняк, ранее работавший главным бухгалтером на консервном заводе. Жилищный отдел городской Управы возглавлял В.Н. Захарин, который при советской власти руководил общим отделом райисполкома².

Начальником Обоянского городского и районного управления работал учитель физики и математики школы № 1 Бреславский³. В период оккупации администрацию Рыльского района возглавлял В.И. Орловский. Он совмещал должности городского и районного головы. В октябре 1942 г. он стал начальником немецко-русского вспомогательного управления при полевой комендатуре № 194, дислоцированной в Рыльске⁴.

Архивные документы сохранили имя еще одного головы Рыльского района и округа В.М. Самойлова, который позднее возглавлял оккупационную администрацию Хомутовского района и карательный отряд по борьбе с партизанами. Послужной список этого пособника оккупантов указывает на благосклонное отношение к нему со стороны «новых хозяев», активно продвигавших его по служебной лестнице. Выслуживаясь перед врагом, В. Самойлов очень быстро забыл о подписке, данной районному

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 47, 80-об.; ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 65-66.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 140. Л. 65.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 340.

отделу НКВД, в которой давал согласие вести агентурную работу на оккупированной территории¹.

Городская Управа Обояни, в основном, в своем составе имела руководящих работников земельного отдела райисполкома (Топорков, Овсянников и Конев)².

Дмитриевский, Дмитровский и Михайловский районы Курской области весной 1942 г. оказались включенными в состав Локотского самоуправления³. Заместитель обербургомистра Локотского уезда С.В. Мосин приступил к организации в этих районах местного управления и формированию органов власти во всех волостях и селах.

Необходимо отметить, что именно на территории Локотского округа старшины, которые стояли во главе волостей, назначались лично обербургомистром Б.В. Каминским по принципу преданности «делу Великой Германии». Кандидатуры старост рекомендовало уездное самоуправление⁴.

О жесткой дисциплине, установившейся в Дмитриевском районном управлении, свидетельствует приказ № 41 от 6 июля 1942 г. бургомистра района А.Н. Воеводина с требованием к старшине Поповкинской волости подготовить списки 60 военнообязанных жителей (в возрасте от 18 до 50 лет). Невыполнение этого приказа грозило применением репрессивных мер⁵.

3 ноября 1942 г. в соответствии с приказами № 60 и № 135 Локотского окружного и Дмитриевского районного бургомистров объявлялась непримиримая борьба с пьянством и самогонварением в населенных пунктах, расположенных на территории района⁶. 7 ноября 1942 г. старшине Поповкинской волости (как и другим волостным старшинам

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 203. Т. 1. Л. 94.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 140. Л. 1-об.

³ Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу... – М., 2009. – С. 41; Колпакиди А.И. Ликвидаторы КГБ. Спецоперации советских спецслужб 1941-1945 гг. – М., 2004. – С. 76-83.

⁴ Христафоров В.С. Дети генерала Шмидта // Время новостей. – 2009. – 16 ноября.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 18, 51.

района – авт.) предписывалось «путем подворных обходов произвести учет всего трудоспособного населения в возрасте от 16 до 55 лет, представить полученные данные в райсельхозуправление не позднее 15 ноября 1942 г.»¹ 27 декабря 1942 г. бургомистр Дмитриевского района А.Н. Воеводин потребовал завербовать 60 жителей Поповскинской волости для отъезда на различные работы в Германию².

4 ноября 1942 г. приказом обербургомистра Локотского округа Б.В. Каминского все старшины Дмитриевского района обязывались начать мобилизацию военнослужащих 1909-1924 годов рождения, прежде всего, из числа физически здоровых или малосемейных людей³.

Распоряжения различного рода издавались и руководителями подразделений Дмитриевской райуправы. Так, 5 августа 1942 г. управляющий районным сельхозкомбинатом Суханков подписал директивное указание старшине Поповскинской волости о том, что «земельные общества вашей волости преступно затягивают выполнение продовольственных поставок дам». В конце этой директивы сообщалось, что «старосты будут привлекаться к ответственности в уголовном порядке»⁴.

5 ноября 1942 г. всем бургомистрам райуправ Локотского округа поступила директива В.Б. Каминского. В ней подчеркивалось, что «уважение к героизму павших немецких солдат требует, сделать все возможное, чтобы их могилы содержались в достаточном порядке. Районные руководители должны побуждать старшин и деревенских старост к регулярному уходу за германскими солдатскими могилами...»⁵ В документе с присущей немецкой пунктуальностью, предписывались правила ухода за могилами как братскими, так и одиночными на сельских кладбищах, порядок отражения

¹ Там же. Л. 29.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 45; ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 54. Воеводин А.Н., 1887 г.р., до войны работал бухгалтером Дмитриевского лесхоза.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 46.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 8.

могил, установки на них березовых крестов и сохранение предметов памяти (шлемов и др.), оставляемых на местах погребений.

Районные управы отвечали за ведение всех секторов хозяйства, развитие здравоохранения и образования. Управляющий получал устные приказы коменданта, издавал от своего имени приказы и распоряжения, обязательные для исполнения всеми должностными лицами. В составе райуправы был ряд отделов: финансовый, сельскохозяйственный, здравоохранения, дорожного строительства, образования. Непосредственное руководство населением в районах осуществлялось через волостных старшин и старост сельских управ.

Волостные старшины контролировали сельских старост с целью добросовестного исполнения всех распоряжений райсельхозуправления¹. Как правило, сельскому старосте была подчинена бывшая территория одного колхоза. При сельских управах, кроме старост, имелись писари и секретари, в некоторых крупных селах – помощники старост². В одних случаях старосты избирались на сельских сходах (чаще всего процедуру выборов контролировал представитель комендатуры), в других, – назначались непосредственно оккупационными властями. Выборы старост становились распространенным явлением на сельских сходах. Так, в результате выборов на сельских сходах старосты были утверждены в большинстве сел Курской и соседней Воронежской областей³.

Позднее на руководящие должности назначались люди, за которых, как минимум, ручались двое представителей оккупационной администрации. В письменном поручительстве шла речь о политической благонадежности кандидата. Так, осенью 1942 г. при назначении А.И. Захаровой на должность заведующей Льговской метеостанцией за нее поручились заместитель

¹ Поздняков Э.Н. Указ. соч. – С. 98.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 11-об.; Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Изд. 2-е, доп. – Курск, 1999. – С. 38.

³ Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943 гг.). – Воронеж, 2004. – С. 18.

городского Головы Курска А.И. Кепов и служащая А.И. Воскобойникова¹. В ноябре 1942 г. по требованию комендатур, окружных и районных управлений старосты и все работники волостных старостатов писали свои автобиографии. В них они сообщали сведения о своей деятельности, семейном положении, о наличии собственности, и о принадлежности ранее к политическим партиям или организациям².

Чаще всего, оккупанты стремились назначать сельскими старостами бывших председателей или членов правлений колхозов. Эти люди знали местное население, разбирались в системе управления хозяйством. Из-за того, что отказ вел к репрессиям, многим приходилось соглашаться на сотрудничество. Так были назначены старостами бывшие председатели колхозов Н.А. Агутин (с. Рождественское Медвенского района), И.М. Куранов (с. Репище Щигровского района), бригадир колхоза «Новая жизнь» И.И. Руканов (Косиновский сельсовет Щигровского района)³.

Некоторые из них, став старостами, проявили себя настоящими моральными уродами. Например, заместитель председателя колхоза «Октябрьская революция» Губин, назначенный старостой с. Драгунское Томаровского района, пьянствовал с немецким комендантом и предал трех местных коммунистов. Председатель колхоза того же района Бахалдин, желая выслужиться перед новыми властями, отобрал у колхозников 200 коров, направив их в Белгород. Старшиной с. Александровка (Прохоровка) стал приемщик зерна районного элеватора Бендюк, а его помощником – председатель колхоза «Новый мир» Дахов. Оба они выдавали гитлеровцам сельских активистов и членов их семей⁴.

После вступления немецких войск в с. Нижнее Гурово Советского района в декабре 1941 г., активную помощь оккупантам стал оказывать

¹ ГАКО. Ф. Р-3483. Оп.1. Д. 3. Л. 137-139.

² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп.1. Д. 494. Л. 52.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 117, 119.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 41; ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 77.

И.В. Сапрыкин. Тем самым он рассчитывал на возможность назначения его старшиной волости. Своего сына, дезертировавшего из рядов Красной Армии, он порекомендовал на должность старосты села. За короткий срок Сапрыкины, желая выслужиться, предали около 20 односельчан¹.

По воспоминаниям педагога Э.Г. Богдановой, пережившей оккупацию пос. Пены Иванинского района, «назначенный немцами староста (ужасный был мужик, грубый и страшный) при обходе дома обычно говорил маме: «Смотри тут, сиди тихо, а то расскажу, где жида скрываются!»²

Как правило, старосты становились активными и непосредственными проводниками оккупационной политики в сельской местности. Они определяли, у кого будет отобран скот, птица, хлеб и другие продукты в счет выполнения продовольственных поставок. В каждом оккупированном районе старосты периодически вызывались на собрания, проводившиеся в районных центрах. Обычно, на таких заседаниях районные власти устраивали им «разносы» за невыполнение отданных поручений или приказов³.

Дифференцированный подход к оценке качества работы коллаборационистских кадров отражен в приказе № 62 от 6 ноября 1942 г. по Дмитриевскому районному управлению, подписанном бургомистром района А.Н. Воеводиным. За отличное выполнение всех видов заготовок суммами от 200 до 500 рублей и выдачей по 5 кг соли были премированы старосты Глубовского, Волчяевского земельных обществ Фатеевской волости и Борки-Горелое земельного общества Дмитриевской волости. Этим же приказом за «слабое руководство и невыполнение заданий районного управления» были оштрафованы 10 старост земельных обществ Дмитриевской (Злыдинского, Романовского, Калиновского, Розогецкого и др.) и Фатеевской (Белитинского, Яснополянского обществ) волостей. На 7, 9

¹ АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 39; 61, 74.

² Цит. по: Оккупированное детство. Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать. – М., 2010. – С. 24.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 236. Т. 2. Л. 114; Д. 241. Т. 3. Л. 46; ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 49. Л. 123-125.

и 11 ноября 1942 г. для дачи объяснений в районное управление вызывались старосты Фокинского, Крупецкого, Першинского, Арбузовского, Коробкинского и др. земельных обществ (всего же 20 человек). Старосты Октябрьского и Малиновского обществ «за умышленное нежелание приступить к заготовке картофеля» были подвергнуты аресту. Все старшины были предупреждены о том, что «в случае невыполнения вывоза и копки картофеля, они будут привлечены к суду по законам военного времени»¹.

В обязанности старост входило и информирование районных властей о действиях партизан в их зоне. Однако, по мере развития партизанского движения, многие старосты вместо принятия мер для борьбы с партизанами, стремились быстрее покинуть опасные для них районы. Из-за этого полевая комендатура № 194 своим распоряжением запретила старостам покидать села без особого на то разрешения бургомистра и предписала держать наготове всадников-посыльных для осуществления связи с ближайшей немецкой частью или комендатурой².

Некоторые старосты оказывали помощь воинам Красной Армии или партизанам, при этом, рискуя собственной жизнью. Так, староста Дубовецкого сельсовета Медвенского района П.П. Бордунов неоднократно сообщал сведения советским разведчикам. Летом 1942 г. П.П. Бордунова арестовали и заключили в тюрьму. Он смог сбежать, но вскоре снова был пойман полицией. Окровавленного П.П. Бордунова этапировали в Курск, где он погиб в застенках гестапо³.

4 января 1942 г. немцы расстреляли за связь с партизанами старосту с. Гостищево Сажновского района П.Е. Акимова и его брата Василия. Старостой села Щетинка (Стрелецкий район) по поручению органов НКВД

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 7.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 236. Т. 2. Л. 115.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 92, 126-об.; Противостояние: Сборник очерков. Рассказы о курских чекистах. – Воронеж, 1991. – С. 153.

служил коммунист В.М. Мамонтов, который оказывал помощь патриотам. Он был расстрелян гитлеровцами в феврале 1943 г. в карьере у с. Щетинка¹.

В оккупированных населенных пунктах зачастую большим влиянием обладали люди, занимавшие, на первый взгляд, второстепенные должности: волостные писари, переводчики. Так, некто Лихачев, служивший переводчиком при коменданте Льгова, пользовался таким авторитетом, что его мнение учитывалось даже полицией города при решении различных вопросов². Нестабильная обстановка военного времени приводила к ситуации, при которой «очень большое значение имеет волостной писарь, который частенько через голову старшины вершит свои дела в волости»³

Далеко не всех сотрудников оккупационных органов власти можно включать в число коллаборационистов. Нет основания причислять к предателям сторожей, уборщиц, кучеров, шоферов и другой обслуживающий персонал местных органов управления (если, конечно, их деятельность не выходила за рамки прямых должностных обязанностей – авт.). Не все переводчики, секретари, делопроизводители, кассиры становились явными изменниками. Например, в соответствии со штатным расписанием Курской городской Управы из 136 человек личного состава 13 относились к обслуживающему персоналу, а 40 человек были служащими низшего ранга.

До настоящего времени не установлено число всех служащих местных органов управления на оккупированной территории РСФСР. Это связано, во-первых, с отсутствием соответствующей документации, а во-вторых, с невозможностью включения всех сотрудников оккупационных органов в число коллаборационистов.

В заключение отметим, что рассмотрение вопросов административного коллаборационизма остается сложной проблемой для многих современных историков.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1051. Л. 2-3; Курская правда. – 1943. – 7 мая.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 32.

³ Цит. по: Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. – С. 142.

В оккупированных областях Российской Федерации не было единой структуры управления. Нацисты изначально отвергали попытки создания марионеточного русского государственного образования, даже целиком зависимо от руководителей Третьего Рейха.

Поэтому в городах и районах Курской области оккупанты действовали в зависимости от обстоятельств и собственных потребностей. Они сводились к максимальной эксплуатации местных ресурсов. Германская оккупационная политика здесь варьировалась в зависимости от возможностей осуществления разных форм тотального контроля. Но за декларативными заявлениями «новой русской администрации» о заботе и улучшении положения местного населения, скрывалась главная задача: максимальное содействие гитлеровским оккупантам в экономическом обеспечении продолжения войны против Красной Армии и Советского Союза.

2.2. Участие курян в вооруженной борьбе на стороне противника

В период Второй мировой войны наиболее опасным становится вооруженный коллаборационизм. Как отмечают историки Ю.Т. Трифанков, Е.Н. Шанцева и др., это был «полный, необратимый завершённый процесс перехода к сотрудничеству с врагом, служба с оружием в руках против своего Отечества. Синоним данного понятия – предательство»¹. По определению М.А. Мамонова, основным проявлением вооруженного коллаборационизма являлось «военное сотрудничество с врагом, участие советских граждан в военных действиях на стороне оккупантов»².

¹Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм. – Брянск, 2012. – С. 23.

²Мамонов М.А. Советский коллаборационизм в годы Второй Мировой войны: проблема и ее интерпретация на уроках истории // Проблемы изучения и преподавания истории культуры. – Воронеж, 2005. – С. 117.

В годы Великой Отечественной войны, в 1941-1943 гг. на территории Курской области действовали различные подразделения Русской освободительной армии (РОА), Русской освободительной народной армии (РОНА), русско-немецких добровольческих формирований и отрядов «народной армии», различных «казацких» подразделений и сотен, представлявшие все категории вооруженного коллаборационизма.

В ходе боевых действий зимой 1941/1942 гг. части Вермахта под Ростовом-на-Дону, под Москвой и в Донбассе несли серьезные потери. Это обстоятельство вынуждало направлять немецких военнослужащих из тыловых частей на укрепление боеспособности фронтовых соединений.

9 января 1942 г. Главное командование сухопутных войск Германии обязало командующих группами армий «Север», «Центр» и «Юг» сформировать из советских военнопленных и жителей оккупированных территорий, враждебно относившихся к советской власти, охранные вспомогательные части¹.

Зимой 1942 г. на территории Украины, Белоруссии и ряда оккупированных районов РСФСР в составе немецких охранных дивизий с целью несения караульной службы было сформировано до 70 различных подразделений. 60-70 тысяч человек проходили службу во вспомогательной полиции военного управления².

Основные требования по использованию добровольцев в вооруженных силах Германии были изложены в директиве Генерального штаба сухопутных войск «Местные вспомогательные силы на Востоке – добровольцы», которую подписал 29 апреля 1943 г. начальник штаба сухопутных войск Вермахта (ОКХ) генерал пехоты К. Цейтлер³. В частности, в ней объяснялись следующие положения.

¹ Антипартизанская война в 1941-1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн., 2005. – С. 144.

² Романичев Н.М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-историч. очерки. Кн. 4. – М., 1999. – С. 155.

³ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 205. Л. 164-167.

Добровольцы – это представители различных народов России, которые добровольно входили в состав немецких войск и после присяги считались военными служащими немецкой армии.

«...Добровольческие боевые соединения русских добровольцев обозначаются, как «Русская Освободительная Армия». Украинцы составляют «Украинскую освободительную армию». Представители тюркских народов составляют «грузинские, азербайджанские, армянские, туркестанские, северокавказские, волжско-татарские легионы». Казаки составляют отряды донских, кубанских, терских казаков. Представители тюркских народов и казаки вводятся в бой только с ведома верховного командования армии. Их использование в качестве вспомогательной силы запрещается...»¹

В директиве уточнялось, что добровольцы могут применяться в рамках секретного приказа Верховного командования № 4500/42 от 04.11.42 г. об использовании добровольцев и сверх того: в дивизионных и армейских частях, включая обозные подразделения; при комендатурах, в строго ограниченном масштабе. Армейские группировки при особых условиях получали право увеличивать количество добровольцев. Использование добровольцев-женщин допускалось в порядке исключения.

Выбор добровольцев производился с установкой на значительное улучшение положения каждого русского. Поэтому их отбор следовало проводить из числа проявивших себя в работе местных жителей. Запрещался отбор добровольцев без тщательной проверки².

Основным контингентом коллаборационистов, вступавшим в военные формирования Локотской республики, становились изменники Родины из числа бывших военнопленных, дезертиры из Красной Армии, а также местная молодежь, покинувшая партизанские отряды и перешедшая на сторону врага, окруженцы 3-й и 13-й армий Брянского фронта, остававшиеся

¹ Там же. Л. 164-об.

² ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 205. Л. 164-об.-165.

в немецком тылу с ноября 1941 года¹. Так, в ходе формирования 4-го батальона общая численность отрядов народной милиции Локотской республики в марте 1942 г. возросла до 1650 человек.

Особенно существенно социальная база военного коллаборационизма пополнилась осенью 1941 – зимой 1942 годов. Тогда очевидными были наступательные успехи гитлеровских армий и оставались не совсем ясными перспективы окончания войны. С другой стороны, население оккупированных территорий еще не ощутило в полной мере все «прелести» нового порядка, установленного оккупантами².

Для периода осени и начала зимы 1941 г. были характерны многочисленные случаи дезертирства из частей Красной Армии, появление перебежчиков и перехода их на службу к противнику. Так, по данным сотрудника Белгородского горотдела НКВД, разведчика И.С. Буриносова, только в октябре 1941 г. к врагу перешло до 500-600 дезертиров-красноармейцев из состава 100-й и 297-й стрелковых дивизий 21-й армии³.

Руководство УНКВД по Курской области в декабре 1941 г. сообщало в Москву о том, что вместе с немцами по оккупированным селам разъезжают пленные красноармейцы, одетые в форму с белыми повязками на рукаве. Они пытаются расположить местных жителей и агитируют их примкнуть к партизанам. В самом же деле, эти люди стараются уточнить места

¹ Иванов И.Л. Военные действия советских войск по освобождению территории Курской области и образованию Курской дуги в январе – марте 1943г.: Дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2013. – С. 277.

² См.: Цуканов И.П. О проблеме коллаборационизма советских военнопленных на оккупированной территории Курской области в 1941-1943 гг. // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия. Сб. науч. статей – Орел, 2010. – С. 221.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 135. Л. 163; Суровая правда войны. 1941 год в документах архивов. Ч. 1. Сб. документов. – Курск, 2002. – С. 214. Автор донесения не был, по-видимому, знаком с приказом Народного комиссара обороны СССР № 308 от 18.09.1941 г., согласно которому 100-я дивизия была переименована в 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию (См: Великая Отечественная: Действующая армия. Научно-справочное издание. – М.-Жуковский, 2005. – С. 444).

расположения партизанских отрядов и выяснить фамилии коммунистов или красноармейцев, оставшихся в селах¹.

В различные вооруженные части оккупантов с территории Шебекинского района добровольно пришло более 400 человек, из них из с. Волково – 150 человек, из с. Малая Пристенъ – 170 человек. В феврале 1942 г. комиссия Белгородской управы отобрала 150 молодых парней и направила их для включения в немецкие воинские подразделения.

20 февраля 1942 г. эти подразделения приняли участие в боях за село Сажное Белгородского района. Предатели, перешедшие на сторону врага, подносили в ходе боев патроны, увозили пушки и минометы, доставляли продукты на передний край. В немецком обозе в команде конюхов насчитывалось 30 дезертиров из рядов Красной Армии. Им всем выдавали солдатский паек в размере пайка немецкого военнослужащего².

13 мая 1942 г., при отступлении немецких войск под напором дивизий 21-й армии, из сел Архангельское, Графовка, Волково, Маслова Пристань, Муром Шебекинского, а также Старица, Огурцово, Вергелевка, Новая Деревня Микояновского районов была увезена группа парней. Позднее их использовали в немецких воинских частях в качестве помощников³.

9 мая 1942 г. в оперативной сводке, направленной Наркомунделу внутренних дел СССР Л.П. Берия, начальник Курского областного управления НКВД П.М. Аксенов отмечал, что: «...линию фронта от с. Мелихово до с. Большая Игуменка держит 202-й пехотный полк 75-й немецкой дивизии. В его составе б-я рота 2-го батальона, состоявшая из русских добровольцев»⁴.

Рота была сформирована в марте – апреле 1942 г. в Белгороде из состава местной молодежи. Вербовкой добровольцев занимался лично Белгородский Городской голова Г.Х. Пфецер. Давшие согласие на службу в

¹ Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Цуканов И.П. Победу приближали как могли. – Курск, 2006. – С. 249.

² ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 76; ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 223. Л. 5-6, 98.

³ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 153.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 141. Л. 22-об.

немецкой армии, размещались в домах машино-тракторной мастерской на северной окраине города... Их обучением занимались русские командиры из числа военнопленных или дезертиров из РККА. По данным разведки с Украины в Белгород прибывали отряды, сформированные из дезертиров Красной Армии. Они были одеты в полевую немецкую форму¹.

По данным историка М.И. Варфолаамеевой, после освобождения села Большая Игуменка частями Красной Армии у одного из жителей села были найдены письма их родственников и знакомых, ранее проживавших в этом селе. Они сообщали, что служат в рядах немецкой армии, стоят в районе Киева, живут хорошо, скоро получают отпуск и приедут домой на побывку².

В Курской области из числа физически здоровых красноармейцев, содержащихся в лагерях для военнопленных, в 1942 г. гитлеровцы стали формировать отряды, получившие наименование «русско-германских отрядов» (позднее – частей «народной армии»). Часть их личного состава немецкой разведкой использовалась как шпионы, направляемые для засылки в советский тыл или как провокаторы для засылки в партизанские отряды.

В 1942 г. в Дмитровске дислоцировался русско-немецкий батальон, который насчитывал до 200 человек³. Для пропаганды среди изменников Родины в Курске издавался специальный листок «Доброволец». В нем немецкое командование обещало после войны наделить их крупными участками. Платили по 250 руб. ежемесячно и предоставляли права для ограбления имущества семей партизан и советского актива⁴.

В докладной записке начальника Особого отдела НКВД Центрального фронта, комиссара госбезопасности 3 ранга Л.Ф. Цанавы, направленной 20 марта 1943 г. в адрес Наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия, отмечалось: «В конце декабря 1942 г. и в начале января 1943 г., по указанию немецких

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 141. Л. 22-об.

² ЦДНИ БО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 232. Л. 13-об; Варфолаамеева М.И. Указ. соч. – С. 205.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 34. Л. 9-об. Д. 218. Л. 14, 93.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 109-110.

властей, старосты сел Фатежского, Дмитриевского, Рождественского¹ районов произвели перепись лиц мужского пола в возрасте от 16 до 45 лет. Вслед за этим по селам начали разъезжать небольшие группы вербовщиков из числа изменников Родины – бывших военнослужащих Красной Армии, состоящих на службе у немцев... В назначенное время старостами обеспечивался сбор призывного контингента, на котором вербовщики проводили политическую обработку присутствующих, подготавливая их к поступлению на службу в «добровольческие части народной армии».

...7 января 1943 г. в помещении школы в с. Миролубово Фатежского района были собраны жители указанных возрастов. К месту сбора из Фатежа прибыли два бывших военнослужащих Красной Армии и один офицер-переводчик немецкой комендатуры г. Фатеж... Последовали их выступления с агитационной речью антисоветского характера, в которой подчеркивалась «освободительная» роль немецкой армии.

Необходимость создания «добровольческих частей» мотивировалась тем, что требуется нанести сокрушительный удар по Красной Армии. Присутствующим разъяснялось, что формирование будет происходить на добровольных началах, и созданные части будут находиться не на фронте, а глубоко в тылу оккупированной территории...

По окончании беседы, ранее выступившие стали призывать собравшихся добровольно записываться в «русские части». Однако из 50 человек, находившихся на собрании, ни один не изъявил желания записаться добровольцем. Тогда прибывшие вербовщики по списку стали вызывать каждого в отдельности и требовать согласия на «добровольное» поступление во вновь формируемые части, применяя методы запугивания: «Вы – сыновья коммунистов, комсомольцы». 10 января с.г. все лица старостами были направлены для прохождения медицинской комиссии в Фатеж...»²

¹Такого района в Курской области в 1943 г. не существовало.

² «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. – М., 2003. – С. 244-245.

Распространенной формой сотрудничества советских военнопленных и гражданских лиц с противником стало их включение в состав германских частей с целью выполнения вспомогательных работ. Таких людей немцы называли *Hilfswillige*, или сокращенно – хиви («добровольные помощники»). К концу 1942 г. на всех участках советско-германского фронта их число достигало более 200 тысяч человек. Осенью 1943 г. в германской пехотной дивизии по штату до 2 тысяч «хиви» при общей численности германского соединения 12,7 тысяч человек¹.

Что касается большинства «хиви», то они вовлекались в сотрудничество с врагом путем обмана и угроз. Но, разумеется, встречались и беспринципные люди, которые искали лучшей доли для себя. Им было все равно кому служить, лишь бы сытно поили, кормили и позволяли поживиться за счет грабежа соотечественников². Гитлеровцы обычно не направляли «хиви» за прифронтовую полосу.

В число «добровольных помощников», помимо военнопленных, попадали и граждане, не призванные в ряды РККА. У них измена Родине была процессом постепенным и изначально основывалась на обмане. Сделав первый шаг, и все же осознав лукавство оккупантов, будущие каратели не могли поступать иначе. Так, в Белгороде группа «хиви» была привлечена к расстрелам жителей в Дальних парках. По показаниям участника этих расстрелов Б.В. Горбенко, который был привлечен еще на Полтавщине к сотрудничеству с фашистами, вначале им объяснили, что все они будут охранять железную дорогу от диверсий партизан. Через короткое время из состава караульщиков отобрали команду в 25 человек и приказали им принять присягу на верность фюреру. После принятия присяги добровольцы

¹ Романичев Н.М. Указ. соч. – С. 154.

² Романичев Н.М. Указ. соч. – С. 162.

были привлечены к расстрелам пленных красноармейцев и мирных жителей города Белгорода¹.

В нашем исследовании особое внимание уделено анализу действий коллаборационистских частей Локотской республики – окружного территориального органа самоуправления, сформированного при активной поддержке командующего 2-й танковой армией генерала Р. Шмидта зимой 1942 года. Во главе Локотского окружного самоуправления стал известный коллаборационист периода Второй мировой войны В.Б. Каминский².

Уже осенью 1942 г. из-за непрекращающихся стычек «народной милиции» Локотского округа с брянскими партизанами встал вопрос об организации на регулярной основе вооруженных формирований. Тогда же добровольный принцип формирования «народной милиции» заменялся принудительной мобилизацией мужского населения 1894-1926 годов рождения. Поэтому в ноябре 1942 г. обер-бургомистр Локотского округа Б.В. Каминский подписал специальный приказ о мобилизации местных жителей в состав новой бригады самообороны. Всего в Локотском округе планировалось мобилизовать до 19 тысяч новых бойцов. Насильственная мобилизация проводилась в Дмитриевском, Дмитровском и Михайловском районах Курской области. Но такая мобилизация не везде имела поддержку среди населения. Поэтому вследствие массового уклонения от мобилизации применялись репрессивные меры – привлечение уклонявшихся к суду по законам военного времени, взятие заложников, аресты родственников

¹ Белгородская правда. – 1976. – 5 августа; Оккупация (Белгородчина в октябре 1941–августе 1943 гг.). Документы и материалы. – Белгород, 2010. – С. 338-339.

² Подробно военная, административная, военно-полицейская деятельность администрации Локотской республики, возглавляемой в 1942-1943 гг. Б.В. Каминским, исследована российскими историками и представлена в их трудах. Например: Грибков И. Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский. Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. – М., 2008. – 116 с.; Антипартизанская война в 1941–1945 гг. // Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн., 2005. – 400 с.; Макаров В., Христафоров В. Дети генерала Шмидта // Родина. – 2006. – №10; Веревкин С. Вторая мировая война: вырванные страницы. – М., 2006. – 416 с.; Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. – М., 2009. – 252 с.; Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 314–405.

мобилизуемых, их выселение из домов, реквизиция скота, имущества, а также сжигание хозяйственных построек¹.

По мере пополнения личным составом в бригаде появились роты, батальоны и полки. Б.В. Каминский осенью 1942 г. присвоил своим войскам претенциозное название – Русская освободительная народная армия (РОНА). Но гитлеровское командование продолжало именовать эти части бригадой Каминского. К январю 1943 г. в 15 батальонах бригады состояло 9828 человек². В каждом батальоне находились представители немецкого военного командования или абвергрупп. На вооружение бригады было взято оружие советского производства, подобранное на местах бывших боев или отбитое каминцами у партизан.

Долгое время РОНА являлось первым крупным военным соединением, состоявшим исключительно из советских граждан. Но как отмечает большинство исследователей, в бригаде Б.В. Каминского дисциплина оставалась низкой. Бойцы повсеместно играли в карты на деньги, закладывали обмундирование, а также пьянствовали или совершали насилия над мирными жителями. Историк Б.Н. Ковалев характеризовал личный состав бригады Б. Каминского так: «По своему поведению «каминцы» напоминали банду уголовников. Немцы использовали их для выполнения самой грязной работы. Грабежи и насилие над мирным населением – таков был почерк этих «борцов за Новую Россию»³.

Подразделения «народной милиции» Локотской республики занимались не только несением полицейской охранной службы. Так, батальон Дмитровского ополчения РОНА, совместно с немецкими полевыми частями в ноябре 1942 г. атаковал Дмитровский партизанский отряд,

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 479. Л. 179 об, 181; Д. 494. Л. 15; Антипартизанская война в 1941-1945 гг. – Мн., 2005. – С. 146.

² Грибков И. Указ. соч. – С. 35.

³ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России в 1941-1944 гг. – М., 2004. – С. 104; Он же: Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 103.

действовавший в районе Долбенковских лесов. В боях было убито и ранено около 50 партизан и уничтожено до 30 дзотов и 300 землянок¹.

Специальные подразделения бригады Б.В. Каминского при отражении нападений партизан на населенные пункты всегда находились в эпицентре боев. Так, в ночь на 1 января 1943 г. четыре отряда 1-й Курской партизанской бригады атаковали вражеские части на станции Дерюгино (в Дмитриевском районе Курской области). Но атаки партизан были отбиты огнем бойцов РОНА, которые обороняли станцию Дерюгино. В этом бою курские партизаны понесли ощутимые потери².

По данным С.Г. Чуева, в начале осени 1942 г. из курских и брянских партизанских отрядов дезертировало более 400 человек, 65 из них вступили в бригаду Б.В. Каминского³.

В ноябре 1942 г. командир 1-й Курской партизанской бригады И.К. Панченко и комиссар А.Д. Федосюткин в донесении начальнику штаба партизанского движения на Брянском фронте А.П. Матвееву сообщали, что 25 партизан бригады дезертировали из Троснянского, Михайловского, Кавалерийского, Железняковского отрядов, из них 15 человек поступили на службу в полицию и подразделения бригады Б. Каминского⁴.

В феврале 1943 г. когда части Красной Армии начали освобождение территории Дмитриевского, Михайловского районов Курской области, в пределах границ Локотского округа, бригада Б.В. Каминского была подразделена на 5 полков, которыми командовали бывшие советские офицеры, перешедшие на сторону врага⁵. Приказами немецкого командования, некоторые части, входившие в бригаду были повзводно

¹ Коровин В.В. Поднимались воины народа. Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг. – Курск, 2007. – С. 243.

² Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М., 2004. – С. 125-126.

³ Чуев С.Г. Указ. соч. – М., 2004. – С. 59.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 38; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Ч. II. Сб. документов. – Курск, 2010. – С. 438, 445.

⁵ Дробязко С.И. Иностранцы формирования Третьего Рейха. – М., 2011. – С. 453; Христофоров В. Дети генерала Шмидта // Время новостей. – 2009. – 16 ноября.

подчинены командирам немецких и венгерских частей или взаимодействовали с добровольческим полком «Десна». В конце февраля каминцы были направлены на оборонительные рубежи восточнее Дмитриева (по реке Осмоньке) где были приданы боевой группе «Цехендер» (полк 8-й кавдивизии СС «ФлорманГейер»¹. Здесь против соединений 2-й танковой армии Центрального фронта воевал 5-й полк из бригады Б.В. Каминского. Им командовал капитан Красной Армии Филаткин².

С 16 по 23 февраля 1943 г. вместе с частями 137-й пехотной дивизии каминцы вели бои против 132-й стрелковой дивизией генерала Т.К. Шкрылева и отрядов 1-й Курской партизанской бригады³. С 27 февраля по 1 марта 1943 г. оборону восточных подступов к Севску вел 4-й полк бригады Б.В. Каминского (командир полка лейтенант Рейтенбах – поволжский немец). В составе этого полка состояло большое число курских коллаборационистов⁴.

В марте 1943 г. захваченный в плен бургомистр Севска Баранов сообщил, что Б.В. Каминский 28 февраля 1943 г. собрал на совещание командиров полков бригады. Было сообщено, что глава Локотского округа летал в Орел к командующему 2-й танковой армией генералу Р. Шмидту, который сообщил, что к 8 марта 1943 г. заканчивается переброска немецких дивизий из Франции, призванных сменить венгерские части и ликвидировать прорыв между Курском и Харьковом⁵.

Но в боях с регулярными частями Красной Армии «каминцы» проявили себя небоеспособными формированиями. Сказывался их слабый боевой опыт и отсутствие дисциплины в подразделениях. По отношению же

¹ Антипартизанская война в 1941-1945 гг.– Мн., 2005. – С. 151; Иванов И.Л. Указ. соч.– С. 217.

² «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 245; В состав полка входили 7-й, 8-й, 9-й батальоны, т.е. 1300-1500 человек.

³ Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. – М., 2009. – С. 210-211; Иванов И.Л. Указ. соч. – С. 186, 212, 217, 225-226.

⁴ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 245.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 3467. Оп. 1. Д. 215. Л. 14.

к населению особой жестокостью отличались 1-я и 2-я роты 10-го батальона 4-го полка. В боях на территории Хомутовского и Севского районов 11-я гвардейская танковая бригада захватила в плен 1300 человек, из них большое число из бригады Б. Каминского. Все они не выдержали наступательного натиска советских бойцов и сдались в плен¹.

Кавалеристы 4-й гвардейской кавдивизии разгромили 618-й батальон добровольческого полка «Десна», сформированного из окруженцев 13-й армии Брянского фронта, и 57-й полк «вольного казачества», предназначенный для борьбы с партизанами и для охраны железных дорог, захватив в плен 600 каминцев и бывших полицейских².

5 марта 1943 г. Б.В. Каминский издал приказ об эвакуации мужского населения из зоны боевых действий. Лица, не желавшие выезжать из прифронтовых районов, рассматривались в качестве пособников партизан и расстреливались на месте³. Но такие репрессивные меры не могли уже остановить процесса разложения бригады Б.В. Каминского.

Во время наступления советских войск многие бойцы из бригады стали подразделениями с оружием переходить на сторону Красной Армии. Например, в феврале 1943 г. личный состав 4-го батальона 2-го полка, убив своего командира и начальника штаба, перешел к партизанам. Было организовано преследование, в результате чего удалось задержать 27 человек, 20 из которых расстреляли⁴. Добровольцы, служившие в полицейских батальонах еще до мобилизации 1942 г., отступили вместе с немецкими частями⁵.

На стороне врага в пределах оккупированной территории Курской области действовало большое количество национальных (чаще всего, украинских) подразделений, отрядов «вольного казачества», состоявших из

¹ ЦАМО РФ. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 131. Л. 120; Иванов И. Л. Указ. соч. – С. 228-229.

² ЦАМО РФ. Ф. 3467. Оп. 1. Д. 31. Л. 18; Д. 215. Л. 29.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января – 30 июня 1943 г. – М., 2003. – С. 248-250.

⁴ Антипартизанская война в 1941-1945 гг. – Мн., 2005. – С. 151.

⁵ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 245.

антисоветски настроенных жителей Дона, Кубани и Северного Кавказа. Многие из этих казаков принимали участие еще в гражданской войне в составе Вооруженных Сил Юга России.

Сотрудник 4-го отдела УНКВД по Курской области, капитан госбезопасности В.М. Казаков, направленный в немецкий тыл, сообщал в УНКВД Курской области: «Поступив в лагерь, военнопленные разграничиваются по категориям: летчики, командный состав, русские красноармейцы, украинцы и евреи. Немецкий представитель из офицерского состава, с русским предателем-переводчиком, вызывают военнопленных-украинцев, заставляют их называть все 12 месяцев по порядку на украинском языке. Тех, кто хорошо знает украинский язык, освобождают из лагеря и отступают по домам, им сразу же предлагают вступить в полицию. Из украинских добровольцев создают кавалерийские подразделения «свободного казачества», которые направляются на борьбу с партизанами.

В райцентре Михайловка Курской области собрались 300 «свободных казаков», которые охраняют от партизан коменданта, сельхозуправление и другие немецкие учреждения¹.

5 января 1943 г. начальник штаба партизанского движения на Брянском фронте А.П. Матвеев информировал: «Несостоятельность немецкого командования в деле борьбы с партизанами вызвало решение об организации «добровольческих» (на Брянском фронте – преимущественно украинских) частей. Решение базировалось на надеждах посеять национальную рознь между украинцами и лицами других национальностей. Для военнопленных украинцев создание лучших условий в лагерях, выделение их из среды военнопленных других национальностей имело целью подготовить украинцев к выполнению предназначенной им роли предателей. Не говоря о незначительной части из антисоветского элемента, подавляющее число их шло в «добровольные» формирования в силу безысходности, бесправности

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 309. Л. 30-32.

своего положения как военнопленных, а многие из них в надежде получить условия для перехода на сторону партизан или через линию фронта. Один из завербованных «добровольцев» (бывший подполковник Красной Армии), взятый партизанами в плен показал: «Находился в Брянском лагере № 2, мне, как и всем украинцам, было предложено записаться в Украинский батальон немецкой армии. Конечно, мог бы отказаться, но тогда вызвал бы подозрение, т.к. все украинцы дали согласие о записи»¹.

Отряды «народной армии» и «свободных казаков» вели борьбу не только с партизанами, но и участвовали в боях с Красной Армией. Так, в феврале 1943 г. войсковая разведка 3-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавкорпуса в с. Марица Львовского района обнаружила отряд «кубанского вольного казачества», состоявший из 400 человек. «Все они носили нашу форму, на шапках были красные ленточки. Действуют под видом курских партизан» – указывалось в разведсводке².

В ходе боев на территории Рыльского района бойцы 322-й стрелковой дивизии в марте 1943 г. столкнулись с военнослужащими 57-го казачьего эскадрона (это более 300 всадников). Вскоре из Ивановского они были переброшены на оборону села Горностаевка³.

В числе военачальников Русской Освободительной Армии были уроженцы Курской губернии. В их числе полковник РККА, с 1944 г. генерал-майор ВС КОНР С.К. Буняченко (1902-1946). В РОА он с 1944 г. командовал 1-й пехотной дивизией. Генерал-майор РККА и ВСКОНР М.М. Шаповалов (1898-1945) – командир 3-й пехотной дивизии⁴.

Их биографии с достаточной убедительностью иллюстрируют истинный моральный облик предателей и раскрывают причины, которые побудили их сражаться с оружием в руках на стороне фашистов.

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 58. Л. 77.

² ЦАМО РФ. Ф. 3467. Оп. 1. Д. 215. Л. 11.

³ ЦАМО РФ. Ф. 1635. Оп. 1. Д. 55. Л. 116.

⁴ Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. – М., 2005. – С. 249-250, 274-276; Военно-исторический журнал. – 1993. – № 1. – С. 39.

С.К. Буняченко родился в октябре 1902 г. в селе Коровяковка Рыльского уезда Курской губернии (ныне Глушковский р-н Курской области) в семье крестьянина-украинца. С апреля 1918 г. он участвовал в гражданской войне, сражался против армии С.В. Петлюры, частей П.Н. Краснова и А.И. Деникина, подразделений повстанческой армии Н.И. Махно. В 1931 г. был отмечен нагрудным знаком «За боевые заслуги». В 1937 г., находясь в должности начальника штаба 78-го отдельного полка, за «критику проводимой коллективизации на селе», он был исключен из рядов ВКП(б). Но позднее был восстановлен и ему был объявлен строгий выговор.

Великую Отечественную войну полковник С.К. Буняченко встретил в должности начальника штаба 26-го стрелкового корпуса. 30 марта 1942 г., приняв командование 389-й стрелковой дивизией, он прибыл на Закавказский фронт, в 46-ю армию. 2 сентября 1942 г. военным трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта С.К. Буняченко был приговорен к расстрелу «за дачу указания на поспешный взрыв моста на участке Осетинская – Ищерская». Это привело к тому, что на берегу Терека остались бойцы 9-й армии, которые не смогли переправиться через реку¹. 26 сентября 1942 г. расстрел для С. Буняченко был заменен 10 годами ИТЛ с отбытием срока судимости после окончания войны.

10 октября 1942 г. полковник С.К. Буняченко был допущен к командованию 59-й отдельной стрелковой бригадой. 13-14 октября 1942 г. в ожесточенных боях у Урух-Алагир его бригада потеряла более 30% личного состава и вскоре была расформирована в Нальчике.

В ноябре 1942 г. С.К. Буняченко командует Восточной группой войск фронта. 14 декабря 1942 г. он скрылся от вызова в военную прокуратуру для предания его суду военного трибунала. 16 декабря 1942 г., западнее Орджоникидзе С.К. Буняченко был захвачен в плен разведгруппой из состава 2-й румынской пехотной дивизии.

¹ Великая Отечественная: Комдивы. Военный биограф. Словарь. Т. III. – М., 2014. – С. 353.

7 мая 1943 г. в лагере военнопленных под Херсоном, он подал заявление о своем добровольном вступлении в армию генерала А.А. Власова. Летом 1944 г. С.К. Буняченко уже командовал сводным русским полком, который сражался с войсками десанта союзников на норманском побережье Франции. Генерал-майор ВС КОНР С.К. Буняченко с 10 ноября 1944 г. командовал 1-й пехотной дивизией. 5 марта 1945 г. с этой дивизией он убыл на Восточный фронт, где участвовал в наступательных операциях в полосе 119-го укрепрайона 33-й армии, был награжден Железным крестом II класса. В апреле 1945 г. он увел полки дивизии в Богемину. Здесь с 5 по 8 мая они принимали участие в боях с гитлеровцами, развернувшихся на улицах Праги.

Убедившись в том, что Чешский Национальный Совет не гарантировал убежища власовцам, в ночь на 9 мая 1945 г. С.К. Буняченко вывел части дивизии из боя и отступил к Пльзени. 12 мая 1945 г., распустив полки дивизии, он вместе с группой старших офицеров перешел демаркационную линию, где сдался частям 3-й американской армии. 15 мая 1945 г. у г. Непомук американцы передали С.К. Буняченко и капитана П.С. Ольховика отделу «Смерш» 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта. Под усиленным конвоем их доставили на самолете в Москву. 30 мая 1945 г. С.К. Буняченко было предъявлено обвинение в измене Родине¹.

Биография изменника, уроженца города Грайворона Курской губернии генерала М.М. Шаповалова, сильно напоминает судьбу С.К. Буняченко. М.М. Шаповалов в 1915-1917 гг. сражался на фронтах Первой мировой войны, участвовал в гражданской войне против Украинской армии С.В. Петлюры и Сибирской армии адмирала А.В. Колчака. Проходил службу на Харьковских курсах комсостава, где в ходе проведения партийной чистки 1921 г., был исключен из рядов РКП(б)². В 1928 г. он окончил Высшую химическую школу РККА, и продолжил служить начальником химической

¹ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945 гг. – СПб., 2001. – С. 100-103; Великая Отечественная: Комдивы. Военный биограф. Словарь. Т. III. – М., 2014. – С. 354.

² Александров К.М. Указ. соч. – С. 242.

службы Дальневосточного укрепрайона. С 29 августа 1937 г. – он начальник штаба укрепрайона. Как участник «военно-фашистского заговора в РККА осенью 1937 г.» провел 8 месяцев в заключении. После освобождения из-под ареста, он был переведен в артиллерийскую школу в Севастополь с повышением по службе и в очередном воинском звании – полковника. В 1941 г. он – слушатель Военной академии им. Фрунзе. С августа 1941 г. М.М. Шаповалов командовал 320-й стрелковой дивизией, а осенью 1941 г. – моторизованной группой Крымского фронта, действовавшей в районе Керчи.

Со 2 июля 1942 г. полковник М.М. Шаповалов – командир 1-го отдельного стрелкового корпуса, сражавшегося в составе 56-й армии Северо-Кавказского фронта. 14 августа 1942 г. после боев под Армавиром, части корпуса понесли тяжелейшие потери. В районе станицы Ярославская М.М. Шаповалов добровольно сдался в плен офицерам 16-й моторизованной дивизии противника.

В 1944 г. он, вступив в ВС КОНР, приступил к формированию 3-й пехотной дивизии (в немецкой нумерации – 700-я пехотная). В мае 1945 г. возле Кемтена части Шаповалова встретились с колоннами 1-й русской национальной армии генерал-майора Б.А. Хольмстона-Смысловского, направлявшимися в Швейцарию и Лихтенштейн. Но М.М. Шаповалов отказался присоединиться к ним. В Австрии 3 мая 1945 г. полки 3-й пехотной дивизии влились в состав подразделений Южной группы РОА под командованием генерал-майора Ф.И. Трухина.

Утром 8 мая 1945 г. вместе с Ф. Трухиным М.М. Шаповалов выехал на поиски штаба генерала А.А. Власова, а также для соединения с подразделениями 1-й пехотной дивизии генерала С.К. Буняченко¹. Но возле селения Пришбрам (Чехия) М.М. Шаповалов заехал в распоряжение чешских партизан, которые его расстреляли.

¹ Великая Отечественная: Комкоры. Военный биограф. Словарь. Т. 1. – М., 2006. – С. 624-625.

Сложным путем в состав Русской освободительной армии (РОА) пришел литературный консультант Курского областного книжного издательства Б.П. Юркевич (Борис Башилов)¹. Осенью 1941 г., сражаясь в рядах Красной Армии, он попал в плен в районе Вязьмы. Несколько месяцев содержался в лагере военнопленных под Смоленском. Он не смог выдержать всех трудностей лагерного режима. В 1943 г. добровольно был зачислен сотрудником пропагандистской школы Дабендорф, действовавшей около Берлина. Курсанты школы занимались редактированием и изданием ряда газет: «Доброволец» – для воинских частей РОА и «Заря», предназначенных для советских военнопленных.

По данным П. Савелова, Б.П. Юркевич также несколько месяцев служил в бригаде Б. Каминского, затем в составе РОА в звании капитана. Через 20 лет после окончания войны Б.П. Юркевич так оправдывал свое поведение: «...Мы чувствовали инстинктивно, бессознательно, что Россия гибнет. Не СССР, а именно Россия. Мы знали, что надо немедленно действовать.... Сыны и дочери России правильно или неправильно, но искренне, занимали места в гигантской борьбе, завязавшейся между двумя зверями: зверем большевизма и зверем национал-социализма. Многие ошибались, но за эти ошибки они были готовы платить жизнью... За два дня до Рождества [1942 г.], окончательное решение принял и я. Решил, что все оставшееся время, которое подарит судьба, я посвящу борьбе за свободу России против всех врагов, которых она имеет...»²

Несмотря на предпринимаемые попытки некоторых историков литературы оправдать действия Б.П. Юркевича и представить его как «особую форму борьбы с замыслами гитлеровской пропаганды», органы

¹ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 69. Л. 85; БКЭ. Т. 1. Кн. 3. – Курск, 2009.– С. 224;

² Цит. по: Платонов О. Башилов Борис – писатель, историк и общественный деятель // Курский край. Научно-историч. журнал . – 2005. – №8-9 (71-72). –С. 89.

государственной безопасности СССР не снимают с него существенную долю вины за измену Родине и переход на службу в военные структуры РОА¹.

Летом 1943 г., когда шло массовое формирование власовских подразделений, гитлеровцы путем угроз заставляли военнопленных вступать в «Освободительную армию». Всем, кто вступал в эту армию, обещали кормить как своих военнослужащих, предоставлять свободу передвижения. В лагере близ села Кустовое Томаровского района, по рассказам очевидцев, «военнопленные, вступившие в армию Власова, были голодными, но размещались в двух секциях, не огороженных колючей проволокой, имели доступ в село, спрашивая там кусок хлеба, картошку или молоко». Военнопленных, которые не хотели записываться в ряды «власовцев», гитлеровцы мучили голодом или расстреливали².

Власовцы участвовали в боях против войск Красной Армии уже в ходе Курской битвы. Летом 1943 г. в полосе Воронежского фронта выявлялись факты участия в боях на стороне противника изменников Родины.³ Так, 5 июля 1943 г. в 213-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии в районе населенного пункта Ржавец, советские бойцы встретились с одетыми в красноармейскую форму пятью украинцами. В первый момент эта встреча привела к некоторому замешательству. Но после того, как неизвестные стали стрелять, был открыт ответный огонь. Все пятеро были уничтожены.

6 июля в районе северо-восточнее Шебекинской Дачи на стороне противника действовали до 40 русских и украинцев, переодетых в форму красноармейцев. В ночь на 9 июля группа власовцев, воспользовавшись беспечностью командного состава 2-го батальона 272-го гвардейского стрелкового полка 6-й гвардейской армии, проникла в наши траншеи. Здесь бойцы расположились на отдых. С криками: «Братцы! Давайте скорее спасаться!» подняли панику. Красноармейцы, увлекаемые власовцами,

¹ Платонов О. Бич Божий. Величие и трагедия Сталина. – М., 2004. – С. 234.

² РГАСПИ.Ф. 69. Оп.1.Д. 58. Л. 77; ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 309. Л. 30-32; ГАКО. Р-3605. Оп. 1. Д. 295. Л. 6-6-об., 8-10.

³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 38.

бросились вглубь нашей обороны, а предатели стали уничтожать их штыками и кинжалами. Принятыми мерами положение было восстановлено, часть власовцев убита, а остальные в беспорядке отброшены с занимаемых войсками позиций... Немцы, взятые в плен в районе действий 7-й гвардейской армии, показывают, что в ротах противника имеются группы, состоящие из 8-10 человек украинцев. Кроме того, на отдельных участках действуют группы солдат «Русской освободительной армии», неряшливо одетые в красноармейскую форму без погон»¹.

Помимо восточных частей, в немецкой армии действовали и подразделения специального назначения. Они формировались из русских эмигрантов первой волны и бывших военнослужащих РККА. В них были диверсанты и разведчики, которых с первых же дней войны немецкое командование забрасывало в тыловые территории Советского Союза. В 1942 г. с целью борьбы с партизанами и создания повстанческого движения в советском тылу, в Варшаве был организован «Специальный штаб «Россия» (Зондерштаб «Р»). Возглавил эту структуру бывший офицер Русской Императорской армии Б.А. Смысловский².

Заместителем начальника «Зондерштаба «Р» был назначен в 1943 г. генерал-майор РККА М.М. Шаповалов («Раевский»), впоследствии став командиром 3-й дивизии РОА. Возглавляемый М.М. Шаповаловым 1-й отдел Зондерштаба «Р» руководил работой межобластных и районных резидентур, вел работу в партизанских отрядах, получая агентурные материалы и после их обработки, направлял в штаб «Валли»³.

Агентура, в том числе и на территории Курской области, подбиралась из бывших членов партии и комсомола, советских активистов, неустойчивых партизан, ранее репрессированных лиц, женщин, имевших связи с

¹Цит по: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 313.

² Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М., 2004. – С. 191.

³ Чуев С.Г. Указ. соч. – С. 195-196.

руководящим составом партизанских отрядов. Их вербовка производилась под угрозой ареста или отправления на работу в Германию.

Для выявления партизан и их связей Зондерштаб «Р» использовал старост, полицейских, лесников, а также родственников и близких агентов резидентов. В контрразведывательной работе резидентуры применяли маршрутные поездки агентов в район действий партизанских отрядов якобы для переписи скота, учета беспризорных детей, торговли штучными товарами. Агентура добывала сведения также путем разработки лиц, связанных с партизанами.

В 1943 г. была произведена значительная реорганизация русских разведывательных подразделений Смысловского. Они были объединены в «Дивизию особого назначения «Россия». Начальником штаба нового соединения стал М.М. Шаповалов. Со 2 февраля 1945 г. соединение именовалось «1-я Русская национальная армия» (1-я РНА). Она закончила деятельность в мае 1945 г. на территории Лихтенштейна, где укрылись 494 человека из руководящего состава РНА.

Весьма сложным представляется жизненный путь известного деятеля военного коллаборационистского движения, полковника русской армии Б.Н. Шатилова (1891-1972). Уроженец Курска, он окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге (1912). Участвовал в Первой мировой войне в составе 1-й Льговской артиллерийской бригады. С 1919 г. он служил в Добровольческой армии А.И. Деникина, участвовал в боях на Украине, в Северной Таврии и в Крыму. В 1925 г., находясь в эмиграции, поселился в Болгарии. В 1942 г. Б.Н. Шатилов приехал на территорию Югославии и вступил в Русский Охранный Корпус (Вермахта), в основном, сформированный из антисоветски настроенных офицеров белой армии и донских казаков.

Военнослужащие русского корпуса вначале участвовали в боевых операциях против югославских партизан, поддерживали вооруженные

формирования сербов-четников генерала Д. Михайловича¹. В 1943 г. по прибытию значительной группы добровольцев-колaborационистов из Одессы, Бессарабии и Буковины в корпусе дополнительно были сформированы 4-й и 5-й полки, одним из которых стал командовать Б.Н. Шатилов.

Согласно приказу руководства Вермахта, офицеры и солдаты Русского корпуса перешли в 1943 г. на ношение немецкой военной формы. С 16 марта 1945 г. у всех чинов Русского корпуса появились нарукавные щитки-нашивки «РОА». 3-й и 5-й полки корпуса вели бои с передовыми частями 57-й армии 3-го Украинского фронта и болгарской армии, освобождавшими осенью 1944 г. территорию Югославии. В составе сводного полка (командир – полковник А.И. Рогожин) Б.Н. Шатилов участвовал в боях против советских, болгарских войск и югославских партизан И.Б. Тито.

В апреле 1945 г. части Русского корпуса из Словении (более 4,5 тыс. человек – авт.) прорвались в Австрию, где капитулировали перед английской армией. Командир корпуса (с 01.05.1945 г.) полковник А.И. Рогожин, пользуясь покровительством английских военных представителей, предпринял все усилия для спасения от выдачи в СССР власовцев, казаков, представителей других коллаборационистских частей и подразделений, примкнувшим к подразделениям корпуса. И это осуществлялось несмотря на все требования министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, звучавшие не раз с трибуны ООН².

В 1951 г., после получения статуса «перемещенных лиц», многие военнослужащие корпуса выехали в США и Австралию. Проживая на территории США, Б.Н. Шатилов занял посты вице-председателя Союза и Фонда Св. Александра Невского, председателя Общества михайловцев-

¹ Чуев С.Г. Указ. соч. – М., 2004. – С. 31.

² Чуев С.Г. Указ. соч. – С. 33-34.

артиллеристов, оставался членом Союза Георгиевских кавалеров и Общества кадетского объединения¹.

В составе Русского корпуса на Балканах также сражался курянин – участник Первой мировой войны (здесь он командовал тяжелым мортирным артиллерийским дивизионом – авт.), георгиевский кавалер полковник Н.И. Мурзин (1886-1978). Он с 1919 г. воевал в составе Вооруженных Сил Юга России в Донбассе и в Крыму. Перед началом Второй мировой войны проживал в Югославии, а в 1942 г. вступил в Русский корпус. В 1945 г. полковник Н.И. Мурзин с частями корпуса прибыл в Австрию, а затем в 1951 г. переселился в США².

В планах политического и военного руководства фашистской Германии значительное место отводилось деятельности разведывательных служб. В границах Восточного фронта действовали 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд, групп Абвера и СД. 60 специальных школ готовили шпионов, диверсантов и террористов³.

В годы временной оккупации на территории Курской области подрывную работу вели ряд разведывательных, контрразведывательных и карательных подразделений противника⁴. Основными формами их деятельности стали массовый шпионаж, организация диверсий и террористических актов. В Курске располагался отдел службы безопасности (СД), сотрудники которого осуществляли контрразведывательные и карательные функции. В непосредственном контакте со службой СД работали немецкий разведотдел «Визель» (Ласка), сотрудники Абвергруппы-

¹ Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны. Белое движение. – М., 2002. – С. 631. За военные заслуги Б.Н. Шатилов был отмечен орденом Владимира IV с мечами (1915), Георгиевским оружием (1916), Королевским орденом Великобритании, Железным крестом Германии (См.: БКЭ. Т. 1. Кн. 3. – Курск, 2009. – С. 187).

² Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны. Белое движение. – М., 2002. – С. 350; БКЭ. Т. 1. Кн. 2. – Курск, 2008. – С. 92.

³ Бондарева А. В. Органы государственной безопасности советской провинции в годы Великой Отечественной войны (на примере Курской области): Автореф. дис...канд. ист. наук. – Курск, 2004. – С. 20.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. НКВД. Д. 2. Л. 43.

105 и подразделение «Бруно» (в 1942 г. переименованное в штаб «1Ц-Антон»), венгерская разведгруппа «ЮНО»¹.

Северные районы Курской области (Малоархангельский, Троснянский, Поньровский, Глазуновский) находились в зоне деятельности абвергруппы-107 (начальник – капитан О. Геберт), которая пребывала в Орле с октября 1941 г. до начала августа 1943 года. Сотрудники абвергруппы-107 вербовали агентуру в лагерях военнопленных, редко используя местных жителей². В районе Белгорода действовала абверкоманда-102 с подчиненной ей абвергруппой-104, агентура для которой также вербовалась в лагерях военнопленных³. Одним из руководителей разведки в абверкоманде-102 был белоэмигрант, занимавшийся в 1930-е гг. журналистикой в Германии⁴.

Сотрудники Абвергруппы-105, которую возглавлял майор Р. Корзек, занимались разведкой участков Брянского и Воронежского фронтов, вербовкой и заброской шпионов в прифронтовую полосу и советский тыл. Абвергруппа-105 в Курске действовала с февраля 1942 г. по январь 1943 года. Ее разведывательное подразделение «Бруно» (штаб 1Ц-Антон), которым руководил обер-лейтенант Б. Шульц, размещалось по ул. Димитрова, 39, а в домах 41 и 43 помещались его агенты⁵.

В состав абвергруппы-105 входили разведгруппы «Леонард» (Малоархангельск), возглавляемой уроженцем Одессы капитаном А.Д. Лейкиным (он же Локкер А.Д. – ранее офицер белой армии, сын фабриканта, в 1936 г. эмигрировал из Херсона в Германию), Курская (начальник штаба – Б. Шульц) и Орловская, возглавляемая капитаном

¹ Бондарева А.В. Указ. соч. – С. 20.

² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига 1 января – 30 июня 1942г. – М., 2003. – С. 125; Чуев С.Г. Спецслужбы третьего Рейха. Кн. 1. – СПб, 2003. – С. 79, 99, 100, 135-136, 139.

³ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1. СП (б), 2003. – С. 111-112.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 104.

⁵ Паничев Б. Битая карта абвера. Политический диалог. – 1990. – № 23. – С. 28-30; Никифоров С.А. Оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 172-174.

Кордексом¹. Вплоть до начала 1943 г. агентура Абвергруппы-105 вербовалась из числа местных жителей, где дислоцировалась группа.

Особое внимание уделялось подбору агентов из женского населения. До июня 1942 г. завербованные агенты не проходили систематического обучения, а лишь получали инструктажи о методах сбора разведывательной информации. С июня 1942 г. все агенты группы направлялись для обучения на специальных курсах².

Освещая некоторые страницы деятельности штаба «1Ц-Антон», отметим, что он занимался сбором и обработкой разведанных о частях Красной Армии, действовавших на территории Курской области, опросом дезертиров и перебежчиков, агитацией среди советских бойцов. С июня 1941 г. в его составе работал переводчик и вербовщик абвергруппы-105 С.Г. Васильев (он же – С.Г. Барель), бывший врангелевский полковник и белоэмигрант³. В Курске С.Г. Васильев играл основную роль при вербовке новых агентов абвера из бывших белогвардейцев, уголовников и антисоветски настроенных граждан⁴.

Вместе с ним предательскую деятельность в Курске вела бывшая учительница А.В. Дубровская. Она принимала личное участие в вербовке граждан для шпионажа в тылу Красной Армии, отвечала за материальное обеспечение разведчиков и их семей, состояла в близкой связи с С.Г. Васильевым-Барель⁵. А.В. Дубровская заведовала конспиративной

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 104; Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. 1. – СПб, 2003. – С. 69-72.

² Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, такая полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. – Мн., 2008. – С. 91, 115.

³ Так, по данным, приведенным 1 апреля 1943 г. в выступлении на X пленуме обкома ВКП(б) начальником областного управления НКВД подполковником госбезопасности П.М. Аксеновым, С. Васильев до войны жил в Берлине, был награжден орденом Железного Креста II ст. Он являлся руководителем школы разведчиков, рассылаемых в наши тылы (ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 104).

⁴ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига» (1 января – 30 июня 1942 г.). – М., 2010. – С. 259;

⁵ ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 6. Д. 4. Л. 15-об; Суровая правда войны: 1942 год на Курской земле. Ч. II Сб. документов. – Курск, 2010. – С. 328.

квартирой и содержала ресторан, где происходила вербовка новых агентов, преимущественно из числа интеллигенции города¹.

В декабре 1941 г. С.Г. Васильев-Борель завербовал в качестве агента Абвергруппы-105 бывшего участника бандформирований, действовавших в 1919-1921 гг. на Украине, С.Д. Коржа. Он родился в Таращанском уезде Киевской губернии. Бывший ефрейтор царской армии, в годы гражданской войны воевал против Красной Армии. В мае 1941 г. С.Д. Корж устроился работать механиком спиртзавода в селе Никольском Щигровского района².

В декабре 1941 г. он добровольно предложил свои услуги сотрудникам абвергруппы-105. Занялся вербовкой советских граждан, перебрасываемых за линию фронта. С немецкими агентами Корж неоднократно переходил линию фронта для сбора разведывательных данных в тылу Красной Армии. Фашистам он был известен как Корнев, под этой фамилией он жил в Курской области, скрываясь от советского правосудия.

Позднее С.Д. Корж был переведен в полевые органы немецкой контрразведки, действовавшие в селе Никольском Щигровского района. Вместе со старостой Е.Г. Крючковым ему удалось создать так называемый «немецкий актив» – 60 человек, состоявший из лиц, недовольных советской властью. С их помощью выявили нескольких коммунистов и советских активистов, передав их карательным органам. С. Корж участвовал в арестах более 20 жителей Щигровского, Черемисиновского, Колпнянского районов Курской и Орловской областей³. Во время наступления частей 3-го гвардейского кавалерийского корпуса С. Корж и Е. Крючков убыли с фашистами из Никольского (январь 1942 года). Но после отхода советских войск с территории района, они возвратились и усилили репрессии против тех жителей, которые ранее оказывали содействие красноармейцам. Вместе со старостой Е.Г. Крючковым и полицейским Булычевым С.Д. Корж находил

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 105.

² Манжосов А.Н., Никифоров С.А., Крамаренко А.Д. «И верно служили врагу...» // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (9). – С. 17.

³ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 1504. Т. 2. Л. 7-16; Т. 3. Л. 64, 67, 77-79, 81, 85-87, 91, 275.

красноармейцев, вышедших из окружения на территорию села. Одного молодого солдата С. Корж в лютый мороз лично водил босиком по деревне¹.

О деятельности агентуры штаба «1Ц-Антон» неоднократно докладывалось высшему руководству НКВД-НКГБ СССР², что подчеркивает важность задач, выполняемых в 1942-1943 гг. сотрудниками военной контрразведки Брянского и Воронежского фронтов, органами госбезопасности Курской области, по противодействию шпионам и диверсантам, забрасываемым как в советский тыл и прифронтовую полосу.

Как свидетельствуют материалы данного параграфа, наиболее распространенными формами военного сотрудничества с врагом на территории Курской области была служба в Русской освободительной армии (РОА), в Русской освободительной народной армии (РОНА), во вспомогательных структурах по охране немецкого тыла, в различных разведывательных и контрразведывательных подразделениях подчинявшихся СС, СД. Абверу. Объясняя поведение курян, ставших на путь измены Родине, мы не должны с исторической точки зрения забывать, что во все времена нашей истории измену Родине расценивали как явное преступление, которому не было прощения, и не устанавливались сроки давности и ответственности за совершенные преступления перед своим Отечеством.

2.3. Исполнение охранных и военно-административных функций полицейскими формированиями, созданными оккупантами

Вскоре после оккупации значительной территории СССР стал очевидным тот факт, что применения только сил охранных подразделений, выделенных для поддержания порядка или подавления сопротивления

¹ Книга памяти. Т. 8. – Курск, 1995. –С. 154-155, 182, 205, 216, 229.

² РГВА. Ф. 32880. Оп. 4. Д. 104. Л. 42-49; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига» (1 января – 30 июня 1942 года). – М., 2003. – С. 258-264, 623.

местного населения, будет явно недостаточно. Советская милиция, в отличие от аналогичных структур по обеспечению общественного порядка в завоеванных германскими войсками странах Западной Европы, не пошла на активное сотрудничество с врагом. Поэтому для охраны правопорядка во временно оккупированных районах СССР стали использоваться полицейские подразделения, формируемые из числа советских граждан.

На занятой войсками противника территории летом 1941 г. были созданы местные полицейские силы. 25 июля 1941 г. рейхсфюрер СС Г. Гиммлер подписал приказ «О задачах полиции на оккупированных территориях». В этом документе подчеркивалась необходимость создания дополнительных охранных формирований из числа представителей местного населения. О привлечении местных граждан в состав полиции речь шла и в приказе Г. Гиммлера от 31 июля 1941 г. «О создании охранных формирований»¹. 29 августа 1941 г. командование сухопутными силами Германии разрешило командующим тыловыми районами приступить к формированию из бывших военнопленных и местных жителей вспомогательной полиции².

Непосредственно организацией полицейских подразделений занимались местные комендатуры. На начальном этапе войны характер существовавших военизированных формирований, создаваемых из числа советских коллаборационистов, невозможно определить однозначно. Ведь им приходилось выполнять самые разнообразные функции: от охранных полицейских до борьбы с партизанами. Названия созданных подразделений также отличались большим разнообразием (полиция, милиция, служба порядка, вспомогательные части и т.д.)³.

6 ноября 1941 г. рейхсфюрер СС Г. Гиммлер подписал новый приказ, регламентирующий формирование и деятельность вспомогательной

¹ См: Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010. – С. 32.

² Там же. – С. 30.

³ Цит. по: Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941-1945. – М.-Иерусалим, 2005. – С. 254.

полицейской. Согласно этому документу, созданные из местного населения охранные и полицейские формирования в гражданской зоне оккупации объединялись во «вспомогательную службу полиции порядка» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei). Последняя подразделялась на четыре категории: «индивидуальная служба» (Schutzmannschaft-Einzeldienst) по охране порядка в городах (охранная полиция, Schutzpolizei) и сельской местности (жандармерия, Gendarmerie); батальоны вспомогательной полиции (Schutzmannschaft-Bataillonen); пожарная охрана (Feuerschutzmannschaft); вспомогательная охранная служба (Hilfsschutzmannschaft), предназначенная для охраны лагерей военнопленных, тюрем и пр. Общая численность вспомогательной полиции зоны оккупации насчитывала к 1 июля 1942 г. 165 128 человек. Но уже к началу 1943 г. достигла 330 тысяч человек (в структурах охранной полиции, жандармерии и пожарной охране было задействовано 253 тысяч человек)¹.

18 августа 1942 г. Верховное Главнокомандование Вермахта (ОКВ) направило директиву № 46 «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке», обязавшую командование сухопутных войск принять срочные меры по разработке нормативных документов, определяющих статус полицейских формирований. Директивой определялись 3 группы вспомогательных местных вооруженных сил: советские военнопленные и представители гражданского населения, служившие в германских строевых и тыловых частях («хиви»); полицейские команды (шутцманншафтен – Schutzmannschaften) –вспомогательная полиция немецкого военного и гражданского управления оккупированной территорией; охранные части (зихерунгсфербенде – Sicherungsverbende) –

¹ Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция. Берлин, 1994. С. 102-103. 19 ноября 1941 г. статус вспомогательной полиции в зоне гражданского управления был окончательно закреплен совместным приказом шефа СС Г. Гимлера и министра по делам оккупированных восточных территорий А. фон Розенберга «О подчиненности полицейских служб на оккупированных территориях» (См.: Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. – С. 32).

подразделения, предназначенные для борьбы с партизанами и для охраны объектов тыла.

Руководящим документом, регламентировавшим, вопросы формирования и деятельности вспомогательной полиции в военной зоне оккупации, стал подписанный в августе 1942 г. начальником Главного штаба сухопутных войск генерал-полковником Ф. Гальдером приказ № 8000/42 «В отношении вспомогательных сил на оккупированных восточных территориях»¹. Вскоре последовало утверждение бюджета местных вспомогательных соединений. В приложениях № 5 к этому приказу регламентировались вопросы денежного, продовольственного и вещевого обеспечения, устанавливались знаки различия сотрудников службы охраны порядка. В соответствии с этим приказом отряды вспомогательной полиции снабжались, «по возможности», обмундированием с вещевых складов. Прежде всего, это было трофейное советское обмундирование или униформа других разгромленных гитлеровцами армий – латвийской, чехословацкой, польской. Охранные части и восточные батальоны также обеспечивались устаревшим немецким обмундированием и снаряжением.

В Государственном архиве Курской области хранится текст служебного устава курской полиции². Он был утвержден летом 1942 г. и направлен руководителям полицейских органов и подразделений во все районы. Вероятнее всего, документ был подготовлен в связи с соответствующими предписаниями ОКВ и ОКХ. В Уставе подробно предписывались задачи служащих охранной полиции. В их числе были: а) охрана хозяйственных предприятий и складов; б) патрулирование на объектах для предупреждения грабежей, поджогов, актов саботажа и других уголовных преступлений; в) поддержание общественного порядка среди местного населения, наблюдение за уличным порядком, содействие в

¹ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. – С. 33.

² ГАКО. Ф. 3480. Оп. 1. Д. 7. Л. 5-8.

соблюдении мероприятий продовольственного снабжения; г) содействие в исполнении заданий государственно-политического значения.

Большинство служащих курской полиции специального военного обмундирования не имели, а продолжали ходить в гражданской одежде. Знаком отличия полицейских служили нарукавные повязки белого цвета. На каждой повязке было написано на немецком языке «СЛУЖБА ПОРЯДКА». Здесь же ставились номер и штампель территориальной комендатуры.

Прием советских граждан в подразделения полиции вели военные комендатуры различных уровней и отделения тайной полевой полиции (ГФП). Комплектование подразделений полиции личным составом возлагалось на руководителей гражданской администрации (старост, старшин, бургомистров). В первый период оккупации полиция им формально подчинялась.

Сначала прием в подразделения полиции не был четко регламентирован. Главным требованием к кандидатам являлись политическая лояльность к оккупантам и враждебное отношение к «еврейскому большевизму». Военные коменданты и руководители местных органов самоуправления в первые месяцы формирования территориальной полиции подходили лояльно к подбору кадров, стремясь оперативно укомплектовать полицейские формирования личным составом. Эти обстоятельства первое время позволяли партийному и комсомольскому подполью, бойцам партизанских отрядов и групп под видом репрессированных в 1930-1940-е гг. или членов их семей, а также ранее осужденных советскими судами, проникать в полицию и другие учреждения оккупационной власти.

Основными резервами для комплектования местных полицейских формирований на протяжении всего периода оккупации оставались: советские военнопленные, давшие добровольное согласие служить в полиции; дезертировавшие из рядов Красной Армии; окруженцы, остававшиеся на оккупированной врагом территории; добровольцы из

местного населения, настроенные антисоветски; молодежь 17-20 лет, насильственно взятая в ряды полиции.

Уже летом 1942 г. порядок приема в полицию был существенно ужесточен. Каждый вступающий в полицию подписывал обязательство (подобие клятвы), писал личное заявление (с указанием подробных биографических данных). Окончательное решение о приеме на службу в полицию принималось местной военной комендатурой¹.

Служба в полиции была довольно распространена среди части населения оккупированных территорий, особенно молодежи. Ведь полицейские и их семьи не испытывали фактически тягот оккупационного режима. В городе и в деревнях полицейские получали немецкий паек второй категории. А тем, кто часто участвовал в боевых операциях против партизан, выдавался паек первой категории².

Желание служить в полиции подогревалось и тем, что на оккупированных территориях ежедневно проводилась отправка населения для работы в Германии. Сотрудники полиции, как и члены их семей, их близкие родственники не подвергались такой трудовой мобилизации. Служащие местной полиции освобождались и от уплаты продовольственных налогов или поставок для нужд германской армии. Наоборот, постоянно увеличивались сборы налогов с населения на содержание аппарата полиции, старост и писарей³.

Летом 1942 г. стал внедряться новый подход к комплектованию полицейских формирований – по мобилизационному принципу. В этот период во многих селах проживали открыто «окруженцы». Некоторое время гитлеровцы ограничивались постановкой таких новых жителей на особый учет и регулярными проверками их лояльности к новой власти (контроль за этим осуществляли местные полицейские). Например, значительное

¹ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 348.

² См: Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. – С. 38.

³ Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев, С.А. Никифоров. – Курск, 2010. – С. 251.

количество солдат и офицеров Красной Армии, вернувшихся из плена или окружения, проживали во Льгове. Все они по приказу коменданта зарегистрировались и еженедельно отмечались в местной комендатуре¹.

В соответствии с новыми правилами, «окруженцы» были обязаны переходить на службу в полицейские подразделения или в создаваемые «восточные» части. Поэтому многие из «призывников» старались всеми способами уклониться от такой обязанности. Чтобы избежать мобилизации, распространялись следующие приемы: подкуп должностных лиц, отвечавших за набор и отправку на службу; укрывательство у родственников (такой вариант был приемлем только для «местных окруженцев»); уход в партизанские отряды.

Так, в селе М.-Кричино Дмитровского района открыто проживали 25 бывших военнопленных и «окруженцев». Местные власти не преследовали их, рассчитывая на привлечение бывших военнослужащих к сельхозработам по выращиванию и уборке урожая. Летом 1942 г. пришло указание районной управы о том, чтобы бывших пленных мобилизовать на службу в полицию. В результате 23 человека решили уйти в партизанский отряд А.Д. Федосюткина. Из 25 лишь один человек стал служить в полиции².

Численный состав полиции в разных городах и районах, оккупированных немецкими и венгерскими войсками, составлял от нескольких десятков до сотен человек.

Так, в ноябре 1942 г. в Курске насчитывалось более чем 300 полицейских, в Рыльске – около 100, в Щиграх – 76 (всего в Щигровском районе было до 450 полицейских), в Дмитриеве – около 300 полицейских, во Льгове (вместе с районной полицией) – 616 чел., в Шебекино – 233 (168 из них входили в состав резервного охранного отряда). В селе Калиновка

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 2. Л. 775.

² См: Никифоров С.А. Указ. соч. – С. 275.

Хомутовского района полицейский гарнизон насчитывал до 150 чел., а в с. Крупец – 168 человек¹.

26 сентября 1942 г. в разведывательном бюллетене Курского областного управления НКВД отмечалось, что в зоне действия партизанских отрядов созданы полицейские батальоны численностью до 350 человек, вооруженные пулеметами и минометами. До 220 полицейских в Михайловском районе несли охрану при поддержке 300 «вольных казаков» всех переправ через реку Свапа².

По мере активизации партизанской борьбы в северо-западных районах Центрального Черноземья, численность полицейских гарнизонов осенью 1942 г. возросла в несколько раз. По данным, приводимым помощником начальника оперативного отдела штаба партизанского движения на Брянском фронте ст. лейтенантом И.Г. Хорошавиным, к декабрю 1942 г. в населенных пунктах Дмитровского, Дмитриевского, Троснянского, Михайловского, Поныровского районов Курской и Кромского района Орловской области, вблизи зоны базирования 1-й Курской партизанской бригады, было сосредоточено 3635 полицейских и 2897 немецких, чешских и венгерских солдат³. Даже гарнизоны больших сел, таких как Красниково, Нижняя Кубань и Генеральшино, насчитывали по 15-25 полицейских⁴.

В 39 районах Курской области в штате полиции состояло до 7975 чел. Как отмечает кандидат исторических наук С.А. Никифоров, численность полицейских формирований Курской области логично определять в 10-15 тысяч человек⁵.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 43; Д. 237. Т. 3. Л. 612, 615-616, 666; Д. 241. Т. 2. Л. 202-206; Т. 3. Л. 40-41; ГАКО. Ф. Р-3480. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.; Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 29. Л. 368.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 12.-12-об.

³ ЦНИБО. Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 51. Л. 16-об.

⁴ ЦНИБО. Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 51. Л. 16-об. Так, в Дмитровске было 770, в Дмитриеве – 270, в Михайловке – 1850, в Кромах – 260 полицейских.

⁵ Никифоров С.А. Указ. соч. – С. 266.

Полицейские контролировали центральные улицы оккупированных городов и селений, базары, въезды и выезды из населенных пунктов. В обязанности полицейских также входили: несение постовой службы по охране сел, проведение облав на партизан, доставка в комендатуры подозрительных лиц, появлявшихся на улицах, принудительное направление населения на различные работы, контроль за соблюдением светомаскировки на территории населенных пунктов в ночные часы.

В полицейских подразделениях отсутствовала настоящая дисциплина. Это вызывало резонные возражения комендатур об эффективности их работы и использовании их для охранной деятельности. Так, в Крупецком районе Курской области на 168 человек полицейского штата имелось 138 винтовок, 2 пистолета и 1380 патронов. В этом районе имели место частые случаи ранения и гибели полицейских, не умевших владеть личным оружием¹. Поэтому было принято решение перевести начальника полиции на ниже стоявшую должность (наказание он не понес, т.к. неоднократно участвовал в операциях против партизан)².

«Эффективна ли была полиция в борьбе с сопротивлением советских граждан? Однако, учитывая то, что организовать действенное подполье в оккупированных районах Белгородчины не удалось, а партизанские отряды, по большей части действовали наскоками, то нельзя говорить об эффективности подавления сопротивления врагу со стороны полиции. Расправы с военнопленными, партизанами и советскими работниками никак нельзя отнести к борьбе с организованным сопротивлением...» – подчеркивал белгородский историк и архивист Ю.В. Коннов³.

Сведения о выходках стражей полиции, чаще всего, доходили до руководства городов или районов. Они были вынуждены как-то на это

¹ ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 368.

² ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 368. Л. 127, 144.

³ Конов Ю.В. Система правоохранительных органов в структуре оккупационных властей на Белгородчине в 1941-1943 гг. // Проблемы коренного перелома во Второй мировой войне. Год 1943. Матер. научно-практич. конф. – Белгород, 2013. – С. 70.

«реагировать». Так, бургомистр гор. Щигры приказал в апреле 1942 г. уволить со службы полицейских Корелова и Семенова как не соответствующих занимаемым должностям. Это было сделано, несмотря на явный дефицит кадров. Поэтому начальнику районной полиции было приказано «немедленно» подобрать замену¹.

Отсутствие дисциплины среди полицейских, как правило, было связано с ощущением вседозволенности в отношениях с мирным населением. С.А. Никифоров в монографии приводит такой яркий пример. Полицейские 4-го отделения службы порядка Курска Кобылкин, Макаров и Хрусталеv, приехав в с. Виногробль 22 февраля 1942 г., объявили себя: один – начальником гестапо, а другой – его личным секретарем. В течение нескольких дней они ходили по дворам: терроризировали местных жителей, вели допросы селян, где под угрозой расстрела требовали сообщить об излишках хлеба. Реакция руководства Городской управы была жестокой: полицейских, «дискредитировавших командование Германской армии», расстреляли². Ведь оккупанты старались не допускать бесконтрольного грабежа местного населения.

Бывший заместитель редактора оккупационной газеты «Речь», издававшейся в Орле Вл. Самарин (В.Д. Соколов) в послевоенных мемуарах разделял сотрудников местной, русской полиции на несколько условных категорий. Во-первых, убежденные, идейные антибольшевики, служившие не немцам, а России, цель жизни своей видевшие в борьбе против большевизма. Эта категория людей, принявшая активное участие в разыгравшихся событиях, пошла на союз с немцами во имя основной цели – уничтожения большевизма...

Во-вторых, убежденные враги большевизма, пострадавшие от него, видевшие цель своей жизни в мести большевикам. Ослепленные чувством

¹ ГАКО. Ф. Р-3480. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. Д.113. Л. 16. Цит. по: Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территориях областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 271.

мести, они приносили вред освободительному делу, мстя всем, вплоть до бывших комсомольцев. В-третьих, люди, работавшие в полиции не по убеждениям, а по необходимости, чтобы не умереть с голоду.

В четвертых, карьеристы, лишённые политических убеждений, ...бывшие коммунисты, увидевшие, что большевизм не сегодня-завтра рухнет – и перешедшие на ту сторону баррикад... Потолок мечтаний и надежд людей такого сорта не поднимался выше места бургомистра или начальника полиции в немецких колониях «восточных областей»... В-пятых, в полицию проникало большое количество людей с уголовным прошлым. Вполне понятно, что такие «полицейские» не могли вызвать у населения ничего, кроме враждебности...¹

Например, состав полиции города Белгорода был укомплектован под надзором гражданского коменданта города К. Штарка еще в ноябре 1941 года. По отношению к населению и советским патриотам, которые не стали сотрудничать с оккупантами, особой жестокостью отличились руководители Белгородской полиции С.Н. Беланов – старший инженер маслозавода, осужденный в период советской власти, а также его помощник – бывший прапорщик царской армии Т.А. Спесивцев². Еще будучи старостой села Мясоедово Белгородского района, Т.А. Спесивцев активно боролся с местными патриотами. Так, 15 декабря 1941 г. на явочной квартире он арестовал разведчицу Белгородского партизанского отряда М.К. Ушакову. Через два дня после жестоких пыток в присутствии согнанных на казнь жителей села она была расстреляна³.

¹ Самарин В. Указ. соч. – С. 281-282.

²Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России в 1941-1944 гг. – М., 2004. – С. 125. В большинстве архивных документов его фамилия именуется, как Белых (См.: Оккупация. – Белгород, 2010. – С. 269).

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 358. Л. 34.; Д. 207. Л. 3. В 1946 г. М.К. Ушакова посмертно была награждена орденом Отечественной войны I ст. (См.: Курская правда. – 1946. – 20 июля).

По заданию немецких спецслужб Т.А. Спесивцев в Мясоедово организовал шпионскую группу из 19 человек. Она была раскрыта только после освобождения села войсками 21-й армии¹.

В числе первых пошел на работу в белгородскую полицию уроженец Белгорода Г.И. Федоровский. Он указал, что является сыном крупных торговцев, которые не смогли развернуться при советской власти, а также, что в течение ряда лет он уклонялся от службы в Красной Армии. Федоровский участвовал в расстрелах советских граждан, других карательных мероприятиях и дослужился до заместителя начальника городской полиции².

В подручных у Г. Федоровского находился полицейский по кличке «Мамай» – И.С. Мамаев. Впоследствии его немцы за усердие назначили начальником полиции пос. Микояновка. Однажды казнили горожанина, снабжавшего партизан продовольствием. Г. Федоровский надел петлю, а И. Мамаев ударом ноги вышиб табурет из-под ног жертвы. Однако веревка оборвалась, и тот упал на землю. Но Г. Федоровский достал пистолет и убил горожанина выстрелом в голову. Потом они вместе с Мамаевым повесили казненного, усмехаясь: «Раз приговорили повесить – значит должен висеть. У немцев на этот счет строго – порядок любят»³.

В Белгороде имелось 5 территориальных участков полиции, которые подчинялись Городскому голове Г.Х. Пфейцеру. Все инспекторы городской полиции в тесном контакте работали со старостами улиц. В июне 1942 г. С.Н. Беланов возглавил службу вспомогательной полевой жандармерии, которая напрямую подчинялась военному коменданту города Фихте⁴.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 120. Л. 77-78.

² См.: На верность Отечеству. Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Белгородчины в очерках, документах, фотографиях / Сост. В.М. Рябков, С.Г. Ефремов. – Белгород, 2000. – С. 72-73.

³ Там же. – С. 75.

⁴ Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 253.

Как свидетельствуют архивные документы, Курская городская управа сформировала первые полицейские подразделения в середине ноября 1941 года. Первым начальником полицейского управления Курска был назначен В.Д. Карпинский, член ВКП(б) с 1931 г., уполномоченный 3-го отделения УНКВД¹. Позже это управление, подчинявшееся Городской управе, возглавил Д.В. Михайловский. Он особо отличился при проведении первых арестов, а также при выявлении коммунистов, советских работников и ополченцев, оставшихся в городе.

В январе 1942 г. Д.В. Михайловский участвовал и в массовых расстрелах еврейского населения Курска. Но вскоре он был уличен в присвоении золота и драгоценностей, изъятых у расстрелянных. Д.В. Михайловский был арестован гитлеровцами в Курске и расстрелян. Освободившееся место полицейского начальника занял полковник царской армии, деникинский офицер Н.П. Рябчевский².

В архивных документах 4-го отдела УНКВД сохранились фамилии курян, кто первыми пошел служить в полицию. Это бывший сотрудник НКВД А.Т. Чуйков, в 1938 г. уволенный со службы из-за «невозможности его дальнейшего использования в должности участкового уполномоченного райкомиссариата милиции по наличию компрометирующих материалов»³. Это также курские железнодорожники, в их числе – дежурный по станции Курск-город С.Д. Селезнев (заместитель руководителя полиции города), составитель поездов станции Курск-I ж.д. им. Дзержинского Г.К. Москалев⁴, главный кондуктор С.Г. Витлянский и другие.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2345-б. Л. 123.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1. Л. 28; Кепов А.Г. Указ. соч. – С. 28, 42.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 67, 74.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 128. С июля 1937 по октябрь 1940 г. Г.К. Москалев работал сцепщиком, а с октября 1940 по ноябрь 1941 гг. – составителем поездов ст. Курск. За период работы имел 8 благодарностей, среди них премию Наркома путей сообщения СССР (1941 г.) (ОА МЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 142. Д. 160. Л. 11).

В Курске к середине 1942 г. было организовано четыре полицейских отделения, личный состав которых насчитывал около 300 человек¹. Такая численность городской полиции соответствовала ранее утвержденному Уставу полиции, в котором значилось, что 1 полицейский приходится на 100 жителей населения, а на каждую тысячу жителей в городах должно быть 10 полицейских².

Первыми и основными мероприятиями, которые осуществляли курские полицейские, стали выявление и массовые аресты возможных противников немецко-фашистского оккупационного режима. Так, вскоре после занятия Курска были арестованы полицейскими: секретарь партийной организации кондитерской фабрики К.В. Лаврова (она была выдана ее соседом Ждановым), работник орготдела Дзержинского райисполкома Т.М. Гальченко (выдана фашистам соседом по дому И.М. Пеховым), участковая управляющая домами Ленинского райисполкома Е.Г. Волобуева, секретарь Дзержинского РК ВЛКСМ Т.Г. Орлова (находилась на последнем месяце беременности), другие курские коммунисты и советские работники³.

Все арестованные были расстреляны полицейскими в урочище Солянка и около деревни Щетинка. Так, 5 октября 1942 г. по указанию начальника Курской тюрьмы, бывшего полицейского Новикова, после пыток, Г.Г. Орлова была расстреляна вместе со своей восьмимесячной дочерью⁴.

1 декабря 1941 г. полицией был арестован бывший сотрудник УНКВД, член ВКП(б) с 1939 г. А.М. Найденов. Он имел особое задание – взорвать мост через реку Тускарь в Стрелецкой слободе. А. Найденов был опознан Д.В. Михайловским, который встретил его на улице (они ранее были знакомы по общим служебным обязанностям).

¹ ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 72; Никифоров С.А. Указ. соч. – С. 260.

² Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 321.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 263. Л. 26-26-об.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 204. Л. 83-84; ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 263. Л. 33-об., 84.

А.М. Найденова подвергали пыткам и допросам. По сведениям его жены Н.М. Найденовой, на допросы даже вызывали его престарелую мать, чтобы та смогла воздействовать на сына. Такие подробности допроса А.М. Найденов отразил в предсмертной записке, переданной родным незадолго до гибели¹. 15 декабря 1941 г. А.М. Найденов вместе с четырьмя коммунистами, оставленными органами НКВД в Курске и выданными местными предателями, был расстрелян².

Полицейский С.М. Ступин в городской больнице смог опознать тяжело раненного командира взвода истребителей танков Дзержинского полка народного ополчения В.И. Назарова. Близкие родственники укрыли его в хирургическом отделении областной больницы на ул. Садовой³. Увидев Владимира Назарова лежащим на больничной койке, Савелий Ступин заявил: «Это сын коммуниста Здановского⁴. Он – ополченец!» После посещения больницы С.М. Ступин привел полицейских, готовых арестовать В.И. Назарова. Но медперсонал больницы переодел раненого в гражданскую одежду и вывел за больничную ограду⁵. По доносу С.М. Ступина были арестованы Е. Щиголева (тетя В.И. Назарова) и соседка семьи Здановских М.М. Ланская за оказание помощи ополченцу и отказ сообщить о его нахождении. Вскоре после ареста их расстреляли⁶.

Одним из самых преданных служителей «нового порядка» в Курске стал бывший машинист паровозного депо Курск-Северное М.Н. Кох. На третий день оккупации Курска М. Коха назначили заместителем, а в декабре 1942 г. – начальником полиции 4-го (Ямского) района города⁷. В своих воспоминаниях ветераны паровозного депо Курск указывали, что Модест

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 3-3-об.

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 3.

³ АУФСБ КО РФ. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 140. Л. 30.

⁴ Ф.И. Здановский – комиссар 2-го батальона Дзержинского полка народного ополчения, отчим В.И. Назарова.

⁵ Горбачева А.Д. Баллада о Курском Маресьеве // Человеческие документы войны / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. – Курск, 1998. – С. 45-47.

⁶ Вас помнит мир спасенный / Сост. А.Д. Горбачева. Т. 2. – Курск, 1990. – С. 660, 666.

⁷ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. НКВД. Д. 129. Л. 9, 43.

Кох для них всегда оставался наиболее злобещей фигурой. Обладая профессиональными навыками – машиниста паровоза и инспектора по их заправке, отличной памятью и знанием людей, проживавших в Ямском районе, М. Кох стал верным помощником германских спецслужб. Он окружил себя осведомленной агентурой, состоявшей из железнодорожников.

В декабре 1941 г. в одном из цехов паровозного депо Курск-Северное сработала мина, заложенная подпольщиками в уголь. Чтобы запугать работающих железнодорожников, по приказу М. Коха было расстреляно 10 жителей Кировского района, проживавших неподалеку от депо¹. Зимой 1942 г. М.Н. Кох со своими подчиненными арестовал машиниста А.И. Халина и слесаря Н.Ф. Шолупова. Их заподозрили в причастности к железнодорожному подполью. М.Н. Кох лично участвовал в допросах арестованных, жестоко избивая их. Так, Н.Ф. Шолопову пробили голову, от чего он неоднократно терял сознание. В январе 1943 г. на рынке, действовавшем неподалеку от Введенской церкви, М.Н. Кох вместе с двумя полицейскими арестовал «старика с густой бородой». Под этим обликом скрывался и вел разведку по заданию органов НКВД С.В. Паньшин². М. Кох опознал его, так как тот проживал по соседству. Полицейские передали С.В. Паньшина гестапо, где он вскоре был расстрелян³. В феврале 1943 г. перед отступлением из Курска М. Кох выстрелом из винтовки убил женщину, собиравшую остатки гнилого картофеля в овощехранилище железнодорожного отдела рабочего снабжения.

Как удалось установить в сентябре 1944 г. курским чекистам, большая группа агентуры, оставленной органами НКВД на территории Ленинского (сельского) района Курской области, активно сотрудничала с оккупантами. Так, резидент «Чувиллин» (И.У. Морозов) служил начальником районной

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 18; Курский край: Научно-историч. журнал. – 1999. – №5 (8). – С. 9.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2664. Л. 127.

³ Книга Памяти. Т. 1. – Курск, 1993. – С. 158; Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5(8). – С. 9.

полицей, осведомитель «Дородный» (Д.М. Тарасов) стал его заместителем. В штате Ленинской районной полиции состоял осведомитель РО НКВД «Быканов» (Е.М. Конорев), а резидент «Засеков» (Т.И. Рудаков) сотрудничал с полицией, сообщая сведения о советских патриотах или их семьях.

Иногда на службе у оккупантов оказывались люди, прямой служебной обязанностью которых была борьба с захватчиками. Так, начальник штаба Щигровского полка народного ополчения М.А. Гатиллов (до занятия г. Щигры работал бухгалтером райторга) служил в немецкой комендатуре. Резиденты местных органов НКВД «Мотор» (с. Золотухино), «Терек» (Обоянь), «Хмелевской» (с. Бобрышево Кривцовского района) также оказались изменниками¹.

Из 170 человек, оставленных в июне 1942 г. Мантуровским РК ВКП(б) для ведения подпольной работы в 11 сельских советах района, 20 человек устроились на службу в районную полицию².

В соответствии с действовавшим Уставом вся местная полиция делилась на «стражу», предназначенную для борьбы с партизанами и «полицию порядка», функционировавшую в целях поддержания общественного порядка³. Охарактеризуем полицейские структуры ряда городов и райцентров Курской области. Так, в Рыльске действовали 2 отдела полиции: политический и уголовный⁴. Полиция Льгова имела аналогичную структуру. В составе Льговской полиции помимо специализированных отделов было и резервное подразделение (в количестве нескольких десятков человек). После объединения Льговской городской и районных управ также произошло соединение городской и районной полиций. Первым начальником городской полиции был Н.Т. Фадеев. В разное время Льговскую районную полицию возглавляли И.П. Иванченко, Г.А. Жеглов и М.Ф. Ребров⁵.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 64. Л. 39; Д. 132. Л. 79; Д. 190. Т. 2. Л. 15-17, 19.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 192. Т. 2. Л. 1, 28-39.

³ ГАКО. Ф. Р-3480. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 241. Т. 2. Л. 140.

⁵ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 207. Т. 2. Л. 577, 610-617, 641, 660, 667, 761-об.

В сентябре 1942 г. структурные подразделения Льговской полиции несли охранную службу на объектах станции Льгов-I¹. Отделением полиции станции Льгов-I руководил бывший работник милиции А.М. Алябьев, позднее перешедший на службу в районную Управу².

Полицию Дмитровского района возглавлял бывший эмигрант П.Г. Корольков, города Дмитриева – бывший заведующий магазином М.И. Бердников³. Во главе Михайловской районной полиции стоял И.Н. Дугинов, а Верхне-Любазской – И.Я. Докукин⁴.

Начальником полиции города Шебекино вначале был Е.И. Лобах (он же И.А. Корбут), ранее скрывавшийся от сотрудников НКВД за совершенные им преступления. Гитлеровцы освободили его от должности за чрезмерное личное обогащение. Но вскоре он был назначен городским старостой. На посту начальника полиции Е. Лобаха сменил явный антисоветчик Н.А. Коптев⁵.

Особой жестокостью на службе у захватчиков прославились И.И. Ильющенко и Г.И. Кузьменко. И.И. Ильющенко служил в Медвенской районной полиции с января 1942 г. и был известен как «кровавый каратель». С приходом немцев в Медвенку он добровольно пошел к ним на службу. Им двигало чувство мести к советской власти (в 1939 г. он был осужден к двум годам лишения свободы за кражу общественного имущества).

Будучи рядовым полицейским, И.И. Ильющенко участвовал в арестах и расстрелах жителей с. Нижний Реутец. Через три месяца безупречной службы И. Ильющенко был назначен начальником Медвенской районной полиции. Он за короткое время довел численность полиции района с 7 до 20

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 4-об.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 15.

³ Бердников Михаил Иванович, 1907(1908) г.р., до войны работал заведующим магазином в селе Моршнево Дмитриевского района. В феврале 1943 г. бежал вместе с отступающими оккупантами (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 83).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 127. Д. 142. Л. 18.

⁵ Поздняков Э.Н. Шебекино в период оккупации // Великая Отечественная война 1941-1945гг.: Уроки истории. Сб. матер. научно-практич. конф. – Белгород, 2000. – С. 98-99.

человек. Под руководством И. Ильющенко часто проводились операции против партизан, их аресты и расстрелы. Захваченных в плен патриотов он подвергал пыткам, издевательствам, при этом испытывая садистское наслаждение¹.

Таким же жестоким палачом зарекомендовал себя Г.И. Кузьменко, уроженец хутора Хатуша. В период оккупации Курской области он возглавил Хомутовскую районную полицию. Принимая пост начальника полиции, он собственноручно написал такое заявление: «Я, нижеподписавшийся Кузьменко Григорий Иванович, добровольно вступив в управление Хомутовской полиции, обязуюсь аккуратно и беспрекословно выполнять приказания своих начальников. Я обязуюсь до полного установления нового порядка, ликвидации большевизма и партизанщины, работать в Хомутовской полиции»². Он возглавлял операции против курских партизан, участвовал в пытках и истязаниях их родственников. В одном из заявлений оккупационным властям Кузьменко писал: «Просем представить нас к награде, так как – я и полицейские Водостоев и Молотков – принимали активное участие в борьбе с партизанами. В Дмитриевском районе вступили в бой и убили 1 партизана и отбили четыре лошадей, к чему есть свидетели»³.

Проявили активность на службе «новому порядку» и льговские полицейские – помощник машиниста депо Льгов-II В.Я. Моисеенко, член ВЛКСМ, слесарь Е.М. Зинченко, дезертировавший из Льговского полка народного ополчения, который был направлен на оборону Курска⁴. Во Льговской полиции имелся даже специальный карательный «казачий отряд» (от 30 до 50 чел.), используемый как резерв в ходе обнаружения партизан. Им командовал Ф. Славнов. Отряд всегда был в полном подчинении военного

¹ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 11123. Л. 40- 42-44, 63, 67; Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5(8). – С. 16.

² Цит. по: Курская правда. – 1960. – 28 июня.

³ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 16794. Т. 3. Л. 242. Нами сохранена орфография записки.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 3070. Л. 13-14; Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, С.А. Никифоров и др. – Курск, 2010. – С. 218.

коменданта города Льгова К.-А. Гугемоса¹. В составе карательной «казачьей сотни» участвовал в акциях против партизан и населения района и поездной вагонный мастер И.К. Грищенко².

В составе полицейских формирований районных подразделений полиции служили дезертиры из рядов Красной Армии. Так, в селе Озерки Щигровского района староста и впоследствии полицейский, бывший дезертир П.М. Смахтин, постоянно издевался над односельчанами и пленными красноармейцами³.

Льговским РВК был призван в ряды РККА В.Я. Погонишев. В июле 1941 г., находясь в составе 9-й танковой дивизии, он дезертировал и был завербован немецкой военной разведкой. Зимой 1941 г. В. Погонишев возвратился в родные места и добровольно подал заявление о приеме его в полицию. Здесь он служил до марта 1943 года. Будучи телохранителем немецкого коменданта, В. Погонишев участвовал в деятельности окружного штаба, созданного для борьбы с партизанами. Он принимал участие и в акции по ликвидации партизанских групп в Кореневском и Глушковском районах. Здесь от их рук погибли 17 советских патриотов⁴.

Русская вспомогательная полиция помимо борьбы с партизанами и членами подпольных организаций привлекалась к уничтожению ряда категорий советских граждан (коммунистов, советских работников и представителей еврейской диаспоры), своевременно не успевших эвакуироваться на Восток.

Накануне войны высшим руководством Германии ведомству Г. Гимmlера было поручено выполнение «специальных заданий» по массовому физическому уничтожению еврейского населения и убежденных сторонников коммунистической идеологии. В «Инструкции об особых областях к директиве № 21» (план «Барбаросса») от 13 марта 1941 г.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 2, 730-735.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 13-14.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 61, 94.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 24. Л. 170.

подобная деятельность была напрямую подчинена идее «борьбы двух диаметрально противоположных систем»¹.

Ярые националисты и лица, негативно настроенные к советской власти, с первых же дней оккупации принимали участие в выдаче оккупантам и расстрелах еврейского населения. В Курской области (в отличие от большинства территорий Украины и Прибалтики) не наблюдалось еврейских погромов. Но с первых дней оккупации все евреи подвергались гонениям и моральному унижению.

Об этом свидетельствует приказ коменданта Рыльского и Рыльского уезда лейтенанта Освальда от 12 декабря 1941 года. Согласно указанному документу, евреи, проживавшие в Рыльске, должны были с 1 января 1942 г. носить на левой руке (выше локтя) белую повязку с нанесенной на нее шестилучевой звездой Давида (черного цвета). На всех еврейских квартирах, в местах торговли, на предприятиях должны были вывешиваться таблички с надписями «еврейская квартира», «еврейская лавка», «еврейское предприятие»². Совсем скоро последовали и массовые расправы над еврейским населением Курска и области. Ведущими их исполнителями выступали сотрудники германских спецслужб, а также местная полиция охраны порядка и антисемиты – жители города.

В воспоминаниях ветерана областного Управления КГБ СССР, майора в отставке В.Т. Ковалева указывается, что житель дома № 28 по ул. Верхняя Луговая И.М. Пехов обошел все дворы «еврейского квартала» в Курске, интересовался эвакуацией семей евреев и коммунистов. В начальный период оккупации он подал немецким властям большой список евреев, оставшихся в Курске. Всех несчастных немцы и полицейские арестовали и вместе с пленными красноармейцами расстреляли в овраге по дороге на Шуклинку и в

¹ Цит. по: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на оккупированной территории СССР (1941-1945 гг.). – М., 1985. – С. 21.

² ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

Знаменской роще¹. На совести И. Пехова и его дочери – бывшего хореографа Дома культуры железнодорожников С.И. Юфы было более 200 жизней расстрелянных курских евреев. Как смог установить историк И.Г. Гришков, первый массовый расстрел евреев (более 150 чел. – авт.) в Курске был осуществлен в январе-феврале, а второй – в июне 1942 года (в районе Дальних парков и на Солянке)².

В числе более 400 евреев – жертв фашистских палачей и полицейских (именно они раздевали жертв в лютый мороз до гола и затем их расстреливали), были известные в городе врачи – заведующий туберкулезной больницей в Щетинке – И.Б. Шендельс, заведующий городским дерматовенерологическим диспансером И.С. Гильман, клиницисты Шокман, Бронштейн, а также учительница Карницель³.

Как указывает профессор Б.Н. Ковалев в Курске расстрелы евреев производили как немецкие солдаты, так и полицейские, до этого переодетые в красноармейскую форму⁴. Массовые расстрелы и зверства над еврейскими семьями проводились и в сельских районах Курской области. Так, 10 января 1942 г. в пос. Ивня публично были расстреляны 36 еврейских семей⁵.

В акте о зверствах гитлеровцев и их пособников в Новом Осколе, составленном 10 июля 1943 г., указывалось, что жительница гор. Нового Оскола Пупкина, 80 лет, её дочь и внуки – Евгений 5 лет, Люба – 7 лет и Митя – 14 лет, были арестованы полицейскими. При допросах бабушки и матери вызывали детей, целились в них из пистолета, производя выстрелы в стену. На допросах избивали мать, бабушку и внуков. Затем бабушку и всех

¹ Ковалев В.Т. Еврейский квартал // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 2. С. 26.

² ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 263. Л. 55-55-об., Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Изд. 2-е, доп. – Курск, 1999. – С. 41-42.

³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1049. Л. 16-17; ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 22151. Д. 12. Л. 119; Неизвестная «черная книга». Матер. к «черной книге» под ред. Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. – М., 2014. – С. 241-244.

⁴ Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 211.

⁵ Там же. – С. 212.

троих детей живыми закопали в яму. «Вместе с их трупами в яме обнаружили также трупы Доры Слуцких, эвакуированной из Западной Белоруссии и её трех чудных курчавых мальчиков – 5, 7 и 12 лет, ходивших по городу и собиравших куски хлеба, чтобы их передать матери в тюрьму. Но в один из дней, полицаи вывели Дору Слуцких из тюрьмы, забрали стоявших у дверей её трех мальчиков и посадили в подвал. Ночью детей закопали живыми в землю...»¹

В Щетинке зимой 1942 г. расстреляли учительницу из Солнцевского района Е.И. Лихтер и её детей: Киралину – 10 лет, Александра – 7 лет и Олю – 3 лет². Семья эта была выдана полицейским соседями потому, что муж Евдокии Ивановны Лихтер и отец погибших детей – по национальности был евреем и служил на офицерской должности в рядах Красной Армии.

В акте, составленном 14 ноября 1943 г. специальной комиссией, рассказывается о злодеяниях, совершенных гитлеровцами и полицейскими на камышитовом заводе у села Михайловка, где 5 февраля 1942 г. варварски сожгли свыше 1700 советских граждан³.

Историки Д.А. Жуков и И.И. Ковтун в своей книге «Русская полиция» отмечают, что «в центральных регионах РСФСР русская полиция не выступала инициатором массовых экзекуций еврейского населения. Полиция здесь действовала по указанию военных комендантов и офицеров СД. Сотрудники службы порядка охраняли евреев в гетто и в тюрьмах, в принудительно-трудовых лагерях, обеспечивали оцепление мест, где производились расстрелы...»⁴

По нашему мнению, такие выводы малоубедительны и не основываются на детальном изучении архивных материалов. В документах курских архивов нам встречались прямые доказательства помощи курской

¹ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Сб. документов. Т. 1. – Курск, 1960. – С. 198-199.

² ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1051. Л. 2-3; Курская правда. – 1943. – 9 мая.

³ ГАНИБО. Ф. 1140. Оп. 3. Д. 2. Л. 4-6.

⁴ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010. – С. 182.

вспомогательной полиции в осуществлении политики Холокоста немецко-фашистскими оккупационными властями.

Образы полицейских – односельчан самым недобрим воспоминанием остались в памяти детей войны, всех тех, кто в 1941-1943 гг. пережил трудности немецко-фашистской оккупации. В нашем исследовании мы приведем отрывки из некоторых воспоминаний. Так, Н.П. Ерина (Ковыршина), с 1940 г. проживавшая в Обояни, вспоминала: «Тысячи жизней безвинных советских людей оборвали душегубы – русские, те, кто служил в полиции. Помню, как однажды тетя, мама и я возвращались с огорода. Он был за кладбищем. Вдруг стали слышны выстрелы и громкий лай собак. Нам навстречу шли несколько немцев и молодой полицай. У них на руках висели бусы, гимнастерки и сапоги, т.е. вещи, снятые с только расстрелянных граждан. На вопрос тети Дуси о том, что они несут, молодой предатель ей цинично ответил: «Да чего там, всего двенадцать человек»¹.

В.Л. Золотарева (Букетова) – жительница дер. Охочевка Ленинского (сельского) района Курской области. «В нашей деревне жил полицейский Максим. Он служил немцам и во всем им помогал. Он докладывал фашистам, что происходило в семьях односельчан, говорил, где можно было изъять съестные припасы»².

А.А. Баранцева – жительница дер. Парменовка Черемисиновского района: «Фашисты в феврале 1942 г. расстреляли бывшего председателя колхоза Г.Г. Гришаева, колхозника Наседкина и двух его сыновей, а также зверски надругались над коммунистом Жиделяевым, оставленным для подпольной работы. Его выдал полицай – бывший кулак. В семье Жиделяева было 11 детей, шесть из которых были убиты карателями...»³

¹ Детство опаленное войной. Кн. 1. – Курск, 2005. – С. 251.

² Те, кто видели войну. Сборник воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / Сост. А.А. Корнеева. – Курск, 2013. – С. 16.

³ Те, кто видели войну. Сборник воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / Сост. А.А. Корнеева. – Курск, 2013. – С. 67.

Систематически подразделения местной полиции использовались гитлеровцами в ходе контрпартизанских мероприятий. Это, чаще всего, осуществлялось в лесистых северо-западных районах Курской области. Здесь полицейские формирования вели борьбу против Дмитриевского, Дмитровского, Михайловского, Троснянского партизанских отрядов (они с августа 1942 г. входили в состав 1-й Курской партизанской бригады), Хомутовского, Крупецкого, им. Чкалова и им. Фрунзе отрядов, входивших в состав 2-й Курской партизанской бригады. В карательных экспедициях участвовали как полевые части 2-й немецкой танковой армии, 102-й и 108-й венгерских легкопехотных дивизий, так и подразделения добровольных «казачьих сотен», сформированные из жителей различных регионов Украины, а также полицейские подразделения Курской области. Крупные карательные экспедиции в северо-западных районах Курской области организовывались в феврале-марте, мае-июле, сентябре-ноябре 1942 года¹.

В ходе совместных карательных операций погибли около 400 курских партизан и значительное число местных жителей. Многие из них активно поддерживали партизанские формирования².

Так, с ноября 1941 г. в тылу немецких войск действовал Беловский отряд. Партизанам большую помощь оказывали начальник полиции слободы Белой П.А. Ефременко и староста Новаков. В марте 1942 г. они были отстранены от своих должностей, как не обеспечившие мер по борьбе с партизанами. Вскоре на их место были назначены начальник полиции В.Э. Тимчук, работавший ранее дорожным техником и новый староста Н.И. Шапошников.

Руководители Беловской полиции привлекали на свою сторону предателей Родины, которые выдали место дислокации отряда. Полицейские арестовали группу партизан во главе с комиссаром отряда Т.Н. Трошкиным.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 12-об.-14; Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг. – Курск, 2005. – С. 106-118.

² Подсчет наш по: Была война народная / Сост. В.В. Коровин, В.Г. Конева, К.В. Яценко и др. – Курск, 1992. – С. 61-71.

16 апреля 1942 г. Т.Н. Трошкин был казнен в центре слободы Белой. В результате таких действий местных предателей Беловский партизанский отряд прекратил борьбу с врагом¹.

Определенную роль в разгроме 2-го Медвенского партизанского отряда (командир Т.В. Фильчаков) сыграла помощь, оказанная оккупантам начальником районной полиции И.И. Ильющенко. В июне 1942 г. он лично руководил операцией по поимке командира отряда, сотрудника райотдела НКВД Т.В. Фильчакова в селе 2-е Любицкое. В результате завязавшейся перестрелки Т. Фильчаков был тяжело ранен. Полицейскими он был схвачен и передан в гестапо. Вскоре Т.В. Фильчаков был казнен в Медвенке².

Руководители полицейских формирований использовали изощренные формы и приемы борьбы с партизанами. Так, в марте 1942 г., за поимку командиров партизанских отрядов, действовавших в Обоянском и Кривцовском районах Курской области, были обещаны крупные суммы денег и земельные наделы размером 10-20 гектаров. Отдельно оплачивалась дополнительная информация о партизанах и подпольщиках³.

В феврале 1942 г. бывший партизан, ставший полицейским, П.Я. Половинкин передал гитлеровцам месторасположение Дмитриевского партизанского отряда под командованием М.М. Плотникова. В ходе неожиданного нападения фашистов и местных полицейских на позицию отряда погибли 12 дмитриевских партизан. С.Я. Пузанов, П.Я. Половинкин и В.Т. Сиухин выдавали сельских активистов полиции. Так, С.Д. Пузанов ходил специально по селам и деревням, где собирал сведения для полиции о партизанских отрядах⁴.

Помимо непосредственного участия в борьбе с личным составом партизанских отрядов, полицейские и карательные формирования широко

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 147. Л. 296; ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 83.

² ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 147. Л. 297; ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 35-37.

³ Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. – М., 2004. – С. 201.

⁴ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 345-346.

использовали репрессии против мирного населения партизанских зон и краев. Так, 19 февраля 1942 г. в с. Фатеевка Дмитриевского района каратели, при участии кавалерийского эскадрона 580-й полевой жандармерии, состоявшего только из изменников Родины, расстреляли 19 местных жителей – стариков и подростков. 3-4 марта 1942 г. карательная экспедиция провела новые массовые расстрелы в Неварьском и Черневском сельсоветах. На территории этих двух сельсоветов за два дня было расстреляно более 150 человек. Каратели сожгли здесь 19 населенных пунктов (в том числе 11 хуторов, примыкавших к лесу). Фашисты, выгнав стариков и детей из горящих хат, держали на морозе их несколько дней. На окраинах каждого сожженного поселка появились дощечки с надписями: «Мстим за саботаж германскому командованию и связь с партизанами»¹.

В марте 1942 г. в Троснянском районе каратели расстреляли более 150 человек. 3 мая 1942 г. в колхозе «Красная звезда» этого района были повешены по подозрению в связи с партизанами 7 стариков и 40 женщин². В октябре – ноябре 1942 г. в ходе операций войск СС, добровольцев – казаков и полиции, под общим командованием генерала А.-Э. Хойзингера, в Михайловском, Дмитриевском и Троснянском районах были преданы огню 32 населенных пункта (1092 двора). Были расстреляны, замучены и заживо сожжены 870 мирных жителей³. В дер. Рясник Михайловского района каратели расстреляли 39 человек. В с. Погорелое 47 человек погибли в огне пожаров. В дер. Макарово было сожжено и расстреляно 35 человек⁴. В пос. Большой Дуб 19 октября 1942 г. каратели уничтожили 99 мирных

¹ Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945. Сб. документов. Т. 1. – Курск, 1960. – С. 237, 335.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 132. Л. 12-об.-13.

³ Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945. Сб. документов. Т. 1. – Курск, 1960. – С. 184.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4. Л. 5-6; Д. 81. Л. 106.

жителей, в их числе 46 детей¹. В селе Веретенино погибли от рук карателей 115, а в пос. Холстинка Михайловского района – 125 человек².

Для устрашения мирного населения оккупанты и их сообщники устраивали публичные казни партизан и подпольщиков. Так, 10 апреля 1942 г. в селе Крупец была казнена партизанская разведчица, секретарь Крупецкого райкома комсомола А.А. Зайцева, выданная местными полицейскими³. Разведчица Дмитриевского партизанского отряда В.М. Терещенко во время очередного задания остановилась в доме своего дяди – местного писаря Бажакова, сообщившего о ее появлении своему начальнику – старосте села Зеленый Гай Бушневу. Староста с полицейскими задержал В.М. Терещенко и доставил ее в Дмитриевское гестапо⁴. 16 октября 1942 г., после долгих пыток и истязаний в тюрьме, В.М. Терещенко была повешена на базарной площади Дмитриева.

На казнь партизанки местные полицейские согноли десятки жителей города⁵. Расправу над отважной юной патриоткой совершили молодые служащие Дмитриевской полиции, бывшие сверстниками приговоренной – Т.Е. Скрипкин (24 года), Ф.Д. Калиткин (24 года), Д.Т. Рябыкин (18 лет) и Г.С. Негуляев (23 года)⁶. Участники казни, арестованные после освобождения района, так описывали произошедшее: «...Начальник полиции Бердников отдал приказ повесить партизанку Терещенко на Базарной площади. Калиткину было поручено принести поводок и привести вместе с полицейским Рябыкиным партизанку к виселице. Скрипкин прикатил бочку и поставил рядом с виселицей. Когда привели Терещенко, виселица уже была подготовлена, а вокруг ее стояло много местных жителей. Рябыкин крикнул

¹ Колесников А.Н. Непокоренный край. Изд. 2-е, доп. – Курск, 1999. – С. 209-215.

² ЦАМО РФ. Ф. 424. Оп. 11186. Д. 3. Л. 14-об.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 205. Л. 12, 62; Д. 207. Л. 33-34. Д. 358. Л. 256; Д. 368. Л. 10; Гусев П.В. В тылу врага. – Курск, 2006. – С. 134-135.

⁴ Злуникин В.Г. Вера. Повесть. Изд. 4-е, доп. – Воронеж, 1965. – С. 355, 364.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 203. Л. 164-165; ГАПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 205. Л. 26; Д. 207. Л. 46; Д. 356. Л. 31; Д. 358. Л. 250, 254.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 82, 96; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 345; Курская правда. – 1943. – 19 сентября.

партизанке, чтобы она лезла на бочку. Она стала сопротивляться. Полицейский Рябыкин ударил ее в спину прикладом винтовки и накинул ей петлю на шею. Партизанка только успела проговорить: «Погибаю за Родину...» В тот же момент Скрипкин опрокинул бочку, и петля затянулась на шее партизанки. После казни бухгалтер Зайцев принес вывеску с надписью «Смерть партизанам» и прибил ее к столбу»¹.

Аналогичная судьба была у партизанки-разведчицы Михайловского отряда В.М. Дикановой. 15 ноября 1942 г. при осмотре места сосредоточения немецко-полицейского гарнизона в с. Курбакино, ее задержал одноклассник – полицейский охранной полиции С. Сопляков. 20 ноября 1942 г., после пяти дней пыток и издевательств, служащие Михайловской полиции С.Д. Милютин и С. Сопляков повесили В.М. Диканову на площади в слободе Михайловка. Лично С.Д. Милютин набросил веревочную петлю на шею Вали Дикановой. А Сергей Сопляков ей на грудь прикрепил дощечку с надписью «Партизанка»². Как и в случае с В.М. Терещенко, казнь В.М. Дикановой совершалась в присутствии жителей сл. Михайловки.

В своем дневнике комиссар Белгородского партизанского отряда А.Т. Сиверский отмечал, что партизан Исаев, пренебрег мерами конспирации и был схвачен местными полицейскими. В гестапо он раскрыл партизанские явочные квартиры и выдал местных активистов, помогавших партизанам, а также указал, где проживают партизанские семьи. Используя Исаева как важного информатора, гитлеровцы все же расстреляли его³.

16 декабря 1942 г. в селе Беломестное партизан А.Ф. Андросов поджег конюшню колхоза «Красный боевик». Здесь сгорели 82 лошади из немецкого обоза, несколько повозок с боеприпасами и два автомобиля. На другой день после пожара полицейские согнали жителей села, потребовав выдать им

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 79-80.

² Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. – Воронеж, 1966. – С. 146-147; Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943гг. – Курск, 2005. – С. 71; Курская правда. – 1966. – 6, 8 мая.

³ Народные мстители. – Воронеж, 1966. – С. 254; Прусаков В. Дневники суровых лет. – Курск, 1963. – С. 46.

поджигателя. Сельский староста И. Сотник указал полицейским, где проживал А. Андросов. Он был подвергнут мучительным допросам, после которых, 18 декабря 1941 г. его казнили¹.

Проводимые строгий учет и регистрация всех проживавших в населенных пунктах осложняли деятельность подполья. Немецкие военные структуры постоянно требовали, чтобы местная полиция отслеживала всех, кто прибывает в деревни и города и прошли ли такие граждане обязательную регистрацию у военного коменданта². Так, в приказе, адресованном начальнику волостной полиции одного из районов Курской области, зимой 1942 г. указывалось: «На основании распоряжения местной военной комендатуры приказываю: с получением сего категорически воспретить хождение граждан, проживающих на территории волости, за ее пределы без установленных пропусков. При появлении чужих лиц на территории волости, немедленно заявлять военной комендатуре или районной полиции для получения разрешения на пропуску прибывшего чужого лица в деревню Вашей волости»³. Так, в ноябре 1942 г., при проверке паспортного режима полицейскими был арестован и казнен первый секретарь Ясеновского РК ВКП(б), командир партизанского отряда А.Д. Казаков⁴.

Значительное место в антипартизанской борьбе отводилось хорошо информированной агентуре, привлекаемой к деятельности полицейских управлений. 20 января 1942 г. на городской площади гор. Обояни по просьбе старост окрестных сел и деревень и по доносам полицейской агентуры была казнена молодая учительница В.И. Букреева. В вину ей было поставлено то обстоятельство, что она в районе могла стать лидером антифашистского

¹ Прусаков В. Дневники суровых лет. – Курск, 1963. – С. 44 Народные мстители. – Воронеж, 1966. – С. 251; Чиченков А.П. Белгородчина в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. – Белгород, 2005. – С. 66.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 12.

³ См.: Логунова Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941-1943 гг. – М., 1973. – С. 133; Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010. – С. 101-102.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 358. Л. 51, 58; Коровин В.В. Поднимались войны народа. – Курск, 2007. – С. 419.

движения. После казни на ее одежду была приколотта табличка с надписью: «Букреева Вера повешена за то, что она по приходу красных войск могла бы выдать людей, помогавших немцам»¹.

Агенты обоянской полиции А. Лубенцов и А. Лукин выследили юных подпольщиков, действовавших в с. Долженково – В.Ф. Долженкова, М.П. Звягинцева и В.Ф. Холявкина. Нарядом полиции, возглавляемым старшим полицейским Комовым, они были арестованы и 19 июня 1942 г. казнены в Обояни².

В результате предательской деятельности М.Н. Коха, в мае 1942 г. были арестованы члены подпольной группы мастера паровозного депо Курск В.А. Кошелева, провалена деятельность патриотической группы на ст. Щигры. Ее возглавлял дежурный по паровозному депо Курск, член ВКП(б) с 1924 г. Г.И. Старосельцев³.

Комендант 5-го вагонного участка станции Курск Г.А. Ларин предал оставленного по заданию НКВД мастера вагонного депо Н.В. Каширцева. А поездной вагонный мастер П.Я. Мартынов выдал резидентов 4-го отдела УНКВД по Курской области машиниста Н.П. Дурнева и поездного диспетчера С.К. Веретенникова⁴. Все они были расстреляны в Курске в 1942 году.

Две группы курских подпольщиков (П.И. Якубова и Арапова, состоявшая из старшеклассников школы № 3), были ликвидированы гитлеровскими приспешниками из-за предательства. 27 ноября 1942 г. по доносу предателя штаб группы Якубова оказался в западне. Были арестованы

¹ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 46; Красное знамя (Обоянь). – 1966. – 29 октября 1966.

² Красное Знамя (Обоянь). – 1962. – 5 августа; 1966. – 29 октября, 1970. – 14 мая; Курская правда. – 1962. – 5 августа.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3068. Л. 28; Манжосов А.Н., Никифоров С.А., Крамаренко А.Д. И верно служили врагу (Кадровая политика немецко-фашистских оккупантов в Курской области в 1941-1943 гг.) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 9.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 2.; Ф.П-2160. Оп. 1. Д. 160. Л. 51, 164.

Петр Якубов и его жена Мария. Члены подпольной группы (около 30 чел.) после арестов были расстреляны в Щетинке¹.

Бывший начальник городских железнодорожных касс Е.М. Кордубайлов возглавил железнодорожный подотдел в городской Управе. Вместе с начальником транспортного отдела, главным кондуктором станции Курск Богомоловым, Е.М. Кордубайлов активно служил оккупационным властям. 24 марта 1943 г. в докладной записке, направленной в обком ВКП(б), начальник политотдела 6-го Курского отделения А.В. Гладилин указывал, что Е.М. Курдубайлов «составлял списки коммунистов – железнодорожников, передавал их в гестапо, а также делал все возможное для работы транспорта на пользу немецким оккупантам»².

В книге С.А. Масленникова «Львовская республика» и исторических исследованиях профессора В.В. Коровина указывается, что в результате действий секретной агентуры немецких спецслужб и предательства местных жителей, гитлеровцы напали на след подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей в 1942 г. во Львове. В период с 18 августа по 8 сентября 1942 г. им удалось арестовать более 30 членов молодежной подпольной организации. Расследованием деятельности львовских подпольщиков занималась Рыльская окружная комендатура № 194. После изнурительных допросов и пыток, 19 сентября 1942 г. 22 молодых подпольщика были расстреляны в Рыльской тюрьме³.

В архиве УФСБ РФ по Курской области хранятся документы, в которых отражена деятельность агентурной сети осведомителей полевой жандармерии, располагавшейся во Львове. Считая, что наиболее ценными агентами могли бы стать местные коммунисты и комсомольцы, в результате шантажа и угрозы расстрела, львовские жандармы смогли завербовать в

¹ ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 12. Л. 249; Друговская А.Ю., Горбачева А.Д. Женщины на войне и о войне // Славные дочери Отчизны «Фронтовые подруги» / Сост. и гл. ред. А.Ю. Друговская. Кн. 2. – Курск, 2010. – С. 165.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3068. Л. 28.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 178. Л. 7-8, 23-31, 43, 47; Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 42; Д. 200. Л. 7-об.

качестве тайного агента комсомольца В. Ефимова. В. Ефимов смог проникнуться доверием к супругам А.В. и А.И. Шаршуновым, связанным с партизанским отрядом, а также установить контакты с фельдшером местной больницы А.Е. Иониным, регулярно передававшим партизанам лекарства.

Провокатор В. Ефимов навещался в гости и к подпольщице Е. Богомазовой¹. По доносам агентов германских спецслужб 23 февраля 1943 г. были расстреляны Е. Богомазова (с 8-летней дочерью), супруги А.В. и А.И. Шаршуновы, И. Плаксин, всего же 37 подпольщиков и членов их семей². Ранее по доносам львовских провокаторов во дворе тюрьмы были казнены фельдшеры больницы А.Е. Ионин и Мухин³.

В Короче, оккупированной гитлеровцами, устроилась работать в немецкий госпиталь ученица местной школы К.С. Кобелева. Она уносила тайком из отделения медикаменты, передавала их раненым в лагерь военнопленных, находившийся неподалеку от города. Выданная предателем, К. Кобелева была расстреляна в корочанском полицейском подразделении⁴.

Жертвами предательства бывшего руководителя Борисовского райпотребсоюза Д. Моргуна оказались 34 члена патриотической группы, действовавшей в сл. Борисовка Курской области в 1941-1942 годах. Все они были казнены зимой 1942 года⁵.

1 апреля 1943 г. на X пленуме обкома ВКП(б) начальник областного Управления НКВД П.М. Аксенов рассказал о некоторых формах и методах, применявшихся германскими спецслужбами в борьбе с курскими подпольщиками. «При вербовке шпионов и диверсантов немецкие разведывательные органы применяли гнусные приемы, начиная от подкупов

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 3, 8, 210-222.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 211, 215-216, 217-219, 222; Никифоров С.А. Указ. соч. – Курск, 2012. – С. 291-297.

³ См.: ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 292045. Д. 16. Л. 23.

⁴ Попель Н.К. В ту тяжелую пору. – М.-СПб., 2010. – С. 316. Чиченков А.П. Указ. соч. – С. 66-67.

⁵ Маслов Н.П., Плиско Л.Н. Борисовский район в 1941-1943 военные годы // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Уроки истории. Сб. матер. научно-практич. конф. – Белгород, 2000. – С. 93.

и использования низменных чувств, до запугивания насилием и применением пыток, – отмечал П.М. Аксенов¹.

Обобщая представленные в данном параграфе материалы, отметим, что для контроля и поддержания порядка в городах и селах, для проведения карательных акций, на оккупированной территории Курской области создавались подразделения вспомогательной полиции, как правило, состоявшие из местных жителей. В обязанности большинства полицейских входило несение постовой службы по охране сел, населенных пунктов, проведение облав на партизан, доставка подозрительных лиц в комендатуры, принудительный привод населения на разнообразные работы, борьба с разного рода диверсиями, контроль за соблюдением светомаскировки на территории населенных пунктов в ночные часы. Полицейские работали под началом старост, так и под руководством военных оккупационных властей.

Принцип формирования полиции, в основном, оставался добровольно-мобилизационным. Большую часть полицейских представляли убежденные добровольцы – противники Советской власти. Другая же состояла из насильно мобилизованных местных жителей, молодежи 17-18-летнего возраста. Они служили в полицейских формированиях из-за боязни быть угнанными на работу в Германию. О составе полицейских кадров содержится информация в докладной записке старшего инструктора 4-го отдела Политуправления Брянского фронта батальонного комиссара И.Д. Калинина начальнику Политуправления фронта дивизионному комиссару А.П. Пигурнову. В ней отмечалось, что «в полицейских отрядах [состоит] – продавшееся местное население и много военнослужащих, оставшихся в окружении или в плену. Сейчас они разлагаются и переходят к партизанам...»²

На протяжении долгого времени в Хомутовском районе Курской области не удавалось сформировать полицию, ибо многие из жителей

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 106.

² ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 275. Л. 54.

отказывались служить оккупантам. Поскольку добровольцев для службы в полиции оказалось мало, была проведена подневольная мобилизация местного населения 1884-1926 годов рождения.

Численный состав полиции в районах, оккупированных немецкими, венгерскими войсками, оставался неодинаковым: от нескольких десятков человек до нескольких сотен. В селах имелось, как правило, по 3-5 полицейских.

Старшины и полицейские снабжались специальными удостоверениями. На левом рукаве полицейские носили белые повязки с текстом на немецком, венгерском или итальянском языке, содержащем информацию о владельце. Они имели постоянное право свободного передвижения днем на любое расстояние. В ночное время хождение им запрещалось, за исключением лиц, которые несли ночную охранную службу¹.

Если рядовой и младший командный состав полицейских обычно состоял из лиц, под угрозой вынужденных служить оккупантам, то руководителей полиции отличала преданность политике «нового порядка». Их всех отличали патологическая ненависть к советскому режиму, к институтам советской власти, к бывшим своим сослуживцам и соседям (особенно, если в их числе были семьи партизан). Именно так необходимо характеризовать деятельность начальника полицейского управления Курска В.Д. Карпинского, первого начальника полиции г. Курска Д.В. Михайловского, начальников Медвенской районной полиции И.И. Ильющенко, Хомутовской районной полиции Г.И. Кузьменко и ряда других активных коллаборационистов. В период службы все они безоговорочно и с усердием поддерживали режим оккупантов, проводили жестокие репрессии против партизан и подпольщиков, а также членов их семей.

¹ Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Указ. соч. – С. 19.

2.4. Социально-экономическое сотрудничество жителей региона с оккупационными властями

Известные исследователи проблемы российского коллаборационизма М.И. Семиряга, Б.Н. Ковалев, Ю.Т. Трифанков, Е.Н. Шанцева и ряд других¹ определили сущность социально-экономической формы коллаборационизма в следующих категориях: добровольная работа населения оккупированных территорий на «новую» власть, своевременная уплата налогов, не принудительный отъезд части населения на работу в промышленности и сельском хозяйстве Германии и других союзных ей территорий, восстановление и охрана железнодорожных и шоссейных коммуникаций.

Кандидаты исторических наук С.А. Никифоров, Н.Г. Кононов, А.Н. Манжосов в своих трудах всесторонне исследовали экономическую политику оккупантов в промышленности, сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте в курском регионе за период 1941-1943 годов².

Они убедительно доказали, что жесткое администрирование немецко-фашистских оккупационных властей в рамках хозяйственной деятельности становилось определяющим фактором развития экономического коллаборационизма жителей Курской области. Основываясь на их трудах, в нашем исследовании мы не перечисляем многие данные о стратегии и содержании экономической политики оккупантов, лишь сосредотачиваем свое внимание на социальных корнях и личностных установках,

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 15; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009. – С. 8; Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм. – Брянск, 2012. – С. 23.

² Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012; Кононов Н.Г. Курская деревня в годы великих испытаний 1941-1945 гг. – Курск, 2015; Манжосов А.Н. Железнодорожники Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.). – Курск, 2002 и др.

определявших степень участия курян в обеспечении материальных потребностей противника.

Согласно данным, приводимым в исследованиях С.А. Никифорова, единственным предприятием, работавшим в период оккупации на территории Дмитриевского района, была мельница¹. Но по сообщениям коллаборационистской газеты «Голос народа» (пос. Локоть Орловской обл.) за 26 октября и 5 ноября 1942 г. наибольших успехов в Локотском округе смогла достичь новая власть в гор. Дмитриеве Курской области. Здесь были восстановлены пищекомбинат, разные мелкие предприятия, радиоузел и др. В пос. Первоавгустовском (Дерюгино) проводилось восстановление сахарного и лесопильного заводов. Для сравнения, накануне войны в Дмитриевском районе действовало 96 средних и крупных (фосфоритный завод, леспромхоз, Дерюгинский сахарный завод) и 125 мелких предприятий².

Факты, выявленные нами в архивах, в частности, в докладной записке секретаря партийной организации Дерюгинского сахарного завода Л.П. Чубунова, свидетельствуют о том, что в период оккупации немецко-фашистской администрации удалось при помощи местных коллаборационистов восстановить работу Дерюгинского сахарного завода³.

Л.П. Чубунов в докладной приводит фамилии 19 человек, которые в годы оккупации активно помогали вражеским войскам. Так, на должности механика Дерюгинского сахарного завода работал В.Ф. Хельман. Он пользовался уважением и авторитетом среди немецких офицеров, устраивал для них гуляния с участием местных девиц. Как отмечали местные жители,

¹ См.: Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Никифоров С.А. и др. Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Курск, 2010. – С. 241.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2262. Л. 20-21.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1369. Л. 73.

В. Хельман часто прогуливался по улицам Дерюгино в сопровождении офицеров из местной комендатуры¹.

В 1941 г. М.З. Шерстюк работал шофером Дерюгинского сахарного завода. В ходе эвакуации оборудования завода он загрузил ценный груз на автомашину, но возвратился в Дерюгино и доставил различные запасные части и ценное оборудование. Вместе с машиной он передал их немцам, уже занявшим Дерюгино. В период оккупации трудился инструктором газовой печи².

В дни оккупации агрономом верхнего участка Дерюгинского сахарного завода работал К.Г. Дьяконов. Как свидетельствовали многие рабочие предприятия, если местные жители не подходили к нему с поклоном и не обращались «ваше благородие», он их выгонял из служебного кабинета³. Активными пособниками оккупантов зарекомендовали себя слесари Дерюгинского сахарного завода Т.П. Кухарев и А.Н. Котляров⁴.

Значительную роль в восстановлении Буденовского сахарного завода (ныне пос. Красногвардейское Белгородской обл. – авт.) при оккупантах играла химик Н.П. Кобзарь, а Благодатенского сахзавода Рыльского района – старший экономист И.П. Дранников. Сахарный завод «Коллективист» в селе Любимовка Большесолдатского района помогал восстанавливать М.И. Хальченко⁵.

При активной помощи местных жителей был восстановлен и сахарный завод им. К. Либкнехта, располагавшийся в пос. Пены Иванинского района. Он вырабатывал в сутки до трех вагонов сахара, направляемого для нужд

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1369. Л. 73, 74, 76. С августа 1944 г. В.Ф. Хельман работал главным механиком завода лимонной кислоты в составе Дерюгинского сахарного комбината (там же, л. 74).

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1369. Л. 74. С марта 1947 г. М.З. Шерстюк работал старшим механиком автоколонны в Дмитриеве (там же).

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же. Л. 75-76. С 1943 г. Т.П. Кухарев работал слесарем, а А.Н. Котляров – слесарем-аппаратчиком на сахарном заводе в Дерюгино (там же).

⁵ Там же. Л. 73-76.

немецкой армии¹. В декабре 1941 г. при участии местных жителей удалось восстановить цеха Теткинского сахарного завода. К апрелю 1942 г. здесь уже вырабатывалось до 200 центнеров сахара².

Осенью 1941 г. житель с. Дерюгино Дмитриевского района Е.Д. Сысоев дезертировал из рядов Красной Армии. Возвратившись домой, он открыл столярную мастерскую и жерстобойню, продукцией которых обеспечивал оккупантов. Помощь в его работе оказывал В.Н. Егоров, тоже дезертировавший из рядов Красной Армии. При оккупантах он устроился старшим лесничим, активно занимался вырубкой леса вокруг села Дерюгино, направляемого для удовлетворения потребностей оккупационных властей³.

В августе 1942 г. в с. Дьяконово был введен в эксплуатацию маслозавод, восстановленный местными жителями после разрушений, возникших в ходе отступления частей Красной Армии в октябре 1941 года⁴.

В Глушково действовали прядильно-вязальная и чулочная мастерские. В райцентре Волово открылась колбасная фабрика, оборудование для которой было привезено из Германии. Специальные поставщики отбирали мясо у местных крестьян. Вся продукция этой фабрики направлялась только в Германию⁵.

К июню 1942 г., благодаря активному содействию городской Управы, в Курске действовали восстановленные заводы и фабрики, такие, как кожевенный завод, кирпичный завод № 1 (г. Курск), Рышковский кирпичный завод, пивзавод, хлебозавод № 2, керамический и мотороремонтный заводы,

¹ Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Никифоров С.А. и др. Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Курск, 2010. – С. 241.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 97. Коровин В.В. Глушковские партизаны: правда и вымысел // Курский военно-исторический сборник. Вып. 2. – Курск, 2011. – С. 11.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1369. Л. 74. По данным докладной Л.П. Чубунова, с 1947 г. В.Н. Егоров работал заведующим лесным хозяйством Дерюгинского сахарного завода, а Е.Д. Сысоев с июля 1944 г. – инструктором газовой печи.

⁴ Посев и жатва (приложение к газете «Новый путь»). – 1942. – Сентябрь. – № 7.

⁵ Курская правда. – 1943. – 5 марта; Никифоров С.А. Экономическая политика оккупационных властей в Курской области в 1941-1943 гг. // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 4 (8). – С. 24.

табачная, трикотажная и швейная фабрики, пищекомбинат, промкомбинат, мельница № 17, городская электростанция (ЦЭС), городская бойня, мыловаренное производство и др. (всего 24 предприятия)¹. Например, в мае 1942 г. прибыль табачной фабрики составила 5962 рубля. Продукция фабрики направлялась ВИКДО, различным предприятиям и организациям Курской области².

Директор макаронной фабрики С.Г. Сапронов в октябре 1941 г. задержал эвакуацию оборудования предприятия. После занятия Курска гитлеровцами смог частично восстановить работу некоторых цехов фабрики, используя неотправленное в тыл оборудование³. Коммунист А.П. Сергеев участвовал в восстановлении хлебопекарни № 8. Одновременно он сообщил оккупационным властям о том, что работающий в пекарне ее бывший заведующий И.Д. Беляев ранее состоял в ВКП(б)⁴.

Кандидат в члены ВКП(б) Е.А. Фролов до оккупации работал директором профтехшколы в Курске. Он не обеспечил эвакуацию специального школьного оборудования. На третий день оккупации Курска Е. Фролов открыл частную мастерскую по пошиву одежды и обуви для немецких солдат (используя при этом оборудование профтехшколы – авт.). Он стал владельцем двух ресторанов (на углу ул. Невского и Херсонской и в бывшем Доме колхозника по ул. Невского, 5). В них обслуживались офицеры Люфтваффе и Вермахта. В июне 1942 г. через коллаборационистскую газету «Новый путь» (г. Курск) Е. Фролов получил благодарность от комендатуры города за «помощь германским властям»⁵.

¹ ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; Д. 106. Л. 2-3, 7.

² Там же. Д. 143. Л. 6-10, 81-92; Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. XII. Часть 1. – Курск, 2010. – С. 235.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 38; Д. 754. Л. 17.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2937. Л. 350-351; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 10. В 1943 г. И.Д. Беляев был расстрелян оккупантами на территории урочища Солянка (Курская правда. – 1943. – 25 апреля).

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 22; Д. 754. Л. 4.

Активно сотрудничали с оккупационными властями рабочий 3-го кожевенного завода им. Серегина К.Я. Банников и работники городской ЦЭС мастер И.И. Разиньков и слесарь И.Д. Михайлов¹.

Отметим, что С.А. Никифоров, исследуя проблемы производственной деятельности курских и льговских железнодорожников в 1941 – начале 1943 гг., не заострял внимание на весьма существенных аспектах их коллаборационистской деятельности. Приводя ряд примеров сотрудничества железнодорожников с оккупационными властями, он не выделил военной составляющей такого взаимодействия.

Ведь в условиях войны работа железнодорожного транспорта всегда играла решающую роль в оперативности, своевременности и объемах поставок к линии фронта воинских эшелонов с боевой техникой, боеприпасами, личным составом, продовольствием и фуражом.

Поэтому, как подчеркивает А.Н. Манжосов, в действиях железнодорожников, направленных на обеспечение вражеской армии, необходимо, в первую очередь, выделять и оценивать военную составляющую коллаборационистской деятельности.²

Для иллюстрации этих положений приведем отрывок из докладной начальника УНКВД по Курской области, майора госбезопасности П.М. Аксенова, направленной 9 мая 1942 г. в Москву «16.IV. на ст. Рышково из Льгова прибыло два эшелона: в одном 58 вагонов, во втором – 37 вагонов, груженных танками и орудиями (на платформах было 20 танков и 28 противотанковых орудий и 10 больших пушек). Эшелоны проследовали на ст. Курск-Ямская, где были переформированы. Часть вагонов ушла в направлении на Орел, другая – на Щигры. На станции Охочевка 23 апреля разгрузился эшелон в составе 12 крытых вагонов и 14 платформ. С этим

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 23; Д. 754. Л. 4; Д. 814. Л. 40.

²Манжосов А.Н. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Курск, 2003. – С. 98, 106-107.

эшелонам прибыли 200 чел. пехоты, 6 противотанковых пушек и боеприпасы. Разгрузившиеся войска направились в сторону Колпны...»¹

Такие эшелоны водили курские и львовские локомотивные бригады. Приводимый документ определял только малую долю воинских перевозок, которые осуществлялись в прифронтовой зоне.

Экономические последствия коллаборационизма, всегда были менее существенны, чем военного. Но в связи с массовостью и определенным разнообразием, они также играли свою роль в военно-экономическом укреплении гитлеровской Германии и ее союзников. Это касалось, в первую очередь, производственной деятельности железнодорожников, трудившихся для обеспечения военно-стратегических нужд оккупантов. По признанию германского генерала Г. Дёрра в силу нехватки обслуживающего персонала и подвижного состава, железнодорожные линии, находившиеся под контролем фашистского командования, использовались не на полную мощность. По его мнению, «пропускная способность железных дорог не превышала 50% от той, которую они имели, когда находились в руках русских. В таких условиях снабжение армий было почти неразрешимой задачей...»²

Германские власти и представители оккупационной администрации были, в первую очередь, заинтересованы в максимальном привлечении местных железнодорожников, остававшихся на оккупированной территории. Это, прежде всего, касалось лиц, связанных с движением поездов (машинистов, помощников, кочегаров и других членов паровозных бригад, поездных вагонных мастеров, дежурных по станции, поездных и маневровых диспетчеров), а также путевых рабочих³. Ведь осенью 1941 г. в советский

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 141. Л. 22.

² Дёрр Г. Поход на Сталинград. (пер. с немецкого). – М., 1957. – С. 31.

³ Манжосов А.Н. Железнодорожники Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). – Курск, 2002. – С. 40.

тыл эвакуировалось не более 25% от числа работников с железных дорог Западного и Южного направлений, а также членов их семей¹.

Многие из железнодорожников под разными предлогами отказывались эвакуироваться. Несмотря на то, что для железнодорожников и членов их семей вне очереди предоставлялись вагоны и другие средства передвижения. Но многие из них сознательно предпочли остаться, предпринимали всевозможные шаги, чтобы избежать выезда с семьями в тыл².

Например, старший телеграфист 7-й Курской дистанции сигнализации и связи И.П. Арепьев, принятый в июле 1941 г. в члены ВКП(б), самовольно остался на оккупированной территории. Как подчеркивалось в материалах партийного расследования, за несколько дней до эвакуации он «бросил работу и ушел к семье в Солнцево, где остался до прихода немцев. Еще до эвакуации он говорил товарищам: «Никуда я не поеду, а пойду в деревню и там перебуду оккупацию...» Но вскоре после занятия Курска немецкой армией он возвратился в областной центр, где работал по специальности вплоть до освобождения города частями Красной Армии³.

Находясь в оккупации, большинство железнодорожников выполняли работы на всех транспортных предприятиях, участвовали в восстановлении паровозного и вагонного хозяйств. Например, уже к осени 1942 г. на Курском железнодорожном узле с оккупационной администрацией в разных формах сотрудничали до 2500 рабочих и служащих. На оккупантов работали инспектор по разбору происшествий 6-го Курского паровозного отделения Я.М. Панасюк, начальник билетных касс Е.М. Кордубайлов и другие⁴.

Е.М. Кордубайлов, 1894 г. рождения, работал с июля 1934 г. заведующим городскими билетными кассами. В 1929 г. за распространение

¹ Афанасьева Ю.Л. Процессы перемещения гражданского населения в период Великой Отечественной войны (на примере Курской области): Автореф. дис...канд. ист. наук. – Курск, 2002. – С. 18.

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 18.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1 Д. 137. Л. 1; Д. 140. Л. 6-7. Д. 156. Л. 112; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 59.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3068. Л. 28.

антисоветских анекдотов, он был осужден на шесть месяцев без последующего права в течение трех лет проживать в 12 крупных городах Советского Союза¹.

Более 80% работников Львовского узла Московско-Киевской железной дороги, станций Валуйки, Суджа, Готня, Поньри, Ржава, Дмитриев, остававшихся в оккупации, были связаны различными формами экономического сотрудничества с врагом. Из 2513 работников Валуйского железнодорожного узла Московско-Донбасской дороги 2256 чел. (89,8%) работали здесь в период оккупации. Среди них были даже работники Южной и Юго-Восточной железных дорог, пришедшие в Валуйки летом-осенью 1942 года².

Приведем еще несколько примеров. Машинист Северного паровозного депо Курск М.Ф. Корневский в первые дни оккупации оказался в лагере для военнопленных. Освободившись из заключения, он первым из курских машинистов повел немецкие воинские поезда к линии фронта. Постоянно доказывал работавшим с ним товарищам, что «Красная Армия не сможет победить немцев»³.

В материалах спецпроверки, проводимой в июне 1943 г. начальником транспортного отдела НКГБ на станции Курск майором госбезопасности Н.Я. Буйдиным, отмечалось: «М.Л. Ващенко работал на узле, имея ходатайство немецкого ставленника – инженера станции Курск Шейкина... Работал преданно, старался не иметь браков в работе, пользовался уважением со стороны немцев...»⁴ Большинство работников станции Курск оказались причастными к различным проявлениям коллаборационизма. В их

¹ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 58. Д. 100. Л. 9; В 1936 г. постановлением ВЦИК РСФСР эта судимость была с него снята (там же).

² ГАОПИКО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 72.

³ ГАОПИКО Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 8.

числе были дежурные по станции И.Г. Ющенко, И.И. Малыхин, Е.П. Зубченко и И.И. Солдатенко¹.

Член ВЛКСМ с 1932 г. И.Г. Ющенко очень скоро получил доверие немецкой администрации, и тем самым смог обеспечить безопасное следование немецких эшелонов. В мае 1942 г., назначенный начальником станции И.Г. Ющенко, расставлял железнодорожников по рабочим местам в соответствии с их лояльностью к немцам. Рабочие, недовольные оккупационными порядками, быстро увольнялись с работы или арестовывались полицией. Как позднее вспоминал сотрудник транспортного отдела НКГБ, майор госбезопасности в отставке И.Н. Букреев: «Ющенко требовал от подчиненных исправного содержания станционных устройств. Увидев в нем преданного человека, знавшего коллектив станции, офицер немецких разведывательных органов Вальтер завербовал его как своего агента»².

Анализируя документы И.Г. Ющенко, сохранившиеся в железнодорожных архивах, которые характеризуют его трудовую деятельность на станции Курск в 1937-1941 гг., приходишь к однозначному выводу о том, что основной причиной морального падения И. Ющенко и прихода на службу к оккупантам стала жажда наживы.

После окончания технической школы в гор. Полоцке Белорусской ССР, И.Г. Ющенко в июле 1937 г. был принят дежурным на станцию Курск. За короткий период работы в коллективе, он четырежды (в 1938-1941 гг.) наказывался администрацией предприятия³. Так, 19 ноября 1938 г. он дал команду выставить поезд на занятый вагонами путь. В результате этих маневров был допущен сход вагона с рельсов.

¹ В этот период сын И.И. Солдатенко – капитан В.И. Солдатенко сражался под Воронежем в рядах РККА, командовал артиллерийским дивизионом и был награжден орденом Александра Невского (Книга Памяти. Т. 17. Ч. 1. – Курск, 2013. – С. 196).

² Букреев И.Н. «Суровая правда» // На службе отечеству. Из истории органов госбезопасности Курской области. – Курск, 2008. – С. 165.

³ ОАМЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 58. Д. 251. Л. 4, 5, 7.

13 января 1939 г. за нарушение технологии маневровой работы И.Г. Ющенко был снят с должности дежурного по станции Западного парка.¹ Приходится удивляться весьма либеральному отношению руководства станции Курск к И.Г. Ющенко. Так, в его аттестации от 14 февраля 1941 г. отмечалось: «...Технически грамотен, работает над собой, повышают свои знания. Интересуется работой станции и ее смен. В общественной жизни участвует активно, является агитатором смены. Возложенную на него работу выполняет аккуратно...»² Под этим документом стоят подписи начальника станции Курск П.А. Шубина, секретаря партбюро И.С. Чернышева и начальника отдела приема и увольнения станции Курск П.Г. Масленникова. В личном деле И.Г. Ющенко сохранилась и такая запись: «Уволен 30 октября 1941 г. ввиду эвакуации предприятия»³.

Следует подчеркнуть, что даже опытные руководители станции Курск в довоенные годы не смогли рассмотреть «двойного дна» в молодом специалисте Иване Ющенко, который в период войны оказался способным на предательство и осознанное служение оккупационным властям.

Дежурный по станции Курск, коммунист И.И. Малыхин занимался агитацией рабочих станции. Вместе с И.Г. Ющенко И.И. Малыхин обеспечил работу железнодорожного контейнера, став активным пособником гитлеровских оккупантов. Он постоянно говорил работавшим с ним железнодорожникам: «Не бойтесь прихода красных. Красная Армия не возвратится, ей не устоять перед немецкой армией...»⁴

На службе у гитлеровцев оказался ряд коммунистов, оставшихся на захваченной врагом территории. Среди них были машинисты паровозного депо Курск-Северное М.Н. Уфимцев, В.А. Осокин⁵, И.Г. Сердюков¹,

¹ Там же. Л. 4-5.

² ОА МЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 58. Д. 251. Л. 9.

³ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 58. Д. 251. Л. 13.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3201. Л. 300-301; Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 22, 27-28; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 124.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3014. Л. 194.

А.Г. Бабкин, С.Ф. Васильев, П.Ф. Руцкой, дежурный по путям станции Курск
П.С. Шиков².

Так, инициатор различных производственных починов 1936-1940 гг., машинист паровоза М.Н. Уфимцев не только сам водил немецкие воинские поезда, но даже был назначен приемщиком локомотивов паровозного депо Курск³. А.Г. Бабкин, «работая на немцев паровозным машинистом, требовал от слесарей добросовестного ремонта паровозов», мотивируя это тем, что ведет важные воинские поезда к линии фронта⁴. Помощник машиниста Северного паровозного депо Курск Ф.Д. Григорьев водил эшелоны с немецкой военной техникой к линии фронта⁵.

Внимания заслуживают и факты причастности молодых железнодорожников к экономическим мероприятиям оккупационных властей. Так, комсомолец Н.И. Бутов, 1920 г. рождения, после окончания школы ФЗУ работал слесарем паровозного депо Курск. В ноябре 1941 г. он дезертировал из рядов 1-го батальона Кировского полка народного ополчения. Оставшись на оккупированной врагом территории, он стал работать подносчиком кирпичей, а затем слесарем в паровозном депо Курск⁶.

А.И. Булатников до оккупации работал поездным вагонным мастером 5-го вагонного участка. 2 ноября 1941 г., в ходе отступления 2-го батальона полка народного ополчения, он был послан в разведку. Но 3 ноября 1941 г. самовольно возвратился домой. 15 мая 1942 г. он устроился работать в депо

¹ Приказом № 1069 от 26 сентября 1938 г. Народного комиссара путей сообщения СССР Л.М. Кагановича машинист паровоза ИС 20-144 И.Г. Сердюков был отмечен значком «Почетному железнодорожнику» за обеспечение межпромывочного пробега паровоза в 66101 км, при экономии 85 тонн топлива (См. ОАМЖД. Ф. 3. Оп. 2-ЛД. Д. 16.Л. 18).

² ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 33; Д. 162. Л. 154; ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 2-Л. Д. 3. Л. 15; Ф. 2. Оп. 58. Д. 205. Л. 2-об.-3.

³ Чувствуя приближение частей Красной Армии, зимой 1943 г. М.Н. Уфимцев пытался организовать саботаж движения вражеских поездов. Но был предан своими же «товарищами» и расстрелян гитлеровцами 5 февраля 1943 г. на территории урочища Солянка (См: ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 263. Л. 83).

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 230. Л. 3.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 230. Л. 4; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 4-4-об.

Курск, так и не предприняв попытки установить связь с подпольной группой П.П. Бабкина, действовавшей на Курском железнодорожном узле¹.

А.И. Бутова, работавшая до 1941 г. телефонисткой Курской дистанции сигнализации и связи, в период немецко-фашистской оккупации служила уборщицей в техническом кабинете, а счетовод Курской дистанции пути Л.З. Гончарова – в немецкой строительной фирме².

Комсомолки Н.И. Слитикова и А.В. Перькова, отцы которых были кадровыми железнодорожниками Курского узла³, остались на оккупированной территории. Они работали вначале переводчиками на железнодорожных предприятиях. Активно сотрудничая с оккупантами, они проводили антисоветскую агитацию среди железнодорожников и жителей Кировского района Курска⁴.

Некоторые работники ремонтных цехов депо Курск не менее активно помогали оккупационным властям в восстановлении хозяйства. Мастер хозяйственного цеха паровозного депо Курск-Северное С.И. Чернышев отказался эвакуировать семью и остался в оккупированном городе. 20 ноября 1941 г. по просьбе инженера Я.М. Панасюка он возвратился в депо на работу. При его участии были быстро восстановлены два токарных станка, заработали кузница и котельная, обеспечивавшая отопление не только помещений депо, но и всех предприятий Курского узла.

При содействии С.И. Чернышева для распиловки бревен с целью ускорения отопления паровозов была пущена лесопилка. Он указал оккупантам место, где были спрятаны бочки с краской, смазочными

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 5; Д. 75. Л. 5.

² ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 9-об.; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 5; Д. 75. Л. 5; Д. 65. Л. 3-об., 12-об.

³ Отец Нины Слитиковой – машинист паровозного депо Курск Илья Алексеевич Слитиков погиб на паровозе при налете вражеской авиации на ст. Курск 2 июня 1943 г. (ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 21. Помощник машиниста паровозного депо В.Т. Перьков при спасении воинских эшелонов в ходе бомбежек станции Курск 22 мая и 2 июня 1943 г. проявил мужество (АУМЖД. Ф. 219. Оп. 1-Л. Д. 37. Л. 167).

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 18; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 37-37-об., Д. 66. Л. 48; Д. 75. Л. 23; Д. 80. Л. 12.

материалами, шпалами и новыми рельсовыми накладками. Все это было спрятано при эвакуации материальных ценностей 7-й Курской дистанции пути¹.

По свидетельствам рабочих депо Н.И. Шпилевского, И.Г. Алябьева, Н.М. Калугина и М.Н. Карачевцева, мастер С.И. Чернышев часто вел антисоветскую пропаганду². С.И. Чернышев очень грубо относился к подчиненным ему ремонтникам, часто срываясь на крик: «Бездельники! Вам морды надо бить и гнать вас с производства!»³ Однажды он нанес серьезные побои старому работнику, токарю Н.И. Шпилевскому, который был ослаблен из-за голода. В ходе следствия по делу С. Чернышева летом 1944 г., Н.И. Шпилевский заявил следователю НКГБ о том, что «немецкий мастер с нами в обращении был более снисходителен, чем Чернышев»⁴. С.И. Чернышеву позволили самовольно отстранять от работы ремонтников, которые, по его мнению, «тормозили восстановление цехов депо»⁵.

С особым усердием на оккупантов работали бригадир паровозного депо Н.С. Ночевкин, дезертировавший из полка народного ополчения в дни обороны Курска, бригадир механического цеха А.П. Ильин, комендант депо А.Н. Буднов, слесарь С.И. Будников⁶.

Явное «почтение» оккупационным властям оказывали работники вагонного участка и вагоноремонтного пункта (ВРП): старший вагонный мастер ВРП И.И. Мурашев, бригадир Т.Н. Дурнев, поездной вагонный мастер П.Я. Мартынов, бригадир автотормозов Ф.М. Борисенко, слесари ВРП А.Н. Руцкой, А.К. Бочаров⁷. Старший вагонный мастер ВРП, член ВКП(б) с 1938 г. И.И. Мурашев получил задание райкома партии

¹ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. № 17314. Л. 11, 13-14, 59.

² Там же. Л. 33-52.

³ Там же. Л. 33, 62.

⁴ Там же. Л. 86.

⁵ Там же. Л. 17, 24-26, 30-34, 35-40.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3014. Л. 194; Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 32; Д. 145. Л. 2,5; Д. 161. Л. 2, 46-47; Д. 169. Л. 23-24.

⁷ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 17; Д. 160. Л. 51, 90, 164; Д. 161. Л. 88; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 43-об., 97-98; Д. 814. Л. 61.

сформировать партизанскую группу. Но он самовольно уехал к своей семье в Солнцевский район. С января 1942 по февраль 1943 гг. И. Мурашев участвовал в восстановлении железнодорожного хозяйства Курского узла. Три его брата, тоже коммунисты, оставались в Курске и продолжили работать на нужды оккупантов¹.

Старший машинист водокачки на станции Поныри Т.С. Селезнев и машинист Ф.В. Самофалов, уклонившись в октябре 1941 г. от поездки в эвакуацию, восстановили паровые машины и обеспечили работу водокачки. Т.С. Селезнев осуществлял постоянный контроль за работой бригад на водокачке, докладывая обо всем коменданту станции Поныри. В результате его доносов машинисты водокачки В.И. Самофалов и К. Скоркин постоянно лишались продовольственных пайков².

В конце 1941 г. член ВКП(б) А.Г. Заславский возвратился во Львов из эвакуации в Саратов. Здесь он вел прогерманскую пропаганду, всем заявлял, что «я 24 года мучился, меня постоянно держали под страхом смерти. Мне не разрешали переписку с родными, проживавшими в Польше. Только немцы мне дали свободную жизнь»³. Нередки случаи, когда некоторые львовские железнодорожники существенно помогали немецко-фашистским оккупантам. Так, старший кондуктор А.С. Ковалев, работая десятником, выдал полиции несколько молодых железнодорожников, скрывавшихся от угона в Германию⁴.

Дорожный мастер станции Колонтаевка И.А. Суровцев, был дружен с немецким комендантом, снабжал его гусями и курами. Гитлеровцы за это обеспечивали его материалами для строительства нового дома.

Некоторые железнодорожники Курской области, работая в службе пути, обеспечивали постоянную безопасность движения поездов. Бригадир Львовской дистанции пути И.И. Харин часто отправлялся на перегон,

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 61.

² ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 80. Л. 4, 14.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 13.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 14.

проводя там восстановительные работы. В мае 1942 г. он обнаружил повреждения рельсов, нанесенные советскими бомбами, и остановил воинский эшелон, который шел в сторону Курска. За предотвращение возможного крушения воинского состава И.И. Харину был пожалован земельный участок¹.

Осенью 1942 г. на перегоне Возы-Поныри путевой обходчик Курской дистанции пути И.Н. Дудин обнаружил мины, заложенные партизанами в железнодорожном полотне. Он сообщил об этой находке оккупационным властям. За подобные «услуги» немецкое командование приглашало И.Н. Дудина на праздники, несколько раз вручало дополнительные продуктовые пайки².

Располагая многочисленными фактами коллаборационистских действий со стороны курских железнодорожников, исследователям все же сегодня невозможно дать их однозначную трактовку и ответить на вопрос «Почему большинство из них пришло к служению оккупантам?»

Лишь подробное изучение биографических сведений о каждом позволит получить ответы на поставленный вопрос. Так, некоторые из бывших коммунистов – железнодорожников затаили обиду на партийные органы и на администрацию предприятий за наложенные ранее партийные или административные взыскания. Например, 21 июля 1941 г. партийная организация паровозного депо Курск-Северное (секретарь партбюро – Ф.М. Еськов) приняла решение об исключении из партии члена ВКП(б) с 1932 г., машиниста паровоза В.А. Осокина. Ему в вину ставилось самовольное возвращение из специальной командировки в прифронтовую полосу³.

Как показало партийное расследование, В.А. Осокин с 23 июня по 16 июля 1941 г. (вместе с машинистами депо В.В. Табачковым,

¹ Там же. Л. 13-14.

² ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 117. Л. 22.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 157. Л. 34.

Я.А. Кузнецовым) трудился на участках Западной железной дороги. В ходе проверки его личных документов, в том числе прав на управление локомотивом, выяснилось, что, несмотря на указание об этом в командировочном удостоверении, В.А. Осокин оставил дома права на управление паровозом. Таким образом, он грубо нарушил приказ НКПС № 205 и должностную инструкцию машиниста. В результате допущенной халатности В.А. Осокин был возвращен на место прежней работы – в депо Курск.

8 августа 1941 г. бюро Курского райкома ВКП(б), подробно изучило решение партбюро и партийного собрания коммунистов Северного депо, которое было вынесено по персональному делу В.А. Осокина. Члены бюро райкома партии значительно смягчили наложенное партийное взыскание, объявив В. Осокину минимальное наказание – постановка «на вид»¹.

Но этого, оказывается, было достаточно, чтобы в ноябре 1941 г. машинист В.А. Осокин бросил поезд у станции Касторная и самовольно возвратился в Курск. Здесь он стал пособником фашистов, безаварийно водил вражеские эшелоны к ст. Щигры².

24 июля 1941г. бюро Курского РК ВКП(б) утвердило решение партийной организации Северного паровозного депо об исключении из рядов партии члена ВКП(б) с 1938 г., слесаря И.Д. Астахова. Его проступок заключался в том, что 29 июня 1941 г. руководством депо он был назначен в поездку. Но И. Астахов не явился в депо, и отказался идти даже по вызову.

Посыльному из депо К.В. Герману Астахов заявил: «Какая там горячка? Скажи, что ты меня не нашел». Сам с товарищем уехал в город, где принял изрядную дозу спиртного. Поэтому он не явился в депо и при повторном вызове коменданта предприятия Е.И. Морозова. В решении бюро Кировского райкома ВКП(б) было отмечено: «Своими действиями, как коммунист, [Астахов] не стал образцом на передовых позициях. Хорошо

¹ Там же.

² ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 33.

зная, что депо работает в условиях военного времени, допустил срыв командировки к линии фронта»¹.

В период обороны города И.Д. Астахов дезертировал из полка народного ополчения, предпочтя остаться на оккупированной гитлеровцами территории. Здесь он работал слесарем в депо, постоянно хвалил военную мощь германских войск: «Куда Красной Армии равняться с немцами?»²

Серьезные претензии в адрес администрации депо (по поводу своего профессионального роста) высказывал до войны брат секретаря Курского губкома РКП(б) (1918-1919), председателя Курского горисполкома (апрель – декабрь 1920) Ф.И. Рогова – машинист паровоза Е.И. Рогов.

В первые дни оккупации арестованный как боец ополчения, Е.И. Рогов после освобождения был назначен машинистом-инструктором по обучению молодых железнодорожников вождению составов к линии фронта. «Работая машинистом-инструктором, Рогов проявил себя с лучшей стороны, особенно по доставке воинских эшелонов на фронт. Он имел документ, который давал ему право требовать от немецких властей содействия в продвижении воинских эшелонов», – указывал в июне 1943 г. начальник транспортного отдела НКГБ ст. Курск майор госбезопасности Н.Я. Буйдин³.

Но вряд ли у железнодорожников, состоявших в ВКП(б), таких, как приемщик вагонов вагонного депо Курск В.Т. Кудряшов (12 июня 1941 г. бюро РК ВКП(б) он был утвержден командиром 2-го батальона Кировского полка народного ополчения⁴), машинисты – стахановцы 1930-1940-х годов С.А. Гладилин⁵, П.Ф. Руцкой⁶, были серьезные обиды или претензии к советской власти. По нашему мнению, основными причинами, которые

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 156. Л. 169.

² ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 4; Д. 161. Л. 117-118.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 26.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 156. Л. 137; ОАМЖД. Ф. 4. Оп. 2-ЛД. Д. 590. Л. 1-9.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 29; Д. 162. Л. 30-31.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3201. Л. 303; П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 36; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 121.

привели их в ряды коллаборационистов, стали: трусость, бытовое приспособленчество, помноженное на утроенное чувство самосохранения и желание возвыситься в глазах новой власти.

Некоторые из современных исследователей проблем экономического коллаборационизма отмечают, что при принуждении силой оружия у людей не оставалось иного выбора, кроме как работать на обеспечение потребностей оккупантов. Такое утверждение весьма спорно.

Так, незадолго до освобождения Курска, в феврале 1943г., паровозная бригада в составе машиниста А.А. Петракова, его помощника Н.П. Силицкого и кочегара вела немецкий состав к линии фронта. У станции Отрешково состав подвергся бомбардировке советскими самолетами. В наступившей суматохе машинист Петраков и Силицкий из будки машиниста выбросили охранника, а сами спрыгнули в кювет. Остановившийся поезд был уничтожен советскими бомбардировщиками. А. Петраков и Н. Силицкий, опасаясь преследований со стороны оккупантов, скрылись в окрестных деревнях, где находились до подхода частей Красной Армии, с которыми возвратились в Курск¹.

Курские историки С.А. Никифоров, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов и А.Ю. Золотухин, исследуя коллаборационизм железнодорожников Курской области, не всегда акцентировали внимание на историко-психологических аспектах, таких как специфика межличностных отношений железнодорожников-фронтовиков с теми, кто оставался на оккупированной территории. С помощью почетного железнодорожника А.Н. Манжосова нам удалось найти ряд воспоминаний ветеранов войны, раскрывающих отношение к деятельности в период оккупации многих работников паровозного депо Курск. Так, машинист В.А. Баранищев летом 1937 года испытал на себе всю тяжесть репрессивной политики НКВД. Но он не затаил обиды, и в октябре 1941 г. встал в ряды защитников родного города. Он

¹См: Курский край. – 2006. – № 9-10 (84-85). – С. 26.

эвакуировался на Восток, работал в прифронтовом депо на станции Мармыжи. С июля 1942 по ноябрь 1943 гг. – он машинист паровозной колонны № 8 особого резерва НКПС. В ее составе участвовал в обороне Сталинграда, в битве на Курской дуге, в освобождении левобережной Украины¹.

10 ноября 1943 г. он возвратился в Курск. Уже 12 ноября был зачислен в штат паровозного депо на должность машиниста². Приходя в депо, он сталкивался повседневно с теми, кто поддерживал оккупационные власти (до войны со многими из них он имел даже приятельские отношения – авт.). В среде родных и близких друзей он отзывался весьма резко об этой категории работников депо: «Сволочи они. Пооставались добровольно в Курске, попрятались под бабью юбку. А некоторые все зады у оккупантов повылизали. Им хорошо платили, они жили в своих домах, в тепле, рядом с женами и детьми. Не то, что мы, перебившие на фронтовых железнодорожных участках, каждый день видевшие смерть, разрушения и муки... А сегодня «эти», фашистские прихвостни, пытаются что-то нам доказывать и нами командовать. Им бы залезть в норы сидеть, и не высовывать нос...»³

Родные и близкие не раз слышали подобные высказывания и из уст помощника машиниста паровозной колонны № 9 особого резерва НКПС, участника обороны Сталинграда, боев на Курской дуге летом 1943г. С.Н. Толкачева⁴.

Бывший главный инженер локомотивного депо Курск, почетный железнодорожник, участник Великой Отечественной войны Н.П. Манжосов с тяжелым чувством всегда рассказывал о фактах, связанных с предательством

¹ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-ЛД. Д. 47. Л. 2-3;

² Там же. Л. 2-3; Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 65-об.

³ Из личного архива А.Н. Манжосова.

⁴ ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 4. Л. 103-об.; Оп. 1-ЛД. Д. 743. Л. 2-3-об. 5, 6.

мастера паровозного депо С.И. Чернышева (которого сменил на этой должности в марте 1944 г.)¹.

Приводимые отрывки из воспоминаний военных железнодорожников убедительно свидетельствуют о том, что чувство неприязни они испытывали к тем работникам депо, кто работал в 1941-1943 гг. на оккупационные власти. Хотелось бы подчеркнуть, что такие же чувства сохранялись ими до середины 1980-х годов, т.е. до последних дней их жизни. И поэтому сегодняшние попытки некоторых молодых историков объявить «всепрощение» таких людей и полное забвение их поступкам, на наш взгляд, выглядит неверным, прежде всего, с точки зрения обычной человеческой морали, о верности Родине и предательстве ее интересов.

Широко распространенная агитация оккупационных властей (в печати, путем показа постановочных фильмов о хорошем положении русских рабочих в Германии, заботе об их материальном и бытовом положении и др.²), в первой половине 1942 г. позволила обеспечить добровольный отъезд определенной группы курян на работу в промышленности и сельском хозяйстве разных провинций Германии.

Так, в числе трудовых коллаборационистов оказались дочь работника станции Курск Г.И. Зикеева³, машинист паровоза М.И. Рязанцев⁴ (член РКСМ с 1918 г., участвовал в сражениях Гражданской войны в составе экипажа бронепоезда «Молния»). Комсомолец, сын бывшего директора макаронной фабрики С.Г. Сапронова, добровольно уехал на работу в

¹ ОАМЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-ЛД. Д. 4. Л. 82; Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 10.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1177. Л. 9-18, 31-38, 72-79;

³ Букреев И.Н. «Суровая правда...» // На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области. – Курск, 2008. – С. 166.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 46. Л. 95; В 1968 г., встречаясь со следопытами школы № 15 гор. Курска, изучавшими боевые дела экипажа бронепоезда № 152 «Молния», М.И. Рязанцев объяснял свой отъезд в Германию весной 1942 г., выполнением специального задания. Но это было явным оправданием его трудового коллаборационизма (сообщение А.Н. Манжосова).

Германию¹. Так же поступили сестры О.П. и Т.П. Яновские, ставшие членами ВЛКСМ в 1939 году².

Приведем еще пример, характеризующий факты экономического сотрудничества с врагом. А.А. Баранищев, 1903 г. рождения, член ВКП(б) с ноября 1939 г., работал заведующим материально-техническим складом Управления НКВД. В дни обороны Курска (ноябрь 1941 г.) он был зачислен в специальную оперативную группу, в задачу которой входил взрыв Курского телеграфа и почтамта. Не выполнив этого задания (взрыв указанных объектов был произведен утром 2 ноября 1941 г., раньше срока – авт.), члены оперативной группы возвратились в Управление НКВД, которое в тот момент находилось на ст. Ноздрачево. 7 ноября 1941 г. сотрудники НКВД – следователь В.Е. Букин и А.А. Баранищев, отойдя в лесной массив, добровольно сдались гитлеровцам. С колонной военнопленных их доставили в лагерь, располагавшийся на окраине Курска. Но через неделю А. Баранищев и В. Букин уже покинули лагерь (А. Баранищев был отпущен с группой железнодорожников, как бывший весовщик станции Курск – авт.)³. А.А. Баранищев 19 мая 1942 г. добровольно выехал на работу в Германию. Староста Владимирского поселка Кировского района Курска, осуществляя мобилизацию населения в Германию, приводил А.А. Баранищева в пример, как «образец верности Великой Германии»⁴. Направленный в лагерь «Везер-Флюг» в Бремене (для советских людей, работавших в промышленности Германии – авт.). Находясь там, А.А. Баранищев встал на путь измены Родине.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 17.

² Там же. Д. 755. Л. 20.

³ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 1123. Л. 137, 140-142.

⁴ А.А. Баранищев, скрывая отдельные эпизоды биографии, бросил семью, которая проживала в Курске, уехал на Кавказ, где женился повторно. Но был арестован в 1946 г. органами НКГБ и 14 июля 1947 г. осужден по статье 58-1 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы. (АУФСБ РФ КО. Ф. АУД. Д. 1123. Л. 252). После амнистии середины 1955 г., он возвратился в Курск к семье, проживал на жилой площади своей жены – Т.И. Баранищевой, курьера горисполкома, и работал в сапожной мастерской. Умер в сентябре 1967 г. в Курске.

Летом 1943 г. за игнорирование участия в строительстве оборонительных укреплений на 5 лет лишения свободы была осуждена Т.И. Баранищева. Как указывалось в документах, это «жена полицейского, который сбежал с немцами»¹.

После освобождения Курска сотрудниками районных и областных структур НКВД были выявлены неоднократные случаи добровольного выезда на работу в Германию молодых горожан, состоявших в рядах ВЛКСМ. Так поступили двое жителей Дзержинского района, дети кандидата в члены ВКП(б) с 1939 г. К.С. Крутиковой. Один из ее сыновей работал на заводе в Киле, а второй добровольцем пошел служить в германские вооруженные силы².

Также поступили и некоторые жители Дмитриевского района – слесарь Дерюгинского сахарного завода А.Н. Котляров, уехавший в Германию перед освобождением Дерюгино советскими войсками в марте 1943 г., а также дочь слесаря Т.П. Кухарева, успевшая выйти замуж за немецкого военного врача³.

Необходимо подчеркнуть, что усилия оккупационных властей, направленные на обеспечение массового выезда курян для работы в Германию, были малоэффективны. Число трудовых «добровольцев» оставалось незначительным.

Так, в информации от 18 сентября 1942 г. старосты Пушкарского сельхозуправления (подпись в документе не разборчива – авт.) сообщалось, что «...до сегодняшнего дня заявлений о добровольном выезде в Германию не оказалось»⁴. Подобное положение сложилось в большинстве сельских районов области⁵.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 779. Л. 2-3.

² Там же. Д. 814. Л. 14.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1369. Л. 75-76.

⁴ Суровая правда войны. 1942 год на курской земле в документах архивов. Ч. II. Сб. документов. – Курск, 2010. – С. 302.

⁵ См.: Чиченков А.П. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Белгород, 2005. – С. 52-53.

По данным, представленным Курским облисполкомом в Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и их пособников, с территории области насильственно было угнано на работу в Германию, Венгрию, Польшу и Чехословакию – 38997 человек¹.

Угон населения с территории области чаще всего проводился обманным путем. Граждан извещали повесткой о необходимости явиться на Биржу труда для выполнения определенных работ. Когда те прибывали на Биржу, у них отбирались документы, и под страхом смертной казни определялась дата убытия в Германию².

Например, результатом административной деятельности старосты участка по ул. Ендовищенской и Нижне-Гостинному переулку, бывшего коммерческого директора облкоппинсоюза К.В. Ишунина, насильно на работу в Германию были отправлены пять жителей города (М. Бабичук, А. Филиппова, М. Бартеньева и др.)³.

Дмитриевская «Биржа труда», пользуясь помощью полицейских, повестками вызывала молодых граждан и запирала их в отдельную комнату. Так, с помощью предателей в Германию было угнано более 500 молодых дмитриевцев⁴. Бывшая старшая пионервожатая Полевской школы Михайловского района Е.Г. Беседина, оставшись на занятой врагом территории, работала на оккупантов в качестве секретаря «Бюро труда». Пользуясь большим авторитетом у нацистов, она участвовала в угоне многих девушек района в Германию⁵.

Исследованные нами архивные материалы почти не содержат сведений о курянах, отличившихся добровольной сдачей налогов оккупационным властям. Заместитель Главы городской управы А.Г. Кепов в своих

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 1049. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 12. Л. 1; Д. 979. Л. 23.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 64.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 23.

⁵ Исключена из комсомола 17 декабря 1943 г. Михайловским РК ВЛКСМ (ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 95. Л. 97)

воспоминаниях свидетельствовал о том, что «при соблюдении налоговой дисциплины на лучшем счету оставались жители Казацкой и Стрелецкой слобод, особенно те, кто на личном подворье держал скот. Хуже обстояли дела у населения Ямской Слободы и Владимирского поселка, где большинство жителей работали на железной дороге и отличались городским укладом жизни¹.

Отметим, что проведение кабальной налоговой политики на оккупированных территориях Курской области зимой 1941- летом 1943гг. всецело зависело от усилий местных коллаборационистов, осуществлявших контроль и исполнение аграрной политики оккупационных властей – руководителей окружных администраций, сельхозуправлений, сельских старост, сотских, а также полицейских, проживавших в сельских поселениях. Поэтому рассматривая особенности аграрной и налоговой экономической политики периода оккупации, мы, прежде всего, сосредоточили свое внимание на деятельности различных коллаборационистов, представлявших вышеупомянутые органы и структуры оккупационной власти.

В ноябре 1941 г. оккупационные власти издали «Постановление о проведении налогов», которым предусматривались сборы со строений, земельная рента, подоходные и другие виды фискальных платежей. Коменданты получали право «возложить на население равномерный сбор для выполнения особых задач». Этот документ служил основой для поборов, получивших в период оккупации широкое распространение. В пропагандистских же целях запрет налагался на налоги, «не соответствующие немецким воззрениям» (налог со скота и пр.)².

Эта книжечка была издана на русском и немецком языках и собой представляла инструкцию для немецких оккупантов. В ней были предусмотрены десятки видов подоходных налогов, сборы на содержание

¹ Кепов А.Г. Курск в период оккупации. 1941-1943 гг. Рукопись // НА КОКМ.- Л. 46-4.

² Гринев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941-1944. – М., 1976. – С. 91; Курская правда. – 1943. – 12 января.

комендатур и управления (население немецкую службу содержало за свой счет), налог с общинных дворов. В конце памятки предусмотрительные грабители указали, что комендатуры имеют право «возложить на население равномерный сбор для выполнения особых задач»¹.

Но «немецкие воззрения» быстро изменились, а налоги брались не только со скота. Так, во время оккупации в село Реутчанское Медвенского района возвратился бывший местный житель Багликов, раскулаченный в 1930 году. По возвращении он сломал ряд колхозных построек и возвел новый дом для своей семьи. Его сын служил у оккупантов бургомистром и неоднократно занимался взиманием различных поборов с жителей Медвенского района².

Никакой общей системы в обложении налогами у немецко-фашистских оккупантов, по существу, не было. Объекты и размеры обложения в разных местах оккупированной территории были различными и определялись произволом властей.

Немецкое командование постоянно разжигало частнособственнические инстинкты. Под видом особой заботы о колхозниках оно оказывало помощь семенами, обязывало собственные войсковые части, стоявшие в селе, производить обработку полей³. Но таким образом оккупанты предполагали в будущем изъять большое количество зерна у населения.

Приказом начальника Поньровского окружного сельхозуправления от 6 мая 1942 г. колхозник с каждой коровы был обязан сдавать по 2 литра молока в день (при жирности не менее 3,5%). Норма сдачи яиц определялась по два яйца с каждой курицы в неделю. Старостам района предоставлялось право отбирать коров и кур у тех хозяев, которые не выполняли установленные нормы сдачи молока и яиц. Коровы у колхозников одних сел насильно отбирались, и под видом помощи выдавались крестьянам других

¹ Цит. по: Кононов Н.Г. Курская деревня в годы великих испытаний. – Курск, 2015. – С. 194.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3199. Л. 51-52; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 94.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2966. Л. 97.

сел. Те же, у кого корову отобрали за неуплату молока, могли покупать ее по завышенной стоимости¹.

В соответствии с распоряжением от 28 января 1942 г. немецкого коменданта Гюрсберга, направленного старостам Золотухинского района, предписывалось сдавать с каждой дойной коровы по 2 литра молока при численности семьи в 4 человека. Если в семье насчитывалось более 4 человек, то сдавалось с коровы по 1 литру ежедневно. За доставленный литр молока владелец получал 70 копеек и сохранное свидетельство, что корова не будет взята на мясозаготовку².

Налоги на зерно были явно завышены, поэтому даже старосты сел просили немецкие власти об их понижении³.

Архивные документы свидетельствуют о практике денежных сборов с жителей сельской местности. Так, в апреле 1942 г. в Крупецком и других районах взимался сбор за перепись населения – 10 рублей (с детей до 14 лет – 5 руб.)⁴. В Михайловском районе в III квартале 1942 г. жители должны были уплатить по 100 рублей со двора в качестве похозяйственного налога⁵, население Хомутовского района платило за корову в месяц по 30 рублей⁶. В Рыльском округе с жителей взимался культурный налог на содержание педагогического коллектива – по 50 рублей с каждого двора⁷. Устанавливались и постоянно увеличивались налоги на содержание старост, писарей, полиции. При том, что полицейские, старосты и другие служащие немецкой администрации от уплаты налогов были освобождены⁸.

После проведения различных натуральных поборов с населения, на складах местных администраций и полиции скапливалось много продуктов и

¹ ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2851. Л. 134-135.

² ГАОПИКО. Ф. Р-3483. Оп. 1. Д. 50. Л. 30, 37; Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 196-197.

³ Там же. Д. 8. Л. 103, 104, 108, 109 и др.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3555. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

⁵ ГАКО. Ф. Р-3581. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

⁶ ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 73. Л. 19-24.

⁷ ГАКО. Ф. Р-3555. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁸ Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 196.

разнообразных вещей. Тогда начальники полиции по договоренности с комендантами городов и поселков, открывали свои магазины и рынки, где продавали «излишки» продуктов и предметов первой необходимости. Так, в с. Дьяконово и во Льгове, на действовавших там рынках, полицейские продавали сало, соль, яйца и запрещенный к выработке самогон.

Четко действовала и система штрафов. За выпас скота в лесу без разрешения налагался штраф в 50 рублей, за неуплату налогов – до 250 рублей. Даже после уплаты всех штрафов и налогов сельские жители все же не могли самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда¹.

С наступлением холодов в 1941 году немцы, неподготовленные к ведению войны в зимних условиях, осуществили изъятие теплых вещей для армии. За несвоевременное выполнение поставок жители подвергались репрессиям, а обнаруженные остатки продовольствия и теплые вещи изымались насильно. Так, в приказе от 31 декабря 1941 г. военного коменданта Солнцевского района Курской области отмечалось: «Все граждане Солнцевского района, имеющие новые или поношенные валенки обязаны сдавать старостам 4 января 1942 года. Лица, нарушавшие этот приказ, подвергаются наказанию, вплоть до расстрела»².

Все вопросы аграрной политики в районах решались начальниками районных земельных управлений, а в волостях – агрономами. Крестьяне безоговорочно должны были подчиняться старостам – главным проводникам оккупационной политики на селе. Как указывалось в приказе начальника Поньровского окружного сельхозуправления от 6 мая 1942 г.: «старосты и полицейские несут полную ответственность за 100% участие всех трудоспособных членов общины на полевых работах. Для повышения жизненного подъема России старосты должны выполнять все распоряжения,

¹ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1945 гг.). Сб. докладов и сообщений советских историков на 3-ей Международной конференции по истории движения Сопротивления. – М., 1965. – С. 29.

² Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). – М., 2001. – С. 91.

которые даются окружным сельскохозяйственным управлением и главным агрономом...»¹

Очень часто со стороны районных земельных управлений старшинам волостей и старостам сел следовали указания об объемах поставок германской армии голов скота, птицы, числа яиц, зерна и других продуктов². В архивах сохранились документы Дмитриевской районной управы, которые наглядно иллюстрируют эти процессы.

Оккупационные власти за верное служение Третьему Рейху не забывали поощрять сельских жителей старост дополнительными земельными наделами, деньгами и другими привилегиями. Многие из них старались обирать до нитки своих односельчан. Поэтому к концу 1942 г. в большинстве сел вблизи Курска молочный скот оставался только в семьях полицейских, сельских старост и их ближайших родственников. У остальных крестьян он был реквизирован в счет «недоимок» за ранее неуплаченные налоги.

Изъятие скота и птицы особенно усердно осуществляли полицейские и сельские старосты в хозяйствах коммунистов, бывших сельских активистов или красноармейцев, сражавшихся на фронте.

Вот как вспоминал житель с. Орловка Львовского района В.Г. Шатохин, младший брат Героя Советского Союза И.Г. Шатохина: «Однажды один из полицаяв сообщил старосте, что муж А. Шатохиной Григорий, якобы вернулся с фронта домой, а она каждый день носит ему еду в клуню на огороде. Пришли полицаи, начали протыкать сено штыками. Потом обжарили чердак и схватили меня и под угрозой побоев стали требовать указать место, где мы прячем отца. Мама кричала, что он на фронте и умоляла оставить сына в покое. Тогда они начали жестоко избивать и ее. Когда я хотел за нее заступиться, меня отшвырнули в сторону, как щенка. Наконец, полицаи ушли, попутно прихватив с собой овец, корову, все мешки с зерном. А ведь все они были нашими односельчанами. Дедушка

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2851. Л. 134.

² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 30, 37, 47, 62; Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 163.

сельскому старосте сказал: «Если детей оставишь голодными, пушу тебе красный галстук (т.е. сожгу дом). Тот распорядился возвратить нам корову и полмешка муки...»¹

Работники предприятий и учреждений платили 10% налог с зарплаты более 200 рублей и взносы на социальное страхование, которые составили 5% от зарплаты. Финансовый отдел взимал налоги и сборы с лиц, занимавшихся торговлей на рынках. Эти торговцы платили разовый сбор: при торговле с рук – 1 рубль, с подвод – 5 рублей².

Бесперывными грабежами и поборами, производимыми оккупантами, полицейскими и старостами население оккупированных районов было доведено до грани нищеты. Население деревень обрекалось на голодную смерть и ходило на поля в поисках гнилого бурака и остававшихся там колосьев. Немецкое командование запрещало населению под страхом смерти собирать колосья. В ряде районов (Кореневском, Суджанском и др.) зачитывались приказы оккупационных властей о том, что «лица, собирающие колосья с полей, будут расстреливаться на месте»³. В Фатежском, Золотухинском, Малоархангельском и других районах Курской области в 1942 г. жители уже не имели хорошего хлеба, питаясь одним картофелем, бураками или хлебными отходами⁴.

Но, ни террор, ни открытые грабежи не могли уменьшить ненависть населения к немецким захватчикам. Многие курские крестьяне саботировали хлебопоставки, прятали или уничтожали хлеб, резали скот, срывали сдачу молока. Немецкий областной сельхозинспектор Брандберг вынужден был признать, что: «крестьяне саботируют сдачу хлеба. Прошли все сроки хлебосдачи, а хлеба нет на складах». В другом своем приказе он отметил: «Сдача молока и яиц сильно уменьшилась. Поэтому, кто в дальнейшем не

¹Арцебашев М, Аграновская Ю.Г. Судьба семьи Шатохиных: память бессмертна // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография. Сб. научных статей. – Курск, 2015. – С. 153.

² ГАКО. Ф. 3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

³ Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 197-198.

⁴ Курская правда. – 1943. – 4 июня.

будет выполнять сдачу молока и яиц, – грозил немецкий наместник, – потеряет весь скот и птицу»¹.

Работавший начальником отдела сельхозуправления агроном «О» на допросах в НКВД показал, что «Свои антисоветские убеждения излагал в статьях для фашистской газеты и призывал к выполнению задач, поставленных немецко-фашистскими властями...»² Другой арестованный органами НКВД районный агроном так определил сущность оккупационной аграрной политики: «Основной задачей аппарата сельхозуправления была поддержка политики оккупантов, направленной на ликвидацию колхозов и установление индивидуального землепользования... Это вело к закабалению крестьян и превращению их в немецких рабов...»³

Анализ материалов, представленных в этом параграфе, свидетельствует, что в большинстве секторов экономики оккупантам не удалось добиться желаемых результатов. Всяческие заявления о стремлении наладить жизнь населения оккупированных районов оставались ширмой для сокрытия истинных целей гитлеровцев. Например, командующий 9-й армией генерал-полковник А. Штраус 1 декабря 1941 года направил фельдмаршалу Ф. фон Боку меморандум, в котором писал: «Если русская кампания была бы блицкригом, то нам не следовало обращать внимания на гражданское население. Но так как конца войне не видно, надо принимать определенные меры, в частности, немедленно отобрать у колхозов половину земли и передать ее в частную собственность»⁴.

Налоговая политика оккупантов на территории Курской области имела основную задачу – скорейшее изъятие максимальных сумм денежных средств и продовольствия у местного населения. Это вело к массовому

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 103; Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 198.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2998. Л. 103.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Синицина Н.И., Томин В.Р. Провал аграрной политики гитлеровцев на оккупированной территории СССР (1941-1944 гг.) // Вопросы истории. – 1965. – № 6. – С. 33.

обнищанию жителей региона. Оккупанты так и не сумели восстановить основные заводы Курска или расположенные на территории области. И это несмотря на все усилия оккупационных властей и местных коллаборационистов. Вместо хорошо налаженного пассажирского сообщения, осуществлявшегося по всей территории области до войны, оккупационные власти и поддерживавшие их железнодорожники Курского, Льговского, Валуйского узлов, в основном, осуществляли воинские перевозки в сторону Орла, Харькова, Брянска и Воронежа. Пассажирское движение, которое имело в предвоенные годы значительные объемы, оказалось практически недоступным для большинства жителей Курской области осенью 1941 – в начале 1943 гг. Перевозки пассажиров осуществлялись в пределах области только на короткие расстояния (например, от Льгова до Курска, от Курска до Белгорода или Поньрей) и лишь в дневные часы. Пассажирские поезда для оккупантов следовали регулярно, но в них не перевозили жителей региона.

Вышеперечисленные обстоятельства свидетельствовали о губительности экономической политики немецко-фашистских оккупантов на территории Курской области в октябре 1941 – августе 1943 годов.

Как свидетельствуют материалы второй главы диссертации, в годы Великой Отечественной войны в военное сотрудничество с врагом были вовлечены представители различных слоев советского общества. Здесь встречались не только идейные противники советской власти, но и бывшие командиры Красной Армии, ранее подвергавшиеся репрессиям. Как правило, причинами сотрудничества с врагом становились неприятие советского строя, активное желание участвовать в войне на стороне гитлеровской Германии. Также встречалось элементарное стремление выжить в тяжелых условиях плена или оккупационного режима. Политические мотивы военного сотрудничества с врагом всегда носили классовый или

националистический характер. Иногда они усиливались под влиянием нацистской пропаганды.

Определенную роль в том, что значительная часть советских военнопленных и населения временно оккупированных территорий терпимо отнеслась к фашистскому режиму, сыграла политика советского государства по форсированию коллективизации в 1929-1935 гг., строжайшие законы, действовавшие в предвоенные годы, массовые репрессии 1934-1940 годов. Одной из важнейших задач оккупационной политики было стремление столкнуть народы, населяющие многонациональное государство, друг с другом и расколоть их единство. Так, гитлеровские расовые «теоретики» утверждали, что казаки – это отдельная нация и все они являются потомками остготов. Гитлеровцы смогли сформировать XV казачий корпус, во главе которого стоял немецкий генерал Х. фон Паннвиц и генерал П.Н. Краснов. Им удалось привлечь на свою сторону почти 20 тысяч казаков Дона, Кубани и Терека.

Чаще всего в силу трагических обстоятельств большинство советских военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, приходили в Русскую освободительную армию (РОА) генерала А.А. Власова, в Русский Корпус, воевавший на Балканах, а также в другие коллаборационистские формирования, в различные разведывательно-диверсионные подразделения Абвера, СС, тайной полевой полиции (ГФП), полевой жандармерии и иные охранные структуры фашистской Германии.

Отметим, что с октября 1941 по сентябрь 1943 гг. на территории Курской области также активно действовали подразделения Русской освободительной армии (РОА), Русской освободительной народной армии (РОНА) Локотской республики, русско-немецкие добровольческие батальоны, части полевой жандармерии, отдельные подразделения «свободных казаков» и другие воинские формирования, состоявшие, в основном, из коллаборационистов.

В составе различных добровольческих подразделений на стороне вермахта служило немало курян, ставших настоящими изменниками Родины.

Немецкое командование ставило перед личным составом бригады Б.В. Каминского задачу по борьбе с партизанами и частями Красной Армии, по охране урожая, сопровождению воинских эшелонов с продовольствием, по обеспечению сбора налогов и охране железнодорожных участков. Подразделения бригады участвовали также в ликвидации партизанских отрядов, арестах местных жителей и в многочисленных карательных акциях.

Историк А.Ю. Попов констатировал факт, что на первом этапе партизанская война не сразу достигала высокой эффективности. «Внезапность нападения фашистской Германии, недооценка в предвоенные годы нашей военной теорией роли партизанских действий, отсутствие перед войной широкой подготовки кадров, способных организовать и успешно вести партизанскую борьбу, отрицательно повлияли на размах и результативность партизанского движения в первые месяцы войны. Военнослужащие Красной армии, которые перешли к партизанским действиям, на первых порах столкнулись с большими трудностями... Еще с большими трудностями встретились партийные и советские органы, работники которых не только не знали особенностей организации и ведения партизанской борьбы, но и зачастую не имели военной подготовки»¹. Профессор В.В. Коровин отмечает, что у первых партизанских командиров не было опыта. Отсутствие конспирации и разведки, слабая координация действий, излишняя доверчивость, а иногда и ненужная подозрительность сильно мешали становлению партизанского движения².

Но не только организационные трудности внутриотрядной деятельности вели к снижению активности партизанских соединений. Одной из существенных причин было серьезное противодействие со стороны

¹ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М., 2003. – С. 39.

² Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области. Курск, 2005. – С. 19.

немецких, венгерских карательных подразделений, добровольцев – «казаков», сформированных из жителей Украины и из числа местных полицейских.

В течение зимы 1941/1942, лета – осени 1942 годов против курских партизан было предпринято более 20 карательных операций. Многие партизанские отряды понесли ощутимые потери от действий добровольческих формирований РОНА Локотской республики, отрядов и групп украинских и местных полицейских. Не менее эффективной была деятельность полевой полиции и жандармерии, других германских спецслужб по борьбе с партийно-комсомольским подпольем, оставленным на временно оккупированной территории.

Необходимо согласиться с мнением ряда видных российских историков о том, что основную часть борьбы с подпольщиками выполняли с высокой эффективностью и жестокостью подразделения русской полиции, сформированной из части советских граждан.

ГЛАВА 3. ДУХОВНЫЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ ЖИТЕЛЕЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941-1943 гг.

3.1. Участие граждан в пропагандистском обеспечении оккупационной политики

Реализация планов ведения «молниеносной войны» требовала от немецко-фашистских захватчиков уделять особое внимание идеологической обработке населения, оказавшегося в оккупации. Они лживо заявляли, что пришли в Россию только с одной целью – освободить русских людей от большевистского рабства. Населению внушалась мысль о борьбе двух идеологий: большевистской, которую отстаивает руководство СССР, используя для этого Красную Армию, и мировоззрения новой Европы, за которое борется Германия.

Руководство идеологической политикой Германии осуществляло министерство пропаганды во главе с Й. Геббельсом. В министерстве были созданы два отдела: борьбы против Коминтерна и восточный отдел. Пропагандистские организации действовали и в составе Вермахта, а также министерства по делам восточных оккупированных территорий. При Генеральном штабе сухопутных сил функционировало специальное управление по ведению пропаганды среди населения оккупированных областей.

В оккупированных городах и населенных пунктах при комендатурах, городских управах сразу же открывались отделы пропаганды. Пропагандистские материалы рассылались всем учреждениям, городским, районным и волостным управам, сельским старостам. Чиновники местных органов власти по указанию оккупантов должны были зачитывать населению фашистские газеты и листовки, а в населенных пунктах на видных местах вывешивать немецкие плакаты, газеты, листовки и приказы. Фашистское

руководство требовало, чтобы каждый чиновник оккупационной администрации становился также прогерманским пропагандистом¹.

Фашистская пропаганда стремилась убедить население оккупированных областей в бессмысленности партизанской борьбы и всякого сопротивления германской армии. Населению, которое поддерживало партизан, нацисты угрожали смертной казнью. Фашисты старались представить партизан противниками мирного труда граждан, в защиту которых, якобы, выступает немецкая армия. В широких масштабах нацисты пропагандировали идеи антисемитизма².

Главную роль в фашистской пропаганде играла печать. Еще до войны гитлеровцы изготовили более 800 тыс. различных плакатов, воззваний, приказов и распоряжений, адресованных населению оккупированных территорий Советского Союза.

В своей работе мы исследовали идеологический коллаборационизм, как форму, активно влиявшую на мировоззренческие и ценностные установки жителей оккупированных районов Курской области, нашедшую воплощение в деятельности местных средств массовой информации, учреждений культуры и образования. Основными механизмами идеологической обработки населения, по нашему мнению, было массовое распространение агитационных брошюр, журналов, листовок, работа редакций газет, издававшихся и распространяемых на оккупированной территории. Существенную роль в этом процессе играло функционирование трупп местных театров, радио и кинопропаганда, проведение религиозных и «нововводимых» праздников для местных жителей.

Для выполнения поставленных задач оккупационные власти включили в систему пропаганды все низовые звенья новой администрации –

¹ См.: Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941-1945 гг.). – М., 1971. – С. 53-56;

² Огороков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. – М., 2007. – С. 10-14.

старост, бургомистров, начальников полиции¹. Властные структуры оккупантов пытались подготовить и пропагандистов из местного населения, для чего создавались специальные школы. Подобные учреждения функционировали круглый год. Посещение лекций здесь считалось обязательным для учителей, врачей, служащих². По инициативе отдела пропаганды Вермахта были созданы подобные курсы для подготовки из числа советских военнопленных военных пропагандистов³.

Как уже отмечалось, главенствующую роль в структуре нацистской пропаганды играла разнообразная печать. Ожесточенное сопротивление Красной Армии потребовало сразу же после начала войны от отдела пропаганды Вермахта внести определенные коррективы в работу. Это, главным образом, были различные призывы к красноармейцам переходить на сторону фашистов, уничтожать командиров и комиссаров (за это в листовках обещалось по 100 рублей). Издавались и маленькие книжечки для Красной Армии в виде отрывных талонов на пропуск целых подразделений через линию фронта. Они получили название «Для тебя и твоих друзей». Пропагандистские материалы «Об убийственном балансе большевиков» изготавливались в виде листовок, замаскированных под советские банкноты (в 3 червонца). Печатались и многостраничные фотоколлажи, иллюстрировавшие разнообразные прелести немецкого плена⁴.

21 августа 1941 г. появилась дополнительная директива высшего руководства Германии о ходе ведения пропаганды против СССР. В ней подчеркивалось, что «использование в пропаганде только негативных

¹ Филоненко М.И. Фашистская пропаганда, направленная на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 3. – Воронеж, 2005. – С. 152.

² Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружие контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированных территорий СССР, 1941-1945-4 гг. – М., 1982. – С. 116-117.

³ Филоненко М.И. Пропагандистское воздействие фашистской Германии на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Матер. международной научн. конф. – Воронеж, 2006. – С. 396.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1177. Л. 1-8, 19-30, 57-71, 96-111.

образов недостаточно. Помимо угроз, запретов и предупреждений должно подчеркиваться, что немецкий солдат пришел не для того, чтобы уничтожить социализм, но чтобы освободить русский народ от большевистского рабства и обеспечить социальную справедливость»¹.

Такие же принципы внедрялись и в многообразную пропаганду, которую повседневно проводили германские военнослужащие. Так, в руководящих материалах разведывательного отдела 4-й немецкой армии «Немецкий солдат и его политические задачи на Востоке» особо подчеркивалось, что: «Русский человек представляет из себя «нечто другое», чем мы! Особенности страны, расы и народа, которые его создали, приняли к образованию у него совершенно другого мировоззрения и другого образа жизни, чем тот, который типичен для других народов средней Европы или Запада... Мы не должны забывать, что русский человек в течение четверти века был беззащитной жертвой большевистских методов правления...

К этому надо еще добавить, что в Советском Союзе не производились предметы первой необходимости, вся экономика была поставлена на службу военной промышленности. При таких обстоятельствах внешний вид страны и русских людей имеет все признаки бедности и обнищания.

Но внешний вид обманывает! Несмотря на все страдания, лишения и бедствия, которым русский народ подвергался последние десятилетия, масса населения осталась «русской». Это значит, что в ней... живут обычаи и характерные черты русского человека.

...Характер русского человека напоминает характер ребенка... В жизни он руководствуется не рассудком, а своими чувствами... Так обстоит дело и с отношением русских к нам. Они определяют его не на основе трезвого и логического рассуждения, что с нами им будет лучше, чем с большевиками, а на основе того доверия, которое ему мы можем внушить. Русский человек следует не своему рассудку, а своему сердцу...

¹ Окороков А.В. Указ. соч. – С. 10.

Но если основные черты характера русских правильно понять, тогда можно найти к ним правильный подход... Если это будет правильно проводиться, очень скоро его можно превратить в доверчивого и достойного доверия друга. Ибо даже при способности русского человека переносить лишения, он совсем не намерен переносить несправедливые жестокости.

Привлечь на свою сторону русское население, это значит завоевать его доверие и уважение. Этого невозможно добиться, если русским будут давать понять, что его считают человеком второй категории... У русских чувство достоинства развито сильно и ничто не превратит его быстро во врага, как поведение, при котором попирается именно это чувство...»¹

Листовки, карманного формата брошюры и иллюстративные материалы были основным средством пропаганды среди личного состава РККА. Нацистскими специалистами по ведению психологической войны при этом нередко применялся следующий прием: пропагандистские материалы типографическим способом воспроизводили особенности оформления и шрифты партийных и комсомольских билетов, советских агитационных брошюр, газет и т.п. документов, первичное визуальное восприятие которых должно было способствовать формированию на подсознательном уровне доверия к их содержанию. Например, распространялись «партийные билеты», по формату и обложке идентичные настоящим, на развороте которых указывалось, что «к сдавшимся в плен коммунистам и комсомольцам немцы относятся как и ко всем остальным военнопленным и не подвергают их никаким преследованиям»².

В сентябре 1942 г. перешедший на сторону фашистов советский генерал А.А. Власов подписал первую листовку, адресованную «Товарищам командирам и советской интеллигенции», призывавшую к борьбе против сталинского режима. Вслед за этим отделом пропаганды ОКБ было разработано воззвание так называемого Русского комитета, получившее

¹ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 205. Л. 155-156.

² Филоненко М.И. Указ. соч. – С. 153.

название «Смоленской декларации». Оно включало в себя обращение «К бойцам и командирам Красной армии ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза».

12 января 1943 г. отдел пропаганды ОКВ получил согласие А. фон Розенберга на повсеместное распространение «Смоленской декларации». Сотни тысяч листовок с обращением Русского комитета и с открытым письмом генерала А.А. Власова сбрасывались с немецких самолетов в прифронтовой полосе и в тылу Красной Армии, а также распространялись на оккупированной Вермахтом советской территории¹.

Широкое распространение в оккупированных районах получила листовка «Женщинам Советского Союза от женщин, освобожденных от советской власти областей». Так, в ней, от имени 5 женщин села Артаково Курской области, якобы принявших резолюцию на митинге 21 июня 1942 г., подчеркивалось: «В ваших руках, судьба разных и близких вам людей. Убедите дорогих вам кормильцев, отцов, сыновей и братьев, что пора прекратить кровавую бойню. Пора понять, что коммунисты лгут, что надо защищать свою родину. У нас с советской властью родина разная... Передайте вашим мужьям, чтобы они бросили воевать за Сталина... Пусть они живут для своих семей и не дает убивать себя за кровопийцу Сталина и его несправедливую власть... Да здравствует мир и дружба с немецким народом. От имени собравшихся на митинг подписали: Соколова, Садовникова, Кривцова, Рысь, Раскольников»².

Графологический анализ подписей, стоявших под этим любопытным «документом», а также отсутствие упомянутых фамилий среди жителей села Артаково (особенно, Кривцовых, Пелагеи Рысь), свидетельствуют о том, что листовка была фальшивкой и носила явно пропагандистский характер. Она

¹ Огороков А. В. Указ. соч. С. 16-17.

² ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-1-об.

была направлена на заигрывание с населением оккупированных районов Курской области¹.

О масштабах широкой пропагандистской деятельности, развернутой оккупантами, свидетельствует и такой факт: в феврале 1943 г. перед оставлением Курска германскими войсками на путях железнодорожной станции было оставлено 6 вагонов с различной печатной продукцией, явно антисоветского и антибольшевистского содержания². Благодаря бдительности, проявленной железнодорожниками и сотрудниками транспортного отдела НКВД, загруженная в вагоны нацистская пропагандистская литература не попала в руки курян³.

Одна из серий фашистских агитационных брошюр посвящалась пропаганде добровольного отъезда населения оккупированных территорий СССР в Германию. Такие издания сопровождалось фотографиями. В них печатались восторженные отзывы тех, кто уже работал в Германии⁴. Положительные отзывы о своей работе в Рейхе содержались и в письмах курян, отправляемых из Германии на родину. Очевидно, что здесь старалась немецкая пропаганда. Ведь все эти письма перлюстрировались, а текст, нежелательный для оккупантов, замазывался черной краской⁵.

Фашисты часто заставляли людей писать письма, в которых рассказывалось о хорошей еде, легкой работе и постоянном веселье. В российских архивах сохранились напечатанные типографским способом «письма», под которыми их «авторами» только ставилась подпись⁶.

Фашистская пропаганда среди населения Курской области нередко предусматривала распространение лживых слухов, нацеленных на

¹ Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: Мифы фашистской пропаганды. 1942- 1943. – Воронеж, 2006. – С. 230-231.

² АУФСБ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 6. Л. 3.

³ Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004. – С. 21.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1177. Л. 9-16, 17, 18, 31-38, 72-79.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 13. Л. 51.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 9. Л. 108. См. также: Д. 12, Л. 58, 59, 60, 61, 62.

ослабление боевого духа населения. Так, в конце ноября 1941 г. в оккупированных районах области распространялась лживая информация о том, что советское правительство сбежало в Сибирь, Япония объявила войну СССР и японские войска уже овладели Хабаровском, а Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин выехал в Берлин заключать мир с Германией¹.

Наиболее массовым и действенным рупором нацистской пропаганды становились газеты и журналы, издаваемые в оккупированных районах Советского Союза. На русском языке фашисты издавали более 40 журналов и газет, печатавшихся тиражами по несколько тысяч экземпляров.

На территории Курской области в 1941-1943 гг. оккупанты смогли организовать выпуск таких печатных изданий, как: «Новый путь», «Курские известия», двухнедельное приложение к газете «Новый путь» «Посев и жатва». В районах издавались газеты «Рыльский новый путь» (Рыльский район, г. Рыльск), «Восход» (г. Белгород), «Дмитровская газета» (Дмитровский район, г. Дмитровск), «Новая жизнь» (орган Старооскольского районного управления и городской управы). Кроме этих газет, на территории области широкое хождение имела издававшаяся в Берлине на русском языке газета «Последние новости», а также «Голос народа» (Орган бургомистерства Локотского национального округа). В его состав входили три района Курской области – Михайловский, Дмитровский и Дмитриевский².

В северных и северо-западных районах Курской области среди местных администраций широко распространялась русскоязычная газета «Речь», издаваемая с 5 декабря 1941 г. в Орле. Главным (ответственным) редактором этого издания был уроженец Одессы, инженер М. Октан (Ильинич), махровый антикоммунист и антисоветчик, высоко ценимый

¹ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. изд. 2-е, доп. – Курск, 1999. – С. 52.

² О कोरोков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй Мировой войны. – М., 2007. – С. 198-215.

нацистами за непримиримую антисемитскую позицию. К 1943 г. он был отмечен 9 немецкими наградами.

Свой «литературный дар» антикоммуниста в газете реализовал заместитель редактора В.Д. Соколов (В. Самарин). Если антисемитизм был отличительной особенностью оккупационных газет, то все статьи Самарина выделялись из общей массы публикаций особой неистовостью, ибо в каждой из них содержался тезис «о вездесущей руке жидов»¹.

Официальные сообщения германского верховного командования и агитационные статьи для передовиц поступали в редакции курских газет уже подготовленными к печати в виде бюллетеней – от берлинского пресс-бюро OAD (Ostraum- Artikeldienst). Редактором бюллетеня был В. Штейн, бывший пресс-атташе посольства Германии в Москве. Заголовки всех агитационных статей-заготовок были в духе красноречия немецкой пропаганды, например: «Почему я буду бороться с большевизмом?», «Почему Германия сражается и отчего она побеждает?», «Новый земельный порядок – дар крестьянству», «Как живут в Германии рабочие из восточных областей», «Советский рай» и другие².

В обзоре о деятельности фашистской оккупационной прессы, подписанном 5 октября 1942 г. майором госбезопасности П.М. Аксеновым и капитаном госбезопасности В.Ф. Кремлевым, отмечалось, что в Курске на русском языке издается газета «Новый путь». Газету выпускало полевое подразделение № 30952 (ответственный редактор зондерфюрер Ф. фон Мюллер). Место нахождения редакции не указывалось. Печаталась на белой бумаге на 4 полосах. Третья полоса была занята статьями антисоветского

¹ См.: Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Вел. Новгород, 2009. – С. 173, 203, 207, 278; «Свершилось. Немцы пришли!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 2012. – С. 38, 40.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 1-3, 6, 16, 23, 128, 138, 145, 182.

характера, авторами которых являлись предатели родины. Четвертая полоса содержала разнообразные объявления¹.

Часто на страницах газеты «Новый путь»² жизненные условия советского населения сравнивались с условиями жизни и работы немецких рабочих. Конечно, эти сравнения были всегда не в нашу пользу. Следует признать, что условия быта советских граждан в годы Великой Отечественной войны действительно оставались тяжелыми. Первый материал подобного содержания появился на страницах «Нового пути» еще в феврале 1942 г. под заголовком «Нужда рабочих в советском раю»³.

С июня 1942 г. в газете «Новый путь» стало выходить двухнедельное приложение «Посев и жатва» на двух полосах⁴. В оформлении этого периодического издания широко использовались иллюстрации. Тематика статей касалась преимущественно сельского хозяйства и, на первый взгляд, газета могла выглядеть как пособие для крестьян по ведению хозяйства, снабженное практическими советами. Но, на деле, и тут не обходилось без мощной пропаганды⁵.

С 1 ноября 1942 г. «Курские известия» стали приемником газеты «Новый путь», начавшей свою издательскую деятельность во Льгове. С 30 мая 1942 г. газета «Новый путь» выпускалась уже в Курске. Редакцию этой газеты возглавил Г.И. Фильшин.

Четырехполосная газета «Курские известия», издававшаяся в областном центре, безусловно, оставалась главным рупором фашистской пропаганды. На страницах издания постоянно печатались приказы Курской городской управы, касавшиеся различных сторон жизни города. Значительную часть публикаций составлял местный материал, способствовавший агитации за новую власть, установленную оккупантами в

¹ АУФСБ РФ. КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 19-21.

² См., например: Новый путь. – 1942. – № 75.

³ Новый путь. – 1942. – № 6.

⁴ Посев и жатва (Двухнедельное приложение к газете «Новый путь»). – 1942. – № 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12.

⁵ Посев и жатва. – 1942. – №7.

Курске. Подобного рода заметки регулярно появлялись под рубрикой «Зарисовки по Курску».

На страницах газеты публиковались статьи, в которых немецкие пропагандисты в колких формулировках излагали свое видение истории ВКП(б), биографии И.В. Сталина, ключевых событий истории страны¹.

Рассмотрим подробнее характеристику личности Г.И. Фильшина. Уроженец с. Новенькое Обоянского уезда Курской губернии, он происходил из семьи священника. В 1910 г. окончил Курскую духовную семинарию, в 1912 г. – Киевскую духовную академию. В Курске занимался педагогической деятельностью, арестовывался органами НКВД «за антисоветскую агитацию» в 1937 г. (но был освобожден из-за недоказанности инкриминируемых действий). Перед Великой Отечественной войной Г.И. Фильшин преподавал латинский язык в КГПИ.

Г.И. Фильшин и его жена А.А. Фильшина-Демина (работала преподавателем немецкого языка пединститута), имея явные антисоветские настроения, уклонились от эвакуации и остались в оккупированном городе. В ноябре 1941 г. Г.И. Фильшин явился в Городскую управу, где получил предложение возглавить городскую библиотеку. Она создавалась путем ликвидации фондов библиотек городского дома партпросвещения, техникумов и ряда городских школ. В этой должности он работал до мая 1942 г., пока не был рекомендован Р.Е. Вегеманом редактором газеты «Новый путь». С 30 мая 1942 г. газета «Новый путь» уже выпускалась в Курске². Постепенно в редакции газеты «Новый путь» сложился коллектив единомышленников. Г.И. Фильшину во всем активно помогала его жена – А.А. Демина, работавшая в газете главным переводчиком. Организационные вопросы в редакции решал В.Н. Финк – бывший сотрудник «Курской правды», именовавший себя потомком немецких баронов.³

¹ Например: Курские известия. – 1942. – 29 ноября.

² АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 2-3, 19.

³ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 38.

Сотрудниками газеты стали курские литераторы: поэт И.М. Еськов (до войны преподавал русский язык в пединституте), писатель М.М. Горбовцев – автор повести «Мишкино детство». В своих публикациях наиболее разнузданную антисоветскую агитацию вел И.М. Еськов. По показаниям В. Финка, «Фильшин больше всех доверял Еськову» и считался с его антисоветскими «опусами»¹.

Руководство Городской управы высоко ценило деятельность Г.И. Фильшина и возглавляемой им редакции. Регулярно отмечалось, что «Курские известия» стали «боевым органом борьбы с большевиками». Через доверенное лицо абверкоманды Бруно-105, располагавшейся в Курске, заведующего отделением просвещения Стрелецкой райуправы Г.В. Булгакова (бывшего преподавателя русского языка и географии в школе № 7 г. Курска – авт.) Г. Фильшин был завербован в агентуру абвера².

Для пропаганды «германского образа жизни» Г.В. Булгаков рекомендовал создать группу, в которую вошли Г.И. Фильшин, преподаватель русского языка педучилища С.К. Егорова-Ларионова, И.М. Еськов. Руководитель кадровой службы «1 Ц-Антон» С.Г. Васильев привлек Г.И. Фильшина, Г.В. Булгакова, С.К. Егорову-Ларионову к составлению обращения, адресованного интеллигенции, рабочим и крестьянам. Эти пропагандистские материалы подписывались «Группа возрождения России»³.

Г.В. Булгаков и его помощники внесли предложение о создании на оккупированной территории Курской области «правительства» из русских людей, действовавшее под контролем германских властей. Несколько месяцев группа Г. Булгакова разрабатывала такое положение. Но подготовленный проект вызвал раздражение военного коменданта Курска майора В. Фляга. «Вы знаете мудрое изречение: «Каждому свое», – в гневе

¹ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 61, 69.

² АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 61, 69, 24, 85.

³ Противостояние. Рассказы курских чекистах. Сб. очерков. – Курск, 1991. – С. 138.

замечал он. – Русским надобно не править, а подчиняться приказам германской комендатуры!» Последний номер газеты «Курские известия» вышел 24 января 1943 года.

Газета «Курские известия» неоднократно обращалась к религиозной тематике. Так, значительная часть номера за 20 декабря 1942 года была посвящена предстоящему празднованию Рождества Христова. В редакционной статье «Германия обеспечит мир и благосостояния новой Европы» отмечалось, что «в день праздника «мира и благоволения» крепнет вера в силу Германской армии: она освобождает народы, дает право строить новую жизнь и жить достойно и красиво...»

Анонимный автор «отражения нового мировоззрения» в Курской области видел в следующем: «Раздается церковный благовест, на 25 лет замолкший со времени господства иудо-большевизма. Желаящие идут в церковь, выполняют религиозные обряды. Это дело их совести. Свобода вероисповедания... Звон церковных колоколов вторит сознанию, что при германской власти мир и благоденствие должны быть на земле!»¹

Материалы, подобные тем, что печатались в газетах «Новый путь» и «Курские известия», содержал и «Рыльский новый путь» (редактор А.Н. Оленин). Газета давала читателям небольшое количество информации местного значения. Основой газеты были перепечатки статей из немецких изданий фронтового и международного характера.

Оккупационная газета «Рыльский новый путь» изобиловала цитатами из речей Гитлера. Обширно использовался на ее страницах и такой пропагандистский прием, как изобразительная агитация. Наряду с карикатурами на И.В. Сталина, на руководителей стран-союзников СССР Черчилля и Рузвельта², публиковались диаграммы, в которых сравнивалось

¹ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 132.

² Рыльский новый путь. – 1943. – 13 января.

соотношение военных сил Германии с силами Советского Союза или союзников¹.

К концу декабря 1942 г. в оккупационных изданиях значительно уменьшилось количество статей на местные темы, что можно объяснить поражением немецко-фашистских войск под Сталинградом и окружением армии Паулюса. Захватчикам было уже не до местных событий.

Местные коллаборационистские издания иногда содержали информацию о борьбе с партизанами. Так, 25 июля 1942 г. в номере «Дмитровской газеты» (редактор Л.Д. Соловьев) была опубликована статья «Шакалы». В ней отмечалось, что «после освобождения германскими войсками Дмитровского района от советской власти в местных лесах появились новые...звери, которые кичились своими красными партбилетами, но трусливо бежали в леса при встрече с германским солдатом и называют себя партизанами, патриотами Отечества... В последнее время участились случаи нападения местных шакалов на людей. Жертвами такого нападения из леса стали Волчков, Лукин, Краснов, Нифонтов, Скороходов и Кувшинов. Бойцы караульного батальона, уничтожайте хищных зверей – партизан». В газете за 29 августа 1942 г. в № 40 отмечались факты террористических актов, совершенных партизанами над старостами, старшинами и полицейскими².

Четырехполосная газета «Новая жизнь», ответственным редактором которой был В. Никонов, выходила в свет еженедельно в Старом Осколе. Как и в других оккупационных изданиях, в ней содержались статьи и материалы пропагандистского характера. В публикациях – перепечатках из центральной немецкой прессы (преимущественно из «Фёлькишер Беобахтер»), говорилось о будущем крахе Советского Союза и победоносных наступлениях немецкой армии³.

¹ Рыльский новый путь. – 1943. – 16 января.

² См: АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 108-109.

³ Новая жизнь. – 1943. – 3 января.

В Старом Осколе и Старооскольском районе выходила газета «Новая жизнь», а в Прохоровском – «Западные вести». Белгородская газета «Восход» (Woszhod – Aufstieg) выходила с ноября 1941 г. до начала 1943 года. Ее редакция и типография размещались в здании бывшей редакции и издательства «Белгородская правда».

В газете работали наши соотечественники, которые стали сотрудничать с врагом по разным причинам: кто по убеждениям, кто из трусости и малодушия. С номера за 8 февраля 1942 г. указывался редактор газеты Я.А. Морозов, а с 6 сентября 1942 г. редактор В. Страхов¹. Несмотря на то, что газета выпускалась бывшими советскими гражданами, все материалы ее полностью контролировались немецкой комендатурой. Уже с первого номера от 9 ноября 1941 г. газета выходила под лозунгом «Конец большевизма означает освобождение русского народа».

В середине декабря газета вышла под новым названием «Восход». На первой странице газеты было дано разъяснение читателям по поводу переименования: «С воскресенья 14 декабря 1941 г. старое название газеты «Белгородская правда» кануло в вечность. Теперь газета будет называться «Восход». С названием «Белгородская правда» исчез последний остаток, напоминавший о большевистском господстве в Белгороде.

Под новым названием «Восход» население г. Белгорода пойдет уверенно навстречу будущему, новой жизни и новому строительству в очищенных от большевистской заразы областях. Через газету «Восход» оно будет также приобщено к жизни Германии и других стран. За присланные материалы для газеты «Восход» редакция, как и ранее, выражает населению города горячую благодарность»².

25 января 1942 г. в газете «Восход» была открыта рубрика «Ответы читателям», в которой представители фашистской власти отвечали на различные бытовые вопросы.

¹ Восход. – 1942. – 8 февраля, 6 сентября.

² Восход. – 1941. – 15 декабря,

Мобилизация населения для отправки на работу в Германию сначала проходила на добровольных началах. Сюда гитлеровцы заманивали граждан обещаниями «сытной и достойной» жизни. Поэтому в газете часто помещались статьи с многообещающими заголовками: «Делегация крестьян в Берлине», «Европейские безработные находят работу в Германии», «Украинский национальный хор в Германии», «Русские рабочие едут в Германию», в которых немецкое командование гарантировало после работы в течение одного года предоставить прежнюю работу на родине, бесплатный проезд в оба конца, питание в пути, одежду¹.

Тираж газеты «Восход» увеличивался с 10 до 27 тысяч экземпляров. Росла и стоимость двухстраничной газеты от 10 до 50 копеек, но когда она стала выходить на четырех страницах, ее стоимость составила уже 1 рубль. Трудно сказать, кто из белгородцев покупал или подписывался на фашистскую газету. Если и находились такие, то их было немного.

Фашисты учитывали тягу большей части населения оккупированных районов СССР к советской периодической печати. Поэтому ряд выпускавшихся оккупантами газет подделывался под советские издания. Часто встречались подделки под газету «Правда», под «Боевой листок» (оригинал издавался политорганами Красной Армии)². На оккупированной территории Курской области встречалась поддельная газета «Сталинский воин». По внешнему виду заголовков полностью соответствовал облику советской газеты. Но в содержании ее статей содержалась антисоветская пропаганда³.

Проводя курс на искоренение советского образа жизни, оккупанты издавали приказы об уничтожении советских гербов, эмблем, картин, плакатов, портретов, газет, о сносе памятников В.И. Ленину и другим советским государственным деятелям. Осуществлялось также

¹ Восход. – 1942. – 9 октября.

² Сталинский воин. – 1943. – 20 августа.

³ Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2010. – С. 21.

переименование улиц, площадей, городов и районных центров, носивших имена большевистских руководителей. Так, улица Ленина в Курске сначала была переименована в Московскую, затем – в Главную, а улица Дзержинского – в Херсонскую¹.

Вызывает интерес указание старшины Кшенского (бывш. Советского) района, направленное всем старостам волостей. Например, старосте села Горяиновка предлагалось «переименовать названия улиц, которые содержат советские понятия или имена советских вождей, дав им неполитические названия. Например, главная улица, Вокзальная. Употребление имен вождей, офицеров германской армии в ходе нового наименования улиц было запрещено².

Зимой 1941/1942 гг., а также в августе 1942 г. приказами Городской управы Белгорода прошло переименование 45 улиц и переулков города. Так, улица Ленина получила название Браухичштрассе, улицы Буденного и Ворошилова – Брейтештрассе (Широкая), Сталина – Томаровкаерштрассе, Карла Маркса – Николайштрассе, а Красный переулок – Францштрассе и др.³

Например, в Ивановском районе в июле 1942 г. местная комендатура издала приказ о запрещении исполнения советских песен. «Гражданское население, – отмечалось в приказе, – ...исполняет песни коммунистического содержания. Происходит это отчасти по необдуманности, отчасти, под влиянием коммунистической агитации. Пение песен коммунистического содержания должно быть строжайше запрещено. Старосты за этим должны следить, не допускать этого»⁴.

¹ АУФСБ РФ. КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 12; Бугров Ю.А. Оккупация // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (По материалам Курской области). – Курск, 1995. – С. 32.

² ГАКО. Ф. Р-3580. Оп. 1. Д. 58. Л. 42; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Кн. 2. – Курск, 2010. – С. 282.

³ Восход (Белгород). – 1941. – 16 ноября – 21 декабря; – 1942. – 8 марта; 16, 23 августа, 8-16 октября; Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 гг.). Документы и материалы. – Белгород, 2010. – С. 68-70.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3579. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Д. 16. Л. 16, 29.

Оккупанты не возражали, чтобы население оккупированных районов отмечало различные религиозные праздники, в первую очередь Рождество и Пасху¹. Обязательными стали торжественные собрания 20 апреля – в день рождения А. Гитлера. 1 мая – День освобожденного труда стал отмечаться как «День освобождения от ига жидо-большевизма», в связи с чем оккупанты устраивали митинги и народные демонстрации.

В середине января 1942 г. в театре им. Щепкина комендант Курска В. Фляг провел собрание, куда были собраны служащие Городской управы, врачи, а также все русские, работавшие при воинских частях города. Комендант произнес речь, в которой говорил об успехах немецкой армии и о том, что жители оккупированного города всячески должны содействовать завершению войны в пользу Германии².

Как вспоминал курский краевед А.И. Наседкин, 20 апреля 1942 г. Городская управа для населения города в пропагандистских целях устроила обед. Помещение, где проходило угощение (ул. Дзержинского, 84) украсил портрет Адольфа Гитлера с подписью «Адольф-освободитель». Распорядитель праздника не раз повторял, что обед устроен в честь фюрера. Званный обед состоял из пшеничного кулеша и круто сваренной пшенной каши³.

С особой помпой «День освобождения» – 2 ноября 1942 г. проходил в Курске. В этот день на всех предприятиях проводились «торжественные» собрания городских рабочих. В городском театре были собраны все служащие городской Управы, учителя и врачи.

«Курские известия» к первой годовщине занятия Курска немецко-фашистскими войсками поместили статью Городского головы И.А. Смялковского, в которой горожане могли прочитать, что «созданные базы и сеть торговых магазинов, базары являются показателями оживления,

¹ ГАБО. Ф. Р-1053; Оп. 1. Д. 2. Л. 138; Восход (Белгород). – 1942. – 25 декабря.

² Кепов А.Г. Указ. соч. – С. 34.

³ Наседкин А.И. Указ. соч. – С. 43.

развития торговли, удовлетворяющей необходимые потребности и нужды населения... Целый ряд предприятий и мастерских обслуживают... потребности воинских частей и населения. Технический отдел при помощи Германского командования, обеспечил город водой и светом». Городскому голове вторил Фильшин, лживо в своей статье «Год без большевиков» заявляя, что: «Германское командование, германские власти от города отвели костлявую руку смерти, спасли народ от голода»¹.

1 ноября 1942 г., в газете «Курские известия» коллаборационист И.М. Еськов в своей статье так описывал оборонительные бои за Курск: «1-2 ноября 1941 года: последняя ночь. Большевики евреи, гепеушники, эвакуировав заблаговременно своей семьи в глубокий тыл, достигли апогея в своем варварстве, сжигая и взрывая город...» И все таки И. Еськов был вынужден признать стойкость и мужество народных ополченцев, сражавшихся за родной город.

24 октября 1942 г. немецко-фашистские оккупанты и их прислужники отметили первую годовщину «освобождения» Белгорода. 23 октября 1942 г. газета «Восход» поместила такое объявление: «24 октября в Белгороде будет праздноваться день годовщины освобождения города и православной церкви от большевиков. В Преображенском соборе по этому случаю состоится торжественный молебен».

Перед белгородцами выступил Городской голова Г.Х. Пфецер. Он всех поздравил с исполнившейся первой годовщиной со дня освобождения германской армией от большевистского ига: «Я знаю, что Вам пришлось пережить тяжелый год, но перенесенные Вами тяготы гораздо легче тех трудов и лишений, которые переносит германский солдат, проливающий на фронте свою кровь за наше избавление от рабского служения жидами и их комиссарам; своим трудом Вы участвуете в борьбе, которую ведет германский солдат, и этим помогаете избавиться всему нашему народу от

¹ Курские известия. – 1942. – 1 ноября.

безумной диктатуры кровавого Сталина, от которой стонут еще народы пока неосвобожденных областей...

Приношу мою искреннюю благодарность всем добровольцам, вступившим в ряды Германской армии и вместе с ней проливающим свою кровь за нашу свободу; мой сердечный привет их семьям. Благодарю всех тех, кто своей работой на полях и заводах Германии принял участие в великой борьбе народов Европы за освобождение ее от «красного призрака коммунизма»; их семьям мой сердечный привет...»¹

25 ноября 1942 г. отмечали еще одно «важное» городское событие – первая годовщина создания полиции в Белгороде. 28 ноября 1942 г. газета «Восход» опубликовала приказ Городского головы Г.Х. Пфецера о премировании крупными суммами денег (от 700 до 1000 руб.) отличившихся полицейских «за особую работу по охране внутреннего порядка города и оказание содействия Германской армии в борьбе за освобождение русского народа». Со своей пафосной статьей «К славной годовщине», восхвалявшей «новый порядок» еще ранее, 25 ноября 1942 г., в газете выступил помощник начальника управления городской полиции Г.И. Федоровский – один из наиболее из зловещих карателей Белгорода.

Захватчики после вступления в город принимали меры по недопущению прослушивания населением советских радиопередач. Лица, имевшие радиоустановки, или слушавшие русские известия по радио, объявлялись партизанами. В объявлении, вывешенном в Белгороде, указывалось: «Села или дома, где партизаны скрывались, находили пристанище и питание будут сожжены, жители расстреляны и повешены»².

Одновременно создавалась сеть радиовещания, которое вело передачи для населения оккупированных территорий. В них передавались последние известия о положении на фронтах, обращения к населению. Война здесь изображалась только в виде новых побед немецкой армии. Для

¹ Восход (Белгород). – 1942. – 24 октября.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 7.

радиопередач использовалось армейское радиооборудование или восстановленные советские радиостанции.

В Курске для осуществления немецкой пропаганды восстановлением радиоузла занимался его начальник, член ВКП(б) с 1941 г. А.А. Щуров, оставшийся добровольно в городе. В октябре 1941 г. А.А. Щуров находился в составе Дзержинского полка народного ополчения, где командовал отделением подрывников, имея полную возможность эвакуироваться из Курска. Вскоре после захвата города оккупантами, его стараниями курское радио возобновило свою работу¹. Два раза в день городское радио сообщало немецкую информацию о ходе боев и разные объявления².

Фашисты старались увеличивать количество добровольцев, отъезжавших на работу в Германию. В Курске они смогли подкупить несколько девушек, которые выступали с соответствующими призывами к молодежи города по радио³.

С мая 1942 года в кинотеатре «Виктория» устраивались концерты джаза под управлением В. Черных, выступавшего с певицей А.С. Морозовой. Там же выступали танцоры В. Агибалова и В. Иванов. Актриса Е.И. Дарьял разнообразила эти концертные программы чтением рассказов. Зрителям были показаны водевиль А.П. Чехова «Медведь», водевиль «Денщик подвел», комедия «Жена напрокат». Апогеем творчества этого коллектива (в него входили артисты Е.И. Дарьял, М.Ф. Виноградова, А.А. Роцин,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133. Л. 51-об.; ГАОПИКО. Ф. П-86. Оп. 1. Д. 200. Л. 16-17. Беспрекословно выполняя требования немецких властей, А. Щуров вел легальный образ жизни, не подвергаясь никаким репрессиям со стороны оккупационных властей. 5 апреля 1943 г. бюро Сталинского райкома исключило из членов ВКП(б) А.А. Щурова с формулировкой, как «пособника немецким оккупантам в распространении нацистской пропаганды». 15 мая 1943 г. бюро Курского ГК ВКП(б) утвердило это решение. Начальник областного управления связи А.В. Овчинникову было предложено уволить А. Щурова с занимаемой должности начальника городского узла радиосвязи (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 63-об.-64.).

² Кепов А.Г. Указ. соч. – С. 34, 35.

³ Дандыкин Т.К. Страницы подвига. Военно-хозяйственная и политическая деятельность Коммунистической партии в партизанских краях и зонах центра России (1941-1943 гг.). Тула, 1979. С. 43.

М.Е. Евдокимова и др.) стала постановка пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые».

Спектакли и концерты на сцене театра «Виктория» смотрели лишь оккупанты и их помощники – бургомистр И.А. Смялковский, А.Г. Кепов, редактор газеты «Курские известия» Г.И. Фильшин, поэт И.М. Еськов, инженер А.В. Томило¹. Театральный коллектив представил оккупантам 15 постановок. Отзывы прессы о них были положительными, например: «1 августа концерт в кинотеатре «Виктория». Водевиль «Медведь» А.П. Чехова, русские, украинские народные песни, лирические песенки, цыганские романсы, а также танцевальные и музыкальные номера... Особенно приветливо встретил зритель А.С. Морозову, тепло и задушевно исполнившую жанровые песни и цыганские романсы»².

«Как оценить сегодня актеров, выступавших в театре «Виктория» перед оккупантами? Иной скажет, что они без вины виноватые, а можно и осудить их... По сведениям, полученным в КГБ, никто из этого коллектива осужден и репрессирован не был. Н.А. Гринев после войны играл вторые роли в труппе Курского драматического театра» – писал Ю.А. Бугров³.

В марте 1942 г. начальником немецкого отдела пропаганды графом Босси-Федриготти во Льгове был организован театр «Синяя птица». Главным режиссером театра стал С.Н. Ручьев, ранее работавший диктором местного радиоузла. В театре действовали кружки танцев, балета, хора и струнный оркестр, в которых занимались около 70 человек. Работники театра один раз в неделю получали продукты (мясо, хлеб). Их зарплата составляла от 50 (у певцов хора) до 120 марок (у руководителей театра) в месяц. Для немецких военнослужащих театр устраивал закрытые вечера. В первый день актеры обычно выступали для немецких офицеров, во второй – для солдат, а в

¹ См.: АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 10.

² Новый путь. – 1942. – 26 сентября.

³ Бугров Ю.А. Указ. соч. – С. 192.

третий – для населения за плату. Театр также выезжал в села района и в немецкие госпитали, давая там представления¹.

В Белгороде, на сцене городского театра давались эстрадно-цирковые представления. В конце сентября 1942 г. по приглашению офицеров Белгородской комендатуры был организован культпоход учащихся на концерт, даваемый в городском театре².

В арсенале средств идеологического воздействия у оккупантов, кроме газет и листовок, были немецкие хроникальные и художественные фильмы, например: «Тетка Чарлея», «Бродяга». В Курске они демонстрировались только в кинотеатре «Новый мир» (бывший «Смена»), который был предназначен для местного населения³.

Как указывает в своих публикациях Ю.А. Бугров, в годы оккупации засиял вечерними огнями кинематограф и театр «Виктория». В основном, здесь демонстрировали немецкие фильмы: «Трукса» (приключенческий фильм из жизни немецких артистов варьете), «Только любовь» и «Фридэман Бах»⁴. Житель Белгорода А.И. Уголев позднее вспоминал, что в городе работал кинотеатр «Челюскин». В нем зрители могли увидеть немецкие художественные фильмы и фронтовую кинохронику⁵.

В числе пропагандистских учреждений оккупационного режима в Курске мог рассматриваться и краеведческий музей. В ноябре 1941 г. немецкий отдел пропаганды приказал привести музей в порядок и быстро открыть его для посетителей. Для руководства работой музея сюда был назначен специальный представитель отдела пропаганды доктор Томсон. Коллектив музея в этот период возглавлял П.Н. Черменский, бывший директор Тамбовского краеведческого музея, переселившийся в Курск. До войны он отбывал наказание на строительстве Беломор-Балтийского канала.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 2. Л. 838, 849, 851.

² Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 гг.). – Белгород, 2010. – С. 60.

³ АУФСБ. РФ. КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 10.

⁴ Бугров Ю.А. Свет курских рамп. Очерки истории театральной культуры Курского края. – Курск, 2009. – С. 191.

⁵ Оккупация (Белгородчина в октябре 1941- августе 1943 гг.). – Белгород, 2010. – С. 60.

В Государственном архиве Курской области сохранилась его докладная, где он подробно описал работу коллектива в период оккупации. В течение четырех месяцев (ноября-декабря 1941 г., января-февраля 1942 г.) музей был открыт для посещения. П.Н. Черменский и сотрудники музея смогли сохранить экспозицию и основные фонды от разграбления немецкими военными служащими.

15 ноября 1942 г. газета «Курские известия» писала: «Среди культурных учреждений города, пострадавших при эвакуации большевиков, одно из первых мест принадлежит курскому городскому музею. В сентябре месяце были уволены рядовые сотрудники музея, затем было приказано свернуть музей и освобожденное помещение здания заполнить имуществом эвакуируемых школ. Согласно этому распоряжению, коллекции музея были свалены в кучу в нескольких залах музея... 13 февраля 1942 г. музей в составе четырех залов исторического отдела и выставки картин курских художников, был открыт для посещения. Первые же дни работы музея показали, какой исключительный интерес проявляют немецкие военные к произведениям русской культуры... В настоящее время устраиваются залы русских писателей – Пушкина, Лермонтова, Достоевского и др. Используется библиотека музея с книгами научного, исторического характера, по искусству, журналы, книги церковно-славянские и литература на иностранных языках 18-го и первой половины 19 века – всего 14 тысяч томов дореволюционного издания. Музей объединяет вокруг себя специалистов и научных работников города. Научные работы обсуждаются на научных собраниях сотрудников музея в свете практического их использования. С 1 сентября 1942 г. зарегистрировано посещений музея 5030 человек».

Одновременно в залах музея организовывались выставки картин курских художников для желающих их купить. Позже, на выставки принимались предметы старины от населения города. Прием вещей и комиссионной продажей ведала созданная по распоряжению городской Управы артель «Искусство». В ней работали художники и архитекторы

А.Г. Шуклин, Л.А. Литошенко, П.С. Ткачевский. Артель размещалась в музее, здесь открылась художественная мастерская по изготовлению картин, вышивки, скульптуры, резьбы по дереву. Таким образом, Курский краеведческий музей скоро превратился в комиссионный магазин для обслуживания немецких оккупантов.

Музейным работникам пришлось пережить и многочисленные грабежи. П.Н. Черменский свидетельствовал о том, что «первый грабёж музея произошел 10 июня 1942 года. В этот день солдаты венгерской армии, расквартированные в здании бывшей мужской гимназии, проникли в подвальное помещение музея. Всего же за период оккупации было украдено и уничтожено 74 музейных экспоната, суммарная стоимость которых составляла 82,8 тыс. рублей¹.

Летом 1942 г. музей был временно закрыт. Директор и сотрудники музея были арестованы, подверглись жестокому избиению за подозрение в подаче из окон музея световых сигналов советским самолетам. По счастливой случайности им удалось избежать расстрела².

Необходимо подчеркнуть, что большинство сотрудников областного краеведческого музея (С.А. Таранушенко, М.П. Парманин, А.М. Минакова, Н.А. Михайлова, Н.М. Савуа, П.И. Малышева, В.Л. Киреевский и др.), возглавляемых П.Н. Черминским, не встали на путь сотрудничества с оккупантами и не причислялись к идеологическим коллаборационистам³.

Аналогичным образом поступали сотрудники областной библиотеки, Государственного архива, работавшие в дни оккупации в Курске. Не стали сотрудничать с оккупантами и работники областной картинной галереи. Несмотря на то, что из фондов галереи гитлеровцами были вывезены 33

¹ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 41. Л. 57; Попов Е.В. Учреждения культуры Курской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).- Автореф. дис....канд. ист. наук.- Курск, 2005.-С. 19.

² ГАКО. Ф. Р-3489. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

³ Бугров Ю.А. Указ. соч.- С. 96.

картины, ее сотрудники смогли сохранить 462 картины, которые они замуровали в подвалах Сергиево-Казанского собора¹.

Оккупанты, уничтожавшие православные церкви и творившие надругательства над могилами православных на сельских и городских кладбищах (например, на Херсонском и Никитском кладбищах Курска, городском кладбище Старого Оскола – авт.), требовали при этом от местной администрации бережного отношения к могилам своих солдат и офицеров. Так, в Курске на территории Парка героев гражданской войны², в Щиграх, в Старом Осколе были организованы специальные кладбища для захоронения немецких и венгерских военнослужащих.

В специальном приказе, распространенном 5 ноября 1942 г. по всем селам Локотского округа, оговаривался порядок учета, содержания и оформления братских и одиночных могил немецких солдат и офицеров³. 23 октября 1942 г. военный комендант гор. Валуйки капитан Д. Бааде подписал специальное указание бургомистру города о том, что «могилы павших немецких или союзных солдат должны сельскими управами, в которых они находятся, содержаться с заботой и уходом... Осрамление или запущение этих могил будет показываться смертью...»⁴

В заключение отметим, что изучение социально-культурных аспектов немецко-фашистской оккупации невозможно без знания пропагандистской деятельности, которую захватчики развернули на занятых территориях. Установленный нацистской Германией «новый порядок» затрагивал все сферы жизни общества. Мероприятия «нового порядка» обязательно подкреплялись активной пропагандой.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3040. Л. 15. После освобождения Курска галерея разместила свои коллекции в помещениях краеведческого музея по ул. Луначарского, 6 (Попов Е.В. Состояние и восстановление культурных учреждений на территории Курской области в первой половине 1943 г. // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2003. – №12-13 (44-45). – С. 92).

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД Д. 129. Л. 10.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 494. Л. 8.

⁴ ГАБО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 2. Л. 106-об.; Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 гг.). – Белгород, 2010. – С. 34.

Существенным обстоятельством неэффективности вражеской пропаганды была ее явная лживость, в чем оказавшиеся на оккупированной врагом территории люди ежедневно убеждались на собственном опыте, видя истинную сущность фашизма и его отношение к населению захваченных областей.

В целом, оккупационные газеты обладали рядом характерных особенностей, которые были обусловлены ключевыми направлениями немецкой пропаганды на захваченных территориях. Структура всех оккупационных газет Курской области была организована однотипно: на первых полосах помещались международные материалы, сообщения о вымышленных успехах немецкой армии. Информация местного характера, районные новости располагались на последних страницах газет.

Во время оккупации в Курске функционировали два кинотеатра: один – для немцев и «Смена» – для остального населения города. В кинотеатре для русских демонстрировались такие фильмы, как «Девушка моей мечты» и военная хроника пропагандистского характера, в которой немцы уже успешно «воевали на Урале».

Пропаганда и агитация велась через газеты и радио. Как правило, жители Курска приходили слушать радио на Красную площадь. В радиопередачах преобладали две темы – успехи немецкой армии и критика советских порядков.

Представленные материалы убедительно доказывают, что идеологический коллаборационизм – это особое содействие агрессору в военное время со стороны граждан обороняющегося государства. М.И. Семиряга справедливо подчеркивал, что такая практика сотрудничества с гитлеровскими оккупационными властями наносила серьезный ущерб своему народу.

Великая Отечественная война во многом была войной идеологий. Фашизм как система взглядов отражал шовинистические,

националистические взгляды, основной целью которого было уничтожение советской системы ценностей.

Исходя из проведенного анализа оккупационной политики, можно сделать вывод, что германское командование видело приоритет пропагандистских функций печати над информационными. Немецкая печать, предназначенная для жителей временно оккупированных районов Курской области, содержала такую интерпретацию событий, которая позволяла подчеркнуть идеи фашистской идеологии и военное превосходство войск Вермахта над Красной Армией.

Широкомасштабное применение захватчиками различных средств печатной пропаганды стало своеобразной информационной интервенцией, которой нацисты хотели подкрепить военную интервенцию. Однако, германские оккупационные службы, столкнувшись с противодействием советского Сопротивления, в конечном счете, не смогли до конца реализовать большинство из своих агитационных и пропагандистских компаний.

Но ни запугиванием, ни посулами, захватчикам не удалось сломить волю бойцов Красной Армии, населения временно оккупированных территорий. Граждане СССР любили свою Родину и защищали ее, не щадя жизни. Поэтому никакая, даже самая изощренная пропаганда, не смогла помочь врагу избежать бесславного поражения.

3.2. Распространение идей коллаборационизма религиозными объединениями

Утром 22 июня 1941 г., еще до официального объявления по радио о начале войны, в Богоявленском кафедральном соборе Москвы Патриарший местоблюститель митрополит Сергей совершил божественную литургию памяти всех святых, в земле Российской просиявших. По окончании богослужения Сергей отбыл в свою резиденцию, где на пишущей машинке

лично набрал текст обращения к «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви».

В этом послании имелись такие слова: «...Попирая всякие договоры и обещания, [фашиствующие разбойники] внезапно обрушились на нас, и кровь мирных граждан уже орошает родную землю... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью Родины, кровными заветами любви к Отечеству... Не посраим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству...»¹

Митрополит Сергей, предвидя возможность сотрудничества с врагом со стороны церковнослужителей, оказавшихся на оккупированных территориях, отметил: «Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостаточно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается... А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу...»²

В первый день войны также последовало обращение руководителей обновленческой церкви – ее патриарха в СССР, митрополита Виталия и заместителя первоиерарха митрополита Александра. Обращаясь к своим сторонникам, они отмечали: «Мы руководители православных церквей, в час испытания для нашей великой Родины, обращаемся ко всем православным христианам... Церковь никогда не была только безмолвной зрительницей совершающегося зла. Во все времена, церковь защищала Родину. Она молитвой и подвигом самопожертвования являла миру свою любовь к

¹ АУФСБ КО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 3 (1941 г.). Л. 67-68.

² Там же. Л. 68; См. также: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Т. 2. – М., 1995. – С. 600.

Родине... Братья и сестры! На мать-родину хищный и коварный враг напал. Пусть среди нас не будет ни одного равнодушного, трусливого... Пусть каждый из нас будет исполнителем долга не за страх, а за совесть, как заповедовал великий апостол Павел...»¹

Призывам руководителей русского православия соответствовали и мысли митрополита Ленинградского Алексия². Так, 10 августа 1941 г. на литургии в кафедральном Богоявленском соборе Ленинграда он сказал: «Патриотизм русского человека ведом всему миру. По особенным свойствам русского народа он носит особый характер самой глубокой, горячей любви к своей Родине... Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран...»³

Но при том, что большинство православных священников, оказавшихся на оккупированной территории, не поддержали политики немецко-фашистских властей и не осуществляли сотрудничества с оккупантами, все же определенная часть православного духовенства Украины, Белоруссии и Прибалтики, добровольно встала на службу к нацистам.

Еще задолго на нападения на Советский Союз фашисты уже имели немалый опыт реализации религиозной политики на оккупированных территориях. Гитлеровское руководство предприняло меры, направленные на создание специальных структур, в обязанности которых входило наблюдение за различными церковными организациями. Например, за политической лояльностью верующих и духовенства следили службы Гестапо. Деятельность религиозных конфессий контролировали служба безопасности (СД), разведывательное управление СС, полиция безопасности (Зипо)⁴.

Указанные службы, действуя на «религиозном фронте» стремились к внутреннему разрушению устоявшихся традиционных церковных структур,

¹ АУФСБ КО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 3 (1941 г.). Л. 69-70.

² Алексей – патриарх Московский и Всея Руси с февраля 1945 г.

³ Цит. по: Москва военная. 1941-1945. – М., 1995. – С. 344.

⁴ Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Самара, 1999; Одинцов М.И. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – М., 2004. – С. 496.

реализации политики автономизации конфессий и церквей, тотального контроля за проявлениями духовной жизни. Уделяя внимание религиозным проблемам, Гитлер считал их одними из важнейших в делах управления покоренными народами. Программа выполнения обозначенных проблем была озвучена им в апреле 1942 г. среди своих приближенных. Она включала насильственное дробление церквей, запрет на устройство централизованных конфессиональных органов и центров, формирование «марионеточного» религиозного управления, использование духовенства в политических целях. Гитлер подчеркивал, что «нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, ...то мы могли бы это только приветствовать, ибо это увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»¹.

Отметим основные причины, способствовавшие возможному сближению некоторых священнослужителей РПЦ и оккупационных властей. Накануне войны Русская православная церковь в СССР была значительно ослаблена. Жесткие административные меры против церкви привели к тому, что руководству страны к началу 1940-х гг. удалось создать подобие «безбожного» государства. Несмотря на это, по итогам переписи 1937 г. 2/3 сельского и более половины городского населения назвали себя верующими. За годы репрессий 250 епископов, архиепископов, митрополитов физически были уничтожены, а 17 отбывали сроки заключения в лагерях². В 25 областях РСФСР к началу 1940-х гг. не осталось ни одного действующего храма. А в 20 регионах страны функционировало не более чем по 5 церквей³.

¹ Цит. по: Регельсон Н. Трагедия Русской Церкви. – М., 1993. – С. 34.

² Константинов Л.И. Русская православная церковь в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Уроки истории. – Белгород, 2000. – С. 79.

³ Одинцов М.И. Указ. соч. – С. 498.

В 1941 г., по данным НКВД, на территории СССР оставалась 3021 православная церковь. Почти три тысячи из них располагались на присоединенных к СССР в 1939 г. территориях Западной Украины и Западной Белоруссии¹. Таким образом, на основных территориях России в эти годы действовало не более сотни православных храмов², тогда как в 1916 г. в Российской империи их насчитывалось 77767³.

В Курской области основное закрытие церквей проводилось до 1937 года. По решению Курского облисполкома, в 1934-1937 гг. прекратили свою деятельность 438 церквей (из них 340 – в 1935-1936 гг.)⁴. К 1 июня 1937 г. в Курске действовало лишь 6 христианских церквей, из них две – обновленческого толка. В 1940 г. в Курске были закрыты еще два храма – Вознесенский и Нижне-Троицкий. Таким образом, в области перед войной действовало не более 10 храмов⁵. Для сравнения: в 1917 г. на территории Курской губернии функционировало 1700 храмов, из них в Курске 16 церквей и 2 монастыря, 8 – в Судже, 4 – в Фатеже, 3 – во Льгове⁶.

На основании разведывательных данных, подготовленных сотрудниками 4-го отдела УНКВД по Курской области, в период с 10 по 20 декабря 1941 г. в Курске были открыты Казацкая (Вознесенская), Ахтырская и Богословская церкви⁷. По данным советской разведки в городе на 27 марта 1942 г. действовало 7 церквей. В них служили «бывшие священнослужители, работавшие до войны в различных учреждениях города»⁸.

В Курске, как и в других оккупированных территориях, открытие церквей сопровождалось широкой пропагандой со стороны оккупационных

¹ Годун С. Русская православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник русского студенческого христианского движения. – 1990. – № 158. – С. 98.

² Поспеловский Д.В. Русское православие в XX веке. – М., 1995. – С. 168.

³ Там же. – С. 166.

⁴ Бугров Ю.А. История курской епархии. – Курск, 2003. – С. 86.

⁵ Там же.

⁶ <http://www.курская-епархия.рф/index.php/eparkhiya/istoriya>; БКЭ. Т. 2. – Курск, 2010. – С. 96-98.

⁷ АУФСБ КО. Ф. 4 отд. УНКВД. Д. 136. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 75.

властей. Например, в связи с открытием 28 февраля 1942 г. Сергиево-Казанского собора на улицах было расклеено до 200 специальных воззваний¹.

Примерно, столько же листовок, изготовленных в городской типографии в начале марта 1942 г., доводили до сведения горожан, что с разрешения коменданта Курска состоится открытие Никитской церкви, на торжественное освещение которой приглашаются все верующие»².

Исходя из сложившейся ситуации, фашисты довольно рано определили свое отношение к верующим на оккупированной советской территории. Учитывая традиционность Русской православной церкви и ее патриотические позиции, оккупационные власти препятствовали службе тех священников и приходов, которые заявляли о подчиненности Московской патриархии³.

Оккупационные власти способствовали открытию церквей, прекративших свою деятельность в годы советской власти, принуждая священников во время религиозных служб вести пропаганду успехов германской армии. Поэтому за период оккупации в РСФСР количество приходов РПЦ выросло почти в 10 раз⁴. Так, в оккупированных районах России открылось 2150 храмов: в Орловской области – 108, в Воронежской – 116, в Курской – 332 (из них 120 – на территории современной Белгородской обл.), в районах современной Брянской обл. – 130⁵.

В течение декабря 1941 – июня 1942 гг. в Курске возобновили деятельность Троицкий женский монастырь и 11 церквей⁶. За период с июля 1942 по январь 1943 гг. в Старом Осколе (включая пригородные слободы

¹ Там же. Л. 68; Шевелев А.В. Пропагандистское обеспечение религиозной политики, проводимой немецкой администрацией на оккупированной территории Курской области (1941-1943 гг.) // Непобедимые сыны Отечества: Сборник научных статей / Под ред. Н.А. Постникова. – Курск, 2003. – С. 297.

² АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 137. Л. 110.

³ Одинцов М.И. Указ. соч. – С. 527.

⁴ Бахныкин Ю.А. Православные епархии Центра России в годы войны // // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Уроки истории. – Белгород, 2000. – С. 85.

⁵ Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. – С. 170.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 10; Бугров Ю.А. Указ. соч. – С. 87; АУФСБ КО. Ф. 4 отд. УНКВД. Д. 141. Л. 22.

Ездоцкую, Ямскую и Троицкую) было открыто 7 церквей¹. Из общего числа 253 действующих в Курской области церквей патриаршей ориентации, размещение храмов и молитвенных домов оставалось весьма неравномерно. Если в Обоянском районе функционировало 11 церквей, в Суджанском – 15, в Беловском – 12, в Льговском – 10, то в Пристенском, Советском, Тербунском и Воловском районах вообще не было открывшихся храмов. Такое положение в районах Курской области стихийно сложилось именно в период немецко-фашистской оккупации².

Определенная часть служителей церкви, оставшихся на занятой врагом территории Курской области, пребывала в готовности вести последовательную борьбу против советской власти. Ведь еще до начала войны епископ Старооскольский Онуфрий (А.М. Гагалюк) проповедовал верующим то, что «в борьбе с советской властью у нас есть надежная опора – в Германии победил фашизм, который стал на защиту религиозных культов... Фашизм в недалеком будущем должен укрепиться во всем мире, и это единственная сила, которая при нашей поддержке должна покорить и СССР»³. Арестованный органами НКВД священник Иванов, тесно связанный с епископом Онуфрием, показал, что еще ряд служителей культа озадачились стремлением внедрять в массы идеи фашизма. «Завуалированным путем через проповедь восхвалять фашизм во время церковной службы и индивидуально на домах во время свершения религиозных треб. А Гагалюк сказал мне, что эту работу надо вести активнее, потому что нападение Германии на СССР произойдет в недалеком будущем, а мы к этому времени должны подготовить восстание внутри страны»⁴. И хотя ни Гагалюк, ни

¹ ГАНИБО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 122. Л. 65-67; Зарубин Д.Е. Русская православная церковь в Старом Осколе в 1938-1943 годах... // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2005. – № 8-9 (71-72). – С. 60-61.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 10-11.

³ Зарубин Д.Е. Дело Иванова и епископа Онуфрия // Курский край. – 2007. – № 1 (94). – С. 28.

⁴ Там же. – С. 29.

Иванов не дожили до прихода фашистов в Черноземье¹, результат их долголетней деятельности все же имел негативные последствия.

Начальник Брянского штаба партизанского движения, старший майор государственной безопасности А.П. Матвеев в 1942 г. в одном из донесений отмечал: «Вся деятельность церковников направлена на разжигание ненависти среди населения и усиление антисоветской пропаганды, проведение контрреволюционной работы и прямого сотрудничества с немецким командованием и властями»².

12 октября 1942 г. архиепископ Острогжский и Валуйский Алексей, обращаясь к пастве через средства печати, писал: «Милосердный Господь в лице благороднейшей личности Адольфа Гитлера дал спасение церкви и избавил от жидовского ига православный русский народ. Свершилось чудо: сгинула жидовско-сатанинская нечисть, церковь воскресла, зажглись лампы перед ликами святых... Да здравствует благороднейший Адольф Гитлер! Многая лета его светлой жизни»³.

26 сентября 1942 г. в той же газете «Острогоржский листок» был помещен материал за подписью того же высокопреосвященного Алексея. Статья заканчивалась словами: «Слава тебе, Адольф Гитлер. Живи долгие лета на благо Европы и всего человечества»⁴.

9 июля 1942 г. Собором православных архиереев под председательством митрополита Волынского и Житомирского Алексея был направлен в Курск

¹ Онуфрий (А.М. Гагалюк), с 1933 по 1934 гг. был епископом Курским и Белгородским. 17 марта 1938 г. он был расстрелян в Хабаровском крае (БКЭ. Т. 1. Кн. 2. – Курск, 2008. – С. 128)

² См.: Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 503.

³ ГАВО Ф.2100 Оп.1. Д. 395. Л. 14; Филоненко М.И. Фашистская пропаганда, направленная на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Воронежский вестник архивиста. Вып.3 – Воронеж, 2005. – С.163.

⁴ ГАВО. Ф. 2100. Оп.1. Д. 395. Л. 16; Филоненко М.И. Пропагандистское воздействие фашистской Германии на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Верхний и средний Дон в Великой отечественной войне. – Воронеж, 2006. – С.407.

епископ Панкратий (Гладков)¹. Понятно, какие молитвы и проповеди дозволялось вести подчиненным ему священникам, ведь украинский экзархат состоял из одних коллаборационистов. В Глушковском районе вскоре было открыто 10 церквей, в которых службы вели прибывшие монахи с территории Украины.

В середине 1942 г. главным протоиереем курских церквей стал Иоанн Каплинский. Епископ Курский и Белгородский Панкратий, утвержденный Киевским собором православных архиереев, местом своего пребывания все же избрал Рыльск. Он так и не доехал до Курска, и ушел с отступающими немецкими войсками².

Для верующих, у кого близкие ушли на фронт и участвовали в боях, немецкие пропагандисты и коллаборационистские священники сочинили несколько вариантов религиозных листовок. Текст так называемой «Молитвы скорбящей Божией Матери», наглядно иллюстрировал цели и задачи, которые ставили фашистские идеологи во взаимоотношениях со священниками Русской Православной церкви и верующими: «Во имя отца и сына и святого духа, аминь! Един Бог для православного народа, един за всех он принял мучения великие, прощая грехи житейские. Тяжкий грех тяготееет сейчас над головой русского народа, принявшего кровавые битвы, проливающего невинную кровь детей, жен, стариков. Смиритесь и клоните свои головы перед могуществом сильных мира сего и да спасены будете милостивым Богом. Ежели русский народ не послушает Божьего слова, да истреблена будет вся раса. Во имя отца, сына и святого духа. Аминь!»

На обратной стороне такой листовки была напечатана инструкция, требовавшая «...читать сию молитву перед сном грядущим 3 раза, раздать ее,

¹ Новый путь (Рыльск). – 1942. – 28 ноября; Бугров Ю.А. Проявления коллаборационизма в Курской и Воронежской областях в 1941-1942 гг. при оккупационном режиме немецких войск и их сателлитов // Актуальные проблемы истории Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. – М.; Курск, 2007. – С. 21.

² Бугров Ю.А. Оккупация (Краткий историко-публицистический очерк) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области) / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. – Курск, 1995. – С. 100.

переписавши, 9 человекам. Кто поступит так, тот возрадуется на 9 день, а кто ослушается, тот будет пребывать в великой скорби и печали»¹.

Фашистская пропаганда стремилась представить Третий Рейх защитником христиан, объявив войну с СССР «новым крестовым походом». Лицемерие такой пропаганды раскрывалось во многих посланиях главы РПЦ митрополита Сергия к пастве: «гитлеровский молох продолжает, вещать миру, будто он поднял меч на «защиту религии» и «якобы поруганной» веры... Всеми миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими вратами веры и христианства. Фашисты с их убеждениями и действиями, совсем не по пути за Христом и Христианской культурой...»²

Отмечая то обстоятельство, что подавляющее большинство духовенства и верующих, проживавших на оккупированной территории, не поддержало политику оккупантов³, российский историк В.Р. Мединский указывает на то, что «главное управление имперской безопасности, идя навстречу церкви, делая, казалось, верный и совершенно беспроигрышный тактический ход, стратегически все проиграло. Не смогли оценить силу патриотизма, заложенную в Русской православной церкви...»⁴ Об этом свидетельствует ряд примеров отношения жителей Курской области к церковнослужителям, ставшим на путь коллаборационизма.

Приведем информацию из разведывательных сводок. «Работает церковь в Муроме (село к югу от Белгорода – авт.), Ивановке, Пристени и других селах Шебекинского района. Попов нашлось столько, что установили очередь служения. В селе Муром священник хотел отслужить молебен, чтобы не пришли большевики, но люди стали расходиться и церковь

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 51-52.

² Цыпин В. История русской православной церкви. 1917-1990 // Московская Епархия. – 1994. – С. 117.

³ Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 томах. – Т. 1. Основные события. – М., 2011. – С. 519.

⁴ Мединский В.Р. Война. Мифы. СССР. 1939-1945. – М., 2011. – С. 364.

опустела...», – в июне 1942 г. указывал секретарь Белгородского РК ВКП(б) Ф.С. Луев¹.

Аналогичные примеры наблюдались в Фатеже, Щиграх и Льговском районе². Так, в донесении политотдела 60-й армии Воронежского фронта, в феврале 1943 г указывалось: «Городским головой Щигров был назначен бывший директор ж.д. школы. Он стал ярким приверженцем немцев, организовал ремонт церкви, пригласил священника, который начал богослужение. Первое время церковь посещало большое количество местных жителей... Но после того, как священник провозгласил проклятие русскому воинству, среди молящихся произошло сильное брожение. Они поняли, что проклятия сыпятся на головы их мужей, сыновей и братьев. После этого верующие в большинстве перестали ходить в церковь. Вскоре её закрыли, превратили в склад для выпеченного хлеба»³.

Колхозники села Марица Льговского района Курской области 28 марта 1943 года вспоминали о событиях оккупации: «В нашей деревне немцами была открыта церковь. Во время богослужения в марте месяце 1942 года священник Василий в проповеди стал проклинать Красную Армию и призывать благословение на немецкие войска, величал их освободителями русского православного народа. Не дослушав проповеди, находившиеся в церкви верующие ушли»⁴.

Старообрядчество, представленное в области разрозненными и почти автономными общинами, оккупанты сочли менее опасным для себя. Кроме того, конфессии, имевшие в своем составе максимальное количество «раскулаченных», оккупантами рассматривались в качестве возможных союзников в борьбе с советской властью и коммунистической идеологией.

¹ ГАОПИКО. Ф. П – 2. Оп.1. Д. 223. Л. 97; Кононов Н.Г. Курская деревня в годы великих испытаний. 1941-1945 гг. – Курск, 2015. – С. 159.

² См., например: Дандыкин Т.К. Страницы подвига. Военно-хозяйственная деятельность Коммунистической партии в партизанских краях и зонах России (1941-1943 гг.). – Тула, 1979. – С. 44.

³ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 50. Л. 28.

⁴ РГАСПИ. Ф. 625. Оп.1. Д.7. Л. 550; ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 128.

На первом этапе войны оккупационные власти не стали препятствовать староверам в возрождении их религиозной жизни на курской земле¹.

Воспользовавшись лояльностью оккупационных властей, представители «древлего православия» стали открывать свои молитвенные дома. Так, в феврале 1942 г. в селе Скородное Фатежского района была восстановлена ранее действовавшая церковь св. Козьмы и Дамиана. Во Льгове открылась старообрядческая церковь св. Дмитрия Солунского, куда вернулся постоянный священнослужитель. В селе Чаплыгино Курского района открылся молитвенный дом. В селе Боево Золотухинского района под старообрядческую церковь переоборудовали местный маслозавод². Местные жители, переживая трудности и лишения военного времени, занимались восстановлением храмов, украшая их уцелевшими в домах и пожертвованными иконами. Богослужения, как правило, совершались в переполненных молитвенных помещениях.

Но терпимость оккупантов была напрямую связана с их стремлением использовать религиозную пропаганду в идеологических целях. В распространяемых листовках оккупационная власть настойчиво «рекомендовала» священнослужителям и наставникам староверов во время проповедей и богослужений выражать верноподданнические чувства к Гитлеру и Третьему рейху, проводить специальные молебны за победу германской армии и «спасение родины» от большевиков.

Приведем текст молитвы, распространявшейся среди курских старообрядцев: «Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да придет Третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле... И с помощью помощников издавай мудрые приказы, которым мы смиренно будем подчиняться. А если понадобится, умрем во имя твое»³.

¹ Апанасенок А.В. Курские старообрядческие общины и оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны // Курский край. Научно-исторический журнал. – 2007. – № 4-5 (97-98). – С. 26.

² ГАКО. Ф. Р-5200. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-3.

³ Цит. по: Апанасенок А.В. Указ. соч. – С. 29.

Надежды немцев на верноподданнические чувства и помощь старообрядцев, однако, не оправдались. Еще в январе 1942 г. старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх в своем послании призвал старообрядцев оказывать всяческое противодействие врагу на оккупированной территории в рядах партизан и доблестно служить в Красной армии¹.

Курские староверы, в том числе и не находившиеся в канонической подчиненности упомянутого архиерея, следовали этому призыву. Об этом свидетельствует отчет председателя Совета по делам религиозных культов И.В. Полянского. В составленном после войны документе отмечалось: «Во время Отечественной войны старообрядцы... вели значительную патриотическую деятельность, отличаясь от православной церкви только более узкими масштабами этой деятельности»².

Многие старообрядческие священнослужители, первоначально поставленные оккупантами в привилегированное положение по отношению к рядовым верующим, не стремились проводить их политику. В этой связи характерен пример из жизни о. Моисея (М.Т. Семенихина). В 1941 году на территории его прихода в руки врага попали бывший председатель сельсовета, председатель колхоза и его помощник. Их должны были расстрелять, однако в этот процесс вмешался о. Моисей. Явившись в комендатуру, он поручился за ранее притеснявших его сограждан. Не желая портить отношений со старообрядческой общиной, оккупанты отдали их под надзор священника-старообрядца. Поэтому все остались в живых³.

Несмотря на стремление гитлеровского руководства созвать в Берлине Всемирный Собор, на котором предполагалось определить дальнейшее управление церковью, а всем остальным сектам, живой церкви

¹ Одинцов М.И. Указ. соч. – С. 529.

² Цит. по: Исторический архив. – 1995. - № 4. – С. 132.

³ Апанасенок А.В. Указ. соч. – С. 29.

(обновленцев), баптистам и другим, запретить действовать на оккупированных территориях¹, различные сектанты (особенно прокатолического толка – авт.) сильнее других стремились поддерживать действия оккупационного режима.

Как только немецко-фашистские войска оккупировали Курск, руководители местных сектантов И.Т. Есаулов (пресвитер Старогородского общества единых христиан-баптистов (ЕХБ) Дмитриевского района), С.И. Петрухин (пресвитер Курского общества ЕХБ), Н.А. Романченко, Н.Ф. Горлинский, С.Н. Москаленко связались с немецкой комендатурой и получили разрешение создать сектантскую общину в областном центре.

Курские сектанты заверили оккупантов в том, что «никакой борьбы против немецких властей члены общины проводить не будут»². Сектантские проповедники получали разрешения на поездки по селам области для организации новых общин.

Весной 1942 г. в Курске состоялся областной съезд евангельских христиан и баптистов. В его работе принимало участие до 50 человек. На этом форуме председательствовал Н.А. Романченко. Съезд избрал новый состав областного отдела общин ЕХБ под руководством Н.А. Романченко. Секретарем отдела был утвержден Н.Ф. Горлинский. В состав совета вошли С.Н. Москаленко, Рыков, С.И. Петрухин, И.Т. Есаулов и др.³

Выступления Н.А. Романченко, И.Т. Есаулова, Г.В. Булгакова, С.Н. Москаленко, прозвучавшие на съезде, носили явный антипатриотический характер. В них звучали призывы верующих не вступать в партизанские отряды, не бороться против оккупантов. Наоборот, восхваляя немецко-фашистскую армию, как освободительницу русского народа, курские сектанты призывали паству всячески

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 91.

² ГАОПИКО. Ф. П-4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 46.

³ Там же.

поддерживать власть немецких оккупантов. Многие представители областного сектантского актива оказывали посильную помощь оккупационным карательным органам, занимались доносами и открытым предательством соотечественников.

Позднее один из «благовестников» С.Н. Москаленко на следствии указал, что «Выезжая в населенные пункты Курской области, я на проводимых молитвенных собраниях, использовал религиозные предрассудки части населения, проповедовал идеи, что все люди братья, называя братьями и немецких фашистов. Доказывал, что земное счастье ничтожно, и что народу не следует вести борьбу за земное счастье. Необходимо только молиться для того, чтобы унаследовать вечный покой... Убеждал людей, чтобы они не искали для себя спасения путем применения силы, а надеялись бы только на Бога»¹.

В тяжелое время, когда Курская область была оккупирована немецкими захватчиками, паразитируя на страданиях народа, сектанты активизировали свою проповедническую деятельность. Обращаясь с «утешением» к пострадавшим людям, они часто среди них находили определенное понимание. За военные годы в Курской области число сектантов увеличилось на 412 чел. или более чем на 20%².

В начале 1943 г. оккупанты изменили свое отношение к Русской Православной церкви. От политики заигрывания они перешли к тактике ограбления и осквернения храмов. Так, 5 февраля 1943 г. в бюллетене полиции безопасности подчеркивалось, что «русские церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением...»³

При отступлении с территории Курской области гитлеровские оккупанты нанесли значительный ущерб более чем 40 православным храмам.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 47.

² Там же. Л. 45, 47.

³ Третий Рейх и Православная церковь // Наука и религия. – 1995. – № 5. – С. 25; Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. – М., 2004. – С. 473.

Например, перед уходом из Курска они зажгли здание собора Знаменского монастыря. В Свято-Троицкой церкви Суджи огнем уничтожили более 400 венгерских солдат. По свидетельствам очевидцев почти неделю горел старейший суджанский храм.

Следует согласиться с мнением западных исследователей В.И. Алексеева и Ф.Г. Ставру о том, что «германский фашизм был не менее враждебен христианству и особенно Русской Православной церкви, чем советский коммунизм»¹.

В период Великой Отечественной войны руководство РПЦ неоднократно осуждало тех служителей, которые встали на путь сотрудничества с оккупационной администрацией. Состоявшийся 14 сентября 1943 г. Русский Архиерейский Собор особо подчеркнул, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана...»²

В числе пресвитеров некоторых сектантских обществ оказались те, кто в период фашистской оккупации пособничал немецким властям³. Поэтому, несмотря на воззвание старшего пресвитера по Курской области Сорокина, были сняты с регистрации пресвитеры Курского религиозного общества ЕХБ С.И. Петрухин и Старогородского общества ЕХБ Дмитриевского района И.Т. Есаулов, как зарекомендовавшие себя пособники немецких властей⁴.

Подводя итог рассмотрению проблемы коллаборационизма священнослужителей различных религиозных общин на территории Курской области осенью 1941 – летом 1943 гг., необходимо отметить, что в период оккупации представители немецко-фашистской администрации относились к

¹ Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. – 1980. – № 11. – С. 94; Ковалев Б.Н. Указ. соч. – С. 474.

² Всероссийская Книга Памяти. 1941-1945 гг. Обзорный том. 2-е изд., доп. и испр. – М., 2005. – С. 328.

³ ГАОПИКО. Ф. П-4971. Оп. 1. Д. 56. Л. 45, 47.

⁴ Там же. Л. 48.

духовной жизни советских граждан весьма неоднозначно и непоследовательно.

Как отмечает Б.Н. Ковалев, «пренебрежительное отношение к христианству и к православию, в частности, скрывалось у нацистских идеологов за лозунгами об «освобождении русской церкви от ига большевизма»¹. Необходимо подчеркнуть, что факты сотрудничества православных священников с нацистами получили освещение в местных газетах, издаваемых оккупантами.

Гитлеровские идеологи пытались заигрывать с представителями различных церквей, использовать их в целях нацистской пропаганды. На оккупированных на территориях России с лета 1942 г. гитлеровцы стали привлекать русских священников даже к идеологическому воздействию на военнопленных. Последних призывали молиться за скорейшее окончание войны, за разгром большевизма и быстрее возвращение домой. Явка военнопленных на такие проповеди была обязательной, т.к. в них непременно участвовали представители лагерного начальства.

Осознавая большую роль православной религии в жизни русского народа, фашистское руководство пыталось использовать авторитет Церкви для влияния на умонастроения населения захваченных территорий. 9 июля 1942 г. Собором православных архиереев под руководством Украинского экзарха Митрополита Волынского и Житомирского Алексея в Курск епископом был назначен Панкратий (Гладков). В связи с тем, что весь экзархат состоял из коллаборационистов, молитвы и проповеди предписывалось вести во славу германской армии и фюрера. Местные власти способствовали открытию храмов. Церковные здания в большинстве населенных пунктов Курской области были восстановлены.

Анализируя причины сотрудничества священнослужителей с оккупантами, большинство исследователей (М.В. Шкаровский, Б.Н. Ковалев

¹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 529.

и др.) отмечают несколько факторов. Во-первых, это материальная заинтересованность священнослужителей в обеспечении финансами, землей, жилой площадью, гораздо лучше, чем при советской власти. Во-вторых, амбициозные устремления к привилегированному положению в обществе и чрезмерному почитанию со стороны паствы. В-третьих, распространение на них иммунитета германских властей (не привлечение к насильственному труду или направлению на каторжные работы в Германию) на родственников священников, сотрудничавших с оккупантами. В-четвертых, неприязненное отношение к советским властным структурам за ранее проводившуюся на территории региона репрессивную политику, жертвами которой стали священники, члены их семей и близкие родственники.

Советские граждане на оккупированных территориях не сразу преодолевали традиционное отношение к Русской Православной церкви. В первый период войны местные советские руководители и партизанские командиры воспринимали по инерции священников как возможных союзников врага. Потребовалось время, чтобы в дни вражеской оккупации партизаны, подпольщики и ряд православных священников осознали разницу между благородным пастырским служением и сотрудничеством с нацистами и встали на путь борьбы с врагами христианской веры (например, священник Введенской церкви г. Курска Павел Говоров, поддерживавший контакты с железнодорожным подпольем¹; священнослужители приходов в Дмитриевском, Хомутовском, Рыльском, Льговском районах, бывших зонами действия курских партизан).

Именно такие священнослужители открыто говорили на проповедях о победах русского оружия, служили молебны за здоровье односельчан, воевавших в рядах Красной Армии, поминали разных павших на поле брани. Некоторые из них из-за доносов, поступивших к оккупантам, подверглись репрессиям или были уничтожены физически (по неполным данным на

¹ Курская правда. – 1943. – 5, 6 марта; Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 124.

территории Курской области было расстреляно 5 патриотически настроенных священнослужителей).

Английский журналист Александр Верт, посетивший города Черноземья после их освобождения от немецко-фашистских захватчиков, указывал: «Церкви стали центрами «русизма» вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в очаги антисоветской пропаганды»¹.

Свидетельством поддержки патриотической линии Русской Православной церкви и единения с руководством советского государства стали отклики на прием И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. митрополитов Московского и Коломенского Сергия, Ленинградского и Новгородского Алексия, патриаршего экзарха Украины, митрополита Киевского и Галицкого Николая.

Так, в спецдонесении, направленном в Москву 8 сентября 1943 г., начальник Управления НКГБ по Курской области В.Т. Аленцев привел высказывания священника Троицкой церкви Курска Добродицкого, ктитора Успенской церкви Асеева, помощника ктитора Сергиево-Казанского собора Пузанова, выражавших мысли о сближении светской власти и церкви: «...В народе исчезнет сомнение в том, что власти нам не сочувствуют. Скоро может произойти так, что все с хоругвями пойдем на Красную площадь, и будем служить торжественный молебен о победе русского воинства...»²

3.3. Формирование коллаборационистских настроений и поведения в молодежной среде

Одной из наиболее уязвимых категорий населения СССР в годы немецко-фашистской оккупации оставались дети и подростки. Именно в таких возрастных группах фашистами выявлялось «сильное влияние

¹ Верт А. Россия в войне 1941-1945 гг. (пер. с англ.). – М., 1967. – С. 501.

² АУФСБ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 3-7; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 172.

большевиков», которые сознательно уделяли «много внимания молодежи, воспитывали и продвигали ее...»¹ Для усиления психологического воздействия на подрастающее поколение в оккупированных районах, с целью привлечения несовершеннолетних на свою сторону, прилагались серьезные усилия подразделений министерства пропаганды Германии и представителей различных разведывательных подразделений.

Одной из важных проблем, решением которой активно занимались коллаборационистская администрация и немецко-фашистское руководство, становилась «дебольшевизация населения и, в первую очередь, детей». Эту установку предполагалось осуществлять, прежде всего, с привлечением русских педагогов. Как подчеркивают российские историки Б.Н. Ковалев, О.Л. Сорокина, А.С. Амоскин, основными направлениями детской оккупационной политики являлись: организация школьного дела, работа с беспризорниками на местах, а также массовая вербовка подростков в немецкие разведывательные школы².

В числе первоочередных задач, решаемых представителями немецкого министерства пропаганды в школах (в их задачи также входил и контроль за деятельностью отделов просвещения городских управ – авт.), оккупанты определили следующие: 1. Составление новых учебных планов и программ для подготовки учащихся различных уровней; 2. Скорейшая замена советских учебников новыми, созданными под контролем оккупационных властей; 3. Подготовка школьных зданий к учебным занятиям; 4. Подбор кадров, регистрация русских педагогов, оставшихся в оккупации³.

¹ См.: Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 544.

² Ковалев Б.Н. Указ. соч. – С. 529; Сорокина О.Л. Школы Курской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области). – Курск, 1995. – С. 101-104; Амоскин А.С. Школьная политика оккупантов в Курской области (1941-1943гг.) // Курские учителя в военное лихолетье. (Сб. очерков, документов, воспоминаний и статей). – Курск, 2000. – С. 138-139.

³ См., например: Ковалев Б.Н. Указ. соч. – С. 544.

Поэтому отделы просвещения городских управ, были обязаны готовить справки о тех школах, которые функционировали на данной территории до начала войны (т.е. до июня 1941 года). Сразу же после оккупации Курска немецкие власти и сотрудники отдела просвещения городской Управы (начальник отдела – бывший директор школы № 9 А.Г. Морозов)¹, провели детальное обследование состояния всех школьных заданий и наличия сохранившегося учебного оборудования. Они выяснили, что большинство школьных зданий могут быть приспособлены для проведения занятий. К 14 ноября 1941 г. в сохранности оставались здания школ № 1, 10, 13, 14, 21, 22, 23 и 33, педучилища и пединститута (где помещение было приспособлено под общежитие немецких солдат – авт.). Определенную тревогу у членов комиссии вызвало состояние школьного оборудования. Так, 10 ноября 1941 г. в записке уполномоченного по обследованию здания школы № 1 указывалось: «Во дворе находится 147 парт, необходимо принять меры по их охране, ибо они стали использоваться для топлива воинскими частями, расквартированными в доме по ул. Московская, 55»².

В рамках воспитательного процесса в школах, находившихся под контролем оккупационных властей, преследовались такие цели: 1. Все преподавание должно быть проникнуто духом уважения к германской армии; 2. Содействие онемечиванию советских детей и превращение в один из каналов нацистской пропаганды; 3. Воспитание послушных учеников, готовых своим трудом отблагодарить фюрера за принесенное освобождение от большевиков; 4. Перевоспитание молодежи и народных масс, «испорченных» советской властью за четверть века³.

Для нацистов советская школа и ее работники должны были становиться той силой, которая позволяла контролировать русскую

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 43.

² ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

³ См.: Сорокина О.Л. Школы Курской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (По материалам Курской области). – Курск, 1995. – С. 105; Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941-1945гг. – М., 2002. – С.146.

молодежь и способствовала ослаблению антифашистского сопротивления. Именно на это обстоятельство обращалось внимание руководителей новой «русской администрации». Так, в «Наставлении бургомистрам» подчеркивалась необходимость устройства школ на открытом воздухе: «В населенных пунктах, в которых из-за размещения в них войсковых частей учебная работа невозможна, следует попытаться обеспечить школьную молодежь воспитанием и обучением путем учебной работы в школах на открытом воздухе. Такого рода школы можно соорудить в садах, парках, скверах под временно оборудованными для этой цели навесами... Прилагать все усилия к тому, чтобы школьная молодежь находилась бы под присмотром»¹. Этот документ, составленный на немецком языке с параллельным переводом на русский, широко распространялся в центральных и южных областях РСФСР, в том числе и на территории Курской области.

Организация учебного процесса в школах постоянно осложнялась отсутствием новых учебников. Было принято решение временно сохранять довоенные учебники, предварительно удалив из них все упоминания и высказывания руководителей партии и государства. Данную операцию ученики проделывали под жестким контролем своих учителей. Переживший оккупацию курянин А.И. Якшин вспоминал об этом так: «В сентябре нас, мальчишек, живших на Луговых улицах, отправили в школу. На первом же занятии немецкий офицер дал напутствие на достаточно чистом русском языке. Затем мы достали учебники и стали по команде учителя бумагой заклеивать фото партийных вождей и военачальников. Вскоре появился батюшка в рясе. И с того дня мы начали изучать закон Божий»².

Относясь с ненавистью к советскому строю, оккупанты стремились показывать видимость заботы о подрастающем поколении, «освобожденном

¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп.1. Д. 14. Л. 192.

² Детство, опаленное войной / под ред. проф. А.Ю. Друговской. Кн. 1. – Курск, 2005. – С. 306.

от советского рабства», ощутившем «светоч культуры» лишь с приходом немецких войск. На временно оккупированной территории комендантам было дано разрешение на открытие ограниченного числа школ, действительной целью которых было онемечение детей школьного возраста.

Истинная направленность такой «школьной политики» была исчерпывающе раскрыта в одном из имперских документов. В нем показывалось, что «для населения на Востоке не должно быть других школ кроме четырехклассных начальных, которые должны обучать только счету до 500 и умению расписаться, а также подчинению немцам как божьей заповеди»¹. Умение читать считалось не обязательным. Родителям, пожелавшим дать своим детям лучше образование, ставилось условие о согласии отправить детей в Германию на продолжительное время.

Открывая школы на оккупированной территории, нацистские власти быстро изъяли советскую учебную литературу, методические пособия и школьные программы. Особенно это коснулось учебников по истории и литературе, а также учебников на национальных языках народов СССР. Разрешая оставлять для школьников советские учебники, оккупанты оговаривали, что «вследствие отсутствия новых учебников придется пользоваться старыми, а в силу их засоренности материалами большевистского направления, изъять из каждого учебника все, что может мешать нашей программе»². Это приводило к тому, что иногда учебники представляли собой книгу всего в четыре страницы³.

Открытые в Курске школы посещали до 2 тысяч учащихся⁴. Курский краевед и педагог А.И. Наседкин в своих воспоминаниях указывал: «...В декабре 1941 г. в Курске были организованы частные школы с программой

¹ Некоторые соображения об обращении с лицами немецкой национальности на Востоке // СС в действии. Документы о преступлениях. / Пер. с немецкого А. Ларионова и Р. Рачинского. – М., 1969. – С. 504.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1732. Л. 317.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 124.

⁴ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. Сб. документов. Т. I. – Курск, 1960. – С. 179.

для первых четырех классов. В моем районе было две такие школы. Одна на ул. Даньшинской, 26, другая – на ул. Нижняя Луговая, 19. В ней вела занятия старейшая учительница Татьяна Матвеевна. Третья школа находилась на ул. Даньшинской, 8. Организатором этой школы был учитель и хозяин помещения Н.Н. Холодов. Во всех частных школах изучали три предмета: русский язык, математика и немецкий язык. В школе Татьяны Матвеевны учащиеся также изучали Закон Божий.

Позднее Управа открыла четырехклассные школы по всему городу. Они располагались в приспособленных зданиях. В школах не было тетрадей и учебников, ученики писали на старых газетах и журналах. Помещения школ плохо отапливались. Но следует отметить хорошую посещаемость занятий. Секрет был прост – все ученики после уроков шли в бесплатную столовую, организованную городской Управой. Здесь они получали сытный обед, состоявший из пшеничного кулеша с салом, а на второе – круто сваренную пшеничную кашу. Кроме обеда всем давали на дом еще и по булке...»¹

Городская Управа, чтобы организовать регулярное посещение учащимися открытых школ, установила штраф, доходивший до 500 рублей для тех родителей, чьи дети не учились или не работали. От штрафов освобождались многодетные семьи и работавшие подростки. И все-таки, большая часть детей не посещала школы из-за материальных трудностей. За обучение была установлена плата. В Курске она составляла 10 рублей, а в других районах Курской области достигала 50-60 рублей в месяц².

Для преподавания Закона Божьего привлекались не только священнослужители, но и пожилые местные жители, изучавшие богословие еще до Октябрьской революции. Оккупанты со свойственной им педантичностью издавали различные приказы и распоряжения,

¹ Наседкин А.И. Курск, Оккупация. 1941-1945гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2007. – № 1. – С. 36, 41.

² Курская область в период Великой Отечественной войны...Т. 1. – Курск, 1960. – С. 161.

регламентировавшие деятельность русских школ. Все дети должны были приходить в классы за 15 минут до звонка чистыми, в опрятной одежде. Во время перемены ученики не имели права толкаться или бегать по партам. За порчу школьного имущества нес ответственность испортивший его. Продолжительность урока составляла 45 минут. Работники школы и учителя являлись на работу за 20 минут до начала занятий¹.

Для молодых курян оккупационные власти предлагали ограниченный объем знаний. В народных начальных школах, в ущерб другим предметам, усиленно изучался немецкий язык². В расписании уроков чтение не значилось. Однако ученикам 3-4 классов школ Курска рекомендовалось читать газету «Курские известия», заполненную материалами фашистской пропаганды. Ведь такой газетный материал использовался для техники чтения, для развития устной речи и грамматических упражнений³.

В школах начало занятий часто переносилось на более позднее время (из-за необходимости участия в сельхозработах, отсутствия ремонта в школах). В Курске учеба детей должна была длиться с 15-20 октября до мая следующего календарного года. Но на практике учебный год в курских школах начинался разновременно в период с 18 сентября по 21 декабря⁴.

Например, учитель Гниловской начальной школы Тимского района в объяснительной отмечала: «Работать школа начала 27 сентября 1942 года, но в каких условиях: окна были забиты досками, в классе темно, когда дождь пройдет, в классе сквозняки и холод, дети замерзают, ветер сбрасывает со столов клочки бумаги, на которых писали, ибо тетрадей не было... Проведу два урока и отпускаю учащихся домой. ...24 декабря отпустила учащихся на

¹ Ковалев Б.Н. Указ. соч. – С. 547.

² ГАКО. Ф. Р-3489. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³ См.: Курские известия. – 1942. – 1 ноября; Амоскин А.С. Школьная политика оккупантов в Курской области (1941-1943гг.) // Курские учителя в военное лихолетье. – Курск, 2000. – С. 139.

⁴ Сорокина О.Л. Указ. соч. – С. 104.

зимние каникулы (до 13 января). После каникул в школе не оказалось топлива, и учение приостановили...»¹

Более трех тысяч курских учителей, оставшись на оккупированной территории области, вынуждены были работать в таких школах. К 12 января 1943 г. в штатном расписании начальных школ Курска значилось 100 учителей и 40 технических служащих². В Курском музыкальном училище работало 11 преподавателей³. В составе Курской учебной базы было 8 человек, среди них, заведующий, специалисты по приборам, пособиям и библиотекам⁴. В штатах 12 детских садов Курска было 116, а шести детских приютов – 103 должностные единицы, занятые учителями⁵.

Большинство учителей нельзя было винить в том, что они остались на оккупированной территории. Так, заведующая Кореневским районо Дронова, выступая на II Курском областном совещании по народному образованию (август 1943 г.), отмечала: «Наши учителя в период немецкой оккупации чувствовали себя мертвецами... Нас не считали за людей, били прикладами, арестовывали, издевались над нами, но мы были бессильны что либо сделать, отстаивать свое право»⁶.

Как подчеркивал историк народного образования, доцент А.С. Амоскин, во время оккупации большинство учителей фашисты насильно заставляли работать. Об этом свидетельствуют многочисленные объяснительные записки курских педагогов, написанные после освобождения области. Так, учитель М.И. Москалькова отмечала: «Я была вынуждена пойти на работу при немецкой власти, чтобы спасти себя и свою

¹ Амоскин А.С. Школьная политика оккупантов в Курской области (1941-1943гг.) // Курские учителя в военное лихолетье (Сборник очерков, документов, воспоминаний и статей). – Курск, 2000. – С. 141.

² ГАКО. Ф. Р-3489. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3489. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 3. Л. 105.

семью, но не с той целью, чтобы помогать фашистам»¹. Учитель М.В. Шашкова одновременно работала во втором и четвертом классах Успенской школы Тимского района. Она писала: «Воспитывать в духе коммунизма нельзя было, а другого воспитания детям я давать не хотела... У меня ежедневно было три урока: чтение, письмо и счет. Ни одного слова о немецкой власти, ни одного слова о Гитлере, а только грамота»².

А.М. Белогурова из Карандаковской школы Тимского района, привлеченная захватчиками к работе, так писала: «Преподавала я так, как позволяла совесть, по советским книгам, без всяких искажений и выбрасываний статей или задач. Иначе я учить не могла, хотя знала, что за это могла последовать страшная кара»³.

Но многие архивные документы подтверждают далеко не единичные факты, когда курские учителя поддерживали политику оккупантов. Так, один из отделов городской управы Фатежа возглавил завуч местной школы Пономарчук. Начальником полиции города служил учитель музыки средней школы №1 Амелин⁴. Начальником Обоянского районного управления работал Бреславский – до Великой Отечественной войны учитель физики и математики городской школы № 1⁵.

Бывшего директора Щигровской железнодорожной школы № 44 Алябьева оккупационные власти назначили бургомистра города⁶. В газете «Рыльский новый путь», которая выходила в период оккупации, он писал: «С приходом немцев народ русский вздохнул полной грудью»⁷. В Коньшевской районной управе услужливым инспектором по школам стал Троицкий⁸. В

¹ ГАКО. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 15. Л. 35-об.

² ГАКО. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 15. Л. 43-44.

³ ГАКО. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 15. Л. 55.

⁴ АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 47.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 46; ГАКО. Ф. Р-3580. Оп.1. Д. 47. Л. 151; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Ч. II. Сб. документов. – Курск, 2010. – С. 244-245.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 50. Л. 28.

⁷ ГАКО. Ф. Р-4006. Оп. 2. Д. 3. Л. 34-об.

⁸ Там же. Л. 33-об.

Мальцевском районном отделе образования заведующим работал Заварзин. 6 декабря 1942 г. в его распоряжении отмечались случаи самовольного ухода учителей с уроков. Он потребовал суровых наказаний для тех, кто уходил с уроков без ведома заведующего школой¹.

Отдел школ, входивший в структуру отдела просвещения (им руководил А.Г. Морозов – авт.) Курской городской Управы, возглавил преподаватель физики Курского областного учительского института И.Ф. Матушкин².

Курский краевед А.И. Наседкин в своих воспоминаниях попытался несколько сгладить впечатления о деятельности курских учителей периода оккупации. Он отмечал, что «занятия в школах вели знающие дело учителя. Хочу особо отметить двоих, у которых я учился. Это Анна Ивановна (фамилию не помню) и Августа Васильевна (по мужу Матушкина)³. Не только учителя добросовестно вели занятия, но и мы, ученики учились на совесть. Впрочем, не обходилось без курьезов. В учебном плане стояли уроки немецкого языка. На всех уроках по этому предмету учительница давала нам неизменное задание – «пишите слово Genosse». Нам не удалось пойти дальше слова «Genosse» в ходе изучения немецкого языка...»⁴

Во время оккупации пос. Первоавгустовский (Дерюгино) Дмитриевского района П.И. Проскурякова работала в школе, обучая советских детей немецким порядкам и восхваляя Гитлера. В свободное время у себя на квартире она принимала немецких офицеров, устраивала попойки и разъезжала с ними по поселку на автомобилях⁵.

Образ молодой учительницы, допустившей такую степень морального падения, вызывал у многих жителей поселка Первоавгустовский отвращение. И, прежде всего, у её учеников. После освобождения Дмитриевского района

¹ ГАКО. Ф. Р-3489. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 139. Л. 1-2.

³ Это близкая родственница И.Ф. Матушкина.

⁴ Наседкин А.И. Курск. Оккупация. 1941-1943гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2007. – № 1. – С. 41.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1369. Л. 73.

от немецких оккупантов П. Проскурякова вошла в доверие к руководству Дерюгинского сахарного завода и смогла устроиться на весьма престижную должность – инженера завода лимонной кислоты¹.

В школе с. Дерюгино в 1942-1943 гг. система преподавания была направлена на идеологизацию учащейся молодежи. Но учащиеся Н. Азарова, О. Доброславский и другие сорвали занятия в школе. Когда же учащихся собрали для выяснения причин непосещаемости, директор школы был встречен пением советской песни. Немцам пришлось распустить школу как неблагонадежную².

В своем дневнике секретарь Дмитриевского подпольного окружка ВКП(б) П.А. Сентюрев записал об этом случае: «Пришел Костин (В.Ф. Костин – секретарь Дмитриевского подпольного окружка комсомола – авт.) и рассказал такой эпизод: «В Дерюгино, в заводской школе ученики забастовали, отказались учить уроки и посещать школу. Учитель Сальков собрал учеников и стал им читать мораль, упрекая в том, что комсомольским душком от вас пахнет. Ученица Ася ответила ему: «Вы же сами нас в 1940 г. учили, что такое комсомол, а сейчас что говорите?» И в знак протеста учащиеся запели "Москву майскую"»³.

Агентурой, связанной с 4-м отделом УНКВД по Курской области, были выявлены в Курске и Фатеже школы юных разведчиц. Они функционировали под видом школ иностранных языков. Наряду с изучением английского и немецкого языков в них активно велось обучение методам ведения разведки объектов советского тыла. Курс подготовки был рассчитан на 7 месяцев. Курские чекисты смогли установить фамилии 15 учащихся этой школы. Среди них А.И. Каратаева (кассир спиртового завода), А.Е. Костикова (жена

¹ Там же.

² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 206. Л. 190-191; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. Сб. документов Т. 1. – Курск, 1960. – С. 363.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 79. 1. 20; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. Сб. документов. Т. 1. –Курск, 1960. – С. 344.

лейтенанта Красной Армии), Е.А. Бородина и Н.Ф. Бондарева (учителя) и другие девушки в возрасте от 16 до 18 лет¹.

Городские управы и оккупационные власти проводили определенную работу по надзору за беспризорными детьми. В своих послевоенных записках бывший заместитель бургомистра Курска А.Г. Кепов указывал, что «Городской управе удалось организовать два детских приюта (на 200 детей каждый). Здесь были собраны дети с улицы или очутившиеся в безвыходном положении. Кормили детей за счет кухонь воинских частей, расположенных поблизости от приютов... Остатки пищи забирались нами для детей...»²

Подкармливая таких голодных беспризорников, местные оккупационные власти и представители фашистских разведывательных органов (СД и СС, ГФП, Абвера) имели серьезные намерения использовать их в своих целях.

С первых недель начавшейся войны органы госбезопасности (военная контрразведка, территориальные органы НКВД-НКГБ – авт.) стали обнаруживать детей и подростков, тесно связанных с немецкими спецслужбами. Так, в специальном сообщении УНКВД по Смоленской области, направленном особому отделу Западного фронта, содержалась информация об использовании детей и подростков в качестве шпионов немецкой разведки³.

20 февраля 1942 г. вышло указание НКВД СССР «Об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведывательных органов воюющих с СССР стран»⁴. В нем отмечалось, что за последнее время германская разведка в прифронтовой полосе «организовала сеть разведывательных школ. В них набирались дети и подростки в возрасте от 8

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 61-об.

² Кепов А.Г. Курск в период оккупации (1941-1943 гг.) // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2002. – № 2. – С. 35.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2: Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М., 2000. – С. 18.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2003. – С. 141.

до 14 лет, главным образом из семей репрессированных Советской властью родителей, из уголовно- хулиганского элемента и беспризорных. Такие школы выявлены в городах Мценск, Белгород, Славянск...»¹

В течение семи – пятнадцати дней в этих школах подростки обучались тактике незаметного проникновения в расположение частей Красной Армии. Они были обязаны уточнять сведения о количестве войск, названия и нумерацию частей, фамилии командиров, расположение артиллерии, танков, складов с боеприпасами и горючим².

Зимой 1942 г. курские чекисты вплотную столкнулись с фактами использования немецким командованием детей и подростков, проживавших на временно оккупированной территории нашего региона с целью сбора разведывательной информации и подготовки диверсионных актов в тылу Красной Армии.

Так, в сообщении начальника областного Управления НКВД, майора госбезопасности П.М. Аксенова, направленной заместителю Наркома внутренних дел В.Н. Меркулову, а также в штабы Брянского и Юго-Западного фронтов, содержалась информация о том, что в Корчанском районе Курской области 25 февраля 1942 г. местными чекистами был арестован агент немецкой разведки А.И. Козьменко, 1929 года рождения³. В ходе проведенного в пос. Олым Касторенского района расследования, чекистам удалось установить, что до оккупации Курска А. Козьменко проживал с матерью на улице Ленина, 7 и учился в школе № 10. Его отец – бывший начальник Тимского почтового отделения, был осужден за растрату государственных средств в 1939 году.

Во время допроса, проведенного 13 марта 1942 г., начальником контрразведывательного отдела (КРО) УНКВД по Курской области, ст.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2003. – С. 142.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2003. – С. 143.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 16-17.

лейтенантом госбезопасности Д.М. Михайловым, было установлено, что отец второго малолетнего разведчика Н. Маринцева работал телеграфистом и был осужден вместе с отцом А. Козьменко. Отец третьего подростка А. Базилева, работал на почте, в 1935 г. был арестован и впоследствии осужден¹.

В ноябре 1941 г. при артобстреле города был разрушен дом, в котором проживала семья Козьменко, и погибла мать мальчика. Когда фашисты заняли Курск, офицер, хорошо говоривший по-русски, пригласил А. Козьменко и его трех одноклассников в штаб, размещавшийся в здании ремесленного училища (на углу улиц Дзержинского и Луговой – авт.). Всех подростков накормили, дали возможность хорошо отдохнуть. Но затем предложили пойти с разведывательным заданием в советский тыл. Друзья быстро дали согласие на такое предложение. Офицер, называвший себя Балашовым, учил их основам разведывательной работы.

По сведениям, сообщенным А. Козьменко, в разведшколе Курска обучалось около пятидесяти подростков в возрасте от 12 до 14 лет. Детей хорошо кормили: каждый день давали горячий суп, макароны с мясом, колбасу, сладкий чай, белый хлеб, а иногда и шоколадные конфеты. Будущие разведчики жили по 4-6 человек в комнате, но практически не общались друг с другом.

Как поведал на допросе А. Козьменко, во дворе школы немцы расстреляли подростка только за то, что побывав за линией фронта, он рассказал красноармейцам о полученном им задании. Юный разведчик вернулся к Балашову, который добился от подопечного правдивых показаний об обстоятельствах ареста. Эта казнь была призвана укрепить дисциплину среди членов разведшколы и готовность выполнять беспрекословно все указания их наставников².

Анатолий Козьменко с другими разведчиками 6 ноября 1941 г. был доставлен на мотоцикле к линии фронта в Мантуровском районе. Первое

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 17-18.

² АУФСБ РФ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 14-16.

разведздание довелось ему выполнять в течение двух недель на территории Скороднянского района. В следующую разведку, 2 декабря 1941 г., подросток был направлен в Прохоровский район.

За успешное выполнение заданий курсанты получили деньги, на которые в штабном магазине купили вино, колбасу и белый хлеб.

21 января 1942 г. А. Козьменко, получив новое задание, направился в Корочанский район, где и был задержан часовым у красноармейской кухни. В день его ареста три курсанта Курской разведшколы – 12-летний Николай Маринцев, 13-летний Василий Леонов, 14-летний Алексей Базилев все же перешли линию фронта и вернулись в расположение разведшколы¹.

По разведанным, собранным сотрудниками областного управления НКВД, немцы привезли в село Логовое Шебекинского района 6 подростков в возрасте 15-16 лет. Их пытались привлечь для разведки переднего края советской обороны. Все подростки носили ветхую одежду, а на голове – старые немецкие пилотки².

Учитывая эти обстоятельства, для проверки подростков, прибывающих в тыл с оккупированной территории Курской области, в марте 1942 г. в Старооскольском детском интернате была организована резидентура (из 3 чел.). Ее возглавил бывший агент разведштаба «1-Ц Антон», завербованный органами НКВД³.

3 мая 1943 г. курские чекисты на территории Тимского района задержали четырех подростков 12-15 лет. Виктор и Геннадий Каверины на допросе сообщили, что зимой 1943 г. из числа учащихся Михайловской школы Черемисиновского района немецкий офицер отобрал до двадцати человек, пригодных для разведки. «Вместе с учительницей Лидией

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 14. См. также: Карнаевич В.Г. Государственные преступники или жертвы войны? // Детство, опаленное войной. Кн. 1. – Курск, 2005. – С. 293-300.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 141. Л. 61; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 60.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 50-об.

Николаевной (фамилия в документе не приводится – авт.), он обучал их, как распознавать советские орудия и автомашины»¹.

После обучения и тренировок подростков на машине доставили в Щигры, где познакомили с «дядей Ваней». Будущие разведчики получили от него задание идти под видом нищенствующих по селам Щигровского и Черемисиновского районов, собирать данные о передвижении красноармейских частей. Успешное выполнение задания немецким офицером оценивалось в 200 рублей каждому. До отступления немецких войск контингент юных разведчиков состоял на котловом довольствии у фашистов. При повторном рейде в советский тыл, весной 1943 г., малолетние разведчики были задержаны представителями советской военной контрразведки.

К весне 1943 г. военное и политическое руководство гитлеровской Германии убедилось в том, что ее диверсионные подразделения не всегда действовали эффективно. В частности, они не могли вывести из строя большинство прифронтовых железнодорожных коммуникаций советского тыла, т.е. самых важных стратегических объектов. Им чаще всего не удавалось преодолеть барьеры военной контрразведки «Смерш». Диверсанты, завербованные в лагерях советских военнопленных, или часто проваливались, или отказывались выполнять задания и приходили с повинной в органы НКГБ.

Для осуществления новых диверсий предполагалось использовать детей и подростков. Во-первых, как думали оккупанты, их много бродило по дорогам войны, осиротевших и неприкаянных. Во-вторых, психология подростков была такова, что, используя активность детей, их можно было толкнуть на любые авантюрные действия, лишь бы их удалось заинтересовать и увлечь. Гитлеровцы рассчитывали, что подростки-диверсанты не будут привлекать внимания советской контрразведки. А

¹ АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 2.Л. 19-19-об.; Суровая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Сб. документов. – Курск, 2007. – С. 243.

военнослужащие Красной Армии и население прифронтовой полосы к ним отнесутся снисходительно¹.

В качестве диверсантов нацисты стали использовать даже малолетних детей. Под видом нищих они были должны побираться около железнодорожных станций, где при первой возможности подбрасывать в угольные кучи тол, замаскированный под уголь. Безусловно, большинство малышей не могли выполнить заданий немецких спецслужб. Но нацистов это обстоятельство несколько не смущало: рабочий материал для них был слишком дешев.

Поэтому 20 июня 1943 г. начальник Абвергруппы-209 («Буссард») капитан Ф. Больц подал рапорт, в котором отмечалось, что забрасываемая агентура нередко задерживается по причине слабой маскировки агентов и низкого качества их документов прикрытия. Для усиления подрывной деятельности предлагалось усовершенствовать средства и тактику совершения диверсий, а также скрытность маскировки самих исполнителей.

Гарантии успеха, по мнению автора рапорта, могли обеспечиваться следующими условиями: во-первых, маскировкой заряда под естественные куски каменного угля, которые легко подбросить в тендеры паровозов или в неохраемые склады угля на железнодорожных станциях. Во-вторых, для исполнения диверсионных актов следовало задействовать не взрослых агентов, а подростков 10-16 лет. На их подготовку потребуется минимум средств и времени. Ими заполнены прифронтовые станции, военные к ним относятся снисходительно, появление их у объектов диверсий не вызовет подозрений².

Учитывая психологические особенности большинства подростков, их повышенную энергию и стремление подражать взрослым, самоутвердиться, капитаном Больцем предлагалось под видом воспитанников службы в РОА мобилизовать физически здоровых подростков и сформировать команду из 30-40 человек. Воспитание и обучение подрывному делу в течение месяца

¹ См.: Губернаторов Н.В. «Смерш» против «Буссарда». – М., 2005. – С. 6-7.

² Там же. – С. 98-99.

организовать на территории Германии. Из числа штатного состава «Буссарда» создать рабочую группу во главе с обер-лейтенантом Ю.В. Ростовым-Беломориным¹ для руководства «Особой командой Гемфурт», воспитания и обучения подростков².

Основная идеологическая обработка и профессиональная подготовка подростков были запланированы под городом Касселем в Германии, в шпионской школе Вальдек. Сюда из Смоленска насильно была вывезена команда из тридцати человек. В процессе изучения подрывного дела подростки посвящались в истинные планы их использования – совершать диверсии на прифронтовых железнодорожных коммуникациях³. Прошедших курс обучения подростков планировалось забрасывать для выполнения заданий германского военного командования в советский тыл.

Узнав о таких планах противника, органы государственной безопасности СССР подошли к противодействию им с полной долей ответственности. О деятельности разведшколы в Касселе было доложено лично И.В. Сталину следующим сообщением: «1 сентября 1943 г. в Управление контрразведки «Смерш» Брянского фронта (г. Плавск Тульской области) явились два подростка. Оба они заявили, что 1 сентября с Оршанского аэродрома на самолете были заброшены на парашютах с заданием немецкой разведки проникнуть на любую ж.д. станцию и подбросить незаметно в штабель угля, из которого паровозы заправляются топливом, взрывчатку, закамуфлированную под каменный уголь. После чего перейти линию фронта и доложить о выполнении задания...»⁴

12 сентября 1943 г. Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР в докладной записке, направленной в адрес ГКО, сообщало: «...В первой декаде сентября органами «Смерш», НКГБ и НКВД было арестовано

¹ Как позднее было установлено, Ю.В. Ростов-Беломоров с весны 1943 г. осуществлял тесное сотрудничество с советской контрразведкой (см.: <http://www.chekist.ru/article/891>).

² См.: Губернаторов Н.В. «Смерш» против «Буссарда». – М., 2005. – С. 98-99.

³ Все детали процесса обучения будущих диверсантов изложены в исследовании Н.В. Губернаторова. – С. 97-99.

⁴ См.: Губернаторов Н.В. «Смерш» против «Буссарда». – М., 2005. – С. 15.

27 агентов-диверсантов германской разведки в возрасте 14-16 лет, переброшенных в сторону частей Красной Армии на самолетах. Из числа арестованных 15 явились добровольно, остальные 12 были задержаны в ходе организованных поисков. Как показали арестованные, они имели задание германской разведки совершать диверсионные акты на линиях железных дорог, подходящих к фронту»¹.

Все они направлялись в разные районы железнодорожных станций Московской, Тульской, Смоленской, Калининской, Курской и Воронежской областей. Их действия могли серьезно нарушить снабжение наступающих войск Западного, Калининского, Брянского и Центрального фронтов.

Воспитанники немецкой спецшколы в Касселе оставили определенный след на курской земле. Как следует из архивных документов НКГБ СССР, в ночь с 31 августа на 1 сентября 1943 г. сотрудники УНКГБ по Курской области на территории Карандаковского сельсовета Тимского района задержали парашютиста-диверсанта². Им оказался Владимир Пучков, 1928 года рождения – сын репрессированного в 1938 г. инженера-машиностроителя³. Воспитанник Духовщинского детского дома в Смоленской области, в июле 1943 г. Пучков был вывезен в Германию для подготовки в спецшколе диверсантов.

Через линию фронта вместе с Пучковым было направлено еще 10 подростков, снабженных взрывчаткой, замаскированной под куски угля, с целью совершения диверсионных актов на объектах железнодорожного транспорта. Молодые диверсанты после выполнения задания на территории Курской области должны были возвратиться в распоряжение немецких

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2: Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. – М., 2008. – С. 351.

² АУФСБ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 14-14-об.

³ В документе УНКВД названа фамилия задержанного – Пучнин, так он назвал себя, отвечая на вопросы курских чекистов.

войск, где в штабе любой войсковой части предъявить пароль – зернышко, завернутое в клеенку и вложенное в спичечную коробку¹.

В. Пучков не стал выполнять заданий противника. Чекистам он сдал парашют, 3 куска замаскированной взрывчатки и 467 советских рублей. Через сутки после десантирования в территориальные органы госбезопасности Тимского и Обоянского районов явились Петр Фролов, 1928 года рождения и Дмитрий Репухов, 1929 года рождения, которые передали их сотрудникам взрывчатку и советские деньги, полученные в немецкой разведшколе. Подростки были одеты в поношенные красноармейские гимнастерки и гражданские брюки, придававшие им вид беспризорников².

В ходе встреч и бесед с курскими чекистами В. Пучков и П. Фролов детально описали процесс обучения диверсантов разведшколы в Касселе, тем самым подтвердив информацию, имевшуюся у руководства органов государственной безопасности Советского Союза и военной контрразведки «Смерш». Опросом В. Пучкова удалось уточнить фамилии сотрудников школы в Касселе, приметы и ориентировочные данные о забрасываемых подростках-диверсантах³.

Перед малолетними разведчиками нацисты ставили задачи по описанию месторасположений частей Красной Армии и аэродромов. Для выполнения подобных заданий вербовкой подростков наряду с кадровыми разведчиками занимались и представители местной коллаборационистской администрации. Старосты предлагали детям выполнить поручения нацистов. Из приведенных фактов усматривается то обстоятельство, что немецкая

¹ АУФСБ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 14-об.; Карнаевич В.Г. Антигерои или жертвы войны? // Курский край. Научно-исторический журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 54.

² Аленцев В.Т. Курская земля в огне // Фронт без линии фронта. – М., 1970. – С. 147; Суrowая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. III. – Курск, 2007. – С. 267.

³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 169-170. Историк органов госбезопасности В.В. Прусаков позднее установил послевоенную судьбу В.Н. Пучкова, П.Я. Фролова и Д.С. Репухова. Все они нашли достойное место в жизни и стали уважаемыми людьми. Так, в 1960-е годы строитель П.Я. Фролов был удостоен звания ударника коммунистического труда (Прусаков В.В. Неподкупные сердца. – Воронеж, 1965. – С. 82-85).

разведка путем подкупа, развращения и принуждения в борьбе с Красной Армией широко использовала даже малолетних детей и подростков. Управлениями НКВД-НКГБ принимались меры к задержанию и тщательной проверке всех проходящих детей и подростков во фронтовых районах.

В условиях перелома в войне гитлеровцы и их пособники готовы были призвать в ряды Вооруженных сил несовершеннолетних. «Воспитанники» и «сыновья полков» появились и в частях РОА. Они выполняли разнообразные вспомогательные функции: служили адъютантами у командиров, переводчиками и даже пропагандистами.

Война не делала скидок на возраст. Если говорить о детях, оказавшихся в экстремальных условиях оккупации, то они, как и взрослые, вынуждены были переносить все тяготы и лишения. Завершая обсуждение темы коллаборационизма детей и подростков, вспомним о том, что в 2006 г. в российском прокате появился художественный фильм «Сволочи». Он вызвал весьма неоднозначные оценки зрителей, и особенно, ветеранов войны и специалистов разведки. В картине рассказывалось о действовавшей в годы Великой Отечественной войны в горах Алатау (под Алма-Атой) спецшколе НКВД по подготовке диверсантов-смертников, набираемых из малолетних сирот-преступников.

Сразу после показа фильма ФСБ России официально опровергла наличие исторической основы фильма «Сволочи». Как отмечалось в сообщении Центра общественных связей ФСБ РФ, последовавшем после выхода фильма, в ЦОС ФСБ поступили многочисленные обращения от СМИ и ветеранской общественности о соответствии сюжета фильма исторической правде.

ЦОС ФСБ заявил, что «в архивах ФСБ и Комитета национальной безопасности Республики Казахстан материалов, подтверждавших существование в системе органов НКВД «детских диверсионных школ», аналогичных описанной в фильме, не имеется. Также нет документов об операциях по переброске диверсионных групп из числа подростков

советскими органами госбезопасности в тыл противника в годы Великой Отечественной войны...»¹

В статье 44 Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» указывается: «Воюющему воспрещается принуждать население занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны». В развитие указанной нормы, статья 45 этого важного международного акта содержит следующее положение: «Воспрещается принуждать население занятой области к присяге на верность неприятельской державе».

Насколько же аморальными, не говоря уже о противоправном характере с позиций международных отношений, являлись действия немецких спецслужб и оккупационных властей, которые для достижения своих преступных целей, толкали на путь предательства Родины морально не окрепших, испытывавших тяжелейшие материально-бытовые проблемы и психологические потрясения советских детей и подростков.

3.4. Проявление бытового коллаборационизма в повседневной жизни курян

Российские историки М.И. Семиряга и Б.Н. Ковалёв в своих исследованиях особо подчеркивают, что никакая армия «действовавшая как оккупационная, не могла обойтись без широкого сотрудничества с властями и населением оккупированных территорий»².

Детальное исследование архивных документов военных лет, в том числе УФСБ РФ по Курской области, дает возможность изучить историко-психологические особенности поведения основной категории населения

¹ <http://www.newsru.com/cinema/01feb2006/svolochi.html>

² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. – М., 2000. – С. 5; Ковалёв Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. – М., 2004. – С. 10; Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 7.

оккупированных территорий – советских женщин: от их активного участия в сопротивлении захватчикам (партизанское движение и подпольная деятельность) до сотрудничества с противником.

Прежде всего, следует отметить, что жестокость установленного режима, отсутствие продовольствия и материальных средств, страх за собственную жизнь, судьбы детей и близких, как правило, вынуждали женщин терпимо относиться к оккупантам и оказывать им содействие в решении бытовых проблем. Это особенно заметно при рассмотрении повседневных отношений курянок с немецко-фашистскими солдатами и офицерами. Так, по данным, собранным в феврале 1942 г. фронтовыми разведчиками для 4-го отделения политотдела 21-й армии Юго-Западного фронта, немецкие солдаты и офицеры в Белгороде часто передавали белье в стирку русским женщинам. В качестве уборщиц к немецким офицерам в Обояни направлялись красивые девушки 17-18 лет¹.

Ради исторической справедливости подчеркнем, что в большинстве своем, оккупанты не отличались вежливостью и «признательностью» за подобные услуги. Разведчики 21-й армии указывали, что для стирки белья немцы мыла не давали, а женщин, плохо стиравших белье, «обвиняли в пособничестве партизанам, грозили им расстрелом или повешением». На хуторе Староживье Прохоровского района немецкие офицеры, пригласившие молодых женщин в качестве «уборщиц», издеваясь над ними, заставляли ползать по снегу на четвереньках².

С особой ненавистью фашистские оккупанты относились к тем женщинам, которые не желали оказываться на положении рабыни. Так, на станции Прохоровка Южной железной дороги фашисты расстреляли гражданку Лозовскую, только за то, что она посмела жаловаться коменданту на немецких солдат, забравших у нее продукты питания³.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 46.

² ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 46.

³ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 47.

На допросе один из солдат 23-го полка 2-й венгерской армии поведал, как «22 ноября мы прибыли в Белгород. Офицер Дазк вместе со мной пошел выбирать квартиру. Нас встретила красивая женщина, звали ее Анна Николаевна. Дазк приказал мне передать женщине, что мы освободили ее семью от коммунистов. Но женщина ответила: «Вы нас освободили и от хлеба, масла, молока». Взбешенный ответом, венгерский офицер в упор застрелил женщину и ее четырехлетнего мальчугана...»¹

Сегодня историко-психологического осмысления требуют причины, которые побуждали русских женщин сожительствовать с оккупантами. Несомненно, большинство из них стали на этот путь из-за угроз физической расправы или голодной смерти. Так, начальник 4-го отделения политотдела 21-й армии, батальонный комиссар В.А. Чаплыгин докладывал о том, что женщины в Белгороде «из-за куска хлеба сожительствуют с немцами»². Путем репрессий немцы побуждали их к сожительству, а в случае отказа обвиняли в содействии партизанам³. Необузданные сексуальные страсти и насилие со стороны многих оккупантов позволили некоторым женщинам изменить нравственным принципам⁴.

Профессор Б.Н. Ковалёв так объясняет это явление: «Безусловно, что часто немецкие солдаты действовали с позиции силы. Совершенно необязательно, что это было изнасилование. Просто оккупанты путем угроз, запугивания и шантажа могли получать желаемый результат. Немалую роль играло и материальное благополучие. В условиях постоянной угрозы

¹ Там же.

² ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 67, 75, 78. В докладной В.А. Чаплыгина приводится цифра: около 80-90% женщин Белгорода сожительствуют с немцами. (Л. 75) Конечно, эта цифра требует критического осмысления и дальнейшего изучения по различным сравнительным источникам.

³ Коровин В.В., Манжосов А.Н., Пожидаева Н.Н. Немецко-фашистская оккупация и судьбы женщин: историко-психологическое осмысление // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: Матер. XX междунар. научн. конф. Ч. 2. – СПб., 2006. – С. 85-86.

⁴ Коровин В.В. Социально-экономические аспекты и последствия оккупационного режима на территории Курской области // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия. Сб. материалов международной научной конф. – Орел, 2010. – С. 118.

голодной смерти женщины за продукты соглашались сожительствовать с немцами. Еда была необходима их детям и престарелым родственникам. Кто-то же видел в немецком любовнике защиту от приставаний других солдат или русских полицаев»¹.

Сексуальные отношения русских женщин, немецких солдат и офицеров чаще проявлялись в городах, чем в сельских поселениях. Так, аналитики 3-го Управления полиции безопасности и СД в записке, направленной 17 августа 1942 г. своему руководству о состоянии восточного населения, прибывшего в Германию, подчеркивали что «...Русская женщина в сексуальном отношении совсем не соответствует представлениям германской пропаганды. Половое распутство совсем ей неизвестно... Население рассказывает, что при проведении общего медицинского осмотра восточных работниц у всех девушек была установлена еще сохранившаяся девственность». В докладе из Бреслау сообщалось, что «90% восточных работниц в возрасте 17-29 лет оставались целомудренными»².

Результатом таких сексуальных отношений стала проблема искалеченных судеб детей военного времени. Она была связана с фактами рождения детей, чьими отцами были военнослужащие оккупационных войск. Причем, если в странах Европы командование Вермахта на такое поведение военнослужащих смотрело либерально, то на территории СССР с них за это строго взыскивалось. Причина избирательного отношения к неофициальному отцовству крылась не в соблюдении моральных устоев, а в расовых соображениях³.

С июля 1936 г. в Советском Союзе были запрещены аборты. Женщинам, сделавшим аборт по не медицинским показаниям, грозило

¹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 585.

² Цит. по: Источник. – 1995. – № 3. – С. 87-96; Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой 1941-1945. – М., 2004. – С. 25-26.

³ Петрова Н.К. Детям Советского Союза, страны победившей фашизм, посвящается // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография. Сб. научных статей. – Курск, 2015. – С. 24.

лишение свободы на срок до двух лет. На оккупированной нацистами территории абортс выполняться тоже не разрешалось. Военные коменданты издавали приказы, согласно которым наказанию подлежали лица, делающие абортс и занимающиеся их проведением. Им грозило помещение в лагерь для принудительных работ сроком на шесть недель и штраф в двойном размере от полученной суммы. Абортс разрешалось делать только врачам в особых случаях, после получения разрешения коменданта¹.

О трудностях, связанных с проведением подобных операций русским женщинам, свидетельствуют факты. Так, после занятия Рыльского немецкими войсками возросло число половых контактов военнослужащих с местными жительницами. Через некоторое время комендант города Освальд издал приказ о явке беременных женщин для регистрации и постановки на очередь для выполнения абортс. После регистрации беременным было заявлено, что в случае умерщвления ребенка немецкого солдата, они будут расстреляны².

При анализе различных инструкций коллаборационистской администрации, касающихся вопросов брака и семьи на оккупированной территории России, отчетливо видно, что все они похожи друг на друга. Следовательно, данные документы исходили из одного центра – Берлина. Рассматривая основные черты брачно-семейного права на оккупированной территории, можно отметить, что все инструкции, указы и распоряжения немецких оккупационных служб и «новой русской администрации» были направлены на осуществление тотального контроля за населением.

Нацистское руководство было обеспокоено частыми фактами «морального разложения» своих военнослужащих. 8 июня 1942 г. появилась «Памятка солдату о поведении в оккупированных восточных областях». В ней отмечалось: «В оккупированных областях немецкий воин является представителем германской империи и её власти. Он должен

¹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 584.

² ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 24. Л. 45.

соответствующим образом вести себя. Затяжная война, пребывание на гарнизонной службе сопряжены с тем, что отношения с женской половиной гражданского населения становятся более близкими, чем это желательно...»

Было издано и постановление о запрещении пребывания немецких солдат у местных жителей. «Все солдаты без исключения, должны размещаться вместе. Поскольку для этого необходимы жилые дома, надлежит выселять из них гражданское население. В таких случаях местные жители переселяются в другие квартиры или эвакуируются...»¹ Необходимо отметить, что это распоряжение игнорировалось. Военнослужащих раздражали подобные требования «берлинских чинуш», которые не могли понять сложность их быта в условиях фронтовой полосы.

В марте 1943 г. было принято решение, согласно которому при рождении ребенка от немецкого солдата, русские матери имели право на алименты. При регистрации внебрачных детей от военнослужащих требовалось представить доказательства, которыми подтверждалось отцовство германского солдата. Находящиеся у матери доказательства отцовства (письма, фотографии отца) было необходимо прилагать к акту.

Содержание детей, отцом которых являлся германский гражданин, обеспечивалось выплатой текущего пособия. Оно составляло 200 руб. ежемесячно и выплачивалось матери районной кассой. Если отцовство достоверно не установлено, текущее пособие не выплачивалось. В этом случае матери должны были получать помощь от районного Управления из общих средств обеспечения².

О настроениях женского населения после освобождения Курска образно написал Илья Эренбург в очерке «Новый порядок в Курске». Приводим лишь один эпизод из очерка известного писателя: «Я сидел в одном доме. Меня удивили глаза хозяйки: они казались сделанными из

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 173. Л. 31; См. также: Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 588.

² Ковалев Б.Н. Указ. соч. – М., 2011. – С. 589-590.

опалового стекла, в них не было жизни. Хозяйка неохотно отвечала на мои вопросы... В углу играл пятилетний мальчуган. Я спросил хозяйку: «Немцы к вам приходили?» Она неуверенно ответила: «Нет»... Но мальчик вдруг закричал: «Отто приходил», и, упрямо стуча кулаком по стулу, он долго повторял: «Отто приходил». Женщина молча вышла из комнаты. Я больше не мог сидеть в этом доме. Мне показалось, что в комнате нет воздуха. Я выбежал на улицу... Мир жил и радовался. Только одна высокая белокурая женщина с пустыми опаловыми глазами не находила себе места в этом мире»¹.

В.И. Чернышева (Ильина), пережившая оккупацию Курска в 1941-1943 гг., вспоминала о том, что утром из квартир, где проживали местные жители, выбегали немецкие солдаты. Они спешили в свои казармы от русских подруг².

Конечно, бывали случаи, когда у русских женщин и немцев возникали искренние чувства. Но эти романы были часто обречены на несчастный финал. Хотя в условиях повседневной угрозы смерти и голода, даже один день радости стоил очень дорого.

Но встречалась и такая категория женщин, поведение которых позволило историку Б.Н. Ковалеву определить его как моральную измену фашистам и выделить особую форму предательства – половой коллаборационизм³.

Например, семья стрелочника станции Курск Г.И. Зикеева активно занималась обеспечением оккупантов всем необходимым. Жена Зикеева – Надежда Федоровна служила заведующей хлебным ларьком. Старшая дочь Надежда устроилась личной переводчицей немецкого офицера Гольцгютгера. При отступлении фашистов из Курска она уехала с ним в

¹ Эренбург И. Верность // Курская правда. – 1943. – 5 марта; Он же: Война 1941-1945. – М., 2004. – С. 381-382.

² Из личного архива автора.

³ Ковалев Б.Н. Половой коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Сб. науч. статей. – Великий Новгород, 2009. – С. 58-62.

Германию. Вторая дочь Зикеевых добровольно уехала в августе 1942 г. на работу в Бремен, где осталась жить и после войны¹.

О нравах, царивших у некоторой части курянок, остававшихся в оккупированном Курске, свидетельствуют воспоминания В.Н. Петраковой. «Одна «дама» (не буду называть ее имя), жившая напротив нас [ул. 8-е Марта г. Курска – авт.], сдала немцам мужа – партизана, а сама с радостью спала с немцами, которые останавливались в ее доме...»²

Далеко не все молодые женщины в период оккупации сохраняли высокие нравственные ценности, воспитывавшиеся ранее у советской молодежи. В основе сексуальной «угодливости» многих лежал не страх перед будущими репрессиями, а низменные физиологические потребности.

Факты беспорядочных половых связей молодой жительницы поселка Пены Иванинского района Галины К. с немецкими офицерами, как полевых частей, так и службы СС подробно изложены в воспоминаниях Э.Г. Богдановой, проживавшей в этом поселке в 1941-1943 гг.³

«Немцам не было необходимости насиловать кого-то из девушек, поскольку предложения со стороны женщин города покрывали спрос. Известны случаи, когда активность к сближению проявляли не немцы, а наши женщины. Я лично был свидетелем того, как наша соседка по двору уговаривала фрица вступить с ней в половую связь, мотивируя тем, что ему пора приобщаться к интимной жизни... По свидетельству моей родственницы М.Н. Хлыниной (она жила на ул. Пастуховской), ее соседка Надя, еще молодая девушка, окончившая до войны лишь 9 классов, вышла замуж за немецкого переводчика. Он увез ее в Германию. Моя соседка Августина, девушка из интеллигентной семьи, тоже вышла замуж за

¹ Букреев И.Н. «Мы начеку, мы за врагом следим...» // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 29.

² Петракова В.Н. Оккупация // Курский край. Научно-историч. журнал: Курское обл. научн. краевед. об-во. – 2006. – № 9-10 (84-85). – С. 25.

³ Оккупированное детство. Воспоминаниях тех, кто в годы войны еще не умел писать. – М., 2010. – С. 31-32. После освобождения Иванинского района советскими войсками Галина К. за связи с гитлеровцами была осуждена на два года тюремного заключения.

немецкого офицера, который забрал ее при отступлении вместе с ее отцом и матерью. Замужем за немецким офицером была и племянница известного в городе врача [И.Н.] Аршинова – Ира. Немецкий муж увез ее в Германию, где она учительствовала в одном из колледжей. Но не всем девушкам удавалось после сближения с немцами уехать в Германию. Так, знакомая моей двоюродной сестры Т.П. Карпушиной сблизилась с немцем. Ее родители устроили дочери пышную по тем временам свадьбу, выдали хорошее приданое и проводили дочь в Германию вместе с зятем немцем. Однако тот довез новую жену до окраины города. Здесь он высадил ее из машины, но уже без приданого. Таким образом, она сразу лишилась и мужа, и приданого, приобретя кличку "немецкая барыня"... Отношение жителей к тем женщинам, которые вступали в интимные отношения с немцами, было негативным. Так появилось оскорбительное понятие "немецкая подстилка"», – вспоминал свидетель оккупации, краевед А.И. Наседкин¹.

Илья Эренбург так писал о женщинах, которые хотели «пира во время чумы»: «Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой педагогического института. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, танцы, французское шампанское. Ее соотечественники мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь. А она услаждала палачей своего народа. Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Измена, как ржа, разъела ее сердце. На улице праздник – люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в темной комнате и плачет. Она стала отверженной – для себя самой, нет кары тяжелее»².

Член ВЛКСМ с 1934 г. П.Н. Конева до войны работала в 7-й Курской дистанции пути. Во время оккупации она работала официанткой в столовой для немецких военнослужащих. Несмотря на то, что ее муж и брат сражались на фронте в рядах Красной Армии, на немцев активно работали

¹ Наседкин А.И. Курск. Оккупация. 1941-1943 гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2007. – № 1. – С. 43-44.

² Курская правда. – 1943. – 5 марта.

сестра и ее муж. Позднее, устроившись работать в офицерский ресторан, она изменила своему мужу и вышла замуж за немецкого военнослужащего¹.

Неоднократно в беспорядочных сексуальных связях с немецкими военнослужащими были замечены комсомолки В.В. Бутова, счетовод 6-го Курского отделения паровозного хозяйства, часто говорившая соседкам: «Зачем черт принес Красную Армию? Никакой пользы она нам не принесла, и я ее не ждала. Немцы нас всем обеспечили, с ними и погулять можно было...»²; студентка пединститута М.П. Беликова; секретарь транспортной прокуратуры А.Е. Власова; счетовод механического завода Л.В. Потапова; ученица 39-й железнодорожной школы Л.А. Сопельченко и другие молодые жительницы Курска³.

Для удовлетворения половых потребностей солдат и офицеров на оккупированных территориях России открывались публичные дома, в том числе в Курске и Белгороде. 2 июня 1942 г. в газете «Курская правда» издававшейся в Старом Осколе, в статье заместителя начальника политуправления Брянского фронта П.И. Крайнова сообщалось: «В Курске открыты три дома терпимости... На Семеновской улице на одном из домов красуется вывеска «Дом свиданий для немецких солдат». Открыт публичный дом и в гостинице, которая до революции называлась «Полторацкие номера»⁴.

В Курске и Белгороде довольно часто в «дома терпимости» приходили молодые женщины. Некоторые из них расплачивались за свою легкомысленность венерическими заболеваниями. Так, в конце ноября 1941 г. в Курске уже было выявлено более 300 женщин, зараженных сифилисом. Зимой 1942 г. в Белгороде сотрудники вендиспансера

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 42; Д. 75. Л. 16.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 42; Д. 65. Л. 2-об.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 21, 30-об., 31, 38; Д. 66. Л. 51-52-об.; Д. 69. Л. 70; Д. 75. Л. 9-10, 15.

⁴ См. также: материал П.И. Крайнова и Р. Морана в газете «Красная звезда». – 1942. – 29 мая.

ежемесячно регистрировали по 30 подобных случаев¹. 8 ноября 1942 г. газета «Курские известия» сообщала, что «Анна Левшина из Курска, намеренно заразившая немецкого солдата венерической болезнью, по приговору местной комендатуры от 28.10.1942 года присуждена к смерти».

19 сентября 1942 г. за подписью военного коменданта Курска генерал-майора Марселла было издано «Предписание об упорядочении проституции в Курске»². Согласно этому документу, могли заниматься проституцией только женщины, включенные в специальный список проституток и регулярно проходившие наблюдение в медицинских учреждениях. Проститутки должны были работать с клиентами только у себя дома. Их квартиры регистрировались в жилищной конторе и в отделе службы порядка. На двери квартир крепились соответствующие вывески. Предписанием запрещались половые сношения без презервативов. Женщины, заразившие немцев венерическими заболеваниями, карались смертью в случае, если они знали о своем заболевании. Принудительными работами наказывались проститутки, не зарегистрированные в жилконторе или проститутки, не выполняющие условий «Предписания»³.

Заместитель бургомистра Курска в 1941-1943 гг. А.Г. Кепов позднее вспоминал, что «злачные места» были открыты в немецком ресторане по ул. Ленина, 24, в бывшем Доме колхозника по ул. Невского, 5. Работали и закрытые дома терпимости, например, по ул. Горького, 19. С огорчением стоит отметить недостойное поведение отдельных женщин, добровольно пошедших по такому пути. И как много раз было проверено, не из-за нужды, а в силу своего характера и расчета...»⁴

Так как имевшихся в Курске публичных домов не хватало, то здесь создавался так называемый институт санитарно-поднадзорных женщин, что,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 75.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1132. Л. 15.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 203. Л. 168-168-об.

⁴ Кепов А.Г. Курск в период оккупации 1941-1943 гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2002. – № 2. – С. 42.

проще говоря, возрождало свободных проституток. Периодически они должны были являться на медосмотр, им делались соответствующие отметки в особых билетах, которые те получали на руки. Занятие проституцией без специальных билетов юридически запрещалось. Но фактически оно процветало, т.к. немцы разнузданностью в разврате этому способствовали.

Желающие «работать» в домах терпимости, подавали заявление непосредственно в комендатуру. Немцы предполагали, что если не будет набран нужный им контингент из добровольно желающих, то они организуют специальную вербовку подходящих девушек.

В докладной начальника УНКВД по Курской области, капитана госбезопасности П.М. Аксенова, направленной 22 ноября 1941 г. на имя Л.П. Берия, указывалось, что «в последние дни немцы собрали в Курске до 700 девушек и женщин для удовлетворения животных чувств офицеров и солдат. 400 девушек отправлены из Курска в неизвестном направлении...»¹

Впечатление курян об открытии домов терпимости было самым отвратительным. 62-летняя Александра Ивановна Ворошина, умершая в декабре 1942 г., так отзывалась о публичном доме: «Когда я узнала, что в нашем городе организуется это гнусное заведение, я радовалась за то, что моя племянница погибла от бомбежки, не будет знать об этом ужасном доме и не попадет в него»².

Далеко не все женщины встречались с оккупантами по своей воле. Среди них были и те, кто, выполняя задания советского командования и собирал различные разведывательные сведения. На виду у земляков делать это было весьма затруднительно. Именно такие трудности выпали и на долю курянок, членов железнодорожного подполья из группы П.П. Бабкина – А.В.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. Д. 131. Л. 76.

² ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 111. Л. 1219.

Бочаровой, З.С. Емельяновой, Н.П. Ковальчук и др.¹ В Дмитриевском районе односельчане с презрением относились к А.И. Дрючиной, которая по заданию командования партизанского отряда установила связь с унтер-офицером немецкого охранного батальона А.И. Кривуляком, склонив его к антифашистскому сотрудничеству².

Анализируя поведение некоторых курских женщин в дни оккупации, начальник управления НКГБ по Курской области, подполковник госбезопасности В.Т. Аленцев в августе 1943 г. сделал такой вывод: «Молодежь женского пола, значительная часть которой в период временной оккупации немцами г. Курска находилась на привилегированном положении, часто проявляет антисоветские настроения. Они сожалеют о потерянном положении при оккупантах... Молодежь мужского пола к девушкам питает презрение за их общение с немецкими оккупантами. Девушки выражают недовольство мужчинами, в том числе и военнослужащими Красной Армии, за презрительное отношение к ним...»³

Освободителям советских городов, действительно, было за что «презирать за прошлое поведение» некоторую часть женского населения. Не только за сожительство с немецкими офицерами, но и за открытое предательство, на путь которого, например, вступила переводчица военной комендатуры Белгорода, комсомолка Инна Захарина – дочь бывшего заведующего отделом Белгородского райисполкома В.Н. Захарина⁴. Помощник старосты ул. Чичерина (г. Белгород), заведующая кладовой и жена секретаря комсомольской организации автогужевого треста Черных, активно «обслуживала» потребности немецких офицеров, выдавая гестапо комсомольских активистов⁵.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 75. Л. 8. 26 марта 1943 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ восстановило в комсомоле студентку КГПИ подпольщицу З.С. Емельянову.

² Банных И.С. В одном строю // Молодая гвардия. – 1981. – 9 мая.

³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин и др. – М., 2003. – С. 160-161.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 65.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 66.

За период освобождения Курской области, особенно в январе – марте 1943 года, ввиду такой неприязни военнослужащие Курской Армии проявляли излишнюю жестокость по отношению к представительницам женского пола, работавшим на оккупантов. Согласно воспоминаниям А.Н. Подручных (Лавровой), советские бойцы, зимой 1943 г. освободившие село Защитное Щигровского района, подвергли истязаниям молодых девушек, работавших на пункте кормления немецких офицеров. Затем их трупы были брошены на улице села. Это вызвало негативное отношение и даже озлобленность селян на своих освободителей.¹

Отвратительную расправу над угнанной в рабство фашистами жительницей Воронежской области, женой советского офицера Е. Есенкиной устроил командир 96-й отдельной танковой бригады генерал-майор В.Г. Лебедев 17 февраля 1943 года. В селе Мантурово Есенкина была арестована оперуполномоченным особого отдела бригады с обвинением в сотрудничестве с немецкими военнослужащими. Генерал Лебедев в присутствии начальника штаба бригады майора Жарикова сам допросил задержанную и пытался склонить ее к половой связи. После получения с ее стороны категорического отказа, Лебедев с криками «Шлюха! Немецкая подстилка!» повел Е. Есенкову с ординарцем Цыганковым на окраину села, где в овраге расстрелял молодую женщину. Генерал предложил своей квартирной хозяйке раздеть расстрелянную до гола, а вещи забрать себе².

Многие из женщин, остававшихся на оккупированной территории Курской области, и выбравших для себя распутный образ жизни, позднее горько раскаивались перед окружающими соотечественниками.

¹ Из личного архива автора.

² ЦАМО РФ. Ф. 3191. Оп. 1. Д. 14. Л. 14. В ходе специального расследования уполномоченный особого отдела бригады капитан Колобов заявил начальнику политотдела соединения майору В.Г. Кропотову о том, что компрометирующих материалов на Есенкину в особом отделе не имеется. О данном происшествии 27.02.1943 г. В.Г. Кропотовым было доложено Военному Совету 38-й армии (См. там же, л. 13).

Если же говорить обо всех женщинах, оказавшихся в тяжелейших условиях вражеской оккупации, то, в действиях подавляющего большинства из них не было «состава преступления». В священном писании сказано «Не судите – да не судимы будете». Нельзя судить женщину, когда она, никого не предавая, старалась накормить близких, хотела любви и защиты. А может быть, их собственный суд над собой был гораздо строже....?

Но были отдельные женщины, которые, даже поступив на службу в военные учреждения, продолжали вести себя морально неустойчиво. Так, 5 августа 1943 г. начальник политотдела 60-й армии генерал-майор К.П. Исаев докладывал начальнику Политуправления Центрального фронта генерал-майору С.Ф. Галаджеву о результате проверок, в ходе которых установлено, что служащая склада подарков продотдела армии Н. Горчакова в период оккупации выходила замуж за венгерского офицера. Татьяна Власова, служащая продсклада № 2542, во время оккупации Льгова сожительствовала с немцами. Во время работы на складе она занималась хищением продуктов и вела развратную жизнь¹.

Но бытовой коллаборационизм не ограничивался только половыми связями с немецкими военнослужащими. Много различных сторон было у этого гнусного явления, в частности, сведение личных счетов с соседями путем сотрудничества с оккупантами, улучшение жилищных условий, увеличение размеров земельных участков и др.

Психологический анализ такого явления представлен в докладной записке начальника Управления НКГБ по Курской области В.Т. Аленцева от 24 августа 1943 года. В ней содержатся факты, отражающие суровую действительность немецкой оккупации «И., дочь коммуниста, при немцах работала на кухне в одной из воинских частей немецкой армии. Рассматривая перспективы будущего, она высказывалась: «После немцев, когда мы повидали интеллигентное обращение, в деревню ехать неохота.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 24. Л. 322.

При немцах я, хотя и на кухне работала, жила как инженерша... Мне при немцах жилось лучше, чем сейчас...»

Жена летчика Е., сражавшегося на фронтах Великой Отечественной войны, сожительствовала с немецким офицером и позднее восхваляла его. «С капитаном Эрлихом я работала в госпитале. Он такой хороший человек. Всех родственников моих устроил на работу, и благодаря ему, мы остались дома, не поехали в Германию. Отремонтировал еврейскую квартиру и поселил меня туда...»¹

Например, курский коллаборационист И.М. Пехов за «заслуги перед Германией» по выдаче 200 курских евреев, получил солидное вознаграждение, после чего завладел большим еврейским домом на улице Архангельской (ныне ул. К. Либкнехта, 36). Ему был также выделен павильон на Покровском базаре. По указанию оккупантов Пехов открыл в нем пивную. Он осведомлял немецкую контрразведку о высказываемых посетителями настроениях².

Соседи с ул. Горелый лес за денежное вознаграждение выдали полиции молодых рабочих В.М. Сошникова и М. Сергеева, которые возвратили своих коров с бойни³. В газете «Новый путь» – издание полевого подразделения № 30952 (№ 59, 1942), было помещено следующее информационное сообщение: «Настоящим объявляется, что за кражу скота на бойне (№ 581) местная комендатура 28.IX. 1942 г. приговорила: Сошникова Василия, Курск, ул. Горелый лес, 26 – к смертной казни; Сергеева Матвея, Курск, ул. Горелый лес, 22 – к смертной казни...»⁴

7 октября 1942 г. для выполнения специального задания НКВД в Курск, на ул. Золотой проезд, 17, возвратился бывший заведующий базой «Союзтабак» И.Я. Назаров. 4 декабря 1942 г. при прямом предательстве

¹ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 146-147.

² Ковалев В.Т. Еврейский квартал // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 2. – С. 26.

³ ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 263. Л. 81-84.

⁴ ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 400. Л. 8-об.

соседки С.С. Зверевой он был арестован. В феврале 1943 г. его расстреляли с большой группой курян в Щетинке¹. Позднее, после ареста С. Зверевой, сотрудники органов НКВД выяснили, что причиной доноса служили не политические мотивы, а желание завладеть жилплощадью его семьи².

В.Н. Петракова рассказывала, что соседка, выдавшая своего мужа, сообщила оккупантам, что в нашем доме имелся патефон и набор пластинок с речами И.В. Сталина. «Немцы и полицейские стали искать патефон и допрашивать меня. Досталось ремнем и по спине, и по плечам. Но я твердила, что сменяла патефон на продукты еще до прихода немцев. Во время обыска поднимались даже половицы, но ничего найдено не было. Мой муж, предвидя возможность обыска, устроил в земле тайник, где заранее спрятал патефон и пластинки...»³

Жена машиниста Г.П. Бочарова (погибшего 11 апреля 1943 г. в ходе вражеской бомбардировки железнодорожного узла – авт.) Т.Т. Бочарова вспоминала, как заместитель начальника полиции Модест Кох использовал власть, вверенную ему оккупантами, даже в личных целях. «Задолго до войны вместе с группой машинистов, в числе которых был мой муж Григорий Бочаров, Кох побывал у нас дома. Для закуски на стол я подала миску с мочеными помидорами. Они Модесту очень понравились. И вот, лет через десять он с полицейскими явился к нам. Полицейские произвели у нас дома небольшой обыск. Лишь по завершению обыска, Кох признался об истинной цели своего визита: «Завтра зайдешь к моей жене и объяснишь свой рецепт соления помидоров». В конце разговора последовала угроза: «Если ты не придешь, я со своими ребятами зайду снова...»⁴

Свою приверженность к привычкам бытового коллаборационизма некоторые куряне, ранее проживавшие на территории захваченной врагом, проповедовали даже будучи призванными в ряды Красной Армии. Так, в

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 6-об.

² Там же.

³ Петракова В.Н. Указ. соч. – С. 25-26.

⁴ Архив музея истории Локомотивного депо Курск. Д. 8. Л.7-8.

донесениях политотдела 60-й армии (за апрель – июнь 1943гг.) отмечалось, что боец пулеметной роты 687-го стрелкового полка 141-й стрелковой дивизии Сокольников, солдаты других подразделений дивизии – Овчинников, Заедов, Белокопытов, заявляли, что «при немцах им жилось неплохо. Немцев накормишь – и все спокойно»¹. Боец 796-го стрелкового полка, уроженец Свободинского района Курской области С.Е. Дунаев во время оккупации служил председателем общины, продавал землю крестьянам и участвовал в отправке односельчан на работы в Германию. С. Дунаев, находясь на переднем крае, убеждал бойцов в лояльности немцев к русскому народу. Он отмечал, что при индивидуальном хозяйстве было жить свободнее, чем в колхозе, восхвалял техническую оснащенность немецкой армии. Сотрудниками особого отдела дивизии С. Дунаев был арестован и вскоре предан суду военного трибунала².

Казалось, что бытовой коллаборационизм не является особенно вредным, в сравнении с военным или экономическим. Но в любом населенном пункте находились жители, готовые служить любой власти. Так, старожилы ул. Воротня (ныне – ул. Павлуновского) Курска в памяти сохранили фамилию жителя дома № 8 Ф.Ф. Курасова, который в 1941 г. встречал немцев хлебом-солью. Такую же встречу он устроил и нашим бойцам 8 февраля 1943 г. в день освобождения города от гитлеровских захватчиков. Можно сказать, что встречи вступающих в город войск, независимо от цвета мундира, он сделал своей обязанностью...»³ Именно такие проявления бытового коллаборационизма до сих пор питают устойчивую легенду о встрече фашистов хлебом-солью в Курске.

В заключение подчеркнем, что проблемы трактовки и уголовно-правовой ответственности повседневного (бытового) коллаборационизма

¹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 24. Л. 52, 184-об.

² Там же. Л. 52.

³Наседкин А.И. Указ. соч. – С. 37.

носят весьма неоднозначный и даже дискуссионный характер в работах российских историков.

Ведущий специалист по проблеме отечественного коллаборационизма Б.Н. Ковалев подчеркивает, что «вряд ли можно называть предательством в уголовно-правовом или нравственном смысле этого слова такой бытовой коллаборационизм, как размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка) трудно обвинить людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог. Гражданский коллаборационизм носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добывать средства существования для родных и близких...»¹

Подобные суждения о том, что «вряд ли можно признать вынужденное сотрудничество с врагом на бытовом уровне формой коллаборационизма» встречаются и в публикациях белгородского историка, кандидата исторических наук М.И. Варфоломеевой².

Мы же считаем тезис о том, что бытовое сотрудничество с врагом было единственным «способом добывать средства существования для родных и близких», является достаточно спорным. Анализ воспоминаний людей, переживших немецко-фашистскую оккупацию, часто свидетельствуют об обратном.

В подтверждение такой позиции приводим следующие примеры. В Курске, по ул. Буденного, 13, проживала семья железнодорожника С.Н. Толкачева. Помощник машиниста С. Толкачев осенью 1941 г. был направлен сопровождать паровозы на Рязано-Уральскую железную дорогу.

¹ Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 51. – С. 13-14.

² Варфоломеева М.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере современной Белгородской области в 1941-1943 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2011. – № 19 (114). – С. 203.

Естественно, в оккупированный гитлеровцами Курск он возвратиться не мог. Его жена – Евгения Григорьевна была дочерью чистокровного немца Крикса Лёйса, бывшего управляющего имением В.Ф. Березовского в с. Голубицком (ныне санаторий им. Черняховского – авт.). Хорошо знавшая немецкий язык, она не стала на путь сотрудничества с оккупантами (например, переводчицей). Е.Г. Толкачева вместе с малолетними детьми предпочла скитания по родственникам в деревне, обрекла семью на полуголодное существование. Но она осталась верной гражданским принципам настоящей женщины, вплоть до окончания оккупации¹.

Железнодорожный техник, рационализатор и изобретатель паровозного депо Курск А.И. Григорьев пошел на конфликт со своей семьей, но не стал служить оккупантам. Почти 15 месяцев, ведя полуголодный образ жизни, он скитался по окрестным селам, но не устроился работать по специальности на железную дорогу².

Соглашаясь с вышеуказанными авторами о повседневном участии населения оккупированных территорий в обслуживании нужд германских, венгерских, итальянских военнослужащих и нежелательности отнесения их к разряду коллаборационистов, все же мы отмечаем, что повседневный (бытовой) коллаборационизм не всегда носил «безобидные» формы и оставил в сознании людей глубокие корни.

Именно на них в 1980-е – начале 1990-х годов выросли антигосударственные и антипатриотические настроения значительной части советского общества. Идеи, унаследованные бытовыми коллаборационистами, как злокачественная ржа, подтачивали, особенно 1943-1945 гг., моральное единение воинов Красной Армии. Ведь свидетельства военнослужащих, переживших оккупацию о «хороших

¹ См.: Золотухин А.Ю., Манжосов А.Н. «Истории года, постойте, подождите...» (Историко-психологические зарисовки к семейным портретам железнодорожников) // Российские семьи: историко-психологический портрет. Матер. XXIV международной научн. конф. Санкт-Петербург, 15-16 декабря 2008г. – СПб., 2008. – С. 126-127.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3068. Л. 20; Гудок. – 1943. – 16 апреля; Ударник Дзержинской. – 1943. – 1 апреля.

немцах» и их гуманном отношении к населению, часто вводило в заблуждение молодых солдат и офицеров, и являлись полной противоположностью той пропаганды, которую проводили среди военнослужащих политические органы и особые отделы частей и соединений Красной Армии.

Свободные, «раскрепощенные» сексуальные связи определенной части молодых женщин с германскими военнослужащими, также не способствовали улучшению морально-бытового климата в городах и селах советской провинции в послевоенные годы. Они негативно отражались на повседневной жизни семей, которые создавали возвратившиеся с фронта советские солдаты и офицеры. Подобные ситуации часто складывались в повседневной жизни женщин, воспитывавших малолетних детей, истинными отцами которых были иностранные военнослужащие.

Если ребенок, рожденный от иностранного военнослужащего, в период оккупации становился определенной формой заработка, то ситуация кардинально менялась после возвращения советских властей. Ведь речь шла не только о моральном осуждении со стороны соседей, но и применении более строгих мер наказания.

Как замечает историк Н.К. Петрова, «судьба этих детей была не очень радостной после окончания Великой Отечественной войны. Отношение советского государства и общества оставалось негативным к матерям, родившим детей от оккупантов. К сожалению, эта неприязнь переносилась и на маленьких детей. Никого не интересовало, по доброй воле или под силой жестокого принуждения родился ребенок. Поэтому матерям всеми правдами и неправдами приходилось скрывать правду об отцовстве своих детей¹.

В некоторых советских семьях (особенно в их женской половине – авт.) надолго сохранились ложные представления о западном Эдеме, о

¹ Петрова Н.К. Указ. соч. – С. 24.

превосходстве немецкой нации над советскими людьми. По большому счету, это должно также считаться предательством интересов своей Родины.

Фашистская пропаганда, широко распространяемая среди населения временно оккупированных территорий Советского Союза, была направлена на идеологическую обработку советских людей, подавление их воли и стремления к участию в сопротивлении немецко-фашистским захватчикам.

Для достижения поставленных целей оккупационная администрация, представители коллаборационистских структур и органов местного управления использовали арсенал разнообразных средств. Это выпуск газет прогерманской направленности для населения оккупированных территорий, показ агитационных кинофильмов и кинороликов, профашистские радиопередачи местной радиотрансляционной сети, а также подчинение интеллигенции, деятелей искусства (театра, цирка, сотрудников музеев, картинной галереи). Немецко-фашистские оккупационные власти, настойчиво опираясь на поддержку местных коллаборационистов, стремились посеять у курян состояние тревоги за своих близких и за их завтрашний день. Одновременно шла усиленная агитация о превосходстве германского государственного устройства и идеологическом обеспечении вольготной жизни населения в Германии.

Не менее зловещим, чем промышленно-хозяйственный, стал для курян идеологический коллаборационизм, объединивший представителей старого курского учительства, враждебно настроенных по отношению к Советской власти. Они долгие годы лицемерно и цинично сохраняли презрение к окружающей их социально-политической действительности, в то время, как вынуждены были трудиться в сфере народного образования СССР.

Основными особенностями антисоветской пропаганды, распространяемой на страницах оккупационной печати, стали: агитация против большевиков и стремление вбить клин в сложные взаимоотношения с союзниками Советского Союза по антигитлеровской коалиции.

Главными целями пропагандистского воздействия на гражданское население становилось устрашение, усиление пораженческих настроений, создание позитивного представления об оккупантах, а также подрыв авторитета политического и военного руководства СССР. В основе этой пропагандистской работы стоял тезис о том, что германская армия воюет не против населения СССР, а против советского правительства и Коммунистической партии, основной ее целью является не военное покорение или политическое уничтожение Советского Союза, а освобождение русского народа от гнета власти коммунистов.

В период оккупации Курской области захватчики на ее территории наладили выпуск 15 периодических изданий. Важнейшим идеологическим рупором оккупационных властей стала газета «Новый путь». Первоначально она издавалась во Льгове, а с 30 мая 1942 г. печаталась в Курске. Ее главным редактором был Г.И. Фильшин.

Оценивая нацистскую политику в сфере обучения молодежи, проживавшей на временно оккупированных территориях, по идеологической обработке этой группы населения, отметим, что в перспективе планом «ОСТ» предусматривалось «или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы»¹.

Видя в советской молодёжи для себя особую опасность, оккупанты в своих приказах отмечали: «Беспощадно следует уничтожать молодежь. Она воспитана большевиками и трудно поддается перевоспитанию, мы должны убить, по крайней мере, 80-90% молодежи»².

Наряду с политикой онемечивания молодых советских людей, немецко-фашистские оккупанты предлагали уничтожать культурные и просветительские учреждения, произведения русских классиков, музеи,

¹ Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сб. матер. Т. 3. – М., 1966. – С. 132.

² Там же. – С. 134.

исторические памятники, библиотеки, школы. Особую ненависть оккупанты испытывали к школам. Фашисты превращали школьные здания в казармы, конюшни, склады, прачечные, гаражи, колбасные копильни или уборные.

Таким образом, школьная политика фашистов на оккупированной территории области наносила серьезный ущерб ее населению. Сложившаяся за годы советской власти система народного образования была разрушена. Для реализации школьной политики был организован отдел просвещения при городской Управе Курска, который открыл несколько детских приютов и садов, 14 начальных школ, курсы по изучению немецкого языка, музыкальное училище и центральную библиотеку. Деревенские школы, по замыслу организаторов этой политики, должны были давать только азы грамотности. Поэтому в народных начальных школах с помощью местных учителей-коллаборационистов захватчики предусматривали значительно меньший, чем в советских школах, объем знаний, предназначенный для освоения учащимися.

Большое внимание в политике оккупационных властей уделялось привлечению школьников-подростков к обучению в разведывательно-диверсионных школах для дальнейшего их использования в качестве разведчиков или диверсантов в глубоком тылу Советского Союза.

Ведущим проявлением бытового коллаборационизма стало сожительство молодых советских женщин с военнослужащими оккупационных армий. После окончательного освобождения территории Курской области от немецко-фашистских оккупантов, многим из «девиц легкого поведения» пришлось испытать уголовное преследование и общественное презрение.

Таким образом, идеологические и духовно-нравственные формы коллаборационизма были ориентированы на достижение победы вооруженных сил Третьего Рейха и, одновременно, военного поражения родного Отечества.

ГЛАВА 4. УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

4.1 Борьба добровольческих военизированных формирований и войск НКВД с вооруженным и административным коллаборационизмом

Как подчеркивается в многотомном издании «Великая Отечественная война 1941-1945 годы», сотрудничество с противником на временно оккупированных территориях страны часто приобретало формы прямого участия в боевых действиях против Красной Армии и партизан и стоило им немалых потерь¹.

Советское политическое и военное руководство в лице Государственного Комитета Обороны, наркоматов обороны, внутренних дел и государственной безопасности, Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего применяли адекватные военные меры, направленные на противодействие добровольческим частям, сражавшимся на стороне Вермахта, против полицейских и карательных подразделений, а также по борьбе со шпионами и диверсантами, в полосах действующих фронтов и армий.

Одним из наиболее действенных способов борьбы с полицейскими подразделениями, тайной полевой полицией (ГФП), по противодействию работе структур оккупационной власти (в т.ч. местного управления) становилось движение сопротивления оккупантам: действия партизанских бригад, отрядов и разведывательно-диверсионных групп, находившихся в подчинении НКВД-НКГБ.

Как отмечается в исследованиях советских и российских историков Н.Ф. Азяского, А.С. Князькова, В.В. Коровина и др., начальный этап

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 годы. В 12 т. Т. 1. Основные события. – М., 2011. – С. 437.

партизанской войны на территории Курской области относится к осени 1941 года. При активном руководстве партийных органов, взаимодействии с сотрудниками 4-го отдела УНКВД по Курской области и военнослужащими 4-х отделов (отделений) Политуправлений (политических отделов) Брянского, Юго-Западного, Воронежского фронтов и общевойсковых армий (13-й, 40-й, 21-й, 28-й), действовавших в тыловых границах на территории Курской области, для ведения боевых действий в тылу врага были подготовлены 32 партизанских отряда¹.

Первые донесения, поступавшие от партизан в обком партии и в 4-й отдел УНКВД свидетельствовали о том, что партизанские формирования уже на начальном этапе своей деятельности вносили посильную лепту в выполнении директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. по созданию «невыносимых условий для врага и всех его пособников»². Так, по данным, представленным командованием Кривцовского партизанского отряда (командир П.Н. Пашков), с 25 декабря 1941 по 1 февраля 1942 гг. партизаны отряда уничтожили 44 предателя, в их числе 12 старост и их помощников, а также 16 полицейских³.

Медвенский партизанский отряд под командованием Т.В. Фильчакова за этот же период уничтожил 110 фашистов и 18 предателей⁴. В январе 1942 г. медвенские партизаны расстреляли предателей Родины: агронома Курячего, Ф.Г. Плохих, М.В. Воронкова, выдававших партизанские семьи врагу⁵.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 87; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов Т. 2. Кн. II. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 г. – М., 2000. – С. 310.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е испр. и доп. Т. 9. – М., 1985. – С. 223.

³ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Сб. документов и материалов. Т. I. – Курск, 1960. – С. 302.

⁴ ГАПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.

⁵ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. I. – Курск, 1960. – С. 301.

Осенью 1941 г. партизаны Белгородского отряда (командир – А.А. Поляков) расстреляли старост сел Ушаково, Севрюково, а также хуторов Соловьев и Шенно Шебекинского района¹. Позднее комиссар Белгородского партизанского отряда А.Т. Сиверский вспоминал: «...Удивляло то, что некоторые лица, считавшиеся до войны хорошими людьми и работниками советских органов, добровольно.... перешли на службу к фашистам и стали активно им помогать»².

В донесениях, подготовленных в мае 1942 г. сотрудниками 4-го отдела УНКВД по Курской области, указывалось, что Томаровский партизанский отряд (командир – В.А. Доброхотов) уничтожил 16 предателей Родины³. Об уничтожении 20 изменников Родины сообщило и командование Ивнянского партизанского отряда (командир – Д.В. Застрожнов)⁴. Руководство Курского обкома ВКП(б) и Управление НКВД по Курской области требовали от командования партизанских отрядов активизации их деятельности, в т.ч. направленной на уничтожение изменников и предателей Родины. Так, 8 декабря 1941 г. разведчики 2-го Суджанского партизанского отряда в с. Пристенное Курской области уничтожили 6 немецких военнослужащих и старосту села⁵.

Показательным является приказ № 26 областного Управления НКВД, направленный на имя командира и комиссара 2-го Суджанского отряда С.В. Трибунского и Я.Я. Гломаздина. В приказе подчеркивалось, что в течение февраля 1942 г. партизанский отряд так и не перешел линию фронта в районе Прохоровки – Обояни, 4-й отдел УНКВД ставит задачу руководству Суджанского отряда после перехода линии фронта «выявить всех лиц,

¹ Там же. С. 298; Сиверский А.Т. Героические будни // Народные мстители... – Воронеж, 1966. – С. 245.

² ГАБО. Ф. Р-1517. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 140. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 2. Есть основания считать эти данные о предателях, уничтоженных на территории Ивнянского района, завышенными – авт.

⁵ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 205. Л. 277.

изменивших Родине, перешедших на сторону немцев, уничтожать старост, полицейских и других активных помощников оккупантов»¹.

К сожалению, поставленные задачи 2-й Суджанский отряд выполнить не смог. 20 мая 1942 г. у села Средняя Ольшанка Пристенского района его бойцы, перейдя линию фронта, были обнаружены местными жителями, которые об этом сообщили полиции и военному коменданту. Партизан окружили немецкие подразделения и отряд полиции. В завязавшемся бою погибли командир отряда С.В. Трибунский, комиссар Я.Я. Гломаздин и многие партизаны.²

В июне 1942 г. медвенские партизаны под командованием Т.В. Фильчакова сумели организовать крупную акцию возмездия – за проведение насильственной мобилизации молодежи и направление их на работу в Германию был убит староста села Лубянка³.

Привлечение вооруженных коллаборационистов к партизанскому или войсковому суду уже практиковалось весной 1942 года. Так, согласно донесению начальника политотдела 1-й гвардейской стрелковой дивизии старшего батальонного комиссара М.Ф. Моисеева, составленному после совместной с партизанами Микояновского отряда операции по разгрому гарнизона в селе Варваровка Волчанского района Харьковской области, решением военного трибунала 6 марта 1942 г. был приговорён к расстрелу изменник Родины – полицейский Федощенко. Он дезертировал из Красной Армии и перешел на службу к врагу. Лично Федощенко дважды принимал участие в боях против советских частей. В одном из боёв он убил 2 красноармейцев, с одного раненого стащил сапоги⁴.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 205. Л. 268.

² Была народная война... – Курск, 1992. – С. 21.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 190. Т. 2. Л. 173; Это стало последней боевой операцией медвенских партизан. В июле 1942 г. местными полицейскими, которыми командовал начальник районной полиции И.И. Ильющенко, командир отряда Т.В. Фильчаков был схвачен и вскоре казнен в Медвенке.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 24. Л. 69; Коровин В.В. Поднимались воины народа... – Курск, 2007. – С. 382.

При зачитании приговора и приведении его в исполнение присутствовало до 50 партизан и 100 местных жителей. Расстреляли предателя сами партизаны. После этого с обращением к партизанам и колхозникам выступил комиссар партизанского отряда Н.В. Иванченков и военный юрист из прокуратуры дивизии.

Весной 1942 г. диверсионные группы, забрасываемые в тыл противника, на территории Коньшевского и Дмитриевского районов в Курской области провели ряд локальных боевых операций по уничтожению изменников Родины. Так, диверсионно-разведывательная группа, руководимая Бобрышовым (настоящая фамилия П.Н. Свечкин – авт.), в селе Белые Берега Коньшевского района уничтожила 4 предателей, в их числе начальника полицейского подразделения, расположившегося в селе¹.

В сентябре 1942 г. оперативной группой 4-го отдела НКВД по Курской области был расстрелян старшина Тагинской волости Троснянского района Г.К. Манохин. В его доме сотрудники НКВД изъяли служебные документы и многочисленные приказы оккупационных властей. С большой достоверностью это позволило уточнить структуру административного управления на территории оккупированных районов Курской области, регулярность поставок продовольствия, собираемого у населения, и порядок делопроизводства. Все захваченные документы были пересланы в штабы Брянского и Воронежского фронтов².

Оригинальный способ устранения активного пособника фашистов, начальника полиции Дмитриевского района А.З. Гридина применило командование Дмитриевского партизанского отряда (командир – М.М. Плотников) и оперативно-разведывательная группа 4-го отдела УНКВД под руководством В.М. Казакова.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 36; Курский край. Научно-исторический журнал. – 2004. – № 6-7(56-57). – С. 32.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 129. Л. 46.

В воспоминаниях бывшего заместителя командира 1-й Курской партизанской бригады по разведке А.Т. Москаленко отмечалось, что «...в ноябре 1941 года из разведки не вернулся Андрей Гридин. Он дезертировал из партизанского отряда и поступил на службу к гитлеровцам. Получив должность начальника районной полиции, этот иуда лез из кожи вон, дабы доказать свою преданность новым хозяевам. Полицейские засады на переправе через Свапу у деревни Ратманово стоили жизни десяткам советских солдат, которых партизаны выводили из окружения... За связь с партизанами расправам подверглось население лесных поселков Чемёрки, Подвойный, Осиновский... Предательство Гридина грозило гибелью многим советским патриотам¹. Поэтому партизанский суд приговорил изменника к смерти...»²

Но открыто уничтожить изворотливого предателя не представлялось возможным. Тогда командование Дмитриевского отряда, согласовав действия с В.М. Казаковым, решило взять его хитростью. Через партизанскую разведчицу С.П. Гладышеву были пересланы «благодарственные письма», адресованные А.З. Гридину за, якобы, оказываемые помощь и содействие партизанам и сообщенные им сведения о противнике. Письма, которые были подписаны командиром отряда М.М. Плотниковым, С.П. Гладышева смогла доставить в приемную военной комендатуры Дмитриева.

Вскоре в комендатуру была передана и следующая партизанская записка, адресованная «господину» Гридину. В ней содержалось предупреждение о том, что в случае провала, Гридин может рассчитывать на помощь народных мстителей. После этого А.З. Гридин был арестован и вскоре расстрелян гитлеровцами.

¹ Москаленко А.Т. Без права на ошибку // Противостояние. Рассказы о курских чекистах. – Воронеж. – 1991. – С.115-116.

² См.: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 13.

В специальном сообщении о расстреле А. Гридина оккупационные власти Дмитриевского района отмечали, что «начальник полиции Гридин наказан за незаконное присвоение чужого имущества и бесчинства по отношению к населению...»¹

Часто полицейские привлекались к несению караульной службы, помогали отражать нападения партизан на германские воинские части. Впрочем, нередко случалось, что и сами немецко-полицейские гарнизоны, попадали под удары нескольких партизанских отрядов.

16 июня 1942 г. такая участь постигла полицейский гарнизон в слободе Михайловке. Партизаны Михайловского и Дмитриевского отрядов заранее провели разведку и установили численность гарнизона (60-70 гитлеровцев и до 400 полицейских). На основании этих данных был составлен план уничтожения Михайловского гарнизона.

Его реализация началась ночью 16 июня 1942 года. Одиночными выстрелами партизаны сняли часовых. Завязался жестокий бой, в ходе которого был убит ряд полицейских, оказывавших сопротивление. Сотрудники полиции и гитлеровцы, расквартированные в здании бывшего райкома партии, все же оказали упорное сопротивление. Укрывшись на втором этаже, они до утра вели огонь. Имея численное превосходство, партизаны смогли подавить этот очаг вражеского сопротивления. Было убито до 100 полицейских и солдат вермахта, захвачены 18 винтовок и пулемет.

В донесении партизан подчеркивалось, что народные мстители вывели из строя оборудование местного маслозавода, банка, изъяли крупные суммы немецких и советских денег, документы, медикаменты и продовольствие².

Активную борьбу с изменниками Родины вели партизаны Дмитриевского и Дмитровского партизанских отрядов, действовавшие в северо-западных районах Курской области.

¹Там же. Л. 26.

² Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг. – Курск, 2005.-С.114-115.

Приведем выдержку из дневника за 1942 год командира Дмитриевского отряда И.И. Свирина: «23 мая – в Первоавгустовском поселке убит староста и два полицейских. 12 июня – в селе Полозовка убито 4 полицейских. 16 июня – в Богословке убит староста. 18 июня – налет на Кузнецовку, убит полицейский. 25 июня – разгромлена полиция в с. Кузнецовка и Хлебтово. Убито 11 полицейский. 3 июля – в дер. Романово уничтожены староста и писарь. 19 июля – уничтожены полицейский и начальник Звеняченской полиции. 21 июля – в селе Поповкино убито два предателя. 22 июля – в Дерюгино уничтожено 2 предателя. 27 июля – засада на полицию в с. Пальцево, убито 12 полицейских»¹.

Только в течение двух летних месяцев 1942 г. дмитриевские партизаны уничтожили 40 изменников Родины. Любопытные эпизоды уничтожения предателя-лесника Облаухова, выдавшего фашистам место стоянки Дмитровского партизанского отряда, содержат воспоминания бывшего командира отряда (с августа 1942 г. – комиссара 1-й Курской партизанской бригады) А.Д. Федосюткина.²

Узнав об обстоятельствах гибели разведчицы Веры Терещенко, партизаны разведывательной группы Дмитриевского отряда: И.Н. Ермаков, Е.А. Лакеев и А.М. Еничев решили уничтожить этих предателей. Ночью партизанские разведчики пришли в дом к писарю Баженову, который, ожидая мести партизан, уехал в неизвестном направлении. Старосту пос. Зеленый Гай Бушнева партизаны захватили дома. Партизанская разведгруппа на санях вывезла его в еловый лес, где расстреляла. Ему на грудь прикололи листок бумаги со словами: «Изменник Родины. За подлое предательство Веры Терещенко»³.

¹ См.: Коровин В.В. Боевая деятельность и повседневная жизнь дмитриевских партизан (по воспоминаниям командира отряда И.И. Свирина) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 10-11(60-61). – С. 19.

² Федосюткин А.Д. На земле железной. Записки комиссара Первой Курской партизанской бригады // Курские мемуары. – 2006. – Вып. 1. – С. 27-28.

³ Злуникин В.Г. Вера. Повесть. – Изд. 4-е, доп., Воронеж, 1965. – С. 379-380.

Только за октябрь 1941 – август 1942 гг. партизаны Дмитриевского отряда уничтожили 26, а Дмитровского – 19 полицейских¹. Всего же за этот период в северо-западных районах Курской области партизаны истребили 154 предателя Родины².

Первый секретарь Курского обкома П.И. Доронин, выступая с докладом на X пленуме обкома ВКП(б) (апрель 1943 г.), отметил, что партизанами Курской области за 1941-1943 гг. было уничтожено 1511 полицейских и различных пособников фашистов³.

Ветеран 37-й гвардейской стрелковой дивизии Г.М. Роговой так описывал ситуацию, сложившуюся на северо-западе региона зимой 1943 г.: «В Курской области было так: одна деревня полицейская, где все мужчины служили в немецкой полиции и палили партизан, а другая – партизанская. В таких деревнях... всё было сожжено полицией. Местные жители были разделены на полицаяв и партизан почти поровну. Они друг друга ненавидели больше, чем мы немцев»⁴.

Совершая расправы над семьями полицейских, партизаны хотели заставить стражей порядка бросить службу. Труднее было принудить к этому жителей сел и деревень, где в полиции состояли все мужчины. Тогда командование партизанских отрядов старалось наказать не только полицейских, но всех граждан, проживавших там.

Командным составом отрядов и органами контрразведки партизанских зон также велась работа по выявлению агентов немецких спецслужб, тайно внедренных в состав партизанских отрядов. 8 августа 1942 г. в докладной записке начальника штаба партизанского движения на Брянском фронте А.П. Матвеева о работе оперативно-чекистских групп партизанских отрядов, отмечалось, что 28 июля 1942 г. был расстрелян агент германских спецслужб,

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 26. Л. 15-15-об.

² Там же. Л. 15.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 6-об.; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. ... Т. 1. – Курск, 1960. – С. 370.

⁴ Цит. по: Иванов И.Л. Указ. соч. – С. 216.

уроженец с. Износково Льговского района Курской области И.М. Максименко. Он в составе группы изменников Родины, вступил в Харьковский партизанский отряд. Пробыв в отряде 7 дней, они захотели сбежать, чтобы вновь возвратиться к врагу. Но через партизанскую агентуру были выявлены и задержаны¹.

Партизаны и подпольщики постоянно вели контрпропагандистскую работу: ими практиковалась засылка советских листовок и другой пропагандистской литературы в полицейские гарнизоны и добровольческие части. Пропагандистская война против полицейских велась и изобразительными средствами.

Так, Н.С. Исаев, воевавший на Брянщине в составе 2-й Курской партизанской бригады, вспоминал: «Мы листовки завертывали кусочками цветной материи, чтобы они привлекали внимание, и подбрасывали на базарной площади... Однажды молодые партизаны изобразили на листовке полицейского, который фрицу лижет зад. Ребята ухитрились прилепить ее на спину одного служаки. Тот шел с ней по всему селу, а вслед раздавался дружный смех»².

Любопытно, что листовки с карикатурами аналогичного содержания распространялись во многих районах. Как отмечает историк Б.Н. Ковалев, во вражеском тылу «работа велась по двум основным направлениям: прокламации, рассчитанные на полицейских, и прокламации, предназначенные легионерам и власовцам». Материалы, адресованные представителям службы порядка, по словам исследователя, были менее тиражными, иногда писались от руки, чаще всего содержали обращение к жителям конкретных деревень.

Так, в феврале 1943 г. партизанская газета «Народный мститель» опубликовала обращение Дмитриевского окружка ВКП(б) к полицейским,

¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 18-23.

² Исаев Н.С. Чапаевцы // Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. – Изд.2-е, испр. – Воронеж, 1975. – С.80.

старостам и старшинам с призывом переходить на сторону партизан и уничтожать немецких захватчиков¹.

Историк С.А. Никифоров в одной из монографий отмечает, что «сотрудничество с оккупантами в глазах участников антифашистского сопротивления, как правило, не делало человека «вечным» союзником фашистов. Напротив, партизаны и подпольщики, сражавшиеся в немецком тылу, оставляли гражданам, привлеченным на службу к немцам, право вернуться. Такую возможность теряли только те, кто лично участвовал в казнях или являлся агентом немецких спецслужб. Успехи советских войск на фронте приводили к тому, что коллаборационисты остро ощущали моральную и юридическую ответственность и искали выход из положения...»²

17 ноября 1942 г. в адрес командира объединенных партизанских отрядов Курской области И.К. Панченко была направлена специальная директива штаба партизанского движения на Брянском фронте с целью усиления работы по разложению «добровольческих» антисоветских формирований в тылу противника. В ней, в частности, указывалось, что каждому перебежчику на сторону партизан необходимо предоставлять возможность искупить вину участием в борьбе за освобождение Родины, обеспечив за ними постоянное наблюдение. От партизан требовалось беспощадно истреблять или захватывать в плен организаторов и проявляющих активность командиров карательных полицейских отрядов. В первую очередь, подвергать уничтожению белогвардейцев, сотрудничающих с оккупантами³.

¹ Народный мститель. Орган Дмитриевского окружкома ВКП(б) Курской области. – 1943. – 4 февраля.

² Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Том 1. Под фашистской пятой. – Курск, 2012. – С. 311.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 18. Л. 124-125; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 430-431.

Специфической формой антифашистской борьбы была деятельность партизан по разложению многих полицейских гарнизонов. Особенно она активизировалась после поражений, понесенных противником в районе Сталинграда. 11 полицейских гарнизонов Крупецкого, Глушковского, Конышевского, Рыльского районов Курской области перешли с оружием в руках на сторону партизан. Из полицейских Конышевского района был даже создан 2-й Конышевский партизанский отряд. Он вел бои с немецкими войсками. В очередной оперсводке штаба партизанского отряда им. Ворошилова № 2 от 25 февраля 1943 г. сообщалось, что «в результате проведенной работы Хомутовском, Конышевском, Дмитриевском районах полиция во главе с начальником полевой жандармерии Е.М. Пушкаревым в количестве 230 человек перешла на сторону партизан. Командир батальона лейтенант Азарян из всей полиции отобрал 70 человек... и создал оперативную группу»¹. 10 марта 1943 г. личный состав этого отряда вошел в состав 132-й стрелковой дивизии. Из служащих Ивановской полиции Рыльского района был образован 2-й Ивановский партизанский отряд, не принимавший, правда, участия в боевых действиях. По данным штаба 1-й Курской бригады в Михайловском районе в середине февраля на их сторону перешел полицейский полк². Согласно утверждению начальника ЦШПД П.К. Пономаренко, к частям 132-й стрелковой дивизии в районе Дмитриева перешли несколько групп вооруженной полиции. Из них были сформированы отдельные подразделения для борьбы с фашистами³.

Случаи перехода полицейских на сторону советских партизан были не редки. Впрочем, это обстоятельство, как правило, не спасало бывших стражей оккупационного порядка от ответственности за совершенное предательство.

¹ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг. – Курск, 1999. – С.79.

² ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Л. 270-об., 271.

³ Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение. Т. 20(9). – М., 1999. – С. 272.

Как известно, поддержка «нового порядка» антисоветскими и националистическими элементами, активное их участие в борьбе с партизанами и подпольщикам, очень болезненно воспринималось высшим руководством страны и советскими патриотами. Поэтому партизаны без суда и следствия расстреливали бывших советских милиционеров, служивших в полиции. Следует отметить, что, даже вступив в партизанский отряд, полицейские, решившие покаяться перед советским государством, не пользовались никаким уважением, и после войны многие из них были арестованы органами госбезопасности. Часто причиной было недоверие по отношению к бывшим коллаборационистам, которых подозревали в шпионаже или двойной игре.

4-й отдел УНКВД-НКГБ Курской области в период деятельности с марта по декабрь 1943 г. осуществлял значительный объем работ по подготовке резидентуры в прилегающих к фронту районах области. Такая деятельность значительно активизировалась в ходе подготовки и проведения Курской битвы. В августе 1943 г. в тыл противника была заброшена оперативная группа 4-го отделения УНКГБ в составе ст. лейтенанта госбезопасности Л.В. Егорова, лейтенанта К.И. Коптева и радиста Л.Л. Колесниченко¹. С помощью жительницы Суземского района Орловской области М.Т. Старостиной им удалось выйти на связь с солдатами батальона РОА, который находился на охране лагеря гражданских лиц в селе Середина Буда Сумской области².

Курские чекисты, базируясь в зоне действия партизанской бригады им. Фрунзе, смогли сагитировать военнослужащих из батальона РОА. Поэтому 30 августа 1943 г. 132 солдата РОА, возглавляемые командиром отделения М. Диделевым, покинули охрану лагеря и прибыли в расположение партизанского отряда «Большевик». 1 сентября 1943 г. часть

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 44. Л. 130; Д. 44. Л. 23-23-об.; ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 64. Л. 91-об.

² Война и женская судьба / Авт., ред. и сост. проф. А.Ю. Друговская. – Курск, 2000. – С.238-242; Быстров В.Е. Советские партизаны. – М., 1963. – С. 224.

военнослужащих РОА, перешедших на сторону партизан, приняла участие в нападении на немецкий автомобильный конвой, который сопровождал высокие должностные лица оккупационной администрации.

Как указывал в докладной записке руководству НКГБ начальник УНКВД по Курской области, подполковник госбезопасности В.Т. Аленцев: «...1 сентября 1943 года командованием партизанской бригады была отобрана группа (до 30 человек) из числа перешедших на нашу сторону солдат батальона РОА на боевую операцию, в результате которой был разгромлен немецкий штаб, следовавший на машинах по дороге. Был убит генерал-лейтенант Бронеманн¹, уничтожено 10 штабных офицеров и несколько солдат из конвоя, захвачено два портфеля с ценными документами и карта с оперативной обстановкой на 30 августа 1943 года. Все документы бригада сдала командиру Южный группы партизан генерал-майору Горшкову. Оперативно-чекистская группа 4-го отдела УНКГБ по Курской области, возглавляемые старшим лейтенантом госбезопасности Егоровым, была заброшена в тыл противника на базу партизанской бригады 20 августа и вышла из тыла врага 10 сентября 1943 года...»²

Исключительно настороженно к пополнению, прибывавшему из числа местного населения, относилось командование 248-й отдельной стрелковой бригады. Так, в приказе по бригаде от 10 марта 1943 г. отмечалось: «За последнее время установлены случаи самовольного приема на службу в кадры РККА лиц из гражданского населения без ведома штаба бригады и санкций особого отдела. В результате чего в некоторых частях под видом

¹ Но по данным немецкого историка С. Штоппера, начальник штаба 442-й дивизии специального назначения генерал-лейтенант Карл Бронеманн не был убит партизанами. При отступлении войск Вермахта он вместе 9-й армией отошел в Бобруйск, несколько месяцев командовал 410-й пехотной дивизией. В 1945 г. он служил комендантом Вюцбурга. К. Бронеманн умер в 1979 г., в возрасте 94 лет, в Вене. (См. Трифанков Ю.Т., Шапцева Е.Н., Дзюбан В.В. Партизаны и предатели. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм. – Брянск, 2012. – С. 350-352).

² Цит. по: Война и женская судьба / Отв. ред. и сост. проф. А.Ю. Друговская. – Курск, 2000. – С. 243.

гражданского населения попали чуждые элементы, которые занимались антисоветской пропагандой среди войск». Командир бригады полковник И.А. Гусев потребовал запретить принимать в части дивизии лиц из гражданского населения без санкции особого отдела. Всех принятых на службу предлагалось немедленно подвергнуть проверке¹.

Зачастую гитлеровских пособников настигало и внесудебное возмездие партизан или сотрудников опергрупп НКВД. Расправу над полицейскими учиняли не только партизаны, но и бойцы наступающей Красной Армии. В период наступления наших войск особое внимание уделялось гражданам, сотрудничавшим с немецкой властью. При заходе в деревню сразу же направляли разведгруппы по домам, где они вылавливали полицейских и старост. Без долгих разговоров задержанные ставились в стенку и расстреливались. Уловив суть происходящего, другие полицейские в период вхождения передовых армейских частей, прятались в отдаленных местах и лишь после прихода сотрудников НКВД, возвращались в деревню с повинной².

Чтобы уйти от возмездия наступавших воинов Красной Армии, полицейские и бывшие старосты прибегали к различным уловкам. Так, в селе Афанасьевка Тимского района один из местных служителей немецкой полиции начал распространять слухи о том, что к окраине села подходит большая группа германских военнослужащих, прорывавшихся из кольца окружения в районе Горшечного. Поверив в такие сообщения, старики, женщины и подростки, участвовавшие в расчистке дороги от снега, разбежались по домам. Эта ситуация была использована только для того, чтобы бойцы 104-й стрелковой бригады, проводившие подворную проверку в освобожденном населенном пункте, не смогли разыскать бывшего пособника оккупантов³.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 2051. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

² Ковтун И.И. Русская полиция. – М., 2010. – С. 234.

³ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 66. Л. 198.

10 февраля 1943 г., на второй день после освобождения Курска от немецко-фашистских захватчиков, бойцами 129-го армейского заградительного отряда (АЗО) было задержано 204 человека, из них – 13 бывших полицейских¹. В одном из политдонесений начальника политотдела 60-й армии генерал-майора К.П. Исаева описывался следующий эпизод. Жители освобожденного Курска и воины 322-й стрелковой дивизии были немало удивлены тому, как хрупкая женщина, вооруженная берданкой, на улице города конвоировала двух мужчин, которые еще несколько дней назад служили в подразделениях городской полиции².

Вступая в освобождённые села Курской области, красноармейцы, сопровождаемые местными жителями, стремились, в первую очередь, обрушить праведный гнев на бывших служителей «нового порядка». Так, ветеран труда, почетный железнодорожник Г.П. Манжосов – житель села Сремоухово-Бобрик Льговского района вспоминал такой случай: «22 февраля в нашу хату зашел молодой командир. Он в охапку сгреб отца и расцеловал мать. Как оказалось, в числе первых разведчиков в наше село возвратился Андрей, работавший до войны с отцом молотобойцем в колхозной кузнице. Мать пригласила его и еще трех бойцов к столу. За обедом отец рассказал Андрею, что их сосед служил в сельской администрации старшим писарем и постоянно досаждал односельчанам. Услышав это, Андрей схватился за автомат: «Сейчас мы рассчитаемся с этим гадом за все грехи!» Мать с трудом уговорила воина-освободителя не трогать этого фашистского прихвостня. Через несколько лет после войны бывший писарь погиб. Его завалило глиной на берегу речки. Ходили слухи, что добрые люди ему помогли...»³

Еще в период войны бывшие военнослужащие РОА и РОНА, участники полицейских формирований по окончании боевых действий нередко отказывались сложить оружие. Бывшие «стражи порядка», кто

¹ Там же. Л. 264.

² Там же. Л. 254.

³ Из личного архива Д.Г. Манжосова.

оставался на освобожденных от врага территориях, сколачивали банды, поначалу носившие политический, а позднее, явно криминальный характер.

Российские исследователи В.П. Зайцев и В.В. Туков в своих трудах отмечают, что «значительная часть полицейских, представителей оккупационной администрации и других лиц, сотрудничавших с фашистами, в силу различных обстоятельств не ушли со своими хозяевами, остались в местах своего проживания, перейдя на нелегальное положение.

Эти лица не собирались идти с повинной, а настраивались на борьбу с советской властью, прежде всего, вооруженным путем. Некоторые из гитлеровских пособников остались на освобожденной территории по приказу своих хозяев для ведения разведывательно-диверсионной деятельности против Красной Армии, надеясь, что гитлеровцы еще вернуться»¹.

В прифронтовых районах Курской области скрывалось немало предателей и пособников фашистов. Вместе с уголовными элементами, дезертирами из рядов Красной Армии, они создавали бандгруппы. Некоторые из них даже пытались заниматься политическим террором, ставя перед собой задачи оказания помощи немецким войскам и ведения террора против местного актива². В качестве иллюстрации приводим выдержки из письма мужу на фронт колхозницы из Фатежского района З. Дурицыной: «У нас полные леса дезертиров, которые организовали банды. Ночью грабят и убивают. Может и меня утром не будет, так как в каждом дворе бывают, скоро всех овец подберут и самих расстреливают...»³

Для поддержания порядка в прифронтовом тылу и организации борьбы с диверсантами и вражескими шпионами, различными бандитскими формированиями, 19 марта 1943 г. приказом начальника областного

¹ Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. – Краснодар, 2007. – С. 148-149.

² Яценко К.В. Фронтовой регион. Центральное Черноземье в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. – Курск, 2006. – С. 189.

³ Цит. по: Пилишвили Г.Д. Боевая деятельность истребительных батальонов в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (1941-1945). – Курск, 2007. – С. 121.

Управления НКВД подполковника госбезопасности П.М. Аксёнова была восстановлена деятельность истребительных батальонов¹. В их состав зачислялись молодые люди 1926-1927 годов рождения, не подлежащие призыву в РККА. В Курской области к началу июня 1943 г. действовало уже 53 батальона, насчитывавших 3590 бойцов².

С первых дней боевой деятельности бойцы истребительных батальонов, неся охранную службу, привлекались к борьбе с пособниками фашистов: полицейскими, дезертирами, сотрудниками охранных структур, бойцами РОА и РОНА.

С апреля по декабрь 1943 г. бойцами истребительных батальонов области была задержано 7928 человек, из них – более 90 пособников фашистов и 1470 дезертиров из рядов Красной Армии³. Во время несения караульной службы и проведения облав на пособников фашистов, бойцам истребительных батальонов и членам групп содействия часто приходилось рисковать жизнью, проявляя при этом оперативность, выдержку и находчивость.

Наибольшее число задержаний было проведено бойцами Пристенского, Львовского, Суджанского, Поныровского и Щигровского истребительных батальонов. Так, 31 мая 1943 г. группа содействия Суджанскому истребительному батальону в лесу у села Гuevo обнаружила и ликвидировала банду (из 7 человек), состоящую из дезертиров и бывших полицейских⁴.

20 июля 1943 г. у села Коньшино Боброво-Дворского района (ныне это Губкинский район Белгородской области) во время осмотра лесисто-овражистой местности был обнаружен бойцами истребительного батальона вооруженный человек. Он попытался скрыться, но в ходе завязавшейся перестрелки, погиб. Им оказался бывший полицейский, активный пособник

¹ Суровая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Сб. документов. – Курск, 2007. – С. 229-231.

² См.: Пилишвили Г.Д. Указ. соч. – С. 121.

³ Пилишвили Г.Д. Указ соч. – С.131.

⁴ Яценко К.В. Указ соч. – С. 199.

врага, скрывавшийся в овраге от справедливого возмездия¹. В Новооскольском районе долгое время действовал бандит А.Д. Гиленко. В период оккупации он служил старшим полицейским и был лично причастен к расстрелу пленного комиссара Красной Армии.

Во время освобождения территории Новооскольского района войсками Красной Армии, А. Гиленко вместе со своими хозяевами отступил на запад. Но вскоре он возвратился в родные края и занялся грабежом личных хозяйств колхозников. Командир районного истребительного батальона мл. лейтенант милиции Силин узнал, что на территории колхоза «Красная долина» скрывается А.Д. Гиленко. Он организовал местных колхозников для поимки бандита. В ходе задержания А. Гиленко оказал вооружённое сопротивление, но был убит. У погибшего были найдены пистолет, граната в боевом состоянии и немецкий кинжал².

В июле 1944 г., совместно сотрудниками отдела по борьбе с бандитизмом областного управления НКВД (начальник отдела – полковник госбезопасности И.Я. Ежов), бойцы Фатежского истребительного батальона провели ликвидацию в Литвиновском лесу банды И.И. Евдокимова, известного под кличкой «Голец». В ходе операции было убито двое бандитов: один из них – бывший полицейский, а второй – дезертир из рядов Красной Армии. К сожалению, задержать главаря банды не удалось, он смог скрыться в Колыческом лесу³.

Как отмечалось в докладной записке начальника УНКВД по Курской области, комиссара госбезопасности Б.П. Трофимова, направленной 9 марта 1945 г. в Главное Управление по борьбе с бандитизмом НКВД СССР, за второе полугодие 1944 г. при участии бойцов истребительных батальонов области и групп содействия было задержано 44 бандита и бывших

¹ Яценко К.В. Указ соч. – С. 198.

² ГАОПИКО.Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2963. Л. 145; Яценко К.В. Указ соч. – С.198.

³ Пилишвили Г.Д. Указ. соч. – С. 146.

пособников врага, 502 дезертира из рядов РККА или лиц, уклонявшихся от воинского призыва¹.

В I квартале 1945 г., на заключительном этапе войны, бойцы истребительных батальонов области осуществили 294 задержания, в том числе: 30 дезертиров из Красной Армии, 59 – с объектов трудового фронта, 13 уголовников (в основном, бывших полицейских)².

Отмечая значительный вклад бойцов истребительных батальонов Курской области в борьбу с последствиями коллаборационизма, подчеркнем, что за период с июля 1943 по сентябрь 1944 гг. ими было задержано 53 бывших старосты и полицейских, ликвидировано 26 агентов противника, 66 различных бандитов, 2614 дезертиров из рядов Красной Армии и 2182 дезертиров с объектов трудового фронта, 455 уголовников, 30 – сбежавших из лагерей для военнопленных, 48 – покинувших места заключения, 495 мародёров и спекулянтов³. Эти показатели отражали тот огромный вклад, который внесли бойцы истребительных батальонов в борьбу с пособниками фашистов и ликвидацию социальной базы коллаборационизма.

Всего же за три года войны (июль 1941 – июль 1944 гг.) сотрудниками отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД по Курской области и бойцами истребительных батальонов было задержано 128 активных коллаборационистов, из них 1 бургомистр, 14 полицейских, 5 старост, 4 изменника Родины и 103 пособника оккупантов⁴.

Не менее существенную роль в деле охраны и наведения порядка в тылах действующих фронтов, в задержании дезертиров из рядов Красной Армии и лиц, ранее активно сотрудничавших с немецко-фашистскими

¹ Суровая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Сб. документов. – Курск, 2007. – С. 803.

² Пилишвили Г.Д. Указ. соч. – С. 148.

³ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 493. Л. 30; Пилишвили Г.Д. Указ. соч. – С.153.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 493. Л. 14, 30.

оккупантами, играли войска Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) по охране войскового тыла¹.

27 июня 1941 г. постановлением СНК СССР № 1756-762сс охрана тыла в Действующей армии была возложена на особые части войск НКВД². На базе управлений пограничных войск НКВД всех западных округов с этой целью были сформированы управления начальников охраны тыла фронтов. В оперативное подчинение им были переданы войска НКВД (пограничные, оперативные, конвойные, по охране железнодорожных сооружений и важных предприятий промышленности), располагавшиеся в зоне действий соответствующих фронтов³.

Несмотря на относительную малочисленность, а также выполнение функций не всегда присущих для них, войска НКВД по охране тыла Действующей армии с первых месяцев войны успешно выполняли задачи по задержанию вражеских шпионов, диверсантов, дезертиров из рядов Красной Армии и лиц, завербованных немецкими разведслужбами.

В докладной записке руководства НКВД СССР, направленной 28 апреля 1942 г. В ГКО, отмечалось, что с июля 1941 по апрель 1942 гг. разведкой войск НКВД было задержано 1627 шпионов и диверсантов, 3798 ставленников немецко-фашистской власти и пособников врага⁴.

Так, 30 декабря 1941 г. начальник войск по охране тыла Юго-Западного фронта (ЮЗФ) генерал-майор В.Т. Рогатин докладной запиской сообщил заместителю начальника Управления войск НКВД по охране тыла А.М. Леонтьеву о том, что бойцами 92-го пограничного полка, действовавшего в тылу 21-й армии ЮЗФ, был задержан 21 декабря 1941 г.

¹ См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). – М., 2000. – С. 74, 84-85; Там же. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига» (6 января – 30 июня 1942 г.). – С. 383.

² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). – М., 2000. – С. 74, 84-85.

³ Там же. – С. 84.

⁴ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». (1 января – 30 июня 1942 г.). – М., 2003. – С. 383.

бывший красноармеец 154-го полка войск НКВД, житель села Чернянка Курской области А.С. Пауков. На территории Курской области 9 декабря 1941 г. он перешел линию фронта со стороны противника. При задержании А.С. Паукова было установлено, что он был диверсантом и сигнальщиком немецкой военной разведки. Он был завербован Абвером, находясь в Харькове в плену. На допросах А. Пауков показал, что он был переброшен в расположение войск ЮЗФ с заданием организовать диверсионную банду и провести бандитские налеты в Чернянском, Ново- и Старооскольском районах, нападая на подразделения Красной Армии с целью уничтожения в них командиров и политработников. Немецкому лазутчику поручалось следить за продвижением железнодорожных составов с людьми, техникой, боеприпасами и подавать условные сигналы немецким самолетам, а также вести пораженческую агитацию среди местного населения, направленную на пользу германской армии¹. А.С. Пауков назвал 21 фамилию местных жителей, кого немецкая разведка рекомендовала как «надежных» исполнителей ее планов. 9 из них – жители Чернянки, 7 – Нового Оскола и 5 – Старого Оскола².

28 апреля 1942 г. приказом Наркома внутренних дел СССР № 00852 было утверждено Положение о войсках НКВД по охране тыла Действующей армии. Согласно документу охрана тыла фронтов «выполняется войсковыми частями и тыловыми учреждениями НКО и специально выделенными частями войск НКВД СССР. На войска НКВД, охраняющие тыл действующей армии, возлагались такие задачи как: борьба с диверсантами, шпионами и бандитскими элементами в тылу фронта; борьба с дезертирами и мародерами; ликвидация отрядов и групп противника, проникающих или забрасываемых в тыл фронта (автоматчики, парашютисты, сигнальщики); в

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало (1 сентября – 31 декабря 1941 г.). – М., 2000. – С. 488-489.

² 21 февраля 1942 г. Военным трибуналом войск НКВД по охране тыла 21-й армии А.С. Пауков был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу (там же, с. 489).

особых случаях – ведение охраны коммуникаций на определенных участках¹. Приказом НКВД СССР № 00974 от 12 июня 1943 г. был утвержден новый типовой штат Управления войск НКВД по охране тыла фронта².

Особый интерес для исследователей представляет деятельность войск НКВД по охране тыла Центрального, Воронежского и Степного фронтов (располагавшихся на территории Курской области – авт.) весной-летом 1943 г., в ходе подготовки и проведения боевых операций на Курском выступе.

Как следует из отчетных документов Управления войск НКВД по охране тыла Центрального фронта (начальник Управления – полковник Б.П. Серебряков), в течение марта 1943 г. было задержано 333 военнослужащих, вышедших из окружения. Это объяснялось тем, что в феврале 1943 г., в дни наступательных действий Красной Армии, отдельные подразделения прорывались в тыл противника и нередко попадали в окружение. Впоследствии они выходили из него мелкими группами.

Резкое увеличение числа задержанных ставленников и пособников врага (566 против 47 в феврале 1943 г.) было связано с тем, что войска Центрального фронта расположились на территории, уже освобожденной от немецко-фашистских оккупантов³.

13 апреля 1943 г. полковник Б.П. Серебряков сообщил начальнику Управления войск НКВД по охране тыла Действующей армии комиссару госбезопасности А.М. Леонтьеву о том, что «высланными от 2-го погранполка тремя оперативными группами по проверке населенных пунктов вдоль основных фронтовых и армейских дорог за период с 21 марта по 8 апреля задержано 353 человека, из них: военнослужащих – 292, гражданских – 61».

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». (1 января – 30 июня 1942 г.). – М., 2003. – С. 385.

² РГВА. Ф. 32891. Оп.1. Пояснительная записка; Коннов Ю.В. Войска НКВД СССР по охране тыла, действующей Красной Армии в Курской битве (Белгородское направление) // Военно-исторический архив. – 2006. – № (75). – С.132.

³ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 73. Л. 27.

Из числа задержанных военнослужащих были: 5 вооруженных бандитов, 23 дезертира, 207 бойцов, отставших от своих частей; 46 человек без установленных документов, 9 – обменивавших военно-хозяйственное имущество на продукты или спиртные напитки¹.

В апреле 1943 г. увеличилось количество задержанных дезертиров из рядов Красной Армии (306 против 131 в марте) и изменников Родины (34 на 11 в марте 1943 г.). Такая тенденция определялась качеством пополнения войск Центрального фронта, призываемых из числа местных жителей с территорий Орловской и Курской областей, недавно освобожденных от оккупантов. Увеличилось и число выявленных бандитов (15 против 6 в марте), в основном, из числа бывших военнослужащих морально разложившихся или дезертировавших из своих частей².

Из 29 разоблаченных шпионов, двое были установлены разведотделением Управления войск по охране тыла. В мае 1943 г. уменьшилось число задержаний пособников врага (40 против 117 в апреле). Это был результат стабильности линии фронта и проведенных мероприятий по очистке тыла в предшествующие месяцы (март – апрель 1943 г.)³.

За несколько дней до начала Курской битвы, 1 июля 1943 г., дозором в составе красноармейцев Крипакова (старший) и Шахова, высланным 4-й заставой 157-го погранполка, был задержан агент-парашютист противника, вооруженный револьвером «Наган», имевший при себе рацию, 700 рублей советскими денежными знаками, немецкий компас, часы и электрический фонарь⁴.

В августе 1943 г. войска Центрального фронта, преодолевая упорное сопротивление противника, успешно продвигались вперед. На территории, Курской и Орловской областей, освобожденных от врага, оставалось значительное количество агентов, ставленников и пособников оккупантов.

¹ Там же. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 72. Л. 24.

² РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 73. Л. 41.

³ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 73. Л. 91.

⁴ Там же.

Они скрывались в населенных пунктах тыловых районов, в лесах, заброшенных оборонительных сооружениях и в других местах.

Общее число задержаний в августе по отношению к июлю 1943 г. возросло на 487 человек (4509 против 4022). Увеличилось и количество задержанных лиц, обвиняемых в коллаборационизме – на 660 чел. (756 против 96 в июле). Это объяснялось выявлением на освобожденной территории значительного числа агентуры, изменников Родины, ставленников и пособников врага¹.

Поиск и обезвреживание десантируемой агентуры противника стали одной из главных задачи войск НКВД по охране тыла Центрального фронта. Так, 28 июня 1943 г. самолёт противника северо-восточнее села Тазово выбросил агента-парашютиста, одетого форму лейтенанта Красной Армии. Отдельно на грузовом парашюте был выброшен узел с продуктами, а также чемодан с чистыми бланками документов (командировочные предписания, справки о пребывании в госпитале, продовольственные аттестаты и др.) частей и соединений Центрального фронта

29 июня 1943 г. приземление грузового парашюта было замечено часовым в селе Тазово. Для задержания приземлившегося агента-парашютиста, по приказу начальника войск НКВД по охране тыла Центрального фронта были высланы 22 оперативные и разведывательно-поисковые группы (численностью 10-40 человек каждая). К поискам были привлечены Свободинский истребительный батальон (до 100 человек) и члены «бригады содействия» из близлежащих сел.

1 июля 1943 г. дозор в составе красноармейцев П.С. Крипакова (старший) и В.И. Шахова двигался к перекрестку дорог у села Малахово и заметил неизвестного в военной форме. Он вышел из посевов ржи и быстро присоединился к проходившей по дороге группе военнослужащих, в составе которой направился к Курску.

¹ Там же. Л. 116-116-об.

Ускорив движение, наряд сблизился с группой, следовавшей по дороге. Интересовавший их военнослужащий был одет в форму лейтенанта Красной Армии и имел новые знаки различия – погоны. Старший наряда остановил лейтенанта и предложил предъявить документы. Офицер ответил, что идет в свою часть в Курск, но документов при себе не имеет. Задержав подозреваемого, наряд изъял у него револьвер «Наган», немецкий компас и перочинный нож. Начальник разведотдела 1-го стрелкового батальона 157-го пограничного полка капитан Быков установил, что задержанный является агентом-парашютистом, десантировавшимся 28 июня 1943 г. с самолета¹.

Заслуживает внимания и описание действий служебного наряда 3-й резервной заставы 16-го пограничного полка по задержанию 12 августа 1943 г. агента-парашютиста в районе с. Генеральшино. По данным разведотдела полка стало известно, что ночью 10 августа 1943 г. противник десантировал несколько агентов-парашютистов, двое из которых были задержаны. Командир 3-го стрелкового батальона приказал начальнику 3-й резервной заставы на дороге Дмитриев-Фатеж выставить КПП, а местность, прилегающую к нему, перекрыть подвижными служебными нарядами.

Днем рядовой наряда Лапин остановил автомашину, следовавшую в сторону Фатежа. В ней сидели 8 военнослужащих Красной Армии. Командир наряда старший сержант Чешев приступил к проверке документов. На требование предъявить документы, один из военнослужащих, в звании младшего лейтенанта, заявил: «Какие тебе документы, у меня все в порядке».

Но проверяя командировочное предписание младшего офицера, старший сержант Чешев обнаружил исправления в дате выдачи предписания, пункте назначения и потребовал предъявить документы, удостоверяющие его личность. Младший лейтенант предъявил удостоверение личности, в котором Чешев также обнаружил исправления. Военнослужащий был доставлен на

¹ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 72. Л. 73-74-об.

заставу. Им оказался агент, заброшенный 10 августа 1943 г. с самолета противника¹.

Важным направлением оперативной деятельности по охране тыла Центрального фронта в населенных пунктах, освобожденных от противника, был поиск лиц, сотрудничавших с оккупантами. Так, 1 августа 1943 г. командир 2-го стрелкового батальона 98-го пограничного полка майор Иванов «для розыска и задержания враждебного элемента в освобожденных от противника селах», принял решение выслать разведывательно-поисковую группу в направлении села Червяк-Знаменский (ныне Свердловский район Орловской области).

2 августа, следуя по дороге к этому селу, мл. лейтенант Горланов узнал от проходящих военнослужащих, что наши части освободили хутор Вендеровский. Для своевременного задержания пособников врага в указанном населенном пункте, командир группы выставил на окраине хутора наблюдателей. Местные жители указали, что бургомистр Гуторов скрывается в саду на южной окраине селения. Не снимая наблюдателей, разведывательно-поисковая группа произвела обыск, где и был задержан бургомистр. По полученным от него данным было задержано еще шесть пособников врага. В результате действий разведывательно-поисковой группы в течение четырех суток удалось задержать 14 предателей². С 5 по 10 августа разведывательно-поисковая группа 10-й заставы 98-го пограничного полка задержала 20 пособников врага³.

Тыловые районы 6-й и 7-й гвардейских армий в полосе войск Воронежского фронта охраняли бойцы 90-го и 92-го пограничных полков. Всего на белгородско-харьковском направлении действовали 5 пограничных полков, маневренная группа, 2 стрелковых полка и 2 стрелковых бригады

¹ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 72. Л. 94-94-об.

² РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 72. Л. 105-105-об.

³ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 72. Л. 103-103-об.; Коровин В.В. О боевой и оперативно-служебной деятельности войск НКВД по охране тыла Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // «Огненная дуга»: Матер. Всеросс. науч. конф. – Курск, 2013. – С. 23-30.

внутренних войск НКВД СССР¹. Так, 92-й пограничный полк располагался на территории Шебекинского и Больше-Троицкого районов Курской области².

Основным направлением их деятельности стала фильтрация военнослужащих и гражданских лиц, перемещавшихся по фронтовой полосе. Во время действий дозоров и РГП осуществлялись частые задержания диверсантов, дезертиров и пособников фашистов. Так, в течение июня 1943 г. подразделения 41-го ПП УВ НКВД по охране тыла Воронежского фронта задержали 26 человек, из них 5 были разоблачены как бывшие агенты гестапо³. Все они были переданы для проведения следствия Суджанскому РО НКВД. В июле 1943 г. в полосе действия этого же полка было произведено 13 задержаний. Пятеро из них оказались предателями Родины. Все они были этапированы в Суджанское и Краснопольское РОВД⁴.

В документах управления войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта приводятся и такие сведения. За июнь-июль 1943 г. ими были задержаны 6965 военнослужащих, дезертировавших из частей РККА (93-я гв. стрелковая дивизия – 969, 52-я гв. дивизия – 648 человек, 51-я гв. дивизия – 703 человека и др.)⁵. Бойцами подразделений войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта также были произведены задержания бывших старост в некоторых селах Ивнянского района⁶.

Так, в колхозе «Красная Армия» красноармеец Тюленев задержал местного жителя. При проверке документов тот заявил: «Уже мне надоело все, везде проверяют, останавливают. Неужели я такой подозрительный. Ведь я местный житель... Разве враги ходят здесь... Здесь не бывают шпионы». Но при досмотре было обнаружено свидетельство об

¹ Коннов Ю.В. Указ. соч. – С.129-132.

² ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 255. Л. 1, 12-13.

³ РГВА. Ф. 38757. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁴ Коннов Ю.В. Указ. соч. – С.143.

⁵ РГВА. Ф. 32891. Оп. 1. Д. 91. Л. 231.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 255. Л. 115.

освобождении от службы, написанное на немецкой бумаге. При допросе он был изоблачён как агент немецкой разведки¹.

23 августа 1943 г., в день окончания Курской битвы начальникам всех управлений войск НКВД по охране тыла в Действующей армии внесли дополнительно в обязанности содействовать местным органам государственной власти и органам военной прокуратуры в установлении и расследовании факторов злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Это содействие заключалось в выделении специальных команд для проведения экзгумации жертв оккупантов и их пособников, охране мест захоронения и ведения следственных действий².

Войска НКВД по охране тыла Центрального и Воронежского фронтов в соответствии с возложенными на них боевыми задачами выполняли функции обеспечения безопасности в прифронтной полосе обороны советских войск на северном и южном фасах Курской дуги. Тем самым они внесли посильный вклад в достижение общей победы в Курской битве.

В январе 1944 г. Народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия доложил И.В. Сталину о деятельности войск НКВД по охране тыла Действующей армии в 1943 году: «...В процессе очистки территории, освобождённой от противника, и при несении службы по охране тыла фронтов задержано для проверки 931549 человек. Из общего количества задержанных было разоблачено и арестовано 80296 человек, из них: агентуры противника – 4822; изменников и предателей – 14626; полицейских и карателей – 5663; немецких ставленников и пособников – 21022; дезертиров из Красной Армии – 23418; мародеров – 929; прочего преступного элемента – 9816. Кроме того, удалось задержать 95 агентов-

¹ Коннов Ю.В. Указ. соч. – С. 145.

² Коннов Ю.В. Указ. соч. – С. 134.

парашютистов германской разведки, которые передавались органам «Смерш»¹.

Представленные в данном параграфе материалы свидетельствуют о том, что выполняя директивы партийных органов, соответствующих структур НКВД и НКГБ СССР, партизаны и подпольщики в 1942-1943 гг. развернули борьбу против граждан, активно помогавших оккупационному режиму. Руководители народного сопротивления считали делом чести наказать пособников германского фашизма. Народные мстители часто «карали» не только сами полицейских, но и их родственников. Жертвами партизанского возмездия часто становились и семьи полицейских. Действия подобного рода среди партизан воспринимались как явление, обусловленное военными и идеологическими соображениями. Сомнительно, чтобы жестокость, с которой немцы устанавливали свой оккупационный режим, не вызвала «адекватного ответа». Трудно не поверить в то, что жестокая борьба полиции против партизан не провоцировала народных мстителей на аналогичные меры.

В военное время многие лица, активно служившие врагу, приговаривались к смерти. Только после войны бывшие сотрудники полиции (в случае, если они не совершали военных преступлений) могли рассчитывать на наказание в виде лишения свободы.

С течением времени партизаны и подпольщики стали засылать в полицейские гарнизоны надежных людей с целью разложения их изнутри. Участились личные контакты подпольщиков, партизанских командиров и политработников с отдельными полицейскими, с целью подготовки групповых переходов на сторону партизан. Увеличению количества таких переходов способствовали письма от бывших полицейских, ставших

¹ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956): Сб. документов / Сост.: Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М., 2008. – С. 41.

партизанами, которые передавались подпольщиками в немецко-полицейские гарнизоны.

Важную роль в целенаправленной борьбе с коллаборационизмом на территории Курской области играли подразделения истребительных батальонов и части внутренних войск НКВД по охране тыла Центрального, Воронежского и Степного фронтов. Деятельность таких войск была многоплановой, направленной на обеспечение безопасности частей Красной Армии. Она целиком была подчинена единой для всех цели – достижения скорейшей победы над коварным врагом.

4.2 Деятельность партийно-политических структур Курской области по привлечению к ответственности коллаборационистов

Учитывая негативные последствия коллаборационизма для государства и его граждан, и принимая во внимание жесткие требования, предъявляемые ЦК ВКП(б) к соблюдению членами партии устава ВКП(б), очищению партийных рядов от тех лиц, кто был уличен в сотрудничестве с оккупационными властями, партийные органы Курской области, а также первичные организации предприятий и учреждений развернули активную работу по привлечению пособников оккупантов к ответственности. Первым политическим актом, определившим стратегию местных партийных и советских органов по преодолению последствий коллаборационизма на территории региона, стало совместное постановление бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполкома от 1 февраля 1943 года.

В нем особо подчеркивалось, что «на территории районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, имеют место вылазки контрреволюционных элементов, направляющих действия на срыв мероприятий по восстановлению народного хозяйства и культурной жизни». Бюро обкома ВКП(б) и исполком областного совета депутатов трудящихся обратили внимание начальника Управления НКВД П.М. Аксёнова и его

заместителя по милиции Д.Н. Терентьева на необходимость «скорейшего изъятия из сел всех предателей и изменников Родины»¹. Исполкомы райсоветов и РК ВКП(б) с целью оперативного устранения контрреволюционных элементов запретили въезд и выезд населения из всех сел, впредь до особого распоряжения.

Более конкретная программа действий была определена в постановлении X пленума обкома ВКП(б), состоявшегося 1-3 апреля 1943 года. В этом документе определялась необходимость «с помощью населения внимательно разобраться во влиянии фашистской пропаганды на различные слои населения и выявить явных предателей Родины и фашистских агентов».

Органам НКВД, суда, прокуратуры, было предложено ускорить работу по очищению районов области от вражеской агентуры и предателей. Райкомы ВКП(б) обязаны были тщательно проверять поведение каждого коммуниста, остававшегося на оккупированной территории. В постановлении содержались требования исключать из партии всех «трусов, изменников и шкурников, стремившихся сохранить свою жизнь и не боровшихся с немецкими оккупантами, при этом, не допуская огульного подхода при решении [подобных] вопросов»².

Особым направлением в совместной деятельности партийных и органов государственной безопасности области стала борьба с дезертирством бойцов и командиров из партизанских отрядов, действовавших на территории региона, привлечение таких лиц к партийной ответственности. Проиллюстрируем эту деятельность на примерах Обоянского, Льговского, Гушковского, Рыльского партизанских отрядов, созданных при активном участии райотделов НКВД осенью 1941 года.

Так, 8 ноября 1941 г. командир Обоянского партизанского отряда И.Т. Ильин и второй секретарь РК ВКП(б), комиссар партизанского отряда

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2915. Л. 62.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2897. Л. 4; Суровая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Сб. документов. – Курск, 2007. – С. 188.

Ф.Д. Переверзев прибыли в штаб отряда на квартиру семьи Кот. Было созвано экстренное собрание личного состава отряда, на котором присутствовало 12 бойцов. Ф.Д. Переверзев отдал устное распоряжение: «Приказываю разойтись по домам, ...оружие попрятать. Спасай себя, кто как может. По части сбора, когда нужно, я вам сообщу, остальное я сам объявлю...»¹.

Бойцы отряда приняли решение действовать мелкими группами. Когда у них закончились продукты, партизаны вскрыли одну из ям закладки. Оказалось, что здесь отсутствует спирт, а в земляной яме оставались лишь сало и крупа. В 1943 г., после освобождения территории района, удалось выяснить, что спирт с базы забрали командир и комиссар отряда И.Т. Ильин и Ф.Д. Переверзев². Таким образом, как боевая единица, Обоянский партизанский отряд прекратил деятельность уже в ноябре 1941 года. На начальном этапе оккупации района И. Ильин и Ф. Переверзев скрывались на мельнице у местного жителя, через несколько недель они ушли с территории района, и появились только в период январского (1942 г.) наступления советских войск на Обоянь³.

10 января 1942 г. бюро Курского обкома ВКП(б) отметило, что ряд отрядов (в т.ч. Обоянский – авт.) длительное время не ведет активной борьбы с врагом. Бюро обкома расценило такое поведение руководителей партизанских отрядов, как «проявление трусости и фактическое дезертирство»⁴. 31 марта 1942 г. был утвержден новый состав Обоянского отряда – это 23 человека в главе с председателем райсовета Н.И. Козловым.

В феврале 1943 г. в Обоянь возвратился Ф.Д. Переверзев, который после побега из немецкого лагеря в Короче, скрывался у своих

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 186. Л. 23.

² Там же. Л. 23-об.

³ Там же. Л. 6; Коровин В.В. Из истории организации партизанской борьбы на территории Обоянского района // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сб. матер. межрегион. науч.-практич. конф. – Обоянь, 2013. – С. 134.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 91. Решением бюро обкома ВКП(б) от 10 января 1942 г. И.Т. Ильин был отстранен от командования партизанским отрядом.

родственников¹. За короткие сроки он подготовил отчет о боевых действиях партизанского отряда с октября 1941 по февраль 1943 гг. Но содержание отчета было поставлено под сомнение руководством райотдела НКВД². В ходе партийной проверки удалось выяснить, что многие коммунисты открыто проживали на оккупированной территории, не ведя никакой борьбы с врагом. Решением бюро РК ВКП(б) большинство из них были исключены из партийных рядов и сняты с занимаемых должностей³.

В октябре 1941 г., еще не приступив к боевым операциям, прекратил свою деятельность Львовский партизанский отряд (командир – И.К. Гусев). В докладной записке, направленной в обком ВКП(б), указывалось, что основными причинами распада отряда были: отсутствие должной дисциплины среди его бойцов; бесхозяйственное отношение к продуктам питания; изоляция бойцов отряда от местного населения; отсутствие теплой одежды и обуви в условиях холодной осени. Командование отряда отправило партизан из числа жителей Львовского района по домам⁴. Осенью 1941 г. из Львовского партизанского отряда дезертировал начальник штаба – секретарь Львовского райкома партии по кадрам И.Д. Ерёмин. Тайком покинув базу отряда, он с собой увел лошадь, необходимую для партизан⁵.

Еще более тревожное положение сложилось в Глушковском районе. По утверждению командира партизанского отряда А.Я. Синегубова, ему удалось к марту 1942 г. создать 7 подпольных групп в селах района. Но как следует из материалов проверки, проведенной органами НКВД, «о существовании подпольных групп районе никто не знал и они ничего не делали»⁶.

¹ Там же. Д. 186. Л. 7.

² Там же. Л. 22.

³ Коровин В.В. Указ. соч. – С.139.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54. Л. 13, 17; Коровин В.В. Поднимались воины народа. – Курск, 2007. – С. 110.

⁵ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 191. Т. 2. Л. 10.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 150. Л. 284.

В 1942-1943 гг. личный состав Глушковского отряда длительное время бездействовал¹. В ходе послевоенного расследования курским чекистам удалось установить, что, например, боец отряда Г.А. Андриенко, который до оккупации работал агрономом Глушковской МТС, самовольно покинул партизанский отряд. В первые дни оккупации он добровольно явился к бургомистру и стал на учет как коммунист. В ноябре 1941 г. был принят на работу агрономом Кульбакинского участка и получил право беспрепятственного передвижения по территории района. Работая агрономом, Г.А. Андриенко проводил обыски, изымал хлеб у населения для нужд немецкой армии². Сотрудничество бывшего подчиненного с оккупантами не помешало А.Я. Синегубову 20 июня 1943 г. представить Г.А. Андриенко к награждению медалью «Партизану Отечественной войны I степени»³.

5 октября 1941 г. оккупационные власти арестовали командира Рыльского партизанского отряда И.А. Дроздова, выданного местным жителем. После двухнедельного пребывания в тылу противника, Рыльский отряд по распоряжению комиссара А.Т. Майского был распущен. Бойцам было предложено самостоятельно добираться до Старого Оскола, где находилось руководство области⁴. Но никто из бойцов отряда не стал этого делать, предпочтя оставаться дома и не вести борьбу с врагом⁵.

Уже после окончания войны, в 1949-1950 гг. партийные взыскания были вынесены бывшим командирам Поныровского и Глушковского партизанских отрядов В.А. Ковалю и А.Я. Синегубову за явную поддержку коллаборационистов и необъективную оценку деятельности многих бойцов и командиров партизанских отрядов. Речь шла о людях, которые

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 96; ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 150. Л. 286.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 176. Л. 290-291; Коровин В.В. Глушковские партизаны: правда и вымысел // Курский военно-исторический сборник. – Вып. 2. – Курск, 2011. – С.53.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 402. Л. 17.

⁴ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54. Л. 13, 17.

⁵ Коровин В.В. Поднимались воины народа. – Курск, 2007. – С. 110.

дезертировали из отрядов и активно поддерживали связь с оккупантами в период ведения боевых действий на территории региона¹.

Во всех освобожденных районах области в течение февраля-марта 1943 г. активно шел процесс организационного укрепления районных партийных организаций, восстановление регулярной работы бюро райкомов ВКП(б). На заседаниях бюро райкомов ВКП(б) рассматривались персональные дела тех коммунистов, которые оставались на оккупированной территории и обвинялись в сотрудничестве с оккупантами.

Так, в числе привлеченных к партийной ответственности были лица, служившие в структурах полиции, в административных органах, внедренные немецкими спецслужбами в ряды партизан и подпольщиков или способствовавшие восстановлению предприятий промышленности, транспорта, учреждений культуры.

Ввиду не укомплектованности аппаратов райкомов партии в Курске, персональные дела на изменников Родины и активных пособников оккупантов непосредственно рассматривало бюро Курского горкома партии (первый секретарь – П.К. Слизов). Так, 12 марта 1943 г. бюро горкома ВКП(б) исключило из членов партии бывших коммунистов, состоявших на учете в Сталинском РК ВКП(б) Е.Ф. Фролова, К.Я. Банникова – как активных проводников новой экономической политики оккупантов². Но после того, как в начале марта 1943 г. были утверждены временные составы бюро всех городских райкомов³, рассмотрение персональных дел на коммунистов-коллаборационистов, было отнесено к их компетенции.

Например, уже 15 марта 1943 г. на состоявшемся заседании бюро Кировского РК ВКП(б) из членов партии были исключены бригадир механического цеха паровозного депо Курск Н.С. Ночевкин и комендант

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 150. Л. 291.

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 22-23; В июле 1943 г. это решение бюро Сталинского РК ВКП(б) было подтверждено Курским обкомом партии.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 8-20.

паровозного депо А.Н. Буднов¹. Им предъявлялись обвинения в дезертирстве из Кировского полка народного ополчения, активной деятельности по восстановлению хозяйства паровозного депо Курск в период оккупации, связях с тайной полицией и гестапо. Так, по сообщению родственников расстрелянного в фашистских застенках инструктора школы ФЗО К.А. Бутова, на одном из допросов, стоя на коленях, А. Буднов плакал и сообщал гестаповцам фамилии коммунистов-железнодорожников, остававшихся в городе².

Н.С. Ночевкин, командуя 2-й ротой 1-го батальона Кировского полка народного ополчения, получил приказ о занятии рубежей обороны. Но он струсил и приказа не выполнил. В роте, которой командовал Н. Ночевкин, практически отсутствовала боевая дисциплина. В ходе начавшихся боев большинство бойцов 2-й роты во главе с Н.С. Ночевкиным, самовольно разошлись по домам³. 25 марта 1943 г. на заседании бюро Курского горкома ВКП(б) было утверждено решение Кировского райкома партии по персональным делам А.Н. Буднова и Н.С. Ночевкина⁴.

25 мая 1943 г. на заседании бюро Кировского РК ВКП(б) был исключен из партии мастер механического цеха паровозного депо Курск-Северное А.П. Ильин. Он состоял в роте народных ополченцев, которой командовал Н.С. Ночевкин. А. Ильин самовольно оставил боевой рубеж, закопал в землю винтовку и сбежал домой. В январе 1942 г. в ходе допросов, проведенных следователем полиции Рубцовым, он предал коммунистов В. Булатникова и В.Я. Нехорошева, которые вскоре подверглись аресту. В апреле 1942 г. А. Ильин поступил на железную дорогу путевым рабочим, а вскоре был назначен бригадиром механического цеха в паровозном депо⁵. В период

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 145. Л. 2, 5; Д. 161. Л. 2; Д. 169. Л. 23-24.

² Так, согласно показаниям А.Н. Буднова, гестаповцами были расстреляны коммунисты К.А. Бутов и секретарь парторганизации Транспортпита П.К. Семенихин (См.: ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 2; Д. 754. Л. 5).

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 145. Л. 5; Д. 161. Л. 2; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 5.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 30-31.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 161. Л. 46-47.

оккупации А.И. Ильин активно способствовал восстановлению предприятия, работая в депо вплоть до возвращения Красной Армии¹.

В силу патологической боязни оккупационных властей в виде Ямской полиции, свои партийные билеты уничтожили 85 коммунистов, до войны состоявшие на учете в Кировской районной организации ВКП(б). Партийные билеты лиц, проявивших наиболее активное сотрудничество с оккупантами – мастеров ВРП И.А. Геращенко, М.М. Лютых, поездных вагонных мастеров Н.Д. Чуйкова, Н.С. Патрикеева, Н.С. Петрухина, отобрали сотрудники особого отдела НКВД станции Курск².

Оценивая весьма активную деятельность Кировского райкома партии (первый секретарь – Н.М. Меркулов) по привлечению к ответственности весной 1943 г. коммунистов-железнодорожников, участвовавших в поддержке оккупационных властей, отметим, что из-за серьезнейших просчетов в организационной деятельности со стороны руководства Кировского РК ВКП(б) в первые месяцы войны, значительное число коммунистов и комсомольцев дезертировали из рядов районного полка народного ополчения³. Всего на территории, оккупированной гитлеровцами, оставалось 223 коммуниста, или 18,3% от общей численности районной партийной организации⁴.

Такая партийная дисциплина у многих членов Кировской районной организации сложилась из-за недооценки, проявленной руководителями райкома партий и первичных парторганизаций района⁵. В ходе боев на

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 169. Л. 24; 14 июля 1943 г. бюро Курского горкома подтвердило решение Кировского РК ВКП(б) об исключении А.П. Ильина из членов партии (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 130-131).

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3014. Л. 194-196.

³ Например, на 1 ноября 1941 г. в строевой записке Кировского ПНО значилось 1187 чел., а фактически в подразделениях было не более 740 чел. (ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 113).

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 169. Л. 9; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 10.

⁵ Так, первый секретарь Кировского райкома ВКП(б) Н.М. Меркулов был избран 5 мая 1941 г., т.е. за полтора месяца до начала войны. В этот период сменился и второй секретарь райкома М.С. Авилов. Уже в ходе войны произошла смена секретаря узлового

восточной окраине Курска самовольно возвратилась в захваченный оккупантами город заведующая орготделом РК ВКП(б), бывший первый секретарь райкома комсомола А.М. Лишева¹.

Пытаясь оправдать просчеты в кадровой политике, Н.М. Меркулов указывал в докладной записке, направленной 17 июля 1943 г. обкому ВКП(б): «Коммунисты-железнодорожники имели все возможности эвакуироваться, т.к. последний состав уходил со станции в ночь перед занятием города. Но многие предпочли остаться в Курске со своими семьями, не выполняя решения обкома партии эвакуации в тыл... В общем, люди связанные с собственностью, не решились расставаться с ней. Они стремились приспособиться к политике оккупантов и любой ценой обеспечивали своей семьи, забывая о том, что они должны были трудиться на пользу Советского государства»².

В Кировском райкоме партии непозволительно медленно готовились материалы к обсуждению на бюро о коммунистах, сотрудничавших с оккупантами. Например, на 25 июня 1943 г. Кировский райком партии рассмотрел дела лишь 25 человек³. 30 июня 1943 г. на заседании бюро Курского горкома партии отметило, что только потерей политической бдительности и безответственностью со стороны секретарей райкома партии, на работу в аппарат райкома были приняты лица, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с оккупационными властями. Н.М. Меркулов допустил ряд грубейших кадровых ошибок (например, он взял под личное покровительство пособницу оккупантов Л.А. Сопельченко, долгое время

парткома. 17 июля 1941 г. им был утвержден машинист П.П. Власов (ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 125. Л. 25; Д. 156. Л. 166).

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 3044; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; Д. 9. Л. 68; Д. 29. Л. 34; Д. 31. Л. 5-6. В начале 1942 г. А.М. Лишева была расстреляна в оккупированном Курске (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 753. Л. 2).

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 18-18-об.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 10.

оказывал серьезное противодействие ее увольнению из аппарата райкома)¹. 30 июня 1943 г. Н.М. Меркулов был освобожден от обязанностей первого секретаря райкома партии «за притупление политической бдительности»².

Не меньше волокиты встречалось и в работе Сталинского райкома ВКП(б) г. Курска (первый секретарь – А.И. Тихонов). Так, 6 апреля 1943 г. на заседании бюро райкома не объективно была проведена проверка по делу народного судьи района И.А. Бутова³. В период оккупации он работал помощником машиниста в паровозном депо и принимал, якобы, участие в деятельности подпольной группы железнодорожников, руководимой П.П. Бабкиным⁴. Но детально изучив материалы, представленные по делу И.А. Бутова, обкомом ВКП(б) было рекомендовано П.К. Слизову повторно рассмотреть вопрос о И.А. Бутове на ближайшем заседании бюро горкома партии⁵.

5 мая 1943 г. Сталинским райкомом партии было рассмотрено персональное дело члена ВКП(б) с 1940 г. Т.П. Семичевой, работавшей до войны заведующей курсами артели «Швейник». Ее муж Н.К. Семичев был младшим командиром в районном истребительном батальоне и погиб 2 ноября 1941 г. при защите рубежей обороны города.

В период оккупации Т.П. Семичева устроилась работать в немецкую воинскую часть уборщицей. Из материалов партийного расследования следует, что имея четверых малолетних детей, она сожительствовала с немецким офицером, который проживал на квартире у Семичевых⁶. В марте

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 100-101; Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 10; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 101. Его сменил заведующий промышленным отделом ГК ВКП(б) И.У. Иваненко (там же, л.107).

³ ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

⁴ Народные мстители. Воспоминания курских и белгородских партизан и подпольщиков. – Изд. 2-е. – Воронеж, 1975. – С. 138.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 8; Ф. П-86. Оп. 1. Д. 200. Л. 10. С июля по октябрь 1941 г. И. Бутов служил в РККА политработником, попал в окружение и возвратился в Курск.

⁶ ГАОПИКО. Ф. П-86. Оп. 1. Д. 200. Л. 29.

1943 г. Т.П. Семичева стала работать заведующей сектором кадров хлебозавода № 1 Курска.

Бюро Сталинского райкома ВКП(б) исключило Т.П. Семичеву из членов партии и рекомендовало освободить ее от занимаемой должности¹. Некоторые члены бюро в ходе заседания пытались призывать коллег быть снисходительными и оставить Т. Семичеву в рядах ВКП(б).

Сталинский райком партии не организовал детальной и тщательной проверки поведения на оккупированной территории М.Н. Васильчиковой. Работая в должности начальника пожарной охраны табачной фабрики, в 1941 г. она была осуждена. Оставшись в Курске, М. Васильчикова регулярно вызывалась в гестапо, подписала обязательство на неучастие в сопротивлении оккупационным властям. Бюро горкома ВКП(б), исключившее М. Васильчикову из партии, имело информацию о том, что она была причастна к аресту своей родной сестры Л.Н. Лобковой – секретаря партбюро артели «19 лет Октября», расстрелянной в гестапо².

В деятельности Сталинского райкома партии отмечались и другие недочеты. Например, бюро Курского горкома ВКП(б) отменило решение Сталинского райкома по персональному делу Н.А. Ларина. 6 апреля 1943 г. рассмотрев материалы о пребывании Ларина на занятой врагом территории, бюро райкома ВКП(б) постановило оставить его кандидатом в члены партии. В действительности выяснилось, что Н.А. Ларин работал тайным агентом немецкой разведки. Н. Ларин был арестован органами НКГБ и привлечен к ответственности по статье 58-1-а УК РСФСР³.

В справке заведующего организационным отделом горкома ВКП(б) Т.И. Горячевой, подготовленной для орготдела обкома ВКП(б), указывалось,

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 2-2-об.

² По данным, представленным в горком Сталинским РК ВКП(б), с 28.03. по 16.05.1943 г. из 88 коммунистов, оставшихся на оккупированной территории с марта по май 1943 г., 39 были исключены из рядов партии (из них – 17 за активное сотрудничество с оккупационными властями, службу в немецкой администрации или подразделениях полиции) (Там же. Д. 754. Л. 1).

³ ГАОПИКО. Ф. П-86. Оп. 1. Д. 200. Л. 9; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 99.

что на 25 июня 1943 г. из материалов, собранных в райкомах партии на 466 коммунистов, без объективных причин остававшихся на оккупированной территории, были рассмотрены только 154 (33%). Ленинским, Сталинским, Дзержинскими и Кировским райкомами партии было исключено из членов ВКП(б) 95 человек, из них с формуировкой: измена Родине – 6 человек, 38 – активное участие в работе на оккупантов, 8 – дезертиры из рядов народного ополчения¹.

За тот же период бюро горкома ВКП(б) рассмотрело 35 персональных дел. 30 человек были исключены из партии, 5 – были вынесены строгие взыскания (было отменено и 2 решения райкомов партии об исключении из членов партии)². Из числа исключенных 14 имели формулировки – изменники Родины или активные пособники врага по распространению фашистской пропаганды³.

Согласно обобщенным данным, это были местные жители, имевшие в Курске дома и семьи. Им, чаще всего, было жалко расставаться с приобретенной собственностью. Главными причинами, которыми они оправдывали свое оставление на оккупированной территории, были: а) будучи в полках народного ополчения, попали в окружение и не смогли выйти к своим войскам, ведь Красная Армия отступила на Восток; б) мотивировка о болезни жены, детей, матери (или отца) и невозможности их вывоза из Курска⁴.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 10-об.

² Там же. Л. 11.

³ В справке, подготовленной Г.И. Горячевой, приведены любопытные данные о социальном положении, образовании, партийном стаже коммунистов, чьи дела рассматривались в городских райкомах партии. Так, из проверенных данных на 154 человека, было 58 служащих и 45 рабочих, имели среднее образование или неполное среднее образование – 39 чел., низшее – 68 чел. Партийный стаж с 1923 по 1930 гг. имели 26 человек, с 1931 по 1939 – 22 чел., с 1940 по 1940 – 21 чел. 10 коммунистов ранее привлекались к партийной ответственности, из них – 4 ранее исключались из рядов ВКП(б) в период партийной чистки 1936 г. и в 1937-1940 гг. (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 12).

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 11-об., 18-об.

Оргинструкторский отдел горкома партии отметил оперативную деятельность Дзержинского райкома партии (секретарь – Г. Самойлов) по очищению партийных рядов от бывших коллаборационистов. Так, 30 марта 1943 г. бюро Дзержинского РК ВКП(б) исключило из членов партии бывшего директора макаронной фабрики Г.С. Сапронова и кладовщика треста столовых И.П. Панюкова за их личное активное участие в проведении «новой» экономической политики оккупантов¹.

9 сентября 1943 г. бюро Дзержинского райкома ВКП(б) исключило кладовщика пекарни № 8 А.П. Сергеева из членов партии. Как установила партийная комиссия Дзержинского РК ВКП(б), А.П. Сергеев вместе с семьей под надуманным предлогом смог избежать эвакуации, возвратился в оккупированный гитлеровскими войсками город. В сентябре 1942 г. был арестован полицией. На допросах в гестапо он признал свое членство в партии и предал ряд коммунистов, работавших ранее в пекарне. 31 декабря 1943 г. бюро Курского обкома ВКП(б) утвердило решения Дзержинского РК и Курского ГК от 3 октября 1943 г. об исключении А.П. Сергеева из партии².

С марта 1943 по ноябрь 1944 гг. Курский горком ВКП(б) рассмотрел 765 представленных материалов и исключил из рядов партии 506 человек (в 22 случаях первичные решения райкомов ВКП(б) об исключении из партии были отменены)³.

В документах горкома партии отмечалось, что проверка персональных дел коммунистов, остававшихся в тылу врага, проводилась исключительно коллегиально (привлекалось не менее 3 чел.). Она проходила с изучением материалов, предоставляемых органами НКВД-НКГБ, путем опроса соседей, товарищей по работе и детального ознакомления с объяснениями коммунистов, привлекаемых к ответственности.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 17. Позднее эти решения Дзержинского райкома партии были утверждены на заседании бюро горкома ВКП(б) 8 и 27 апреля 1943 г. (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 38, 52).

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 350-351; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 10.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 816. Л. 11, 19.

Но многогранная работа городских райкомов партии не обходилась без ошибок и просчетов. Например, 19 марта 1943 г. бюро Курского горкома ВКП(б) утвердило В.Г. Табачкова заместителем председателя Кировского райисполкома по бытовому обслуживанию семей военнослужащих. На заседании бюро горкома указывалось, что с 2 ноября 1941 по 20 апреля 1942 гг. В.Г. Табачков проживал в оккупированном Курске, с 22 июля 1942 по 2 марта 1943 гг. он находился в Троснянском партизанском отряде¹. В мае 1943 г. железнодорожные чекисты установили, что В.Г. Табачков активно сотрудничал в Курске с гестапо, где предал бывшего секретаря парторганизации Трансторгпита П.К. Семенихина, расстрелянного оккупантами. Кировский райком ВКП(б) вынужден был исключить В.Г. Табачкова из партии².

Приведем еще один пример. 14 апреля 1943 г. Сталинский райком ВКП(б) г. Курска объявил строгий выговор «за уничтожение в период оккупации партийного билета» бывшему товарному кассиру станции Курск-город А.В. Бибиковой³. Но 15 мая 1943 г. горком партии отменил это решение райкома и ходатайствовал о выдаче ей нового партбилета⁴. 24 мая 1943 г. на заседании бюро горкома партии А.В. Бибикова была утверждена в должности заведующей райсобесом Сталинского райисполкома⁵. На этом заседании бюро горкома отмечалось, что в период оккупации города она активно поддерживала связи с железнодорожным подпольем, в частности, с группой П.П. Бабкина.

Позднее, в Курский обком партии поступили сведения о том, что А.В. Бибикова вместо того, чтобы ехать в эвакуацию, в ноябре 1941 г. перешла линию фронта и возвратилась в оккупированный Курск. В пути следования она уничтожила свой партбилет. А.В. Бибикову дважды

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 20.

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 101; Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 38; Д. 164. Л. 26-28.

³ ГАОПИКО. Ф. П-86. Оп. 1. Д. 200. Л. 17.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 62-об., 63.

⁵ Там же. Д. 741. Л. 70.

арестовывало гестапо, здесь она дала расписку о том, что не будет «вести агитацию и иметь связи с партизанами», но согласна «выдавать евреев и коммунистов», после чего была освобождена из-под ареста¹.

Летом 1942 г. А. Бибикова работала в офицерской столовой и посещала сборища немецких военнослужащих. В сентябре 1942 г., когда А.В. Бибикова связалась с курскими подпольщиками, она утаила причины своего ареста и обстоятельства освобождения. Постановлением бюро обкома ВКП (б) от 14 февраля 1944 г. А.В. Бибикова была исключена из партии².

Именно такие просчеты деятельности горкома ВКП(б) заставили секретаря горкома П.К. Слизова заявить о том, что «известная часть... оказалась изменниками Родины, ставшими на службу к фашистам. Об этом свидетельствуют и контрреволюционные профашистские разговоры отдельных лиц... У нас должна быть, как никогда, поднята бдительность в деле разоблачение агентов фашизма»³.

14 июля 1943 г. бюро горкома ВКП(б) в принятом постановлении отметило низкие темпы разбора материалов коммунистов, оставшихся на занятой врагом территории⁴. Была отмечена необходимость «более тщательно изучать материалы коммунистов, оставшихся на оккупированной территории. При окончательном решении вопроса об их партийной принадлежности, к каждому подходить персонально, взвешивая причины, по которым он оставался у немцев, его прошлое до оккупации и в настоящий момент отношение к восстановлению хозяйства города»⁵.

Летом-осенью 1943 г. массовое исключение лиц, связанных сотрудничеством с оккупантами, проходило во всех сельских районах Курской области. По данным, представленным в обком партии 66 сельскими райкомами, на оккупированной врагом территории оставалось 4713

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 180-181.

² Там же. Л. 181.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 58.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 137.

⁵ Там же. Л.138.

коммунистов¹. К началу декабря 1943 г. все райкомы партии уже рассмотрели 2913 дел и исключили из членов ВКП(б) 1357 чел. (46%), объявили различные партийные взыскания – 553 чел. (18%) и оставили без взыскания 804 человека.

Партийной коллегией обкома партии было рассмотрено 680 дел коммунистов, исключено 647 чел. (96%)². По занимаемым до войны должностям это были: работники райкомов и горкомов партии – 19 (2,7%), сотрудники райисполкомов – 11 (10,1%), директора различных предприятий и учреждений – 15 (2,1%), инструкторы РК и РИКОВ – 38 (5%), директора школ и учителя – 43 (6%), председатели колхозов и сельсоветов – 126 (17,8%).

Председатель партийной комиссии Курского обкома ВКП(б) Н.А. Гладких назвал и причины, служившие основанием для исключения из партии: изменники Родины – 41 чел. (5,8%), самовольное нахождение на оккупированной территории и сдача партдокументов полиции или гестапо – 61 (8,6%), экономическое сотрудничество с оккупантами – 100 (14,2%), самовольное оставление на оккупированной территории и уничтожение своих партийных билетов – 261 (37%) и другие³.

В выступлениях участников XIII пленума обкома ВКП(б) (декабрь 1943 г.) приводились многочисленные примеры того, как партийные руководители районного уровня, первичных партийных организаций открыто служили врагу. Но даже после освобождения территории области продолжали работу в партийных органах. Так, секретарь Суджанского РК

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2910. Л. 27.

² Кононов Н.Г. Указ. соч. – С.494. Выступая в декабре 1943 г. на XIII пленуме обкома ВКП(б), председатель партийной коллегии Н.А. Гладких сообщил, что в оккупации оставались 4800 членов партии (из 38701 члена областной партийной организации по состоянию на 22 июня 1941 г. – авт.). Было рассмотрено 746 персональных дел. Только 17 человек (2,3%) были оставлены в рядах партии (ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2910. Л. 173-175.).

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2910. Л. 174-175; Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 495.

ВКП(б) по кадрам И.В. Гладченко¹ активно поддерживал оккупантов, занимался грабежами и истязаниями земляков. До декабря 1943 г. он работал в должности директора МТС.

Из 160 членов партии, до начала войны состоявших на учете в Грайворонском райкоме ВКП(б), 80 оставались на оккупированной врагом территории. Многие из них, находясь в тюрьме, соглашались на сотрудничество с германскими спецслужбами. От всех арестованных требовалось дать подписку о том, что не будут иметь связей с партизанами или подпольщиками².

В постановлении, принятом 18 декабря 1943 г. пленумом, была отмечена необходимость укрепления партийных организаций на селе, дана установка на очищение их рядов от лиц, деятельность которых была тесно связана с работой на оккупантов³. Выполняя это постановление XIII пленума обкома ВКП(б), партийная коллегия при обкоме партии за короткий срок активизировала рассмотрение персональных дел. Так, на заседании бюро обкома ВКП(б) 31 декабря 1943 г. было рассмотрено 72 персональных дела коммунистов, остававшихся на оккупированной территории. 68 человек были исключены из рядов партии. На упомянутом заседании бюро обкома партии были утверждены постановления, принятые 5-6 декабря 1943 г. Рыльским райкомом ВКП(б) по 11 персональным делам⁴.

18 коммунистов Щигровского района⁵ были исключены из членов ВКП(б). Строгие, но заслуженные партийные взыскания были применены и к коммунистам Суджанского, Кировского, Грайворонского, Чернянского,

¹ Гладченко И.В., 1892 г.р., член ВКП(б) с 1937 г. С июня 1939 по октябрь 1941 г. – секретарь по кадрам Крупецкого РК ВКП(б) (см.: ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2664. Л. 57).

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2910. Л. 193, 198-199; Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 495.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2909. Л. 61-63.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 162-168.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 110. Д. 455. Л. 27, 31.

Беленихинского, Больше-Троицкого, Скороднянского, Беловского, Касторенского и др. районов¹.

31 декабря 1943 г. бюро обкома партии утвердило решение Льговского РК ВКП(б) от 7 мая 1943 г. об исключении из кандидатов в члены ВКП(б) Д.Я. Быкова. Он остался на территории, занятой врагом, и передал полиции свою кандидатскую карточку. Регулярно отмечался в местной полиции, добросовестно работал на очистке дорог от снега, на заготовке торфа и дров для нужд германской армии².

На оккупированной территории Поныровского района оставались 48 коммунистов. 44 из них были исключены из рядов ВКП(б) за сотрудничество с оккупантами. Как установило расследование партийной комиссии Поныровского РК ВКП(б), председатель Бобровского сельского совета Забурдаев дезертировал из истребительного батальона, верно служил оккупантам в должности старосты села. Коммунист Рыков, возвратившись в родное село из эвакуации, дал согласие выявлять партизан и лиц, сочувствующих советской власти³.

В докладной записке Ивнянского райкома ВКП(б), направленной инструкторскому отделу обкома партии, представлен анализ деятельности коммунистов, оставшихся на оккупированной территории. Также была предпринята попытка классифицировать пособников оккупационных властей.

К первой группе были отнесены прямые пособники, которые помогали оккупационным властям: составляли для гестапо списки партийного актива, выявляли граждан, сочувствовавших партизанам. Эти предатели также выявляли лиц, недовольных советской властью, для привлечения их к

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 159-247, 333, 350-351; Для сравнения – на заседании бюро обкома ВКП(б) 16 декабря 1943 г. было рассмотрено только 61 персональное дело коммунистов Льговского (24 чел.), Старооскольского (11 чел.), Касторенского районов области и четырех райкомов Курска (ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2937. Л. 231-278).

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 185.

³ ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 80. Л. 14; Д. 117. Л. 22.

сотрудничеству с оккупантами. Впоследствии, многие, оставшиеся на освобожденной территории, были арестованы.

Вторую группу составляли коллаборационисты, чья деятельность не была связана с выявлением участников сопротивления, а помогали восстанавливать тракторный парк, приведенный в негодность при отступлении советских войск. Так, один из бывших председателей колхоза написал заявление: «В партию я вступил как неграмотный, ничего общего с партией не имею, не желаю воевать против немецкой армии. Прошу наделить меня земельным паем».

К третьей группе относились члены партии, не выполнившие распоряжения об эвакуации по уважительным причинам. Они в период оккупации проявляли пассивность, не вели пропаганду против оккупационных властей. Данные лица не были отнесены к коллаборационистам и особых санкций для них не последовало¹.

В ходе развернувшейся кампании по проверке лиц, которые сотрудничали с оккупационными властями, стало проявляться массовое недоверие ко всем, кто оставался на захваченной врагом территории. Большинство партийных и советских работников были убеждены в том, что остававшиеся жители, так или иначе помогали немецко-фашистским оккупантам. На совещаниях, проводимых районными властями, часто стали появляться высказывания: «Мы еще посмотрим, как вы себя вели при немцах, вот еще надо проверять»². Обнародовав их на X пленуме обкома партии, П.И. Доронин отметил, что подобные слова руководителей вредят делу мобилизации жителей области на восстановление разрушенного хозяйства. Например, секретарь Уразовского райкома партии по кадрам Е.Я. Гапочкин, выступая на районном совещании в присутствии более 500 председателей колхозов, бригадиров и звеновых, разъяснял собравшимся

¹ ЦДНИ БО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 110. Л. 2, 6.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 11-об.

приказ № 95 Верховного Главнокомандующего в честь 25-летия Красной Армии¹.

Не задумываясь о последствиях своих слов, секретарь районной парторганизации заявил: «...здесь много предателей и всякой сволочи, работавшей на немцев»². Как отмечает историк Н.Г. Кононов, при таком отношении к людям, вынесшим на своих плечах ужасы фашистского «нового порядка» и сохранившим преданность Советской власти, не приходилось мечтать о мобилизации местного населения на работы по возрождению хозяйства Уразовского района³.

В приказе № 95 от 23 февраля 1943 г. И.В. Сталин указал, что: «...предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока еще сильного врага. Это борьба потребует, времени, жертв, напряжения сил и мобилизации всех наших возможностей»⁴.

Более жестко в 1944 г. подходили партийные структуры Курской области к рассмотрению персональных дел. Так, по данным Курского горкома ВКП(б) на 1 января 1944 г. было взято на учет 525 коммунистов (364 члена и 161 кандидат в члены партии), остававшихся в оккупированном городе. Было рассмотрено 275 персональных дел, было исключено из партии 195 человек. Отмечалось, что горкому партии было передано 5 партбилетов коммунистов, которые они сдали в гестапо⁵.

На заседаниях бюро обкома ВКП(б), состоявшихся 15 и 29 мая, 19 июня 1944 г. были утверждены постановления, принятые в мае 1943 –

¹ См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. – М., 1951. – С. 88-96. В цитируемом архивном документе Е.Я. Гапочкин ошибочно именуется Гавриловым. О работе секретаря Уразовского РК ВКП(б) по кадрам с 28.04.1941 г., см.: ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2664. Л. 106; Д. 3014. Л. 168.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 12.

³ Кононов Н.Г. Указ. соч. – С.533.

⁴ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. – М., 1951. – С. 94.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 816. Л. 1, 3. На 1 мая 1944 г. число исключенных из рядов ВКП(б) в Курске достигло 404 чел., на 1 июня 1944 г. – до 432 чел., на 1 ноября – 468 чел., а на 1 декабря 1944 г. – 506 чел. (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 816. Л. 5-6, 11, 19).

феврале 1944 г. Кировским, Ленинским, Сталинским, Дзержинским райкомами гор. Курска и Льговским, Медвенским, Иванинским, Щигровским райкомами в отношении 376 бывших коммунистов, ранее состоявших на партийном учете в областной организации ВКП(б). Более 95 % были исключены из рядов партии¹.

Как отмечалось в материалах, прилагавшихся к отчёту Курского обкома ВКП(б), направленному в ЦК ВКП(б), на 1 октября 1944 г. было зарегистрировано 5323 человека самовольно оставшихся на оккупированной территории. Коммунисты сельской местности составляли 33,2 % (1767 чел.). В их числе было 324 председателя колхоза, 14 директоров МТС, 192 – бухгалтера и счетовода, 48 председателей сельсовета, 71 комбайнер². В этой группе 19 чел. работает в полиции, 52 – старостами, 26 – сотскими, 91 – писарями, 43 – были завербованы как тайные агенты, 106 – бригадиры сельских общин, 64 – агронома. В дни оккупации на рядовых работах трудилось 2259 чел.³

Историк Н.Г. Кононов провел анализ деятельности 1767 бывших коммунистов, проживавших в сельских районах Курской области. 304 из них добровольно зарегистрировались в местной полиции, гестапо и отказались от партийной принадлежности. 80 чел. – дезертировали из рядов Красной Армии, 173 – из партизанских отрядов, подразделений народного ополчения или истребительных батальонов. Из числа сельских коммунистов, остававшихся на оккупированной территории, 1330 были исключены из рядов партии, что составило 73,6 %.

В Курской области только за вторую половину 1944 г. было исключено из партии 870 человек, из них – 112 жителей сельской местности⁴. В целом, к 1 октября 1944 г. из 6114 коммунистов, оставшихся на оккупированной

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3197. Л. 49, 103; Д. 3199. Л. 45, 54-60, 112; Д. 3201. Л. 305.

² Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 496.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3224. Л. 128; Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 496.

⁴ Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 496.

территории области, было исключено из рядов партии 3846 человека¹. 55 были изменниками и предателями Родины, 502 – активно служили оккупационному режиму².

В начале 1950-х годов партийные органы Курской области не останавливали свою деятельность по очищению партийных рядов от лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с оккупантами. Так, 4 февраля 1953 г. бюро Курского обкома партии утвердило решение Свободинского РК КПСС об исключении нарядчика колхоза им. Сталина И.Н. Мамонтова из КПСС. В вину ему ставилось сокрытие при вступлении в члены ВКП(б) пребывания на оккупированной территории и сотрудничество с нацистами. Партийное расследование установило, что в феврале 1942 г. И.Н. Мамонтов попал в плен, после этого он появился в родном селе Старый Сухоробрик Свободинского района. По прибытии в село, И. Мамонтов зарегистрировался в оккупационной администрации, совместно с местной полицией участвовал в грабежах населения хут. Оклинка. После освобождения территории района И. Мамонтов повторно был мобилизован полевым военкоматом в ряды Красной Армии. Здесь он вступил кандидатом в члены ВКП(б), скрыв от партбюро части свое пребывание в плену и службу в местной полиции. Вместо этого, он в анкете записал, что сражался на Центральном фронте с октября 1941 по февраль 1943 гг.³

7 февраля 1953 г. бюро обкома КПСС рассматривало персональное дело бригадира полеводческой бригады колхоза «Красный Май» Медвенского района М.Ф. Погожева. При вступлении в ряды партии он скрыл свое сотрудничество с оккупантами. Более того, его тесть активно

¹ ГАОПИКО. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 3224. Л. 128; Д. 3225. Т. 1. Л. 6; Д. 3562. Л. 75; Оп. 2. Д. 650. Л. 333.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3224. Л. 129; Д. 3225. Т. 1. Л. 1; Кононов Н.Г. Указ. соч. –С. 496. Для сравнения: на 22 июня 1941 г. в областной партийной организации на учете состоял 38701 коммунист. В первые дни в ряды Красной Армии ушло 19376 чел. (т.е. около 50% состава областной парторганизации). 2468 коммунистов участвовали в партизанском движении и подпольной борьбе с оккупантами (ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 650. Л. 13).

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1897. Л. 55-56.

сотрудничал с оккупационными властями, за что и был осужден советским судом¹.

31 декабря 1943 г. Курский обком партии ВКП(б) утвердил решение Беловского райкома партии от 18 июня 1943 г. об исключении из кандидатов в члены партии И.Ф. Коваленко «за самовольное пребывание в тылу врага, за связь с немецким ставленником Ф. Горленко и службу на немцев» в должности бухгалтера конторы «Заготзерно» с октября 1941 по 1943 гг.²

28 февраля 1947 г. партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) подтвердила решение бюро Курского обкома партии по персональному делу И. Коваленко. В феврале 1956 г. он апеллировал XX съезду КПСС, просил восстановить его в кандидатах в члены партии. Но решением бюро обкома КПСС от 2 июля 1956 г. в этом И.Ф. Коваленко было отказано³.

11 октября 1960 г. бюро Курского обкома КПСС подтвердило решение первичной партийной организации локомотивного депо Курск от 30 августа 1960 г., отказавшей в восстановлении в рядах партии помощнику дежурного по депо А.Г. Бабкину. Было установлено, что 11 августа 1945 г. Курский обком ВКП(б) утвердил решение бюро Курского горкома партии от 8 мая 1945 г. об исключении А.Г. Бабкина из членов партии за активную работу в период оккупации в 1941-1943 гг. на железнодорожном транспорте. Он был осужден военным трибуналом Московско-Курской железной дороги 26 июля 1944 г. за грубейшее нарушение трудовой дисциплины согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О военном положении на железных дорогах Советского Союза»⁴.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1987. Л. 127-128.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 357; Оп. 2. Д. 2642. Л. 286.

³ Там же. Л. 287.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3442. Л. 122. Осужденный А.Г. Бабкин был направлен в Действующую армию, в которой служил с 1941 по 1947 гг. (там же, л. 122). С 1947 по 1957 гг. А.Г. Бабкин работал на разных предприятиях Курска, в 1957 г. возвратился в локомотивное депо Курск, где с 1920 по 1941 и 1943-1944 годы работал кочегаром, помощником машиниста и машинистом поезда.

Чаще всего, партийное расследование всех обстоятельств, приведших конкретное лицо к измене Родине или сотрудничеству с оккупантами, проводилось тщательно, с высокой степенью объективности. Курский обком партии постоянно нацеливал на это районные и первичные партийные организации. Но встречались партийные руководители и отдельные коммунисты, которые старались взять под свою защиту отдельных коллаборационистов.

Весьма характерен пример аморальной позиции по отношению к предателям Родины со стороны бывшего начальника диверсионного отряда 1-й Курской партизанской бригады, коммуниста П.Н. Свечкина. 27 декабря 1949 г. Дмитриевский РК ВКП(б) исключил его из членов партии «за составление фиктивных документов для своего брата А.Н. Свечкина, тем самым способствуя укрывательству изменника Родины»¹.

23 мая 1950 г. бюро Курского обкома ВКП(б) подтвердило решение Дмитриевского РК ВКП(б) об исключении из членов партии П.Н. Свечкина. Рассмотрев дополнительные материалы, бюро обкома ВКП(б) были обсуждены персональные дела о непартийном поведении второго секретаря Велико-Михайловского райкома ВКП(б), бывшего комиссара Дмитриевского партизанского отряда И.С. Банных и управляющего отделением совхоза Микояновского района, бывшего командира Дмитриевского партизанского отряда (декабрь 1942 – март 1943 гг.) Д.Д. Беспорточного.

За потерю партийной бдительности, выразившуюся в выдаче партизанских документов изменнику Родины и приспешнику немецких оккупантов А.Н. Свечкину, постановлением бюро обкома партии И.С. Банных был освобождён от должности второго секретаря Велико-Михайловского райкома, а Д.Д. Беспорточному было наложено партийное взыскание².

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1217. Л. 32.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1217. Л. 36, 38.

В ходе тщательной проверки со стороны партийных органов и сотрудников областного управления МГБ было установлено, что в 1948 г. П.Н. Свечкин, работая директором Дмитриевского торгова, с целью сокрытия изменника Родины, своего брата А.Н. Свечкина от ответственности за совершенные в период войны преступления, заготовил ему ложное партизанское удостоверение и характеристику. П.Н. Свечкин обманным путем добился того, что бывшие руководители Дмитриевского партизанского отряда Д.Д. Беспорточный и И.С. Банных заверили документы своими подписями и печатью Велико-Михайловского райкома ВКП(б).

А.Н. Свечкин, получив фальшивые документы, из деревни Чижовка Мценского района, где в период войны служил агрономом районной немецкой сельхозкомендатуры, выехал на постоянное место жительства в гор. Чистяково УССР. Сотрудниками МГБ СССР здесь он был задержан. 9 января 1950 г. Военным трибуналом войск МВД Орловской области А.Н. Свечкин был осужден к 25 годам лишения свободы за участие в арестах, избиениях и грабеже имущества односельчан¹.

Отметим, что на заседании бюро обкома ВКП(б) П.Н. Свечкин отрицал предъявленные ему обвинения и пытался всю ответственность переложить на И.С. Банных и Д.Д. Беспорточного. 17 августа 1950 г. и 4 апреля 1951 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) подтвердила решение Курского обкома от 23 мая 1950 г. по делу П.Н. Свечкина².

Курский обком ВКП(б) за аналогичные действия привлёк к строгой партийной ответственности бывшего первого секретаря Золотухинского райкома партии А.В. Агейченко (в 1942 г. – комиссара Поныровского партизанского отряда). Было установлено, что А. Агейченко в декабре 1942 г. самовольно покинул расположение Поныровского отряда и остался

¹ Там же. Л. 32-34.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2642. Л. 168; В феврале П.Н. Свечкин апеллировал XX съезду КПСС и просил восстановить его в членах КПСС (ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2642. Л. 167-168; Д. 2644. Л. 70-72). Но бюро Курского обкома партии на заседании 24 мая 1956 г. обсудив апелляцию П.Н. Свечкина к XX съезду партии, не нашло оснований для восстановления его в КПСС (там же, Л.72).

проживать в селе Становое. В 1943-1949 гг., работая в должности второго секретаря Поньровского РК ВКП(б), он вместе с бывшим командиром отряда В.А. Ковалем (в этот период он возглавлял Поньровскую районную парторганизацию – авт.) подготовил ложный отчет о деятельности Поньровского партизанского отряда в 1942-1943 гг., а также выдал несколько фиктивных справок бывшим пособникам немецких оккупантов на предмет их «участия» в партизанской борьбе. 28 ноября 1950 г. бюро Курского обкома партии исключила А.В. Агейченко из членов ВКП(б) за «связь с немецкими ставленниками и выдачу им фиктивных справок о принадлежности к партизанам»¹.

Весьма неоднозначной была позиция партийных органов Курской области и областного Управления КГБ по отношению к коллаборационистскому поведению жителя Поньровского района И.Н. Дудина. Спустя 15 лет после окончания Великой Отечественной войны обходчик Курской дистанции пути И.Н. Дудин Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1959 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда². Но после опубликования Указа в печати и вручения награды И.Н. Дудину, разразился настоящий скандал. Большая группа железнодорожников Поньровского района в своих письмах, направленных в ЦК КПСС и руководству КГБ СССР, обвинила руководителей Курской области и Курского отделения Московской железной дороги в том, что высшей степенью трудового отличия был отмечен человек, активно сотрудничавший с немецко-фашистскими оккупантами. Проверками транспортного отдела УКГБ по Курской области, транспортной прокуратуры, партийной комиссии при обкоме КПСС было установлено, что большинство отмеченных в письме фактов, оказались правдой. Еще в ноябре 1946 г. на II районной партконференции первый секретарь Поньровского РК ВКП(б) В.А. Коваль указывал: «Дудин во время оккупации работал обходчиком ж.д.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3445. Л. 173-174.

² Курская правда. – 1959. – 3 августа; За образцовую магистраль. – 1959. – 2 августа.

линий на 475 км, активно помогал немцам в обнаружении мин, поставленных под ж.д. полотно партизанами. При его участии было изъято 2 мины...»¹ Расследование показало, что кроме обнаружения Дудиным партизанских мин, он не принимал личного участия ни в карательных, ни в репрессивных мероприятиях против земляков. После освобождения Поныровского района частями Красной Армии в феврале 1943 г. ушел на фронт, был отмечен орденом Славы III степени и несколькими медалями². В феврале 1946 г. Дудин возвратился на прежнее место работы. В год 20-летия Победы был награжден знаком «Почетному железнодорожнику». Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г., предоставившему амнистию широкому кругу лиц, сотрудничавших с врагом, И.Н. Дудин не подлежал привлечению к уголовной ответственности за свои коллаборационистские действия.

Как вспоминал сотрудник транспортного отдела УКГБ по Курской области, подполковник госбезопасности В.И. Жинкин, секретари обкома КПСС И.И. Дудкин и И.А. Сечков вмешивались в расследование по делу Дудина, пытаясь смягчить и даже извратить некоторые факты. И все же руководству области пришлось пойти на компромисс: не ходатайствовать о лишении И.Н. Дудина звания Героя Социалистического Труда, но при этом ему отказали в назначении персональной пенсии республиканского значения. Был установлен запрет приглашать И.Н. Дудина на любые праздничные мероприятия, проводимые на предприятиях железнодорожного транспорта³. Такое табу сохранялось до начала перестройки, т.е. до августа 1985 года.

В заключение параграфа приведем слова, сказанные первым секретарем Курского обкома ВКП(б) П.И. Дорониным на VI Кировской районной отчетно-выборной партийной конференции: «Хорошо, что процент этих людей оказался ничтожно малым и они не определяют лица трудящихся

¹ ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 117. Л. 22.

² ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 5. Д. 6. Л. 7; Д. 26. Л. 79-83.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3441. Л. 109.

Кировского района. Эти люди никогда не были советскими людьми, а просто маскировались, а в создавшихся для них благоприятных условиях, они показали свое истинное лицо»¹.

Прошедшие десятилетия сглаживают остроту противоречий прежних лет. Но не подлежит забвению то обстоятельство, что наряду с миллионами защитников Отечества, на оккупантов работали и некоторые коммунисты Курской области. Сегодня их правомерно именовать коллаборационистами.

4.3 Роль административных органов, общественных организаций и трудовых коллективов в ликвидации последствий коллаборационизма

Зимой 1941–1942 годов органы исполнительной и военной власти Курской области, выполняя требования Государственного Комитета Оборона (ГКО), Наркомата обороны СССР и других военных ведомств, вели борьбу с различными проявлениями военно-политического, идеологического коллаборационизма. В тот период шла активная борьба с дезертирством из рядов Красной Армии. Дезертиры становились основной социальной базой при создании добровольческих военизированных формирований, сражавшихся на стороне вооруженных сил Германии².

По указанию военного отдела Курского обкома ВКП(б) в январе – феврале 1942 г. специальная комиссия проверяла деятельность Валуйского, Новооскольского, Советского, Тимского, Черемисиновского и других районных отделов социального обеспечения по соблюдению положений Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. в части оказания помощи семьям военнослужащих и инвалидов войны³. Согласно сведениям, представленным военной прокуратурой Курской области

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 202. Л. 37.

² См: Суrowая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II.– Курск, 2010. – С. 123-127, 131-135.

³ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 25 (14). – М., 1998. – С. 71–72.

(военный прокурор Е.Ф. Коновалов)¹, в ряде районов комиссии по начислению пособий работали неудовлетворительно. Райсобесы производили неположенные выплаты семьям дезертиров из рядов Красной Армии или изменников Родины. На такие отрицательные моменты в работе органов социального обеспечения было указано в совместном письме обкома ВКП(б) и облисполкома, направленном 3 марта 1942 г. во все районы².

Весной 1943 г. в Курской области, как отмечает кандидат исторических наук Н.Г. Кононов, получили распространение явления иного рода. В соответствии с пунктом 6 постановления СНК СССР № 455 от 28 апреля 1943 г. «О выплате пенсий и пособий военнослужащим и их семьям, пенсионерам и многодетным матерям в местностях, освобожденных от неприятеля», когда в отношении отдельных граждан имелись убедительные данные об их антигосударственном поведении на оккупированной территории, пенсии или пособия им не выплачивались³.

В некоторых районах области указания правительства СССР извращались. Так, заведующий отделом соцобеспечения Борисовского района Бойко и бывший заведующий военным отделом райкома партии Новицкий, без всяких оснований, самовольно прекратили выплату пособий семьям 20 военнослужащих РККА. Эти семьи были объявлены родственниками дезертиров, хотя на руках у них были данные о службе в РККА⁴.

Руководство советских органов Курской области было обеспокоено положением дел с привлечением к ответственности лиц, сотрудничавших с оккупантами в 1941-1943 гг. Так, 10 декабря 1943 г. на заседании бюро

¹ Кононов Н.Г. Социальное обеспечение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На материалах Курской области. Серия «Курский край». Т. XII. Часть III. – Курск, 2013. – С. 15–17.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп.1.Д.2884. Л. 52–52об.; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 141–142.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945гг.) – Т. 13-2 (2). – М., 1997. – С. 157.

⁴ Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 38.

обкома ВКП(б) было отмечено, что из 160 человек, служащих Курского горсовета, 143 оставались на оккупированной территории и работали на оккупантов в различных должностях. Проверкой их поведения никто из руководителей горисполкома подробно не занимался¹.

Был отмечен факт того, что сотни квартир в городе занимают лица, прибывшие в Курск и ранее служившие на немцев в период оккупации². Но десятки семей советских офицеров, сражавшихся на фронте, или возвращавшихся из эвакуации, испытывали значительные трудности с получением жилья³.

В этот период более 4 тысяч горожан, потерявших свое жилье из-за боевых действий, проживали в необеспеченных условиях, квартиры которых требовали капитального ремонта⁴.

Интересные сведения по кадровой проблеме в административных органах содержатся в воспоминаниях Е.Л. Усовой. В феврале 1943 г. она по направлению Наркомата здравоохранения РСФСР приехала на работу в Курскую области, вскоре была назначена на должность начальника кадров областного отдела здравоохранения. «Но так как часть городской управы, действовавшей при немцах, оставалась на своих местах, мне было приказано не объявлять своей должности, а именоваться только инспектором отдела кадров. От немецкой управы [в облздравотделе] оставались работать главный инженер ОКС Штерн, главный бухгалтер Владислав Людвигович Бем, его помощница – секретарь А.С. Ильина и начальник отдела кадров. Они занимали эти должности и до войны.

Вскоре бывшего руководителя кадров убрали: у нее в делах нашлись списки медицинских работников, где были отметки, сделанные синим и красным карандашом. Потом мы расшифровали, что так отмечались евреи

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2939. Л. 171–172.

² Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. III. – Курск, 2007. – С. 386.

³ См.: ГАКО. Ф. Р. 770. Оп.2. Д. 11. Л. 58; Д.23.Л. 50–51; 204–205; Д.53. Л. 183.

⁴ Суровая правда войны 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. III. – Курск, 2007. – С.670.

или коммунисты. Некоторые из них были расстреляны. Встретился и список женщин из публичного дома, открытого немцами...» – вспоминала Е.Л. Усова¹.

Сразу после освобождения Курска последовали увольнения с работы сотрудников административных органов, которые в разной степени обвинялись в сотрудничестве с нацистами. Так, решением Курского горисполкома от 24 мая 1943 г. от должности главного архитектора города был освобожден Л.А. Литошенко, работавший в 1942 г. в проектной мастерской технического отдела Курской городской управы². В должности главного архитектора города был утвержден А.Г. Шуклин. Но в сентябре 1944 г. и ему пришлось оставить должность из-за аналогичных претензий, выдвигавшихся руководством горкома ВКП(б) и горисполкома³.

В таких случаях в расчет не принимались ни былая известность архитектора А.Г. Шуклина, ни заслуги перед городом, или учреждением, где трудился человек, в вину которому ставилось сотрудничество с оккупантами.

Несмотря на сохранение коллекций и ценных экспонатов областного краеведческого музея, 4 июля 1944 г. от должности директора музея был освобожден П.Н. Черменский. Он возглавлял коллектив с декабря 1941 года. Причин его освобождения было две: в 1931г. П.Н. Черменский был осужден к 10 годам пребывания в ИТЛ. Но главное – он работал в оккупированном Курске⁴.

Даже в начале 1950-х годов оценки деятельности медицинского персонала, работавшего в период оккупации в Курске, оставались весьма значимыми. Так, в мае 1950 г. при подготовке вопроса на бюро обкома

¹ Спасенные жизни. Подвиг медиков в Великой Отечественной войне. (1941–1945гг.) / Гл. ред. А.В. Завьялов. – Курск, 2003. – С. 222.

² ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 11. Л. 109.

³ ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 23. Л. 247. 5 сентября 1944 г. главным архитектором Курска была назначена В.И. Гаврицова. 28 июня 1946 г. А.Г. Шуклин повторно был утвержден главным архитектором города (ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 76. Л. 12).

⁴ БКЭ. Т. 1. Кн. 3. – Курск, 2009. – С. 163-164; Курский край. Научно-историч. журнал. – 2003. – № 12-13 (44-45). – С. 25.

ВКП(б) о работе Курской областной больницы (главный врач – И.Г. Мирошник) в справке, которая была подготовлена сектором административного отдела обкома партии, указывалось, что в областной больнице работает 10 врачей, оставшихся в дни оккупации в городе. В их числе были: руководитель подпольной группы медиков хирург Ю.А. Козубовский и хирург Е.И. Неткачева, невропатолог П.В. Лашин, терапевты: дочь священника Е.Г. Рождественская и П.Х. Малыгина. Но никому из них руководством больницы или бригадой обкома партии не предъявлялось никаких претензий или компрометирующих материалов¹.

Однако серьезные обвинения прозвучали в адрес руководства ЛОР-клиники медицинского института, работавшей в областной больнице, и ассистента кафедры ЛОР-болезней А.С. Федотова. Он зимой 1941 г. короткое время возглавлял отдел здравоохранения Курской городской Управы. По мнению многих коллег, он озлобился после войны. На работе А. Федотов занимался склоками, «подсиживанием» врачей и самовосхвалением².

16 мая 1950 г. обком ВКП(б) указал и.о. директора мединститута профессору М.П. Деревягину на «невозможность оставления ассистента Федотова на работе в клинике» и потребовал его увольнения из института³.

В районах внимание местных советских органов обращалось на скорейшее формирование кадрового состава руководителей колхозов. Как подчеркивал председатель облисполкома В.В. Волчков, выступая на X пленуме Курского обкома ВКП(б) 1-3 апреля 1943 г., такая задача была вызвана тем, что из-за отсутствия подготовленных кадров часто на должности председателей колхозов назначались случайные лица, даже враждебно настроенные к советской власти, из числа «актива» оккупантов.

¹ ГАОПИКО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 1215. Л. 100.

² Там же. Л. 76, 84. А.С. Федотов был принят на должность ассистента кафедры болезней уха, горла и носа (ЛОР-болезней) с 1 июня 1944 г. (ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 3-Л. Д. 1203. Л. 1-2).

³ Там же. Л. 86-87. 1 сентября 1950 г. А.С. Федотов был уволен из КГМИ в связи «с сокращением штатов кафедры ЛОР-болезней» (ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 3-Л. Д. 1203. Л. 17-18).

Например, в Бесединском районе в колхозе «Путь к социализму» председатель колхоза Замотаев работал в период оккупации старостой, а Члены правления колхоза: один – псаломщик церкви, а другой – ранее служил в местной полиции. В колхозе очень мало делалось для укрепления хозяйства¹. В Медвенском районе председатель колхоза работал при нацистах агрономом в райсельхозотделе. Он был связан с группой бывших старост и полицейских и активно поддерживал их в колхозе².

Как отмечал В.В. Волчков, во многие села Воловского района возвратились члены семей раскулаченных еще в 30-е годы. Они заняли многие дома колхозников, эвакуированных в 1942 г. в Новосибирскую область или захватили колхозные постройки. В.В. Волчков потребовал от РО НКВД принятия должных мер. «От того, каких руководителей мы подберем – председателей, бригадиров, зависеть будет успех весеннего сева в 1943 году», – заключил свой доклад В.В. Волчков³.

Ряд колхозных руководителей, сотрудничавших ранее с оккупантами, активно саботировал планы хлебопоставок в 1943–1944 годах, не стремясь выполнять их в установленные сроки. Например, председатель колхоза Лещплотавского сельсовета Солнцевского района Ф.С. Гришин часто выражал антисоветские настроения и группировал вокруг себя социально чуждых людей. С. Гришин, будучи дезертиром из рядов Красной Армии, 19 августа 1944 г. разрешил колхозникам не выходить на работу два дня и праздновать в этот период «яблочный Спас». Сам же председатель в те дни пьянствовал с приближенными лицами. На вопрос уполномоченного Солнцевского райкома ВКП(б): «Почему колхозники не выходят в поле?», С.Ф. Гришин заявил вызывающе: «Я здесь представитель партии и

¹ ГАОПИКО.Ф. П-1. Оп. 1. Д.2899. Л. 32.

² Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 204.

³ ГАОПИКО.Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899. Л. 32.

правительства, и поэтому разрешил колхозникам отдохнуть. На них надели ярмо, но я решил это ярмо с них снять на два дня»¹.

Подобное положение сложилось и в соседнем колхозе «Красный трудовик». Обездчик полей В.К. Положенцев, работавший в период оккупации старостой, настраивал колхозников против колхозной системы. «Мы не рабы. Рабы и то так не работали, как работаем мы сейчас в колхозе» – неоднократно заявлял В.К. Положенцев.

Об отсутствии политической бдительности у руководителей Дмитриевского района свидетельствует письмо колхозников колхоза «Ударный труд», направленное в адрес газеты «Курская правда». В нем сообщалось, что длительное время колхозом руководит дезертир периода гражданской и Великой Отечественной войн А.А. Уваров. Он 20 февраля 1942 г. добровольно сдался в плен к гитлеровцам и уничтожил свой партийный билет. Находясь в плену, он вначале служил надзирателем в лагере военнопленных, а затем – полицейским. В сентябре 1942 г. возвратился в родную деревню, где быстро подружился со старостой Макаровым. Вместе с ним и группой полицейских, они грабили местных жителей, освоили лесную делянку для нужд немецких офицеров. После освобождения района А.А. Уваров был назначен председателем колхоза, покровительствовал семьям полицейских и старост (хранил у себя в доме хлеб и вещи старосты Макарова). При запросах погорельцев – членов семей советских военнослужащих об ускорении строительства жилья, он цинично ответил: «Немец вас сжег, пусть он и строит». Уваров присвоил себе более 3000 руб. колхозных денег и зерно, собранное с колхозников в счет хлебозаготовок. 9 марта 1944 г. письмо дмитриевских колхозников было направлено секретарю РК ВКП(б) М.В. Миленину для расследования фактов и принятия мер². Среди руководящего состава колхозов Курской области

¹ ГАОПИКО.Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3228. Л. 493.

² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 617. Л. 50-51.

такие примеры, как подчеркивает Н.Г. Кононов, были далеко не единичными¹.

Важная роль в обновлении кадрового потенциала советских учреждений, предприятий промышленности, транспорта, колхозов и совхозов отводилась организациям ВЛКСМ. Так, в докладе первого секретаря Курского обкома комсомола Д.И. Рогозова на V областной комсомольской конференции (28 февраля 1948 г.) подчеркивалось, что за 1943-1946 гг. было исключено из ВЛКСМ 2500 комсомольцев, добровольно оставшихся на оккупированной территории и связанных сотрудничеством с немецкими оккупантами. Это было более 10% от состоявших в областной комсомольской организации на учете по состоянию на апрель 1943 года.²

Из 8216 членов ВЛКСМ, состоявших на учете в Курской городской комсомольской организации в 1941 г., 3099 человек остались в оккупированном фашистами Курске³. Так, в Ленинском районе из 1060 комсомольцев, состоящих на учете до войны – 705 остались в захваченном немецкой армией Курске⁴. Более 600 членов Кировской районной комсомольской организации также не выполнили требования обкома комсомола по эвакуации из города и остались в зоне немецко-фашистской оккупации⁵.

В информации, представленной первым секретарем горкома ВЛКСМ В.Ф. Костиным горкому партии, указывалось, что во время оккупации города было расстреляно и повешено 24 комсомольца, угнано в Германию – 1055 человек из числа городской молодежи. Но, как свидетельствовал В.Ф. Костин, большинство комсомольцев, проживавших на оккупированной

¹ Кононов Н.Г. Указ. соч. – С. 439-440.

² ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 133. Л. 26.

³ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 230. Л. 37.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 76. Л. 10.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 80. Л. 11; Д. 81. Л. 8.

территории, остались добровольно и без уважительных причин¹. Они не вели активной борьбы против оккупантов².

В отличие от руководства партийных комитетов, руководители комсомольских органов не обладали такими же правами и полномочиями по контролю за деятельностью административных и хозяйственных органов. У комсомольских вожаков еще не сформировалась последовательная линия противодействия бывшим молодым коллаборационистам.

У них для этого не хватало жизненного опыта. Оценивая работу комитетов комсомола по преодолению последствий экономического и идеологического коллаборационизма, отметим, что основным фактором при достижении положительных результатов в этой работе был юношеский максимализм при решении этих непростых проблем.

Важным оставалось и то обстоятельство, кто стоял во главе районных комитетов комсомола, проживали ли они на оккупированной врагом территории. Так, например, трое членов бюро Кировского РК ВЛКСМ г. Курска были участниками войны. 12 марта 1943 г. первым секретарем РК комсомола стал В.Т. Калинин. Он в составе 6-й бригады морской пехоты участвовал в обороне Ленинграда. Осенью 1942 г. был заброшен в партизанский край в качестве радиста подпольного горкома ВЛКСМ³.

Инструктор политотдела Курского отделения железной дороги по комсомолу и член бюро райкома М.С. Козьменкова добровольцем работала в паровозной бригаде бронепоезда № 14 62-го отдельного дивизиона бронепоездов. За мужество и отвагу, проявленные в боях, была награждена орденом Трудового Красного Знамени и знаком «Почетному

¹ В информированной записке были приведены примеры поведения комсомольцев города Г.В. Гончарова, А.Ф. Черкасовой, выставивших основной причиной оставления в гор. Курске... – «болезнь ног» (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 755. Л. 20).

² ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 755. Л. 20

³ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 1; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 126.

железнодорожнику»¹. В прифронтовом тылу работала инструктор политотдела железной дороги имени Ф.Э. Дзержинского А.И. Нехорошева².

Первыми секретарями Ленинского, Дзержинского и Сталинского райкомов ВЛКСМ Курска работали Л.К. Левикова, Г.К. Михайлова и Т.Д. Булатникова. В марте-апреле 1943 г. они прибыли в Курск по направлениям ЦК комсомола с целью укрепления кадрового потенциала Курской городской организации ВЛКСМ³.

Таким образом, руководители районных комсомольских организаций г. Курска не проживали на оккупированной территории. Это определяло высокий уровень организационной работы возглавляемых ими райкомов, отличный от стиля и методов работы в сельских райкомах комсомола Курской области.

Но все же, в организационной работе даже городских райкомов комсомола встречалось много формализма и заорганизованности. Так, 9 апреля 1943 г. бюро горкома комсомола заслушало отчет первого секретаря Дзержинского РК ВЛКСМ Т.Д. Михайловой. Было указано, что Дзержинский райком комсомола ведет работу по разбору персональных дел членов ВЛКСМ, оставшихся на оккупированной территории, непоследовательно. В постановлении бюро отмечалось, что для активации этой работы необходимо привлекать весь комсомольский актив⁴.

¹ РГАЭ.Ф. 1884.Оп. 49. Д. 1502. Л. 120; ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 1;Ф.П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 1, 25; Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 124-125; В июле 1943 г. будучи секретарем комитета комсомола паровозного депо Курск, М. Козьменкова была утверждена вторым секретарем райкома ВЛКСМ.

² 14 июля 1943г. А.И. Нехорошева возглавляла Кировскую комсомольскую организацию, где до 1948г. работала первым секретарем Кировского РК ВЛКСМ (ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 125; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.; Д. 80. Л. 11; Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 161. Л. 56).

³ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 741. Л. 37, 51, 58.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 4; При повторном заслушивании секретаря Дзержинского РК ВЛКСМ Т.Д. Михайловой 21 июня 1943г. горкомом комсомола было отмечено, что комсомола не выполняет решений бюро горкома при рассмотрении персональных дел комсомольцев, оставшихся в оккупации. Секретарь райкома Т.Д. Михайлова работу по подготовке персональных дел, заслушиваемых на заседания

9 сентября 1943 г. по аналогичному вопросу на очередном заседании бюро ГК ВЛКСМ отчитывалась первый секретарь Кировского райкома комсомола А.И. Нехорошева. Члены бюро горкома комсомола отметили, что «Кировский РК ВЛКСМ неудовлетворительно ведет перерегистрацию комсомольцев, остававшихся на оккупированной территории. На бюро райкома не рассмотрено 51 заявление о постановке на учет»¹.

В этих вопросах политику «сторонних» наблюдателей занял комитет комсомола Курского железнодорожного узла и большинство секретарей комитетов комсомола предприятий узла (паровозного депо, вагонного участка, дистанций пути и связи, отдела рабочего снабжения)².

Особую ненависть жителей города вызывали молодые «особы», которые в период оккупации работали у фашистов переводчицами. Их презрительно в народе именовали «немецкими овчарками».

31 марта 1943 г. бюро Сталинского райкома ВЛКСМ исключило из комсомола К.И. Платонову – дочь репрессированного органами НКВД начальника станции Курск И.А. Платонова³. В возрасте 17 лет она стала работать переводчицей на предприятиях железнодорожного узла. В числе первых курян ее старшая сестра добровольно уехала работать в Германию. На работе К. Платонова отличалась особым педантизмом и чувством приспособленчества. 7 мая 1943 г. бюро Курского ГК ВЛКСМ утвердило решение Сталинского райкома по персональному делу К.И. Платоновой⁴.

В докладе первого секретаря Кировского РК ВЛКСМ А.И. Нехорошевой на V районной комсомольской конференции (апрель 1945 г.) отмечалось, что на услужение к врагу пошли комсомолки

бюро, переложила на заведующего сектором учета Федорову (ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 28).

¹ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 47.

² ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 60; Д. 220. Л. 15-16, 18-19.

³ Платонов Илья Алексеевич (1889-1937), начальник станции Курск М.-К. жел. дороги в 1930-1936г. 31 декабря 1937г. за контрреволюционную деятельность был расстрелян (БКЭ. Т. 1. Кн. 2. – Курск, 2008. – С. 159).

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 9-10.

Н.И. Слитикова – она работала переводчицей в управе и А.В. Перькова, которая работала переводчицей в немецких воинских частях¹.

Н.И. Слитикова, обучившись на курсах немецкого языка, устроилась работать на железную дорогу. С августа 1942 г. под присмотром оккупационных властей она работала на бирже труда в Касторном. В феврале 1943 г. в Курске была арестована органами НКВД. 28 мая 1943 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ исключило Н. Слитикову из комсомола².

А.В. Перькова была исключена из членов ВЛКСМ «за активную работу на немцев» 15 июля 1943 года. Как отмечалось на заседании бюро Кировского райкома комсомола, рассмотревшем ее персональное дело, Анна Перькова до войны работала в Дмитриеве учителем немецкого языка. В период оккупации возвратилась в Курск, где устроилась переводчицей в паровозное депо Курск. Две ее сестры добровольно уехали работать в Германию. После освобождения Курска А.В. Перькова арестовывалась органами НКВД³.

Ленинским и Кировским райкомами комсомола в 1943 г. были исключены из ВЛКСМ: А.Н. Астанкова, которая работала с мая 1942 г. переводчицей в конторе лесного отдела областного сельхозуправления и студентка факультета иностранных языков пединститута Е.В. Бабкина, которая в 1942-1943 гг. работала переводчицей на механическом заводе № 2⁴.

Чтобы оценить масштабы всей проведенной работы, проанализируем деятельность Кировского РК ВЛКСМ за март 1943 – декабрь 1944 годов⁵.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 80. Л. 12.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 37-37об.; Д. 66. Л. 48; 7 июня 1943г. бюро ГК ВЛКСМ утвердило решение Кировского района по персональному делу Н.И. Слитиковой (Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 18).

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 75. Л. 23; Д. 80. Л. 12. 10 января 1944 г. бюро обкома ВЛКСМ утвердило решение Курского горкома комсомола от 12 августа 1943 г. об исключении А.В. Перьковой из ВЛКСМ (ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 95. Л. 47)

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 32-об, 60-об.

⁵ Документация этого райкома ВЛКСМ за указанный период в фондах ГАОПИКО сохранилась достаточно полно, по сравнению с другими райкомами комсомола г. Курска.

Так, в докладе первого секретаря Кировского РК ВЛКСМ А.И. Нехорошевой на пятой комсомольской конференции, подчеркивалось, что «...длительная оккупация Курска немецко-фашистскими захватчиками явилась экзаменом для районной организации, серьезной проверкой способностей комсомольцев, их преданности Родине...»¹

За период с марта по ноябрь 1943 г. в райкоме комсомола на учет стали 370 комсомольцев. Было обсуждено на бюро РК ВЛКСМ 186 человек, из них 132 – восстановлены в комсомоле, а 54 – были исключены из рядов ВЛКСМ (при наличии на них компрометирующих сведений периода оккупации).

Анализ материалов, рассматриваемых на бюро РК ВЛКСМ, выявил следующие особенности. По социально-политическим настроениям молодежь района была разобщена. Юноши и девушки, настроенные патриотически, открыто выражали презрение некоторым сверстникам за их общение с немецкими оккупантами. Как отмечалось в донесениях сотрудников районного отдела НКГБ «молодежь женского пола, значительная часть которой в период временной оккупации находилась на более привилегированном положении, чаще проявляла антисоветские настроения»².

Специальная комиссия райкома комсомола в первую очередь анализировала заявления и объяснительные записки тех, кто принимал активное участие в сопротивлении оккупантам. Так, 26 марта 1943 г. была восстановлена в ВЛКСМ студентка пединститута и участница подпольной диверсионной группы Курского железнодорожного узла Зоя Емельянова³. В тот же день командующий 15-й Воздушной армией, генерал-майор авиации И.Г. Пятыхин вручил ей орден Красной Звезды за участие в спасении и переправке в партизанский отряд летчиков К.А. Дулжицкого, Н.К. Евграфова

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 80. Л. 12-об.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 7-об., 9.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.

и П.И. Бубекова¹. 10 июня 1943 г. райком комсомола выдал новый комсомольский билет В.В. Агибаловой – партизанской связной, также участвовавшей в подпольной работе².

Но в ходе рассмотрения заявления о восстановлении в членах ВЛКСМ фельдшера Кировской амбулатории А.Н. Меняйленко райком не проявил объективности. В период оккупации студентка мединститута А. Меняйленко работала медсестрой в немецком госпитале, где вредила гитлеровцам, не соблюдая правил антисептики, распространяла раневую инфекцию у больных немецких солдат. Несмотря на показания многих свидетелей о ее антифашистской деятельности, 28 мая 1943 г. бюро Кировского РК исключило ее из ВЛКСМ³. Но 11 августа 1943 г. бюро горкома комсомола отменило решение райкома в отношении А.Н. Меняйленко⁴.

В весенние месяцы 1943 г. районным комитетом восстановление в членах ВЛКСМ проводилось достаточно лояльно. Так, 30 марта 1943 г. на заседании бюро РК ВЛКСМ было рассмотрено 20 заявлений от лиц, переживших оккупацию. 17 человек решением бюро райкома были восстановлены в рядах комсомола.⁵ Но постепенно требования к моральному и политическому облику восстанавливаемых ужесточались.

Так, 28 марта 1943 г. бюро Кировского районного комитета комсомола восстановило в ВЛКСМ бывшего секретаря комсомольской организации и работницу транспортной прокуратуры А.Е. Власову. Но уже 28 мая 1943 г. бюро Курского горкома отменило это решение ввиду «сокрытия фактов ее работы на немцев»⁶. 25 марта 1944 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ повторно рассмотрело заявление А. Власовой о восстановлении в комсомоле. Но с учетом установленных фактов нравственного поведения этой молодой

¹ Курская правда. – 1943. – 27 марта.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 40.

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 37; Д. 67. Л. 58-59.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 75. Л. 18-18-об.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 13-16.

⁶ Там же. Л. 10, 38.

женщины, решение районного руководящего органа вновь оказалось отрицательным¹.

Члены бюро райкома комсомола бескомпромиссно подходили к дезертирам из рядов Красной Армии или народного ополчения. Не были восстановлены в комсомоле работники железнодорожного узла Н.И. Бутов, В.Ф. Болдырев, А.И. Булатников, самовольно оставившие подразделения Кировского полка народного ополчения в период обороны Курска².

Такое же было отношение и к молодым железнодорожникам, которые, осенью 1941 г. имели возможность эвакуироваться, но остались в Курске, где работали на оккупантов. Несмотря на отличные характеристики, представленные с места новой работы и положительные заключения членов проверочной комиссии, бюро Кировского РК ВЛКСМ в марте и в мае 1943 г. вынесло отрицательные решения по заявлениям счетовода дистанции пути Л.З. Гончаровой, фельдшера районной амбулатории, бывшей студентки мединститута А.И. Аксеновой, рабочей Л.М. Болтенковой. Им в вину была поставлена работа «на оккупантов с первых дней пребывания в Курске».

7 мая, 11 августа 1943 г. и 20 января 1944 г. решения Кировского райкома комсомола по этим персональным делам были утверждены бюро Курского горкома ВЛКСМ³.

При повторной апелляции Л.М. Болтенковой в октябре 1943 г. была представлена характеристика, содержащая такие сведения: «...Эвакуироваться имела возможность. Оставлена в Курске по заданию органов НКВД. Но никакой работы не вела, вызывалась повестками в гестапо, где запрашивались комсомольские документы. Во время оккупации

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 69. Л. 7, 19; Д. 75. Л. 9, 10.

² ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 8; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 18, 30; Д. 66. Л. 4-4-об., 5; Д. 75. Л. 5,7; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

³ ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 218. Л. 9 об; Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 3 об.,37; Д. 66. Л. 14; Д. 75. Л. 1, 6.

работала табельщицей и переводчицей в депо. С 13 февраля по 1 апреля 1943 г. находилась под арестом в органах НКВД»¹.

Жесткие, но не всегда оправданные решения принимались по отношению к заявлениям студенток курских вузов, оставшихся по разным причинам на оккупированной территории. Так, 15 мая 1943 г. из членов ВЛКСМ были исключены студентки педагогического и медицинского институтов М.П. Беликова и Т.П. Богданова «за уничтожение комсомольских билетов и измену Родине»².

18 марта 1943 г. бюро Кировского РК ВЛКСМ приняло положительное решение по заявлению о восстановлении в членах ВЛКСМ технического секретаря Кировского РК ВКП(б) Л.А. Сапельченко. Но уже 27 марта 1943 г. райкомом комсомола было получено заявление трех граждан, проживающих по соседству с Л. Сапельченко, сообщавших, что соседка «...намеренно осталась в Курске, оккупированном немцами. Оставаясь на занятой территории, она достаточно поработала на немцев. После курсов немецкого языка работала переводчицей [железнодорожных] парков. Затем она устраивается на кухню к немцам». Имея тесную связь со старостой своей улицы, обеспечивала его семью продуктами. Вскоре по протекции Л. Сапельченко была принята в немецкий ресторан официанткой. На глазах соседей она «крутила любовь» с немецкими офицерами, разъезжала с ними на машинах и мотоциклах. После освобождения Курска от оккупантов Сапельченко и другие, «как провинившиеся дети, прибежали работать в милицию и в райком»³.

Комиссионно изучив полученные в письме и подтвержденные сотрудниками органов НКВД сведения, бюро Кировского райкома ВЛКСМ 5

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.

² ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 3, 31; Д. 75. Л. 3, 8. Эти постановления бюро Кировского РК ВЛКСМ были утверждены горкомом комсомола 25 августа 1943 г. и 7 января 1944 г. (ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 230. Л. 5).

³ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 66. Л. 51-52-об.

апреля 1943 г. исключило Л.А. Сапельченко из комсомола и поставило перед райкомом ВКП(б) вопрос о снятии ее с работы¹.

Обстановка, сложившаяся в городских комсомольских организациях свидетельствовала о нетерпимой позиции к тем, кто в дни оккупации сотрудничал в различных формах с немецко-фашистскими захватчиками.

9 февраля 1944 г. в докладе на собрании городского комсомольского актива первый секретарь ГК ВЛКСМ В.Ф. Костин отмечал что, к началу 1944 г. в четырех райкомах комсомола зарегистрировано 1538 заявлений о членстве в ВЛКСМ. Рассмотрено было 1007 заявлений, 895 из них получили положительные решения. Райкомами комсомола были наложены различные взыскания 367 человекам, в том числе 288 были исключены из комсомола².

В.Ф. Костиным был приведен анализ проделанной работы по организационному укреплению комсомольских рядов. В докладе звучала критика, адресованная руководителям Дзержинского и Ленинского райкомов комсомола Т.Д. Михайловой и Л.К. Левиковой, за просчеты, допущенные при рассмотрении заявлений комсомольцев района.

Анализ деятельности сельских районных организаций комсомола свидетельствует о том, что секретари и их аппарат не всегда критически и последовательно подходили к рассмотрению персональных дел комсомольцев, остававшихся на оккупированной территории.

Это наглядно иллюстрирует постановление бюро обкома ВЛКСМ от 7 марта 1944 года. В этот день на заседании бюро был заслушан отчет о работе Корочанского РК ВЛКСМ по проведению переучета комсомольцев, остававшихся на оккупированной территории³. Было отмечено, что райком не выполняет указания об очищении рядов организации от недостойных людей. Личные дела многих комсомольцев были оформлены небрежно, без

¹ ГАОПИКО. Ф. П-174. Оп. 1. Д. 65. Л. 21. 9 июля 1943 г. бюро обкома ВЛКСМ утвердило решение Курского горкома ВЛКСМ от 7 мая 1943 г. об исключении Л.А. Сапельченко из рядов ВЛКСМ (ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 81. Л. 104)

² ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 230. Л. 37-38.

³ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 95. Л. 152-153.

проведения детальной проверки. Райком ВЛКСМ длительное время не рассматривал поступившие в его адрес компрометирующие материалы на отдельных молодых людей, оставшихся на временно оккупированной территории. Членам бюро Корочанского райкома ВЛКСМ было предложено пересмотреть свои прежние решения о постановке на учет комсомольцев, работавших в немецких учреждениях переводчиками, писарями, счетоводами, бригадирами, сборщиками налогов; участвовавших в вечерах, устраиваемых немецкими солдатами и офицерами. Но при этом подчеркивалось, что «решения пересматривать только в индивидуальном порядке, исключая огульный подход к людям»¹.

Некоторые из районных комсомольских руководителей, оставаясь на временно оккупированной территории, очень быстро забывали о своем долге перед Родиной. Так, 11 октября 1944 г. бюро обкома ВЛКСМ утвердило решение Обоянского райкома комсомола об исключении из ВЛКСМ Г.А. Бурой, до войны она работала заведующей сектором учета Обоянского РК ВЛКСМ. Добровольно оставшись в оккупированной Обояни, участвовала в вечеринках, организуемых немецкими офицерами. После освобождения Обояни Г. Бурая поступила в Харьковский строительный институт².

Еще большую беспринципность в работе проявила первый секретарь Малоархангельского РК ВЛКСМ Е.Е. Селиверстова. При рассмотрении персональных дел комсомольцев, оставшихся на временно оккупированной территории, она добилась того, чтобы ее сестра Валентина, которая активно пособничала оккупантам и отбирала у местных жителей продукты, была поставлена на комсомольский учет без обсуждения. Муж второй сестры Е. Селиверстовой – дезертир из рядов Красной Армии, служил в местной полиции. Дядя Селиверстовых, также дезертировал из Красной Армии и работал писарем в сельхозуправе. Эти подробности Е.Е. Селиверстова скрыла при утверждении ее на должность первого секретаря райкома

¹ Там же. Л. 153.

² ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 96. Л. 100-101.

ВЛКСМ. 27 июня 1944 г. бюро обкома комсомола освободило Е. Селиверстову от работы и ходатайствовало перед ЦК ВЛКСМ об исключении ее из комсомола¹.

Ветеранам памятни и события, когда приходилось бороться с явными проявлениями коллаборационизма в молодежной среде, уже после освобождения территории области. Так, 22 января 1944 г. коллектив самодеятельности клуба Старооскольского железнодорожного узла дал выездной концерт на станции Горшечное. Группа местной молодежи в период концерта стала бросать на сцену комки снега.

Сразу после окончания концерта на молодых артистов на выходных стрелках станции напали трое бандитов. Слесарю Лихачеву и ученику Старооскольской железнодорожной школы Неклюдову были нанесены серьезные ножевые ранения. По возвращении вагона с ранеными подростками в Старый Оскол, секретарь узлового комитета комсомола оперативно подал заявление о происшествии в железнодорожную милицию. Находившийся в этот период в Старом Осколе начальник Горшеченского РОВД А.П. Скрипник не приняв оперативных мер, с издевкой заявил: «У нас в районе нет хулиганов, и такого случая не могло быть»².

По требованию секретаря узлового парткома станции Старый Оскол было организовано расследование данного случая. Как установили сотрудники железнодорожной милиции, трое преступников быстро были задержаны в совхозе «Каучук» Горшеченского района. Один из них – Рогов, 1927 года рождения, был сыном полицейского, служившего в районной полиции. В ходе допроса он признался, что именно он нанес ранения молодым железнодорожникам. При обыске у Рогова было изъято два немецких кинжала, части от винтовки и большое количество винтовочных

¹ ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 95. Л. 238.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3368. Л. 94.

патронов, хранившихся дома еще с периода оккупации¹. Таким образом, Рогов-младший выразил свою ненависть к советскому строю и лучшим представителям молодежи области.

В октябре 1953 г. решением бюро Курского обкома КПСС с должности начальника Суджанского районного отдела милиции был освобожден майор милиции А.П. Скрипник. В ходе партийного расследования было установлено, что его сын – учащийся 10 класса Суджанской школы организовал банду, состоящую из учеников этой школы. У них идейным вдохновителем был дважды судимый уголовник, который в годы войны служил в составе власовской армии (РОА).²

Повседневная работа по избавлению от бывших коллаборационистов с весны 1943 г. велась во многих трудовых коллективах области. В первые дни после освобождения Курска и районов области не было времени для проведения тотальной проверки всех работников на предмет их сотрудничества с оккупантами. Но с 15 апреля 1943 г., в связи с введением на железных дорогах военного положения Указом ПВС СССР, на предприятиях железных дорог началась многоплановая работа по детальному выяснению обстоятельств сотрудничества железнодорожников с оккупационными властями. К работе были подключены сотрудники железнодорожных политотделов, территориальных райкомов ВКП(б), транспортных отделов НКВД-НКГБ железных дорог³.

В ходе тщательной проверки использовался анализ трофейных документов, проводился опрос местных жителей, в первую очередь, бывших партизан и лиц, оставленных для подпольной работы. Поэтому сведения, получаемые «компетентными органами», отличались высокой степенью достоверности и объективности.

¹ Докладная записка с подробным описанием происшествия была направлена 3 февраля 1944 г. Староскольским узловым парткомом секретарю обкома ВКП(б) по транспорту С.И. Черникову и начальнику областного УНКВД полковнику милиции Б.П. Трофимову.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2025. Л. 155-157; Д. 2026. Л. 69-88; Д. 2438. Л. 166, 175.

³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070. Л. 9-15; Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 1-23.

Результаты расследований свидетельствовали о том, что с появлением экономического коллаборационизма, ряд железнодорожников оказывался связанным с различными службами гитлеровской Германии. По решению Наркомата путей сообщения СССР проводилась масштабная аттестация железнодорожников, работавших на оккупантов. Так, к концу апреля 1943 г. из трех тысяч работающих львовских железнодорожников смогли пройти аттестацию лишь 964 человека или 31%. В паровозном депо Львов-II из 1090 работавших аттестовано было только 260 человек (23,8%), а в вагонном участке – 195 чел. (67%). Во Львовском отделении движения аттестацию прошли 130 (23,5%). На Львовском железнодорожном узле было уволено с транспорта 152 человека¹.

В ходе проведенной аттестации некоторые из железнодорожников, сотрудничавших с оккупантами, своей вины не признавали. Так, машинист паровоза депо Львов-II Московско-Киевской железной дороги М.Г. Грудинкин на вопрос: «Почему работал на немцев?» ответил членам комиссии: «Я работал у немцев потому, что это организованная власть, а не какая-то банда»².

С 19 апреля 1943 г. вступил в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В соответствии со статьей 2 Указа стали производиться аресты «пособников из местного населения, уличенных в оказании содействия злодеям в совершении распадов и насилий над гражданским населением...»

Проводилось массовое увольнение железнодорожников с предприятий, где они работали после прихода Красной Армии. Так, распоряжением по

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 3070. Л. 13; Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. // В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев, С.А. Никифоров и др. – Курск, 2010. – С. 218.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 3070. Л. 13.

паровозному депо Курск ж.д. им. Дзержинского № 132 от 1 июля 1943 г., в связи с арестом, были исключены из списков депо бригадир автоматного цеха Н.С. Ночевкин, слесарь С.И. Будников и медник А.Н. Буднов¹. 22 сентября 1943 г. из депо Курск был уволен мастер механического цеха А.П. Ильин, который уже находился под следствием².

С августа 1943 г. на Курском железнодорожном узле получила распространение практика: лиц, работавших на оккупированной территории, направляли в «почетные командировки» на Северо-Печорскую или Южно-Казахстанскую железные дороги.

Так, начальник паровозного депо Курск А.И. Мисяк подписал 4 августа 1943 г. приказ № 150, согласно которому следовало откомандировать на Северо-Печорскую дорогу 11 работников депо Курск. В их числе были машинисты М.Ф. Корневский, В.А. Осокин, инженер Ф.В. Поляков, кочегар Г.П. Спицын, сторож Ф.В. Власов и другие³.

15 августа 1943 г. в депо Котлас Северо-Печорской дороги было направлено еще 39 работников депо Курск⁴. На Южно-Казахстанскую железную дорогу был направлен мастер цеха промывочного ремонта В.М. Ветров, активно сотрудничавший с оккупантами⁵.

Необходимо заметить, что отказ от такой «почетной командировки» из-за Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г., объявившего военное положение на всех железных дорогах страны, мог повлечь за собой прокурорское вмешательство с последующей передачей дела в военный трибунал дороги. Тогда это была прямая дорога в штрафной

¹ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 17-об.

²ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 44.

³ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 27-об-28.

⁴ Приказ по паровозному депо Курск № 158 от 17 августа 1943 г. См.: ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 33-33 об.

⁵ ОАМЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 2. Л. 16; Д. 3. Л. 41.

батальон. Поэтому «не желающих» ехать из Курска в Котлас или в Карталы не находилось¹.

Принимаемые к коллаборационистам меры были действенными и способствовали повышению трудовой дисциплины в коллективах. Большинство из остававшихся на оккупированной территории чувствовали постоянное психологическое давление со стороны руководства предприятий. Это особенно проявилось осенью 1943 г., когда шла массовая реэвакуация железнодорожников из тыловых регионов СССР. Многие из лиц, сотрудничавших с оккупантами, освобождались от своих должностей или покидали железнодорожный транспорт.

Но некоторые продолжали молчаливую борьбу с властями. 9 июля 1944 г. помощник машиниста паровоза из депо Курск А.Г. Бабкин, активно сотрудничавший с оккупантами в 1942–1943 гг.,² более чем 14 часов не являлся на работу в депо без уважительных причин и тем сорвал на 6 часов отправление воинского эшелона со станции Курск³. 26 июля 1944 г. военным трибуналом Московско-Курской железной дороги А. Бабкин был осужден к 7 годам лишения свободы и с 27 июля 1944 г. был уволен с предприятия⁴.

В коллективе 5-го Курского вагонного участка⁵ многие коллаборационисты трудились на тех же должностях, которые они занимали до войны. Приведем несколько примеров положения, которое сложилось в Курском вагонном участке и в вагоноремонтном пункте летом-осенью 1943 года.

¹ Большинство направленных в 1943 г. в длительную командировку работали до конца 1950-х годов, вплоть до выхода на пенсию по старости.

² ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 5.

³ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 4. Л. 164-об-165.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3442. Л. 122; ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 4. Л. 179. Но А.Г. Бабкин не отбывал наказания. Он был направлен в действующую армию, где прослужил до 1947 г.

⁵ С февраля по 13 августа 1943 г. 5-й вагонный участок возглавлял А.А. Яковлев, а с 13 августа по 30 декабря 1943 г. – и.о. начальника участка Г.В. Лобищев (АУМЖД. Ф. 10. Оп. 1-ЛД. Т. 2. Д. 500. Л. 1-2).

Сменный вагонный мастер В.Н. Белоусов после вторжения гитлеровцев в Курск и двухдневного ареста в гестапо, дал подписку об отказе от борьбы с врагом. В 1942 г. он устроился работать слесарем на станцию Курск, позднее стал осмотрщиком вагонов. В.Н. Белоусов принимал активное участие в восстановлении вагонного участка, получал от немецкой администрации для своей семьи дополнительный продуктовый паек¹.

После освобождения Курска В. Белоусов был принят мастером 5-го вагонного участка². 25 мая 1943 г. Кировский РК ВКП(б) исключил его из партии³. Но В.Н. Белоусов до осени 1944 г. работал преподавателем на курсах железнодорожных мастеров. В соответствии с приказом нового начальника вагонного участка К.Е. Костылева 10 октября 1944 г. В.Н. Белоусов был переведен в резерв проводников⁴.

15 июля 1943 г. бюро Кировского РК ВКП(б) исключило из членов партии мастера электросварки вагонно-ремонтного пункта М.М. Лютых⁵. С 15 февраля 1943 г. М.М. Лютых работал электросварщиком в ВРП. И только после вмешательства заместителя начальника Московско-Курской железной дороги Д.И. Веселовского 29 августа 1948 г. М.М. Лютых был уволен с железнодорожного транспорта⁶.

Материалы, рассмотренные в данном параграфе, свидетельствуют о том, что зимой 1941/1942 годов, и в 1943-1945 годах исполкомы областного и районного Советов депутатов трудящихся, общественные организации молодежи (прежде всего, обком и райкомы ВЛКСМ), трудовые коллективы предприятий и учреждений стали последовательно проводить работу по

¹ ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 754. Л. 18-об.

² ОА МЖД (г. Курск). Ф. 4. Оп. 1-Л. Д. 2; Оп. 3-ЛД. Д. 44.Л. 4.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 161. Л. 43; 21 февраля 1944 г. Курский горком ВКП(б) подтвердил решение Кировского райкома партии, а 15 мая 1944 г. решение по персональному делу В.Н. Белоусова было принято бюро Курского обкома ВКП(б) (См.: ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3197. Л. 99-100, Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 814. Л. 70).

⁴ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 4. Оп. 1-Л. Д. 6. Л. 97; Оп. 3-ЛД. Д. 44.Л. 5.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 137. Л. 21.

⁶ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 4. Оп. 1-Л. Д. 17. Л. 192; Оп. 3-ЛД. Д. 621. Л. 33-об, 37.

преодолению политико-правовых и социальных последствий коллаборационистской политики оккупантов на Курской земле. Так, руководители райисполкомов и отделов социального обеспечения вели активную политику по укреплению кадров в сельских советах, колхозах, подбирали руководителей сельхозпредприятий, смещая тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами.

Органы социального обеспечения в районах старались придерживаться положений постановления СНК СССР от 28 апреля 1943 г. о прекращении выплат пособий и льгот лицам, принимавшим активное участие в осуществлении политики «нового порядка», т.е. бывшим полицейским и их родственникам, семьям военнослужащих, перешедших на сторону врага, старостам и другим представителям местных администраций оккупационного режима.

Последовательную работу по организационному укреплению комсомольских организаций проводили Курский обком, Белгородский и Курский горкомы и сельские райкомы комсомола. Их усилия, прежде всего, были направлены на устранение из молодежной среды идеологических постулатов нацизма, на искоренение культа насилия, и безнравственности, оставленных после ухода оккупантов. Из членов ВЛКСМ в 1943–1946 гг. было исключено более 2,5 тысяч комсомольцев. Это составляло более 10% от всех ставших на учет весной 1943 г. в райкомах комсомола.

В трудовых коллективах заводов, фабрик, учреждений связи и железнодорожного транспорта в 1943–1950-х годах проводилась работа, направленная на уменьшение количества работников, которые связали свою судьбу с коллаборационистской политикой нацистов. Для этой цели применялись различные формы и методы, вплоть до создания для этих лиц обстановки нетерпимости в коллективах.

Важным аспектом было и то обстоятельство, что работников, остававшихся на оккупированной территории, не отмечали в числе лидеров развернувшегося в послевоенные годы социалистического соревнования в

промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Указанная категория этих членов трудовых коллективов не представлялась к государственным наградам, в том числе к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Применение таких моральных факторов серьезно отражалось на морально-психологическом состоянии многих работников, чувствовавших свою вину перед Родиной за события прошедшей войны.

4.4 Правоохранительная и судебная практика наказания лиц, сотрудничавших с оккупантами

В 1942 – начале 1943 гг. сотрудники Управления НКВД по Курской области, разведывательные группы 4-го отдела УНКВД (начальник отдела – В.Ф. Кремлев), осуществляя руководство партизанским движением, собирали также важную информацию о лицах, которые старательно служили и сотрудничали с немецко-фашистскими оккупационными властями. Так, анализ оперативных донесений, представленных руководством областного УНКВД, на имя Генерального комиссара госбезопасности Л.П. Берия, в 1941-1942 гг., показывает, что курским чекистам в короткие сроки удалось составить списки лиц, занимавших ведущие должности в оккупационных органах местного управления (городские головы (бургомистры), руководители районных структур, старосты деревень, сел и др.). Сотрудники НКВД занимались, помимо этого, сбором персональных данных об указанных лицах для их скорейшего розыска и задержания после освобождения временно оккупированных районов Курской области. Так, в конце декабря 1941 г., сразу после освобождения территории Советского района, в селе Нижнее Гурово были арестованы отец и сын Сапрыкины, которые за короткий срок смогли войти в доверие к оккупантам и оказывать им помощь. Сотрудники НКВД арестовали также учителей Е.Т. Свеженцеву

и В.А. Рябинскую, «имевших связи с немецкими офицерами и выдававших фашистам родственников советских работников»¹.

В ноябре 1941 г. бывшие сотрудники Большесолдатского РО НКВД А.Н. Бобровский, В.П. Бобровский, И.Т. Глухов, Г.И. Остроглядов наглядно продемонстрировали свою безнравственность. Изменив Родине, они перешли в услужение к врагу. Так, в ноябре 1941 г., в период наступления гитлеровских войск по территории области, начальник РО НКВД Большесолдатского района, лейтенант госбезопасности М.Я. Толчинский покинул райцентр, после чего 8 суток не приступал к выполнению своих прямых обязанностей. В этот же период сотрудники райотдела, возглавляемые секретарем-счетоводом А.Н. Бобровским, передали немецкой комендатуре свое табельное оружие, секретную переписку, чистые бланки советских паспортов и милицейское обмундирование.

Через несколько дней они перешли линию фронта, прибыв в Мантурово. Здесь в райотделе НКВД уже работал М.Я. Толчинский. О своем преступлении и нарушении военной присяги, прибывшие из Большесолдатского коллеги, умолчали. Но через несколько дней сотрудники 4-го отдела УНКВД по Курской области с помощью оставленной за линией фронта резидентуры установили факт предательства работников Большесолдатской милиции. Все они были арестованы и преданы суду военного трибунала. 12 декабря 1941 г. военный трибунал войск НКВД приговорил М.Я. Толчинского и 6 бывших сотрудников НКВД к расстрелу².

В декабре 1941 г. после освобождения территории Воловского района сотрудниками НКВД были арестованы и преданы суду 15 человек (бывший кулак, 6 священнослужителей и 8 бывших коммунистов)³.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 23, 26, 67-об., 69.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3014. Л. 20; АУВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 51; Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Ч. I. Сб. документов. – Курск, 2002. – С. 259.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 136. Л. 23; Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5(8). – С. 6.

Основной объем оперативно-розыскной и следственной работы сотрудниками областного управления НКВД выполнялся после освобождения территории 56 районов Курской области¹. Этот период деятельности территориальных органов государственной безопасности, активизация борьбы с пособниками оккупантов, совпали со временем их реорганизации. В апреле 1943 г. был создан новый наркомат Союза ССР – Народный комиссариат государственной безопасности. Этому ведомству были переданы функции НКВД СССР по борьбе с вражескими шпионами и диверсантами, розыску и привлечению к ответственности сотрудников оккупационных властей, военнослужащих, действовавших в интересах частей Вермахта, разведывательных или контрразведывательных структур фашистской Германии. 4-й отдел УНКВД был передан в структуру областного УНКГБ для выполнения соответствующих функций².

В мае 1943 г. в подчинение Народного комиссариата обороны из НКГБ СССР были переданы особые отделы частей и соединений РККА, получившие аббревиатуру «Смерш» (Смерть шпионам и диверсантам). Задачей этих отделов стали розыск и привлечение к суду военно-полевого трибунала изменников Родины, различными путями проникавших в состав частей Красной Армии. Это стало особенно частым после вступления в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Так, и.о. начальника Ивановской районной полиции П.К. Мяснянкин сбежал из родных мест и оказался в Курске. Изменив одну букву в своей фамилии (на Меснянкин), и скрыв свою службу у фашистов, он был направлен полевым военкоматом в одну из частей 60-й армии. Но в марте 1943 г. его изобличили сотрудники особого отдела. По решению Военного Совета армии П. Меснянкин был направлен в 9-ю армейскую штрафную роту Центрального фронта. Отбыв наказание, он возвратился в свою часть, но был

¹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 5. Л. 81.

² 7 мая 1943 г. начальником областного Управления Наркомата государственной безопасности был назначен подполковник госбезопасности В.Т. Аленцев. В этой должности он работал до октября 1944 г. (БКЭ. Т. 1. Кн. 3. – Курск, 2009. – С. 235).

повторно направлен в 263-ю отдельную армейскую штрафную роту, в которой служил до конца августа 1943 года¹.

В войсковые части 60-й армии часто попадали лица, запятнавшие себя верной службой оккупантам. Так, 17 апреля 1943 г. юго-западнее пос. Коренево был приведён в исполнение приговор военно-полевого суда 141 СД в отношении бывшего красноармейца 348-го артиллерийского полка, уроженца Льговского района В.Я. Погонышева. Летом 1941 г. он попал в окружение. Возвратившись в родные места, В. Погонышев добровольно поступил на службу в местную полицию. Жители села дали показания о его издевательском отношении к мирному населению и участии в вербовке молодежи для работы в Германии.

Во время приведения в исполнение приговора военного трибунала присутствовало до 200 бойцов и командиров 687-го и 745-го стрелковых полков, 384-го артиллерийского полка и отдельной разведывательной роты 141-й дивизии. После того, как предатель был повешен, состоялся короткий митинг. Выступившие командир дивизии полковник С.С. Рассадников, прокурор дивизии, военный юрист II ранга Е.Я. Струлев, председатель трибунала дивизии военный юрист II ранга Н.Д. Москвин одобрили приговор военно-полевого суда, заявив о том, что будут беспощадно бороться с врагами и шпионами².

В мае 1943 г. в одном из подразделений 121-й стрелковой дивизии сотрудниками «Смерш» был изобличен предатель Я.А. Загороднев, мобилизованный в марте 1943 г. из села Верхняя Груня Кореневского района. Проживая на оккупированной территории, он принимал участие в предательстве советских патриотов, впоследствии расстрелянных. 23 мая «за измену и предательство» Загороднев по приговору военно-полевого суда был повешен. Присутствовавшие при этом бойцы и местные жители села

¹ Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: Война 1941-1945 гг. в материалах судебно-следственных дел. – М., 2006. – С. 642, 673.

² ЦА МО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 24. Л. 170-170-об.

Малеевка поддержали справедливое возмездие по отношению к предателю Родины¹.

Ситуация с происшествиями в частях и соединениях 60-й армии с началом Курской битвы оставалась напряженной. Так, в июле 1943 г. перешли на сторону врага 14 военнослужащих. В 322-й стрелковой дивизии 13 военнослужащих, изменив Родине, перешли на сторону врага. Из них 11 человек ранее служили в 1085-м стрелковом полку (командир – майор В.А. Топильер).

Определенный интерес представляет анализ социологических данных о военнослужащих, совершивших воинские преступления. Из 14 изменников Родины 11 были из рядового состава, а трое – из числа командно-начальствующего состава. Из этого числа девять до мобилизации в РККА проживали на оккупированной территории. Семь изменников Родины ранее имели судимость, а трое – попадали в плен или окружение².

Отметим, что первыми к проведению оперативно-розыскных мероприятий и привлечению к уголовной ответственности коллаборационистов, действовавших на территории Курской области в 1941-1943 гг., весной 1943 г. были подключены сотрудники секретно-политического отдела (СПО) УНКВД по Курской области. Несколько позднее в составе областного управления НКВД, был организован специальный следственный отдел. «В июне 1943 г. многих курсантов Высшей школы НКВД СССР из Курска возвратили в Москву. Но 10 человек разрешили оставить в Курском УНКВД для постоянной работы. Меня назначили старшим следователем, а спустя два месяца – начальником 1-го отделения следотдела. Отдел расследовал несколько сот уголовных дел в год», – вспоминал полковник госбезопасности Г.Ф. Коробко³.

¹ Там же. Л. 189-об.

² ЦА МО РФ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 323, 324.

³ Коробко Г. Я – следователь КГБ // На страже Отечества: из истории органов безопасности Курской области. Статьи, очерки, воспоминания. – Курск, 2008. – С. 145, 153.

В октябре 1943 г. в следственном отделе УНКГБ по Курской области было сформировано три отделения: 1-е – по делам вражеской агентуры; 2-е – по делам изменников Родины из числа карателей и их пособников; 3-е – по происшестввиям, когда немецкие пособники совершали террористические акты в отношении советских специалистов. Работавшая в аппарате штаба «1Ц-Антон» машинисткой советская разведчица В.Т. Дроздецкая передала сотрудникам областного Управления НКВД сведения на 15 резидентов абвергруппы-105, оставленных после отступления гитлеровцев из Курска. Вскоре предатели были арестованы особым отделом НКВД Воронежского фронта. Среди них была одна из руководителей вражеской резидентуры, курская учительница А.В. Дубровская¹.

Сожительница врангелевского полковника С.Г. Васильева-Барель, Александра Дубровская была завербована немецкими спецслужбами еще в декабре 1941 года. Позднее она сама занималась вербовкой новых агентов абвера, производила для них выдачу денег и продуктовых пайков. А.В. Дубровская получила в месяц 500 рублей и продуктовый паек германского военнослужащего. Ей было разрешено открыть несколько кафе, в которых во время вечеринок и развлекательного отдыха встречались и обменивались информацией секретные агенты абвера².

В июле 1943 г. А.В. Дубровская предстала перед судом военного трибунала войск НКВД. Он определил ей меру наказания – 15 лет лишения свободы³.

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 37, 40; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле. Часть II. Сб. документов. – Курск, 2004. – С. 327-328.

² Противостояние. Рассказы о курских чекистах. – Воронеж, 1991. – С. 145.

³ В октябре 1943 г., находясь в ИТЛ, А. Дубровская во время уборки картофеля совершила побег. Добравшись до ст. Худославенской Восточно-Сибирской ж.д. (Иркутская область), она в сельсовете получила справку на имя А.И. Волевахиной. С этими документами устроилась работать учителем математики в железнодорожной школе ст. Куйтун. Здесь она стала проводить беседы с местными жителями, рассказывала о превосходстве немцев и хвалила их культуру. Она распространяла информацию о том, что гитлеровцы решили распустить колхозы и возродить частную торговлю. В июле 1944 г. повторно она была арестована сотрудниками транспортного отдела НКГБ Восточно-Сибирской жел. дороги. 15 марта 1945 г. военный трибунал войск НКВД по Курской области вторично рассмотрел

В начале марта 1943 г. оперативные сотрудники органов безопасности произвели аресты бывших коллаборационистов, оставшихся после освобождения от немецко-фашистских оккупантов в Курске. Так, в тюремных камерах оказались заместитель главы Городской Управы инженер А.Г. Кепов, заведующий отделом Стрелецкой управы и тайный агент Абверкоманды-105 Г.В. Булгаков, его коллега по идеологической обработке населения города С.К. Егорова-Ларионова.

Г.Ф. Коробко и его помощникам в ходе следствия по делу этих коллаборационистов удалось выяснить, что Г.В. Булгаков являлся заметной фигурой в коллаборационистском движении, был резидентом шпионско-диверсионной сети, которая обосновалась в оккупированном Курске¹.

Следствие по делу А.Г. Кепова вел заместитель начальника следственного отдела Д.И. Солодовников. На одном из допросов А. Кепова присутствовал известный советский писатель и публицист И.Г. Эренбург. «У него были мирные картежные термины и угодливые глаза, – вспоминал И. Эренбург. – Но еще месяц назад он выдавал немцам русских людей. Я спросил, что же он чувствовал, когда Красная Армия подходила к городу. Кепов, немного помолчав, ответил: «Не скрываю – животный страх». На вопрос следователя, почему он не уехал вместе с гитлеровцами, он добавил: «Не хотел ставить на битую карту. Немцы меня обманули...»²

Летом 1943 г. активизировалась деятельность сотрудников транспортного отдела НКГБ на ст. Курск (начальник – Н.Я. Буйдин) по выявлению и привлечению к ответственности коллаборационистов-железнодорожников. Первый секретарь Кировского РК ВКП(б) Н.М. Меркулов в информации, направленной в обком ВКП(б), отмечал, что к

дело по обвинению А.В. Дубровской по ст. 58-10 ч. 2 и 58-14 УК РСФСР и приговорил ее к расстрелу. Но определением Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрел А.В. Дубровской был заменен 10 годами лишения свободы (Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Ч. II. Сб. документов. – Курск, 2010. – С. 335, 341).

¹ Коробко Г. Указ. соч. – С. 149.

² Цит. по: Противостояние. Рассказы о курских чекистах. – Курск, 1991. – С. 146.

22 июля 1943 г. уже были арестованы медник паровозного депо Курск А.Н. Буднов, слесарь С.И. Будников, бригадир автоматного цеха Н.С. Ночевкин, работник службы движения Б.Б. Нехорошев и другие¹. По завершении следствия, все они предстали перед советским судом.

Льговские предатели П. Ткаченко, О. Богомазова, В. Лебедева, Н. Драчёв и другие, после ареста их органами госбезопасности, на допросах сообщали, что люди, упомянутые в их доносах, «были арестованы», и что об их дальнейшей судьбе они ничего не знают².

По доносу предателей в декабре 1941 – январе 1942 гг. во дворе Льговской тюрьмы было расстреляно 7 противников «нового порядка». В. Ефимов, лично сдавший оккупантам четверых из них, в сентябре 1942 г. сам оказался в тюрьме: из доносчика он переквалифицировался в тюремного агента. Как провокатора его подсаживали в камеру с лицами, подозреваемыми в принадлежности к партизанам. Ефимов им представлялся комсомольцем, арестованным за связь с партизанами. Входя в доверие, он узнавал сведения, необходимые для гестапо. Предатель «отсидел» в тюрьме несколько месяцев, где питался на тюремной кухне отдельно. Выданные им патриоты переправлялись в Рыльск для дальнейшего разбирательства и казни сотрудниками окружной жандармерии.

После освобождения Льгова В. Ефимов попытался скрыться от преследования. В апреле 1943 г. он был призван в ряды Красной Армии. Но уже в мае 1943 г. его арестовали советские контрразведчики. В отношении предателя Родины велось следствие, в ходе которого готовилось обвинение по ст. 58-1 а УК РСФСР. Однако, на этапе ведения следствия, в ноябре 1943 г. он умер в Свердловской области³.

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3014. Л. 194-195; См. также ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 17-об. Работники депо Курск Н.С. Ночевкин, С.И. Будников, А.Н. Буднов были арестованы сотрудниками транспортного отдела НКВД в ночь на 1 июля 1943 г.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 211-222.

³ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 237. Т. 1. Л. 210, 215, 217, 218, 221, 223; Т. 2. Л. 856, 882, 889, 890.

Во второй половине августа 1943 г. была образована Рыльская оперативная группа. В нее были включены Н.И. Боженев, И.И. Тютюнников, С.Е. Расторгуев. Местом действия группы была определена территория Рыльского, Хомутовского и Глушковского районов. Для проведения следственных действий среди немецких военнопленных и власовцев в Крупце был оставлен Н.И. Боженев.

В пос. Теткино, при осмотре помещений районной управы, в кабинете бежавшего бургомистра Полищука, Г.Ф. Коробко обнаружил расписки агентов из числа жителей Глушковского района, завербованных немцами. Более 40 бывших полицейских были арестованы и заключены в тюрьму, которую полевая жандармерия ранее использовала для содержания партизан и местных жителей.

«Активную помощь оказывала нам переводчица Теткинской комендатуры, немка Эльза Ульман. Мы выяснили, что в прошлом она была женой командира Красной Армии и всегда враждебно относилась к фашистам. Она нам помогла разоблачить многих предателей и пособников фашистов...» – отмечал Г.Ф. Коробко¹.

Успешному проведению оперативно-розыскных мероприятий и задержанию сотрудников и агентов германских спецслужб способствовали тесные контакты с бойцами истребительных батальонов, особенно при осмотре освобождаемых от противника населённых пунктов, чердаков, подвалов, где часто скрывались фашистские агенты. Так, к 1 октября 1944 г. сотрудниками райотделов УНКГБ области было арестовано 13552 чел., в их числе – 381 агент немецких разведорганов, 12798 активных пособников фашистов и предателей и 273 чел. антисоветских элементов².

Курские чекисты вели значительную работу по аресту бывших карателей из бригады Б.В. Каминского, проживавших на территории Дмитриевского, Хомутовского и Михайловского районов. Здесь

¹ Коробко Г.Ф. Указ. соч. – С. 152.

² АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 5. Л. 69; Бондарева А.В. Указ. соч. – С. 24.

оперативными группами НКГБ было задержано и позднее привлечено к уголовной ответственности около 500 коллаборационистов¹.

Коллаборационизм как социальное явление не обошел стороной и землю Поньровского района, прославившуюся в ходе знаменитого сражения на Огненной дуге. Так, зимой 1942 г. при невыясненных до конца обстоятельствах были схвачены и казнены в селе Синьково Глазуновского района Орловской области партизанские разведчики А.М. Феонычев и Н.П. Ковальчук². Позднее курскими чекистами было установлено, что разведчики погибли в результате действий изменников Родины – жителей села Гнилец Кромского района Орловской области Н. Обрядина и Б. Мельникова³.

Как смогли установить сотрудники госбезопасности, А.М. Феонычев и Н.П. Ковальчук при выполнении задания останавливались на квартире Я.Е. Ломакина в Поньрях. Он доложил полиции о появлении партизанских разведчиков. Осенью 1943 г. Я.Е. Ломакин за свое предательство понес заслуженное наказание⁴. В результате совместных оперативно-розыскных мероприятий, после окончания Великой Отечественной войны, изменники Н. Обрядин и Б. Мельников предстали перед военным трибуналом. Н. Обрядин по приговору суда был расстрелян, а Б. Мельников приговорён к длительному сроку заключения.

Значительным успехом сотрудников областного Управления и Грайворовского райотдела НКГБ СССР стало разоблачение группы фашистских агентов, которых возглавлял житель Грайворона, этнический немец В.Э. Кляuze. После оккупации Грайворона в октябре 1941 г. он обратился в немецкую комендатуру за разрешением на открытие слесарной мастерской, завязал знакомство с руководителями местных оккупационных

¹ Там же. Д. 21. Л. 69.

² Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Сб. документов. Т. 1. – Курск, 1960. – С. 399-400.

³ ГАОПИКО. Ф. П-3532. Оп. 2. Д. 147. Л.6-7.

⁴ ГАОПИКО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 84. Л. 34.

учреждений¹. В.Э. Кляuze смог завладеть оборудованием горкомкомбината, на базе которого открыл механическую мастерскую. Из местных жителей организовал группу, члены которой собирали сведения об антифашистской деятельности жителей и доносили оккупантам. В марте 1942 г. в результате предательства В.Э. Кляuze было арестовано до 15 человек².

14 февраля 1943 г. Грайворон первый раз был освобожден войсками Воронежского фронта. В. Кляuze остался для вербовки агентов и выполнял очередные задания абвера. 14 марта 1943 г., после вторичной оккупации Грайворона, предатель «оказался на хорошем счету». 7 августа 1943 г., уже в ходе Курской битвы, город Грайворон был освобождён. В.Э. Кляuze в городе жил под видом бывшего «арестанта, находившегося в немецких застенках». В ожидании возвращения немецких войск он смог завербовать еще 16 человек. Осенью 1944 г. В.Э. Кляuze был изобличен и арестован³.

Особого внимания заслуживает деятельность транспортного отдела НКГБ на ст. Курск, сумевшего обезвредить агента немецкой разведки Г.И. Круторогова. С 1933 по 1941 гг. он работал младшим стрелочником на станции Курск⁴. В декабре 1942 г. был завербован начальником районной полиции М.Н. Кохом. По заданию руководства полиции Круторогов ходил по населенным пунктам Курской области, где выявлял остававшихся красноармейцев, коммунистов и советских активистов.

Вскоре после освобождения Курска от немецких захватчиков Г. Круторогов устроился работать составителем поездов⁵. В разговорах с сослуживцами неоднократно выражал недовольство по поводу многих мероприятий советской власти. В то же время ему постоянно казалось, что транспортным чекистам уже известно о его агентурной деятельности. 27 октября 1944 г., находясь на дежурстве, Г. Круторогов получил задание

¹ АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 74. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3-4.

⁴ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 1-Л. Д. 114. Л. 1-об.

⁵ С 24 апреля 1943 г. Г.И. Круторогов работал составителем поездов в смене № 3 станции Курск жел. дор. им. Дзержинского (там же, л. 5).

произвести расформирование грузового поезда и решил устроить диверсию. В это время к отправлению на Москву готовился пассажирский поезд № 62. В нем должен был ехать в столицу первый секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин.

Выезжая с маневровым составом (вес поезда 1300 тонн при 43 вагонах), Г. Круторогов не привел в действие автотормоза. В результате поезд № 62, шедший в Москву, врезался локомотивами в грузовой состав. После получения известия о происшествии, в район крушения быстро прибыли сотрудники транспортного отдела НКГБ. Ими было установлено, что тормозная магистраль между паровозом и вагонами находится в исправном состоянии. Но на песчаном балласте у места соединения концевых рукавов, были обнаружены следы от ботинок. Они оказались идентичными рисунку на подошве ботинок Г. Круторогова. После столкновения поездов он успел соединить автотормозную магистраль¹. Агент немецких спецслужб Г.И. Круторогов, совершивший диверсию, был арестован и приговорён к высшей мере наказания².

Многие коллаборационисты стремились всячески скрыться от советского правосудия. С этой целью они подделывали документы, меняли фамилии или биографические сведения. Как указывают исследователи Д.А. Жуков и И.И. Ковтун, одних, таким образом «замаскировавшихся» пособников оккупантов, удавалось довольно оперативно разыскать, других – через долгие годы после окончания войны, а третьих – не смогли вообще никогда обнаружить советские чекисты, чтобы привлечь их к ответственности³. Так, к концу войны сотрудникам областного Управления НКГБ стало ясно, что они не смогут выйти на след бывшего начальника 4-го (Ямского) отдела полиции гор. Курска М.Н. Коха. После отступления

¹ Букреев И.Н. «Мы начеку, мы за врагом следим» // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5(8). – С.31.

² ОА МЖД (г. Курск). Ф. 2. Оп. 1-Л. Д. 5. Л. 59; Букреев И.Н. «Суровая правда» // На службе Отечеству. – Курск, 2008. – С. 166-167.

³ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. – С. 242.

гитлеровцев из Курска, он вместе с оккупантами ушел на Запад, бросив свою семью¹.

После окончания Второй мировой войны началась «холодная война» и руководство западных специальных служб нуждалось в консультантах-антисоветчиках, бывших пособниках немецких оккупантов. Поэтому им и удавалось избежать выдачи Советскому Союзу. Советская военная администрация в Германии в 1946-1947 гг. предоставили бывшим союзникам несколько списков военных преступников – граждан СССР, с просьбой их выдать. Но на все обращения советской стороны, бывшие союзники отвечали стандартно: приказ об аресте подписан, но они еще не обнаружены².

Например, в феврале 1943 г. семья главы Курской городской Управы И.А. Смялковского (его жена Е.А. Тезикова и сын И.А. Смялковский) выехали из Курска. Летом 1943 г. они проживали в Теневском районе Киевской области, где в молодости священником служил И. Смялковский. Незадолго до взятия советскими войсками Киева, они переехали в Австрию. По сообщению инженера городской управы А.В. Томило, уехавшего вместе с семьей Смялковских, в декабре 1944 г. они оказались в Братиславе, где они стали членами одной из религиозных сект. В 1945 г. при содействии руководителей секты семье Смялковских удалось переехать на территорию Швейцарии³.

В ходе оперативно-розыскной работы, проводимой по делу коллаборационистов И.М. Пехова и его дочери С.И. Юфы, обвиняемых в массовых расстрелах еврейских семей в Курске, чекистами было установлено, что И.М. Пехов бежал из города с отступавшими гитлеровцами. В ходе досмотра его имущества на территории Украины гитлеровцы в его вещах обнаружили золото и большое количество монет царской чеканки. И.М. Пехова, несмотря на «заслуги перед Третьим Рейхом», фашисты

¹ ОА МЖД (г. Курск). Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 62-об.; Курский край. Научно-историч. журнал. – 1995. – № 5(8). – С. 10.

² Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. – С. 241.

³ Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5(8). – С. 22-23.

расстреляли, считая, что золото всегда должно принадлежать только Германии. Его дочь – Софья Юфа перебралась в США. Но ввиду смерти отца, ее розыск пришлось прекратить¹.

В 1944-1947 гг., после завершения оперативно-следственных мероприятий, которые вели сотрудники УМГБ СССР по Курской области Д.И. Садовников, Г.Ф. Коробко и другие, к различным срокам тюремного заключения были осуждены активные пропагандисты оккупационного режима – заведующий отделом Стрелецкой управы Г.В. Булгаков, С.К. Егорова-Ларионова, сотрудники оккупационной газеты «Курские известия» В.Н. Финк, И.М. Еськов².

После отъезда из Курска в конце января 1943 г. Г. Фильшин устроился на работу плотником лагеря для перемещенных лиц. В 1945 г. он перебрался в Чехословакию, откуда с группой репатриантов был возвращен в Курск. 17 мая 1948 г. он был арестован³. Следствие по делу Г. Фильшина вел капитан госбезопасности Г.Ф. Коробко. Он собрал многочисленные документы о коллаборационистской деятельности Г. Фильшина и его роли в издании газет «Новый путь» и «Курские известия»⁴. 21 июля 1948 г. военный трибунал войск НКВД Московского округа приговорил Г.И. Фильшина по статье 58-1 а УК РСФСР к 25 годам лишения свободы.⁵

Сотрудниками транспортного отдела НКГБ на ст. Курск А.И. Нехорошевым и В.Г. Маркиным 21 апреля 1944 г. был арестован бывший мастер паровозного депо Курск С.И. Чернышев. 22 июня 1944 г.

¹ Ковалев В.Т. Еврейский квартал // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 2. – С. 27.

² АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 24, 61, 69-70. Так, Г.В. Булгаков, 1888 г. рожд., был осужден на 20 лет ИТЛ, С.К. Егорова 1894 г. рожд. На 15 лет, В.Н. Финк и И.М. Еськова 1900 г. рожд. На 10 лет лишения свободы (там же).

³ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 39-40, 61, 69, 20-20-об.

⁴ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 20-22, 85.

⁵ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 9515. Л. 125.

Военный трибунал Московско-Курской железной дороги приговорил С.И. Чернышева к 10 годам лишения свободы¹.

В одной из частей Красной Армии в феврале 1945 г. курские чекисты разыскали И.Г. Ющенко, который весной 1943 г. скрылся из Курска. 24 февраля 1945 г. Военным трибуналом Московско-Курской железной дороги он был приговорён к расстрелу. В этот же период по 10 лет тюремного заключения получили его подельники – Е.П. Зубченко, Н.П. Звягинцев, Г.И. Зикеев, Ф.К. Зикеев². На аналогичные сроки заключения были осуждены и бригадиры паровозного депо Курск Н.С. Ночевкин, А.П. Ильин, а также медник А.Н. Буднов³.

Но в оперативно-следственной работе сотрудников Курского областного управления НКГБ имели место и серьезные ошибки. Об этом свидетельствует такой факт. Весной 1942 г. специальным подразделением УНКВД по Воронежской области в качестве агента была завербована доцент кафедры иностранных языков Воронежского университета Е.П. Никитина. Она изъявила желание остаться в Воронеже для ведения подпольной работы. Ей было поручено устроиться в одну из разведывательных структур или в штаб военного соединения противника для выявления там кадровых разведчиков, а главное, вражеской агентуры, забрасываемой в советский тыл.

Е.П. Никитина (агентурный псевдоним «Хорват») выполнила это задание и познакомилась с начальником зондеркоманды СД – В. фон Радецким. Она, как переводчик, участвовала во многих допросах советских граждан. В августе 1942 г. после тотального выселения жителей Воронежа из города, команда СД возвратилась к месту постоянной дислокации в Курск. Сюда приехала и Е.П. Никитина. Обнаруженное заболевание туберкулезом позволило ей перейти в Курскую городскую Управу и установить связь с

¹ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 17314. Л. 89-90.

² Букреев И.Н. «Мы начеку, мы за врагом следим...» // Курский край. Научно-исторический журнал. – 1999. – № 5(8). – С. 32.

³ ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 145. Л. 2-3; Д. 161. Л. 2; Д. 169. Л. 23-24; ОА МЖД. Ф. 3. Оп. 1-Л. Д. 3. Л. 17-об.

высокопоставленными лицами немецкой военной и гражданской администрации. Е.П. Никитиной была передана ценная информация о руководящем и личном составе карательного отряда СД, о формах и методах работы вражеских разведорганов¹. После освобождения Курска она передала подробную информацию о проведенной в тылу противника разведывательной работе.

Но курские чекисты не посчитали ее разведывательную деятельность обоснованной. 3 марта 1945 г., рассмотрев поступившие на Е.П. Никитину материалы, начальник 1-го отделения следственного отдела УНКГБ Курской области, капитан Г.Ф. Коробко вынес постановление о ее аресте. 1 августа 1945 г. следователь принял постановление о привлечении ее в качестве обвиняемой по ст. 58-1 «а» УК РСФСР за предательскую деятельность в пользу оккупантов. Е.П. Никитина умерла 1 февраля 1946 г. в тюрьме № 1 Курска. 28 мая 1946 г. ее следственное дело было прекращено в связи со смертью обвиняемой. В 2001 г. прокуратура Курской области приняла решение о прекращении уголовного дела в отношении Е.П. Никитиной из-за отсутствия в ее действиях состава инкриминируемого преступления и посмертно реабилитировала ее².

Необходимо отметить, что согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., в качестве основного наказания предусматривалась смертная казнь через повешение, чтобы «такими мероприятиями наглядно удовлетворялось справедливое чувство мести со стороны населения к немецко-фашистским злодеям и их прислужникам»³. В соответствии со ст. 2 Указа, чрезвычайную меру могли принимать специально учреждаемые военно-полевые суды, действовавшие в дивизиях и корпусах Красной Армии. В состав таких судов входили: председатель военного трибунала дивизии (корпуса), начальники политотдела и отдела

¹ Шамаев В. Возвращение «Хорвата» // Подъем. – 2003. – № 6. – С. 57-63.

² См.: Коровин В.В. Поднимались воины народа... – Курск, 2007. – С. 445.

³ Семиряга М.И. Указ. соч. – С.779.

контрразведки «Смерш». Приговоры таких военно-полевых судов оперативно утверждались командирами соединений. Военно-полевые суды должны были рассматривать дела военных преступников сразу после освобождения оккупированной советской территории.

В донесениях начальника политотдела 60-й армии, генерал-майора К.П. Исаева, направляемых в политуправление Центрального фронта, отмечалось, что в подразделениях 322-й стрелковой дивизии 60-й армии активно обсуждались материалы судебного процесса над военными преступниками, прошедшего летом 1943 года в Краснодаре¹.

Процессом, так же получившим значительный общественный резонанс, стал военно-полевой суд над участниками массовых расстрелов мирного населения и борьбы с партизанами на территории Курской области. Он проходил в Дмитриеве 8-9 сентября 1943 года.

Благодаря четким оперативно-розыскным действиям сотрудников Дмитриевского райотдела НКГБ и отдела «Смерш» 65-й армии Центрального фронта были разысканы и арестованы дезертиры из рядов Красной Армии, тайные агенты немецких спецслужб, бывшие полицейские Т.Е. Скрипкин, Ф.Д. Калиткин, Д.Т. Рябыкин, Г.С. Негуляев, П.Я. Тарасов, В.Т. Сиухин, Д.Н. Возгрин и В.Е. Ашурков. 28 июля 1943 г. по ходатайству отдела контрразведки «Смерш» 65-й армии была организована специальная комиссия с привлечением к работе в ней представителей советских и партийных органов Дмитриева². В состав этой комиссии вошли представитель политотдела 65-й армии, майор М.С. Коломыцкий (председатель), майор юстиции М.Г. Сапожников, военный судмедэксперт, капитан С.П. Сорока, Дмитриевский районный прокурор Е.Е. Вислогузов, представитель райисполкома, бывший партизан И.В. Бацев и другие.

Как было установлено членами комиссии в ходе следствия, Т. Скрипкин, Ф. Калиткин, Д. Рябыкин и Г. Негуляев добровольно поступили

¹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 335. Д. 24. Л. 322.

² «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 343.

на службу в Дмитриевскую полицию. Они все были причастны к угону местных жителей на работы в Германию, к карательным акциям против партизан, к сожжению населенных пунктов Холстинка, Веретенино, Большой Дуб, Звезда, Погорелое в соседнем Михайловском районе¹. П.Я. Половинкин, М.В. Антипов, С.Д. Пузанов принимали неоднократное участие в облавах на партизан, сообщали фашистам о появлении партизанских групп в пос. Октябрьский².

Объективно и оперативно расследуя многочисленные злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Дмитриевского района, военные юристы: помощник военного прокурора 65-й армии, майор юстиции М.Г. Сапожников, начальник следственного отделения контрразведки «Смерш» 65-й армии, майор М.И. Колесников, старший следователь ОКР НКО «Смерш», капитан Г.Е. Давиденко в июле 1943 г. провели эксгумацию трех мест захоронения партизан и местных жителей, на которые указали Т.Е. Скрипкин, Ф.Д. Калиткин и другие изменники Родины³.

Военный трибунал 354-й стрелковой дивизии 65-й армии под председательством капитана юстиции А.И. Глебова, выслушав показания более 50 свидетелей этих военных преступлений, признал доказанной причастность всех подсудимых к измене Родины и пособничеству немецко-фашистским оккупантам в Дмитриеве и Дмитриевском районе. 9 сентября 1943 г. он определил меру наказания каждому из них. Четверо из осужденных: Т.Е. Скрипкин, 1918 г. рождения, Ф.Д. Калиткин, 1918 г. рождения, Д.Т. Рябыкин, 1924 г. рождения, Г.С. Негуляев, 1919 г. рождения, были приговорены к повешению, а их помощники – к разным срокам ссылки

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 13-14, 26, 77, 80-82, 87, 91-92; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003. – С. 345.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 84.

³ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 6-9.

на каторжные работы¹. От 15 до 20 лет каждому, в зависимости от тяжести преступления. 16 сентября 1943 г. на базарной площади Дмитриева (там, где почти год назад ими была казнена партизанка Вера Терещенко – авт.) были повешены Т. Скрипкин, Ф. Калиткин, Д. Рябыкин, Г. Негуляев. Сотни жителей города стали свидетелями этого справедливого возмездия, примененного к изменникам Родины².

Показательны случаи наказания некоторых военных преступников решениями Особого Совещания при Наркоме государственной безопасности СССР. Некоторым пособникам оккупантов, арестованным советскими органами, удавалось избежать смертной казни. В этом смысле поразительно выглядит судьба исполнявшего обязанности начальника Иванинской полиции Курской области П.К. Мяснянкина. За службу оккупантам он оказался в штрафной роте. После освобождения П. Мяснянкин продолжал воевать, и первым в 1285-м полку 60-й стрелковой дивизии 65-й армии стал Героем Советского Союза. П.К. Мяснянкин после окончания войны продолжил службу в рядах Советской Армии. Но 5 апреля 1948 г., в столице Латвии Риге, он, занимая должность командира взвода 690-го артиллерийского полка 29-й отдельной Латышской бригады, был арестован и вскоре этапирован в Москву. В Главном Управлении контрразведки МГБ СССР ему предъявили обвинение в измене Родине. В августе 1948 г. за совершение преступления, предусмотренного статьей 58-1б УК РСФСР, он был направлен в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет³.

Многие годы продолжалась настойчивая работа курских чекистов по розыску военных преступников – бывших полицейских и других коллаборационистов, которые скрывались от правосудия в различных регионах Советского Союза. Так, заметая следы преступлений, руководитель

¹ Там же. Л. 96.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 29. Д. 979. Л. 96, 103; Курская правда. – 1943. – 19 сентября.

³ Звягинцев В.Е. Война на весах Феиды... – С. 671-672. П.К. Мяснянкин безуспешно пытался опротестовать постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 21 августа 1948 г. по его делу в многочисленных жалобах, направляемых в Главную военную прокуратуру в 1949-2001 гг.

профашистской группы в лагере «Везер-Флюг» (г. Бремен, Германия), бывший сотрудник УНКВД по Курской области А.А. Баранищев вместе со своими «коллегами» по лагерному режиму А.М. Жоржадзе, Ф.И. Онищуком, полицейскими Г.С. Чумаком и И.Г. Махной укрылись на родине А. Жоржадзе, в горах Аджарии. Здесь они в 1946 г. были арестованы сотрудниками органов госбезопасности Грузии. 14 июля 1947 г. все они были осуждены по ст. 58-1а УК РСФСР к лишению свободы на 25 лет с последующим пятилетним поражением в правах¹.

Оперативно-розыскная деятельность курских чекистов М.И. Кравченко и И.Е. Ещенко увенчалась успехом и в розыске бывших начальников Медвенской и Хомутовской районных полиций И.И. Ильющенко и Г.И. Кузьменко.

Благодаря последовательной работе оперативных работников М.И. Кравченко, С.А. Дерибезова и помощи сотрудников Ростовского управления КГБ при СМ СССР, был задержан И.И. Ильющенко, проживавший в станице Базковской Ростовской области. Он был отправлен под конвоем в Курск, где 28 мая 1953 г. ему был предъявлен ордер на арест².

В ходе четырехмесячного следствия И.И. Ильющенко был изобличен в совершении всех военных преступлений, совершенных им на территории Медвенского района Курской области. В ходе открытого судебного заседания Военного трибунала Воронежского военного округа вина И. Ильющенко была полностью доказана³.

Под руководством Г.Ф. Коробко курские чекисты в середине 1950-х гг. проводили расследование по особым делам: такими как на бывшего начальника Теткинской районной полиции И.Ф. Полесского. В 1941-1942 гг. более 100 коммунистов, оставшихся на оккупированной территории района, по его приказу заточили в трудовой лагерь и заставили работать на

¹ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 1123. Л. 252.

² Кравченко М.И. Розыск не прекращать // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5(8). – С. 33-36.

³ АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 11123. Л. 240-247.

восстановлении цехов сахарного завода им. Калинина. Получив от своих агентов данные о том, что некоторые арестованные готовят на заводе диверсионный акт, И. Полесский добился от военного коменданта разрешения на казнь восьмерых из них. Полесский лично организовал публичную казнь этих жителей пос. Теткино.

Бывший начальник Золотухинской районной полиции А.Я. Стекачев, кроме активной карательной деятельности, арестовал по заданию немецкой разведки советского резидента, прибывшего на новое место жительства в район, под видом военнопленного, освободившегося из лагеря. Советский разведчик смог сбежать из-под ареста и даже уничтожил двух дежурных полицейских. Тогда А. Стекачев арестовал его родителей и объявил, что если их сын не явится, то заложников повесят. После прихода разведчика в полицию, он был повторно арестован и передан гестапо¹.

Выступая на X областной партийной конференции (декабрь 1957 г.), начальник управления КГБ при СМ СССР по Курской области, генерал-майор Н.П. Полубинский обратил внимание партийного актива на антисоветскую агитацию, проводимую бывшими изменниками Родины и нацистскими преступниками².

Он отметил, что сотрудники областного Управления уже арестовали 59 агентов фашистских спецслужб, бывших полицейских и карателей. В числе лиц, осужденных военным трибуналом, были названы начальник Медвенской полиции И. Илющенко, Подкопаев (с. Большесолдатское), Рябченко (Кореневский район), С. Романов (его настоящая фамилия Аверин, Михайловский район), староста села Сухинович Глушковского района П.П. Бондаренко³.

¹ Коробко Г.Ф. Указ. соч. – С.154.

² Коровин В.В., Белозеров Д.А., Гаврилюк А.В. и др. Хрущевская «оттепель» в Курской области: общественно-политическая жизнь региона в 1953-1964 гг. – Курск, 2013. – С. 118.

³ ГАЛПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2753. Л. 200.

Сотрудники областного Управления КГБ постоянно информировали руководство Курского обкома КПСС о том, что значительно активизировали свою антисоветскую деятельность и сектантские группы. Летом 1961 г. органами госбезопасности в Курске и Щиграх были арестованы руководители секты иеговистов М.В. и В.К. Даниельские, П.И. Лобков. В годы Великой Отечественной войны П. Лобков активно участвовал в расстрелах советских граждан, был осужден в 1945 г. к длительному сроку тюремного заключения. Установив тесные контакты с П. Лобковым, супруги Даниельские организовали тайные собрания в Курске, Щиграх и в других городах и райцентрах области¹.

Весной 1959 г. сотрудники Курского областного Управления КГБ при СМ СССР Г.Ф. Коробко, А.Е. Проскурников завершили следствие по делу одного из кровавых палачей, бывшего штатного сотрудника Абверкоманды-105 С.Д. Коржа. Зимой 1943 г., когда советские войска приблизились к селу Никольское Щигровского района, Корж-Корнев исчез. После бегства из Никольского он объявился у себя на родине, в селе Лука Киевской области. Как староста села, и как начальник полиции, здесь он зверствовал до прихода войск Красной Армии. Сотрудники Курского УКГБ после двухлетних оперативно-розыскных мероприятий смогли установить, что С. Корж под вымышленной фамилией С.Д. Корнева проживает в селе Марково Глушковского района Курской области и здесь же работает на спиртзаводе.

Соблюдая меры предосторожности, майор госбезопасности А.Е. Проскурников получил фотографию и образцы подписи изменника Родины. Местные жители опознали его по фотографии. После сбора многочисленных свидетельских показаний чекистами было принято решение произвести арест С.Д. Коржа в селе Марково.

Судебное производство по делу предателя С.Д. Корнева-Коржа вела специальная коллегия Курского областного суда. В течение недели

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3587. Л. 81-82.

областной суд под председательством Д.Д. Крамаренко на открытых заседаниях выслушал показания свидетелей преступлений, совершённых в Курске, на территории Щигровского района Курской и в Таращанском районе Киевской области.

С.Д. Корж совершал карательные рейды в Черемисиновский район и в села Колпнянского района Орловской области¹. В ходе судебного расследования была установлена истинная роль С.Д. Коржа в задержании и казни советских разведчиц А.С. Жук, М.И. Морозовой, М.Н. Руденской, З.А. Токмаковой, возвращавшихся из тыла врага с очередного задания. В апреле 1942 г. они были казнены в Щиграх². Курский областной суд приговорил С.Д. Коржа к исключительной мере наказания – расстрелу³.

С 11 по 23 сентября 1959 г. в Клубе железнодорожников им. Ленина Белгородского отделения Южной железной дороги под председательством В.С. Козлова состоялся суд над четырьмя изменниками Родины – бывшими служащими Белгородской полиции Г.И. Федоровским, И.С. Мамаевым, И.Г. Щурком и И.Н. Терещенко. Они совершили свои злодеяния на территории Белгорода и Белгородского района Курской (с января 1954 г. – Белгородской) области.

В 1959 г. они были арестованы сотрудниками Управления КГБ по Белгородской области⁴. В ходе следствия и судебных заседаний удалось уточнить, что не удалось разыскать и привлечь к справедливому наказанию главных исполнителей кровавых акций в Белгороде – начальника

¹ См.: Прусаков В. Конец палача // Курская правда. – 1959. – 15 марта.

² Книга Памяти. Т. 8. – Курск, 1995. – С. 154-155, 182, 205, 216, 229.

³ С.Д. Корж был расстрелян в Курске 18 сентября 1959 г. (АУФСБ КО. Ф. АУД. Д. 16794; Воробьев В. По следам оборотней // На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области. – Курск, 2008. – С. 216). Материалы по уголовному делу С.Д. Коржа, хранящиеся в архиве УФСБ и в Государственном архиве Курской области, до сих пор секретны. Поэтому при описании следствия и судопроизводства по этому делу мы пользовались лишь открытыми материалами из местной периодической печати.

⁴ Белгородская правда. – 1959. – 4-23 сентября.

Белгородской полиции С.Н. Беланова и его заместителя Ф.Г. Ушакова (в середине 1942 г. он занял пост начальника полиции Белгорода – авт.)¹.

Документы 1941-1943 гг., хранящиеся в фондах белгородских архивов, а также показания 77 свидетелей совершённых преступлений, легли в основу приговора, вынесенного военным трибуналом по делу изменников Родины – Г.И. Федоровского, И.С. Мамаева, И.Г. Шнурка и И.Н. Терещенко. Всех их трибунал приговорил к расстрелу².

В 1960-1961 гг. сотрудниками органов госбезопасности Курской области И.А. Ещенко и др. были избиты и арестованы начальник Хомутовской районной полиции Г.И. Кузьменко и сотрудник Михайловской полиции С.Д. Милютин. На их счету были личное участие в казнях многих партизан и подпольщиков, изощренные пытки и издевательства над советскими патриотами и мирными гражданами. Открытые суды над этими коллаборационистами состоялись в Михайловке (над С.Д. Милютиным) и в Хомутовке (над Г.И. Кузьменко). По статье 58-1а УК РСФСР они были приговорены к смертной казни³.

В июне 1960 г. в газете «Курская правда» была опубликована серия статей журналиста С.А. Масленникова «Палачи держат ответ». В них подробно рассказывалось о ходе судебного процесса над хомутовскими коллаборационистами Г.И. Кузьменко и М.И. Тишиным.

В это время в Хомутовском районном Доме культуры проходило выездное заседание Курского областного суда под председательством Н.И. Русановой. В ходе судебных заседаний рассматривались уголовные дела на старшину Гламаздинской волости М.И. Тишина, в 1943-1945 гг.

¹ Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 гг.). Документы и материалы. – Белгород, 2010. – С. 269-270.

² Белгородская правда. – 1959. – 24 сентября; Оккупация... – Белгород, 2010. – С. 310.

³ Колесников А.Н. Непокоренный край. – Курск, 1995. – С. 175; Противостояние. Рассказы и курских чекистах. – Воронеж, 1991. – С. 163-172; Труфанов С.В. Военный коллаборационизм и уголовная ответственность за него в Курской области в 40-60-е годы XX века // Научные труды молодежной секции РОИА. Вып. 1. – Курск, 2011. – С. 29.

служившего в частях РОА и бывшего начальника Хомутовской районной полиции Г.И. Кузьменко.

В процессе судебного разбирательства было допрошено более 60 свидетелей – жителей сел Петровское, Березовое и пос. Моквинка. Из выступлений курян, пострадавших от преступных действий подсудимых, суду удалось установить, что М. Тишин занимался не только хозяйственными функциями (как он хотел это преподнести), но и избиением, насилием и расстрелами мирных граждан¹.

В начале 1960-х гг. проявилось некоторое ослабление оперативно-розыскной деятельности сотрудников органов безопасности по привлечению к ответственности военных коллаборационистов: власовцев, полицейских, карателей, совершавших массовые убийства красноармейцев и мирных жителей. Но Указ ПВС СССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершённых преступлений» еще раз установил, что отсутствуют сроки давности за военные преступления, совершенные в 1941-1945 годах.

Процессы разоблачения и наказания коллаборационистов, в том числе сотрудников карательных органов, имели место долгие десятилетия. Последний уголовный процесс над военными коллаборационистами – младшими командирами 580-го кавалерийского эскадрона полевой жандармерии И.В. Дерябкиным и Т.Ф. Шевыревым состоялся в Курске в конце марта 1973 года. Здесь выездная сессия военного трибунала Московского военного округа под председательством полковника юстиции М.И. Ворожцова исследовала материалы, собранные старшим оперуполномоченным УКГБ по Курской области, подполковником госбезопасности П.Н. Пурисовым.

¹ Курская правда. – 1960. – 24 июня.

Суду были представлены архивные документы, хранившиеся в Госархиве Курской области, архиве УКГБ по Курской области, многочисленные свидетельские показания очевидцев массовых злодеяний карателей в Фатеевке, Зорино, Веретенино, Большом Дубе Дмитриевского и Михайловского районов Курской области, совершенных в 1942-1943 годах.

Под напором неопровержимых улик о причастности подсудимых к инкриминируемым преступлениям, коллаборационисты И.В. Дерябкин и Т.Д. Шеверев признали свою вину перед Родиной. Военный трибунал Московского военного округа приговорил И.В. Дерябкина к расстрелу, а Т.Д. Шеверева – к 15 годам ИТЛ¹.

В Белгороде в августе 1976 г. был организован открытый суд над агентами 725-й группы тайной полевой полиции И.Г. Диденко, И.Б. Рябчевским, Б.В. Горбенко и А.С. Волошиным. Приговором военного трибунала Московского военного округа от 16 августа 1976 г. подсудимым И.Б. Рябчевскому, И.Г. Диденко и Б.В. Горбенко была назначена высшая мера наказания – расстрел, а подсудимому А.С. Волошину – 10 лет лишения свободы².

В феврале-марте 1977 г. в Белгороде проходил еще один судебный процесс над активными членами карательных формирований Ф.Ф. Обийкиным, Б.Г. Писаренко, Г.К. Шепелем, служившими в составе 725-й группы ГФП. В июне-ноябре 1976 г. все они были арестованы сотрудниками Управления КГБ при СМ СССР по Белгородской области.

Обвиняемые в период Великой Отечественной войны совершили преступления на территории Белгорода, Валуйского и Уразовского районов Курской области. 2 марта 1977 г. выездная сессия Военного трибунала Московского округа под председательством майора юстиции М.В. Пахомова «за измену Родине и личное участие в расстрелах советских граждан»

¹ Пятовский С. Неотвратимость // На службе Отечеству: из истории органов госбезопасности Курской области. – Курск, 2008. – С. 128-136; Курская правда. – 1973. – 5, 6 апреля.

² Белгородская правда. – 1976. – 21 июля, 17 августа.

приговорила Ф.Ф. Обийкина, Б.Г. Писаренко и Г.К. Шепеля к смертной казни¹.

Значимую роль в противодействии коллаборационизму и преодолении его последствий сыграли органы прокурорского надзора – от областной военной² до районных прокуратур, прокуратуры войск НКВД, транспортные прокуратуры Московско-Курской, Московско-Киевской, Московско-Донбасской и Южной железных дорог, действовавшие на территории Курской области. Отметим, что все территориальные военные прокуратуры, работавшие в Курской области, подчинялись военному прокурору Е.Ф. Коновалову.

Зимой 1941 г. подразделения областной и районных военных прокуратур значительно ужесточили прокурорский надзор за ведением дел по привлечению к ответственности изменников Родины, выявляемых в местностях, освобождённых частями Красной Армии, и в прифронтовых районах.

Специальным приказом НКВД СССР № 001683 от 12 декабря 1941 г. об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника, подчеркивалось, что «наряду с агентурно-осведомительной работой немедленно развернуть следственную работу и выявить лиц, причастных к антисоветской работе, немедленно арестовывать и привлекать их к суду...»³

Важной проблемой для органов прокуратуры весной-летом 1942 г. стало усиление контроля за делами о контрреволюционных преступлениях.

¹ Оккупация... – Белгород, 2010. – С. 340-354; Белгородская правда. – 1977. – 13 февраля-3 марта.

² На основании распоряжений прокурора Союза СССР В.М. Бочкова и Главного военного прокурора Красной Армии от 2 и 3 ноября 1941 г. и в соответствии с приказом № 303 от 26 ноября 1941 г. военного прокурора Орловского военного округа территориальная прокуратура Курской области и 20 районных прокуратур восточных районах области были преобразованы в военные прокуратуры (ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 4. Д. 2. Л. 212-213; Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. I. – Курск, 2010. – С. 49).

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М., 2000. – С. 414.

Расследование таких дел относилось, преимущественно, к компетенции органов НКВД. На прокуратуру возлагались обязанности по осуществлению надзора за их деятельностью в этой сфере. Военные прокуроры выдавали санкции на арест таких лиц, утверждали обвинительные заключения, подготовленные сотрудниками НКВД. 31 января 1942 г. Прокурор Союза ССР В.М. Бочков издал новый приказ, согласно которому прокуроры должны были лично участвовать в следствии по делам о контрреволюционных преступлениях, расследуемых органами НКВД.

Борьбу с контрреволюционными преступлениями вели как территориальные, так и военные прокуратуры. Именно поэтому возникали явные противоречия, на что обращалось внимание в приказе Прокуратуры РСФСР №1/16144 от 14 августа 1942 года. Так, в одних случаях территориальные прокуроры приняли расширительно предоставленные им права утверждать обвинительные заключения по ст.58-1, 58-6,58-8 и 58-9 УК РСФСР и полагали, что военные прокуроры округов не имеют к этому отношения. В других случаях местные прокуроры, наоборот, самоустраивались от рассмотрения дел, поднадзорных военной прокуратуре. Прокурор СССР В.М. Бочков потребовал обеспечить поддержание территориальными прокурорами обвинения в судах по всем делам о контрреволюционных преступлениях¹.

В ряде случаев в прифронтовых районах надзор за следствием, проводимым в отделениях оперативно-следственных групп НКВД, не осуществлялся совсем. Хотя там имелись органы как военной, так и территориальной прокуратуры. Для исправления сложившейся ситуации было решено, что обвинительные заключения по делам, относящимся к статьям 58-1 – 58-9 УК РСФСР, и направляемым на рассмотрение Особого Сопровождающего при НКВД СССР, должны утверждаться военными прокурорами округов или их заместителями. Обвинительное заключение по делам данной

¹ См.: Филоненко В.С. Воронежская прокуратура в годы Великой Отечественной войны. – Воронеж, 2010. – С. 154.

категории, направляемым на рассмотрение в военные трибуналы, должны были утверждать военные прокуроры округов и их помощники под спецделам. В прифронтовых областях надзор за следствием по делам, поднадзорным военной прокуратуре, осуществляли военные прокуроры соединений, расположенных в этих районах. В случае их отсутствия (или передислокации войск) их рассматривали районные прокуроры, которые по окончании следствия составляли письменные мотивированные заключения¹.

Правда, в прифронтовой обстановке даже органам прокуратуры не всегда удавалось соблюсти все процедурные моменты: в частности, некоторые районные прокуроры выдавали санкции на арест, но санкционировать такие аресты по обвинению в контрреволюционных преступлениях должна была облвоенпрокуратура².

Вскоре после вступления в действие особого приказа Прокурора Союза ССР № 46/сс от 15 мая 1942 г. о надзоре по делам лиц, перешедших на сторону немецко-фашистских захватчиков и пособников врага, 26 мая 1942 г. во все районы области были направлены директивные указания, подписанные начальником областного УНКВД, майором госбезопасности П.М. Аксеновым и военным прокурором Курской области, батальонным комиссаром Е.Ф. Коноваловым. Они содержали требования об усилении прокурорского надзора за рассмотрением дел на изменников Родины³.

В документе, в частности, подчеркивалось, что во многих следственных делах, поступающих для передачи по подсудности, были установлены серьезные недостатки в работе следственных органов и в прокурорском надзоре по делам изменников Родины, особенно в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. В ряде случаев лица, перешедшие на службу к немецко-фашистским захватчикам и выдававшие партизан, коммунистов и советских активистов, проявлявшие жестокое

¹ Филоненко В.С. Указ. соч. – С. 155.

² Там же.

³ ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 4. Д. 3. Л. 163-163-об.; Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 325-326.

обращение с населением оккупированных районов, привлекались к ответственности не по ст. 58-1 «а» как изменники Родины, а по ст. 58-3 УК РСФСР.

Имели место и факты привлечения к ответственности по ст. 58-1 «а» УК РСФСР лиц, хотя и занимавших при оккупантах административные должности, но оказывавших помощь партизанам и подпольщикам, а также саботировавших требования немецких властей.

П.М. Аксёнов и Е.Ф. Коновалов обратили внимание на то, что следствие по многим делам проводилось поверхностно. В них не конкретизировалась деятельность привлеченного, мотивы и обстоятельства его поступления на службу к немцам. Не фиксировались такие факторы, как явка с повинной, хотя это обстоятельство имело существенное значение для ведения дела.

Основываясь на указаниях Прокурора Союза ССР, в целях устранения отмеченных недочетов, было приказано: советских граждан, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам или выполнявших указания немецкой администрации по сбору продовольствия и вещей для нужд германской армии, по восстановлению промышленности и коммунальных предприятий, другими действиями помогавших немецко-фашистским оккупантам, шпионов, провокаторов, доносчиков, уличенных в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей, лиц, участвовавших в разведке и боевых действиях против партизанских отрядов и частей Красной Армии, принимавших участие в работе карательных и немецких органов – было необходимо привлекать к ответственности по ст.58-1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

От прокуроров требовалось усилить надзор за следствием и принимать непосредственное участие в расследовании дел этой категории. Подчеркивалось, что надзор прокурора должен был обеспечить качественное

расследование дел, не допускать огульного привлечения советских граждан по подозрению в пособничестве врагу¹.

Приказ Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. и этот документ региональных правоохранительных органов определял категории лиц, которые не должны были привлекаться к ответственности. Нормативно запрещалось привлекать к уголовной ответственности: а) советских граждан, занимавших административные должности при немцах, если в процессе расследования будет установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям Красной Армии или саботировали требования немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества, или другими способами активно содействовали борьбе с немецко-фашистскими оккупантами; б) рабочих и мелких служащих административных учреждений и лиц, занимавшихся своей профессией (врачи, агрономы, ветеринары), если в результате тщательного расследования было установлено, что в их действиях отсутствовали признаки, перечисленные в настоящем приказе².

Законченные следственные дела об изменниках Родины в кратчайший срок следовало передавать в 1-й спецотдел Управления НКВД по Курской области для дальнейшего направления по подсудности.

Таким образом, при явно большой численности дел о контрреволюционных преступлениях и измене Родине, надзор прокуратуры за их расследованием, как и само участие в нём, становилось обоснованной мерой. Задачей прокуроров стало недопущение арестов без достаточных на то оснований, защита прав и интересов граждан от необоснованного обвинения или оперативное привлечение к ответственности виновных лиц³.

Весной-летом 1943 г. важное место в деятельности Курской областной военной и военных прокуратур освобожденных районов области заняла

¹ Там же. – С. 325-326.

² Там же.

³ Филоненко В.С. Указ. соч. – С.166-167.

работа по надзору за ведением дел тех лиц, кто добровольно в 1941-1943 гг. сотрудничал с немецко-фашистскими оккупантами. 6 апреля 1943 г. в адрес военного прокурора Курской области Е.Ф. Коновалова за подписью старшего помощника прокурора РСФСР – начальника уголовно-судебного отдела С.А. Бордонова, поступило предписание по усилению надзора за делами привлечения к уголовной ответственности изменников Родины. В документе, в частности, подчеркивалось: «Освобождение территории области от немецко-фашистских захватчиков представляет возможность наладить нормальную работу прокуратуры и надзор за работой судов по рассмотрению уголовных дел.

Приказ Прокурора Союза ССР от 15 мая 1942 г. № 46/сс о надзоре по делам лиц, перешедших на сторону немецко-фашистских захватчиков и пособников врага, требует от прокуратуры области нанесения решительного удара по изменникам Родины, но в тоже время недопущения огульного привлечения советских граждан по подозрению в пособничестве врагу.

Необходимо обеспечить быстрое расследование этих дел и рассмотрение их в судах, участие государственного обвинителя в судебных заседаниях, вынесение судами обоснованных, законных приговоров...»¹

По далеко неполным данным, в 36 районах Курской области (из 56, освобожденных войсками Красной Армии), в начале весны 1943 г. прокурорскими работниками были даны санкции на арест 909 бывших коллаборационистов, из них по статьям: 58-1 «а» – 759 чел., 58-1 «б» – 101 чел., 58-10 – 21 чел. и по другим статьям – на 28 человек. Всего же за первое полугодие 1943 г. по делам, поднадзорным спецотделу областной военной прокуратуры, было выдано 200 санкций на арест 221 коллаборациониста².

¹ ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 1. Л. 128-128-об. Суровая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. III. – Курск, 2007. – С. 406.

² Филоненко В.С. Указ. соч. – С.189.

Сотрудники областной прокуратуры, в первую очередь, спецотдела, возглавляемого заместителем прокурора Курской области В.А. Разорёновым, активно расследовали злодеяния немецко-фашистских оккупантов.

Так, бывший сотрудник следственного отдела УНКГБ по Курской области, полковник Г.Ф. Коробко вспоминал, что «за следствием, проводимым в УНКГБ-УМГБ постоянное наблюдение вели зам. прокурора области по спецотделам В.А. Разорёнов и военный прокурор НКВД-МВД по Курской области с помощниками, а также помощник военного прокурора Воронежского (позднее Московского) военного округа по Курской области. Они все ежедневно участвовали в следствии по делам арестованных...»¹

10 октября 1944 г., характеризуя работу спецотдела областной прокуратуры, В.А. Разорёнов отмечал, что: «дела, расследованные и находящиеся в производстве органов НКГБ в III квартале [1944 г.], имеют характер совершения преступлений в период временной оккупации области, т.е. оказание пособничества противнику, принудительное изъятие скота, продуктов, теплой одежды для нужд германской армии, высказывание профашистских и антисоветских настроений... Значительная часть дел была возбуждена в феврале-марте 1943 г., после освобождения области... [Сейчас] заканчивается рассмотрением по мере поступления следственных материалов и самих арестованных [прибывающих из эвакуации]»².

В IV квартале 1944 г. военным трибуналом было рассмотрено 13 дел, из них два подготовительным заседанием были возвращены на доследование. Одно дело по обвинению Зинаиды Ивановны Нефедовой по статье 58-10 ч.2 УК. Она обвинялась в том, что в с. Бутырки Мантуровского района в период оккупации по личной инициативе открыла школу, к работе в которой под угрозой репрессий привлекла нескольких учителей. Обучение детей здесь

¹ Коробко Г.Ф. Указ. соч. – С. 153.

² ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 6. Д. 4. Л. 7-об.-8. В связи с угрозой прорыва гитлеровцев к Курску, в июне 1943 г. группа арестованных коллаборационистов и оперативные материалы на них были направлены в Елабугу, Казань, Киров и Соликамск. Туда же выехал и ряд оперативных работников Курского УНКГБ (Коробко Г.Ф. Указ. соч. – С. 149).

осуществлялось в профашистском духе. По распоряжению З. Нефедовой из учебников были вырезаны портреты руководителей партии и правительства. Учащиеся подвергались избиениям; За непосещение детьми школы на родителей налагались денежные штрафы. Найдя в деятельности З.И. Нефедовой признаки измены Родине, военный трибунал возвратил ее дело на доследование в части изменения классификации преступления на ст. 58-1 «а» УК¹.

По рассмотренным в IV квартале 1944 г. уголовным делам были приняты следующие решения: к 10 годам лишения свободы были приговорены 3, к 8 годам – 2, к 5 годам – 3 человека². В течение этого квартала поступило из УНКГБ 52 учетных дела о выселении за пределы области членов семей изменников Родины, осужденных к ВМН. Большая часть дел, расследованных органами НКГБ, в IV квартале 1944 г. носила характер контрреволюционной агитации. Дела, по которым были привлечены к уголовной ответственности подсобники врага (старосты, писари, бургомистры и т.п.) относились к периоду освобождения области.

По сообщению заместителя прокурора Курской области В.А. Разоренова, в I квартале 1945 г. было рассмотрено 16 следственных дел (2 дела были переданы на рассмотрение Особого совещания при НКГБ СССР). 11 следственных дел прокурора области передала на рассмотрение военного трибунала войск НКВД по Курской области. По рассмотренным делам были приняты следующие меры: 2 человека были приговорены к высшей мере наказания (ВМН), 3 – к 20 годам ИТЛ, 3 человека – к 10 годам лишения свободы. В прокуратуру области из управления НКГБ были переданы 22 законченных дела о выселении за пределы области членов семей изменников Родины, осужденных ранее к ВМН³.

¹ 3 января 1945 г. постановлением следственного отдела УНКГБ по Курской области дело было прекращено ввиду смерти обвиняемой. (Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 341).

² Там же. – С. 330.

³ ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 6. Д. 4. Л. 10-11-об., 14-об.-16-об.

Констатировалась активизация деятельности разного рода антисоветских группировок, маскировавшихся под религиозные организации – баптистов или «истинно православных христиан». Руководители таких организаций антисоветскую пропаганду облекали в религиозно-мистическую форму, разлагающе воздействуя на сознание отсталой части населения.

Так, в феврале 1945 г. была арестована баптистская группа в количестве 8 человек, проводившая агитацию среди жителей Борисовского района Курской области. Руководитель группы Сыромятников, в прошлом кулак, судимый до войны за проведение контрреволюционной агитации. В период оккупации члены группы резко оживили свою деятельность. Сыромятников установил связь с немецким комендантом, легализировал работу организации, пользовался поощрениями и привилегиями в своей пропагандистской деятельности, носившей профашистский характер.

В III квартале 1945 г. областная прокуратура рассмотрела 34 дела на 68 человек. Военным трибуналом войск НКВД 50 человек из них были осуждены к 10 годам ИТЛ, 18 – к 8 годам ИТЛ¹. Прокуратура Курской области отмечала, что в третьем квартале 1945 г. по сравнению со II кварталом того же года на 20 возросло число обвинений в антисоветской агитации (75 в III кв. – против 50 во II кв.)². Так, военный трибунал войск НКВД Курской области приговорил к 10 годам лишения свободы И.М. Тубольцева и Н.В. Ештокина, работников Поньровской МТС за ведение антисоветской агитации среди колхозников³.

К середине 1946 г. был привлечен к ответственности основной контингент коллаборационистов, проживавших на территории Курской области или за ее пределами. В дальнейшем органы прокуратуры Курской области основное внимание сосредотачивали на пресечении антисоветских

¹ ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 6. Д. 4. Л. 31-об.-32-об.

² Там же. Л. 32.

³ На основании Указа ПВС СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» И.М. Тубольцев и Н.В. Ештокин считаются не имевшими судимости (См.: Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сб. документов. Ч. II. – Курск, 2010. – С. 341).

высказываний, противоправных действий, совершаемых лицами, враждебно настроенными к Советской власти, т.е. бывшими сотрудниками оккупационных администраций, активно поддерживавшими немецко-фашистских захватчиков, привлекаемыми органами советского правосудия к уголовной ответственности¹.

Материалы параграфа свидетельствует о том, что на протяжении всего периода Великой Отечественной войны правоохранительные органы Курской области постоянно вели работу по преодолению последствий коллаборационизма на Курской земле, а также привлечению к уголовной ответственности военных преступников: власовцев, членов военизированных формирований, карательных отрядов, бывших служащих городской и районной полиции, всех тех, кто по приказу немецко-фашистских оккупантов активно участвовал в борьбе с партизанским движением и подпольными организациями на территории Курской области.

Многие из лиц, привлеченных к уголовной ответственности, были причастны к кровавым карательным акциям против мирного населения, особенно в западных и северо-западных районах Курской области. Это особенно характерно для партизанских зон, где население многих сел и поселков ежедневно оказывало посильную помощь партизанским отрядам и подпольным группам. Вооружённые коллаборационисты, выполняя антигуманные приказы немецко-фашистских властей в ходе карательных акций, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Так, 157 сел в Курской области были дотла сожжены подразделениями карателей, в составе которых, служили преимущественно жители Курской области.

Работа по розыску и привлечению к суду бывших служащих военных, военно-полицейских подразделений, активных сотрудников оккупационных администраций всегда оставалась сложным делом. Многие из тех, кто изменил Родине и перешел на службу к врагу, тщательно скрывались как в

¹ См.: Крамора. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР. – М., 2005. – С.86-88.

различных регионах Советского Союза, так и за границей, пользуясь при этом покровительством военно-политических и разведывательных органов Запада.

Несмотря на все трудности, на протяжении более 40 лет сотрудники областного Управления НКГБ-МГБ-КГБ СССР по Курской области не прекращали поиск изменников Родины, внесенных в первый особый список государственных преступников, подлежащих розыску вне зависимости от срока давности совершенных ими преступлений. Так, к середине 1950-х годов курским чекистам удалось разоблачить около 70 изменников Родины и передать следственные материалы в органы судопроизводства для привлечения к уголовной ответственности.

Наряду с привлечением к уголовной ответственности лиц, изменивших Родине, сотрудниками органов безопасности и прокуратуры области велась повседневная работа по пресечению антисоветской агитации, противоправных действий бывших коллаборационистов, ранее привлеченных органами советского правосудия уголовной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема коллаборационизма, т.е. сотрудничества советских граждан с оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период была своеобразным «табу» для нескольких поколений отечественных историков. Помимо жесткой идеологической цензуры, по-видимому, свою роль сыграло и нежелание затрагивать достаточно нелицеприятные вопросы и проблемы, особенно касающиеся различных причин, которые приводили некоторых граждан к сотрудничеству с немецко-фашистскими оккупантами. Начиная с перестроечных времен, т.е. со второй половины 1980-х годов, отношение к этой исторической проблеме кардинально изменилось. Однако в настоящее время можно наблюдать иную крайность, когда значительное число историков новой формации, публицистов, среди которых довольно много и недавних ревностных

поборников коммунистической идеологии, повернулись в противоположную сторону. С ожесточением и тем же пылом, с каким раньше поддерживали «судьбоносные решения» партийных форумов, они стали защищать и прославлять нацистских пособников, которые по их просвещенному мнению, якобы, выступали «идейными борцами против коммунистической тирании».

Как отмечает профессор А.М. Мерцалов, «бизнес слился с русофобией, неуклюже прикрытой лживым «антикоммунизмом». Свобода слова при низком профессионализме и социальной безответственности большинства авторов, пишущих о войне, породила множество публикаций еще менее объективных и менее порядочных. Одна ограниченность (апологетическая) стала сосуществовать и взаимодействовать с другой (нигилистической)»¹.

Многоликая плеяда молодых исследователей, которых некоторые часто именуют ревизионистами от отечественной истории, высказывает лживую мысль о том, что будто массовое сотрудничество населения временно оккупированных территорий СССР с оккупантами – есть явление уникальное и беспрецедентное, как для всей отечественной, так и для мировой истории. Хотим подчеркнуть, что заключение о беспрецедентности российского коллаборационизма – есть тонко сплетенная ложь, рассчитанная на малограмотных в историческом плане сограждан.

Верно одно – коллаборационизм, как социальное явление, достаточно многогранен и заслуживает особого подхода и глубокого исторического анализа со стороны современных исследователей. При объективном анализе событий Второй мировой войны, происходивших на территории государств Западной Европы, выясняется, что в оккупированных странах, таких как Голландия, Бельгия, Дания, Франция и др., многоплановое сотрудничество с немецко-фашистскими захватчиками было почти поголовным. Ведь во многих европейских странах как должное воспринимался тот факт, что полиция и органы местного управления продолжали исправно

¹ См.: Мерцалов А.Н. Подходы к изучению прошлого (по новейшим трудам о войне 1939-1945 гг.) // Военно-исторический архив. – 2005. – № 12. – С. 147, 149.

функционировать в интересах оккупационных властей. Причем, если в народном сознании советских граждан, служба на врага ассоциировалась с предательством своей Родины, то для большинства жителей европейских стран это считалось вполне обыденным делом.

Необходимо отметить и такой факт, как массовый приток добровольцев в части Вермахта и СС из Испании, Франции, Голландии, Чехословакии. Они, в основном, сражались на Восточном фронте с частями Красной Армии.

Именно поэтому на заседаниях Международного военного трибунала в Нюрнберге (1945-1946 гг.) нацистское беззаконие, творимое на оккупированных территориях Западной Европы и Советского Союза, рассматривалось наряду с разнообразными проявлениями интернационального коллаборационизма.

Нюрнбергский процесс разоблачил человеконенавистническую сущность германского фашизма, его планы по уничтожению государств и народов, его бесчеловечность и жестокость, абсолютную аморальность, истинные размеры и глубину злодеяний нацистских палачей, крайнюю опасность фашизма и его возрождения для всего человечества.

Перед всем миром Нюрнбергский процесс обнажил преступность гитлеровской оккупационной системы, включая такую ее составную часть, как коллаборационизм. Он отменил все догматические рассуждения, которыми прикрывались многие пособники гитлеровцев в разных странах, оправдывая свое сотрудничество с оккупантами. Он доказал, что коллаборационизм являлся разновидностью фашизма со всеми присущими ему чертами. Причем это касалось не только войск СС, но и политических коллаборационистов. Пособники нацистов, совершившие ради установления «нового порядка» кровавые преступления в годы Второй мировой войны, во всех странах мира подверглись решительному всенародному осуждению. Основные лидеры коллаборационизма (Петен, Лаваль, Дарлан во Франции, Джойс в Англии, Квислинг в Норвегии, Муссерт в Голландии, Тисо в Словакии) получили

заслуженное наказание. В странах Западной Европы с 1945 по 1955 гг. было проведено 13607 национальных судебных процессов над коллаборационистами, 27 обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, а 43 осуждены на смертную казнь¹.

Оценивая масштабы европейского коллаборационизма, тем не менее, нельзя отрицать, что коллаборационистское движение на временно оккупированной территории СССР представляло достаточно массовое явление.

Один из ведущих исследователей проблем западноевропейского и отечественного коллаборационизма М.И. Семиряга указывал, что не менее 1,5 млн. советских граждан сотрудничали с гитлеровскими захватчиками, как на территории СССР, так и стран Восточной и Западной Европы². При этом он подчеркивал, что до 200 тысяч военных коллаборационистов погибли сразу же после попадания в плен к военнослужащим Красной Армии³.

Необходимо обратиться еще к одному положению, обоснованному профессором М.И. Семирягой. «Коллаборационизм в обыденном сознании ассоциируется обычно с таким одиозным понятием, как «предательство» и представляется антиподом патриотизма. Чаще всего бывает именно так, но не всегда и не везде... Коллаборационизм – понятие сугубо политизированное, и его невозможно употреблять, не становясь на позиции той или иной воюющей стороны»⁴.

Материалы, представленные в исследовании, дают ответы на вопросы, давно волнующие отечественных историков. «Что же позволило фашистам привлечь советских граждан в полицию и даже в войска? Очевидно, немецко-фашистским оккупантам удалось сыграть на чувствах и стремлении некоторых людей отомстить за обиды, нанесенные Советской властью: за

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12-ти томах. Т. 1. – М., 2011. – С. 749.

² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 782.

³ Там же. – С. 782; Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 190.

⁴ Семиряга М.И. Указ. соч. – С. 7.

насильственную коллективизацию и последовавший за этим голод в начале 30-х годов, массовые репрессии предвоенных лет. Почти в каждой деревне были родственники незаслуженно репрессированных «подкулачников» и кулаков. Немецкая агитация «не забыла» о системе оплаты труда колхозников трудоднями. Ведь она приводила к жизни впроголодь в Курской области и, в целом, в черноземной полосе. Распространенными причинами измены явилось стремление сохранить собственную жизнь, желание достичь высокого положения, разбогатеть при новой власти. Но большинство коллаборационистов не стали идейными противниками советского строя. Многие из них были вовлечены в сотрудничество с врагом путем обмана и угроз.

Оккупантам удалось сформировать на территории Центрального Черноземья органы управления, помогавшие эксплуатировать местную экономику и подавлять сопротивление населения. Однако профашистская администрация не получала безусловной поддержки всего населения. Вместо обеспечения правопорядка, полицейские формирования использовались, преимущественно, в качестве карателей. Такие сторонники «нового порядка» только обостряли ненависть к захватчикам.

В числе коллаборационистов находились представители практически всех слоев общества. Среди предателей также были люди образованные, занявшие руководящие должности при фашистском режиме. В своем большинстве они не были сторонниками идей фашизма. Но ими двигали страх за собственную жизнь, за жизнь близких, и надежды на обеспеченное существование после победы Германии. Ведь на первом этапе войны это казалось почти решенным делом.

Материалы монографии, свидетельствуют о том, что проблема коллаборационизма гражданского населения Советского Союза в период Второй мировой войны остается наиболее политизированной среди всех аспектов отечественной истории.

Основные трактовки, искажающие суть данного явления и его масштабы, восходят к нацистской пропаганде времен Второй мировой войны и представлены преимущественно на страницах изданий, связанных с эмигрантскими кругами и организациями, созданными при активном участии бывших участников власовского движения (НТС, журнал и издательство «Посев»). Сотрудничество в годы войны части граждан СССР с нацистами здесь объясняется, прежде всего, идеологическими причинами: неприятием сталинского режима и «социалистического эксперимента». Численность коллаборационистов всячески преувеличивается, но замалчивается беспрецедентный характер принуждения советских граждан к коллаборационизму со стороны оккупантов. Вынужденное сотрудничество граждан СССР с врагом подается как проявление «антисталинского протеста». Власовское движение получает моральное оправдание, а русофобская сущность нацистской политики затушевывается.

Ложность указанной концепции, ее крайняя идеологизированность и тенденциозность не вызывает сомнения. Они использованы на ряде подтасовок: во-первых, термин «коллаборационизм», используемый традиционно для обозначения добровольного сотрудничества с врагом, необоснованно применяется для обозначения любого, в том числе вынужденного, взаимодействия с оккупантами; во-вторых, в результате этой подмены происходит необоснованное увеличение численности «коллаборационистов»; в-третьих, раздувание масштабов коллаборационизма служит одним из обоснований тезиса о его «закономерности» и обусловленности внутренними пороками советского строя.

Используя подобную методологию, различные противники России постоянно пытаются подверстать к «антисталинскому» протесту миллионы граждан бывшего СССР.

Подчеркнем, что важнейшей предпосылкой коллаборационизма граждан СССР стал особый характер войны, которую нацистская Германия

вела против Советского Союза. Антибольшевистские лозунги были лишь прикрытием нацистских планов и предназначались для того, чтобы облегчить их реализацию, расколоть советское общество и дезориентировать Красную Армию. Кроме того, гитлеровцами делалась ставка на разобщение и стравливание между собой народов СССР по национальному признаку. Представители национальных меньшинств подверглись пропагандистскому воздействию, призванному возбудить в них националистические чувства и противопоставить их русским как государствообразующей нации. Беспрецедентная жестокость оккупантов и сознательное нарушение ими законов войны, выразившиеся в масштабном принуждении советских граждан к коллаборационизму, создавали условия для широкого вовлечения людей, в том числе военнопленных Красной Армии, в сотрудничество с врагом в разнообразных формах.

Большинство исследователей, изучающих проблему коллаборационизма народов СССР, сходятся во мнении, что спустя 70 лет после окончания войны очевидным является и то обстоятельство, что особо трагично сложилась судьба сотен тысяч соотечественников, которые перешли на службу к противнику и были подвергнуты суровому возмездию со стороны советского правосудия. Так, по состоянию на 1 января 1950 г. 23 % всех заключенных, содержащихся в ИТЛ и колониях СССР, или 578912 чел., были осуждены по статье 58 как изменники Родины: власовцы, бывшие полицейские, каратели, выпускники разведывательно-диверсионных школ, агенты гестапо. В 1945-1953 гг. ВМН – смертная казнь была применена по отношению 12147 предателей Родины¹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания каторжных работ» в НКВД СССР – в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях – были организованы

¹ Россия XXI. – 1994. – № 1 / 2. – С. 110. Официальные данные 1-го спецотдела МВД СССР.

каторжные отделения с установлением специального режима и с наиболее строгой изоляцией осужденных к каторжным работам. Для них был введен удлиненный рабочий день, использование их труда на тяжелых подземных работах в угольных шахтах, при добыче золота и олова. Если в июне 1944 г. в ИТЛ содержалось 5200 каторжан, то к сентябрю 1947 г. их число возросло до 60 тысяч человек¹.

Уже в начале «хрущевской» оттепели наметился явный отход от тех принципиальных оценок предательства Родины и различных форм коллаборационизма, которые были сформулированы еще в годы Великой Отечественной войны высшим партийным и государственным руководством СССР во главе с Генералиссимусом Советского Союза И.В. Сталиным.

Как указывает кандидат исторических наук А.В. Гаврилюк, победа Н.С. Хрущева над партийной оппозицией – группой Молотова-Маленкова-Кагановича, была одобрена многими, но далеко не большинством советских людей. Немалую часть приверженцев Н.С. Хрущева составляли тогда, как родственники жертв политических репрессий 1930-1940-х годов, так и бывшие бойцы и командиры Русской освободительной армии (РОА) генерала А.А. Власова, которые были реабилитированы осенью 1955 г. по Указу ПВС СССР от 17 сентября 1955 года².

В начале 1960-х годов политика руководства страны целиком была направлена на ревизию патриотических оценок и отношения к лицам, активно сотрудничавшим в годы войны с немецко-фашистскими оккупантами. Так, 29 августа 1964 г. специальным Указом ПВС СССР с советских немцев были сняты все обвинения в активном пособничестве врагу в период Великой Отечественной войны³.

¹ Цит. по: Платонов О. Бич божий: эпоха Сталина. – М., 2005. – С. 295.

² Гаврилюк А.В. Общественно-политическая жизнь советской провинции в 1953-1964 годах (на материалах Курской области): Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2012. – С. 261.

³ Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 52. – С. 562; Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 2. – С. 147.

Такая политическая линия действовавшего руководства КПСС и советского государства значительно затрудняла деятельность органов государственной безопасности и правоохранительных структур по розыску и привлечению к ответственности активных пособников оккупантов.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. подтвердил справедливость возмездия независимо от сроков давности совершения преступления для тех, кто был причастен к кровавым злодеяниям в отношении советских военнопленных и мирного населения временно оккупированных территорий СССР.

Начало очередного отступления от курса на приверженность исторической справедливости связано с реализацией инициированной под руководством М.С. Горбачева политики перестройки. С весны 1985 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г., начался процесс массового вручения орденов Отечественной войны I и II ст. участникам войны, проходившим службу в частях и соединениях Действующей армии или работавшим в них в качестве вольнонаемных лиц.

В период развернувшейся демократизации всех сфер общественной жизни, сотрудники военных комиссариатов, которым была поручена подготовка документов по представлению к награждениям, не утруждали себя тщательной проверкой анкетных данных бывших фронтовиков. В их число нередко попадали бывшие полицейские, не привлеченные в 1940-1950-е годы к уголовной ответственности, военнослужащие власовской армии – РОА, попавшие под реабилитацию 1955 года. Как правило, награждение «таких участников войны» вызывало справедливое возмущение фронтовиков и родственников жертв войны. Многие бывшие коллаборационисты из числа не привлеченных ранее к уголовной, а лишь к партийной ответственности, были в 1985-1986 гг. отмечены военными наградами. В Курске в их числе оказались связная 1-й Курской партизанской бригады А.В. Бибилова

(Макарова)¹, исключенная из членов ВКП(б) в феврале 1944 года, пособник оккупантов и одновременно... Герой Социалистического Труда И.Н. Дудин².

Постановлением Кабинета Министров СССР № 499 от 23 июля 1991 г. «О льготах работникам спецформирований, действовавших в период 1941-1945 годов», заслуженные льготы были распространены и на работников специальных формирований НКПС, переведенных в период войны на положение лиц, состоящих в рядах Красной Армии, и выполнявших задачи в пределах тыловых границ действующих фронтов³. Согласно этому документу выдача указанным лицам удостоверений на льготы, определенные для вольно-наемного состава действующей армии⁴, возлагалась на специальные комиссии, организуемые при отделениях железных дорог.

Так, в период всеобщей ельцинской реабилитации в числе участников войны оказались и железнодорожники, к которым в 1940-е годы были применены партийные и комсомольские взыскания. Это бывшие работницы ст. Охочевка и Щигровской дистанции пути А.В. Баркова, А.Т. Дятлова (Бабкина), П.В. Григорьева и некоторые другие⁵.

Таким способом было осуществлено юридическое уравнивание в правах и льготах тех, кто проливал кровь в борьбе за свободу и независимость Отечества и тех, кто, работая на временно оккупированной территории, оказывал содействие врагу. Таковы правовые и исторические парадоксы российской действительности.

Завершая комплексное рассмотрение проблемы коллаборационизма советских граждан в годы Великой Отечественной войны, подчеркнем, что предпринимаемые сегодня попытки оправдания Власова и власовцев гораздо опаснее для национального самосознания, чем благостное мифотворчество

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3183. Л. 180-181; Книга Памяти. Т. 15. Ч. 3. – Курск, 2006. – С. 489.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3441. Л. 109.

³ Собрание Постановлений Правительства СССР. – 1991. – № 21-22. – Ст. 86.

⁴ Собрание Постановлений Правительства СССР. – 1981. – № 12. – Ст. 70; Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 220 от 27 февраля 1981 г.

⁵ ГАОПИКО. Ф. П-110. Оп. 1. Д. 455. Л. 27; Ф. П-131. Оп. 1. Д. 96. Л. 9-10.

по поводу выдающейся роли любых личностей в отечественной истории. Оправдание власовцев провоцирует реабилитацию коллаборационизма как такового и явно подводит к необходимости оправдания войны на уничтожение, которую в июне 1941 г. развязала гитлеровская Германия против Советского Союза.

Хочется напомнить, что в 1946 г. весь цивилизованный мир, только что избавившийся от фашизма, одобрил приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге. Поэтому большую тревогу россиян сегодня вызывают события, когда в ряде стран в той или иной форме происходит возрождение нацизма, идет процесс реабилитации и героизации бывших эсэсовцев. Оценивая эту угрожающую тенденцию, МИД России неоднократно официально заявлял, что попытки оправдания нацистов воспринимаются россиянами не иначе, как «позорный акт предательства» по отношению к памяти миллионов мирных граждан, в том числе русских, украинцев, евреев, воинов Красной Армии, погибших на оккупированных гитлеровцами территориях.

События 2014-2015 годов на территории соседней Украины, где нацистская идеология все больше становится частью государственной политики, развязана настоящая война с памятниками истории советского периода, и, прежде всего, посвященными павшим героям Великой Отечественной войны, где сегодня национальными героями украинского народа провозглашаются матерые сообщники и пособники нацистов – руководители УПА-УНСО Стефан Бандера и Роман Шухевич, свидетельствуют о том, что коллаборационизм из исторической и социально-юридической проблемы все больше перерастает в проблему защиты исторической правды и национальной безопасности от тех сил, кому не по нраву новый курс на социально-экономическое, политическое и национальное единство всех народов России, взятый в последние годы Российской Федерацией во главе с ее Президентом В.В. Путиным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ:

1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, и определению принесенного им ущерба гражданам, колхозам, государственным учреждениям СССР (1942-1945гг.).

Оп. 29. Д. 1, 2, 9, 12, 13, 22, 28, 979, 1047, 1049.

Оп. 127. Д. 142, 143.

Ф. Р-9408 (Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР).

Оп. 1. Д. 1, 19, 63.

Ф. Р-9474 (Верховный суд СССР)

Оп. 1. Д. 136.

Ф. Р-9478 (Главное Управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР).

Оп. 1. Д. 63, 137, 493.

1.2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 (ЦК РСДРП (б) – ЦК ВКП (б) – ЦК КПСС).

Оп. 8. Д. 391.

Оп. 43. Д. 1132, 1133, 1175, 1177, 1180.

Оп. 125. Д. 178.

Ф. 69 (Центральный штаб партизанского движения при Ставке ВГК).

Оп. 1. Д. 909, 1202.

Ф. 644 (Государственный комитет обороны).

Оп. 1. Д. 1, 17, 19, 23, 108.

Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ).

Оп. 53. Д. 203, 204.

1.3. Российский государственный военный архив (РГВА)

Оп. 1. 91, 174.

Ф. 32925 (Управление войск НКВД по охране тыла Центрального фронта).

Оп. 1. Д. 72, 73.

Ф. 32981 (Управление войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта).

Ф. 32905 (Управление войск НКВД по охране тыла Степного фронта).

Оп. 1. Д. 70.

1.4. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ)

Ф. 62 (Полевое управление Центрального фронта).

Оп. 335. Д. 24, 62.

Ф. 202 (Полевое Управление Брянского фронта).

Оп. 36. Д. 147, 275.

Ф. 361 (Полевое Управление 13-й армии).

Оп. 6079. Д. 221.

Ф. 335 (Полевое Управление 21-й (6-й гвардейской) армии).

Оп. 5113. Д. 234.

Оп. 5136. Д. 130.

Ф. 341 (Полевое Управление 64-й (7-й гвардейской) армии).

Оп. 5312. Д. 255.

Ф. 395 (Полевое Управление 40-й армии).

Оп. 9153. Д. 4.

Ф. 417 (Полевое Управление 60-й армии).

Оп. 10597. Д. 66, 205.

Ф. 422 (Полевое Управление 65-й армии).

Оп. 11186. Д. 3.

Ф. 1043. (Полевое Управление 1-ой гвардейской стрелковой дивизии).

Оп. 1. Д. 24.

Ф. 1635 (Полевое Управление 322-й стрелковой дивизии).

Оп. 1. Д. 55, 80, 84.

Ф. 2051 (Управление 248-й отдельной Курсантской стрелковой бригады).

Оп. 1. Д. 6.

1.5. Государственный архив общественно-политической истории
Курской области (ГАОПИКО)

Ф. П-1 (Курский обком ВКП (б) – КП РСФСР).

Оп. 1. Д. 1910, 2262, 2345, 2664, 2836, 2897, 2898, 2899, 2910, 2915, 2937,
2939, 3014, 3066, 3070, 3143, 3183, 3197, 3199, 3201, 3224, 3225, 3228,
3357, 3368.

Оп. 2. Д. 650, 1215, 1217, 1987, 2025, 2026, 2438, 2642, 2644, 3345, 3441,
3442, 3445.

Ф. П-2 (Штабы объединенных партизанских отрядов Курской области
1942-1943 гг.).

Оп.1. Д. 4, 7, 25, 26, 90, 150, 177, 178, 186, 190, 205, 206, 207, 358, 368, 380,
381, 402, 503, 494, 617.

Ф. П-23 (Поныровский РК ВКП (б) – КП РСФСР).

Оп. 1. Д. 80, 84, 117.

Ф. П-40 (Курский горком ВЛКСМ).

Оп. 1. Д. 218, 220, 230, 239.

Ф. П-85 (Ленинский РК ВЛКСМ гор. Курска).

Оп. 1. Д. 76.

Ф. П-86 (Сталинский РК ВКП (б) – КПСС гор. Курска).

Оп. 1. Д. 200, 208, 237.

Ф. П-131 (Курский обком ВЛКСМ).

Оп. 1. Д. 69, 81, 85, 95, 96, 133.

Ф. П-174 (Кировский РК ВЛКСМ гор. Курска).

Оп. 1. Д. 8, 9, 29, 31, 65, 66, 67, 69, 75, 80, 81.

Ф. П-2160 (Кировский РК ВКП (б) – КП РСФСР).

Оп. 1. Д. 125, 137, 145, 156, 160, 161, 169, 197, 202.

Ф. П-2878 (Курский горком РКП (б) – КП РСФСР).

Оп. 1. Д. 741, 753, 754, 755, 814, 816, 820.

1.6. Центр Новейшей истории Белгородской области (ЦНИ БО)

Ф. 15 (Ивнянский РК ВКП (б) – КП РСФСР Белгородской обл.).

Оп. 1. Д. 110.

1.7. Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО)
Ф. 1650 (Штаб партизанского движения на Брянском фронте).

Оп. 1. Д. 43, 51, 64.

1.8. Государственный архив Воронежской области (ГАВО)
Ф. 2100 (фонд-коллекция оккупационных изданий)

Оп. 1. Д. 194, 161, 184, 190, 193, 196, 198, 209, 210, 215, 207, 245, 273, 276,
395, 400, 401, 402.

1.9. Государственный архив Курской области (ГАКО)

Ф. Р-770 (Исполнительный комитет Курского городского Совета депутатов трудящихся).

Оп. 2. Д. 11, 23, 53.

Ф. Р-369 (Прокуратура Курской области).

Оп. 3. Д. 4.

Оп. 4. Д. 3.

Оп. 6. Д. 4.

Ф. Р-3605 (Курская областная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Курской области в 1941-1943гг.).

Оп. 1. Д. 263.

Фонды оккупационных администраций гор. Курска и в районах Курской области:

Ф. Р-3480.

Оп. 1. Д. 7, 32, 45, 46, 198.

Ф. Р-3487.

Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 6, 7, 83, 87, 88, 109-113, 134, 143, 153, 161.

Ф. Р-3579.

Оп. 1. Д. 1, 29, 73.

1.10. Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ КО)

Ф. 4-го отдела УНКВД по Курской области Д. 44, 64, 74, 129, 132, 136, 190, 191, 192, 203, 205, 237, 241.

Ф. АУД (Архивно-уголовные дела).

Д. 1504, 1123, 9515, 11123, 16794, 17314

1.11. Архив Управления Министерства внутренних дел России по Курской области (ИЦ УМВД КО)

Ф. 5 (Приказы начальника УНКВД по Курской области).

Оп. 1. Д. 12, 15, 16.

Ф. 38 (Штаб истребительных батальонов Курской области).

Оп. 1. Д. 1, 7, 8, 13, 14, 15.

1.12. Архив Управления Московской железной дороги (г. Москва)

Ф. 10 (Управление Московско-Курской железной дороги 1928-1953 гг.).

Оп. 1-ЛД. Т. 2. Д. 500.

Ф. 219 (Военно-эксплуатационное отделение (ВЭО) № 14, 1943-1945 гг.).

Оп. 1-Л. Д. 37.

1.13. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск)

Ф. 2 (Станция Курск М.-Курской – Московской жел. дороги, 1943-1972 гг.).

Оп. 58. Д. 92, 100, 114, 142, 250, 251.

Оп. 142. Д. 117, 160.

Ф. 3 (Локомотивное депо Курск Московской жел. дороги, 1943-1970 гг.).

Оп. 1-Л. Д. 3, 4, 5.

Оп. 1-ЛД. Д. 47, 743.

Оп. 2-ЛД. Д. 3, 16.

Оп. 1-ТК. Д. 222.

Ф. 4 (Вагонное депо Курск, 1938-1972 гг.).

Оп. 1-Л. Д. 1, 2, 6, 17, 36.

Оп. 2-ЛД. Д. 492, 621, 602, 943, 590.

Оп. 3-ЛД. Д. 44.

II. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАНЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ТРУЖЕННИКОВ ТЫЛА,
ЮНЫХ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ, ДЕТЕЙ ВОЙНЫ (1928-1941 гг.),
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ДИССЕРТАЦИОННОМ ИССЛЕДОВАНИИ:

- Научно-вспомогательный фонд Курского областного краеведческого музея (КОКМ)
- Научный архив музея «Юные защитники Родины» – филиал Курского областного краеведческого музея.
- Архив музея боевой и трудовой славы локомотивного депо Курск.
- Фонд музея истории Курского железнодорожного техникума – филиал МИИТ.
- Фонд музея истории Советского района – филиал Курского областного краеведческого музея (коллекция материалов краеведа Советского района Н.А. Немцева (1924-2009).
- Фонды Дмитриевского районного краеведческого музея – филиал Курского областного краеведческого музея.

Баранищева В.А. (1896-1960) – машиниста паровозного депо Курск (1915-1956) [Рукопись хранится в семье правнучки Ю.А. Манжосовой].

Толкачева С.Н. (1904-1987) – помощника машиниста паровозного депо Курск [Рукопись, хранящаяся в семье внучки И.Н. Золотухиной].

Манжосова Н.П. (1923-2004) – главного инженера локомотивного депо Курск (1968-1983), почетного железнодорожника [Хранятся в фондах музея истории локомотивного депо Курск, Д. 18 л. 1-4 (8стр.)].

Ильиной (Чернышовой) В.И. (1927-2014) – старшего нормировщика локомотивного депо Курск [Использовались для работы над документальным фильмом «маленькие эпизоды большой войны» (1992 г.)].

Лавровой (Подручных) А.Н. (1932 г.р.) [Записаны 25.01.2015 г. в Курске].

Шпилевского Н.И. (1888-1966) – токаря локомотивного депо Курск [Музей истории локомотивного депо, рукопись истории локомотивного депо Курск (1868-1966). С. 120-122].

Манжосова Г.П. (1930-2001) – машиниста локомотивного депо Курск, почетного железнодорожника [Хранятся в семье сотрудника УФСБ по Курской области Д.Г. Манжосова].

Бочарова Т.Т. (1906-?) – домохозяйки [Датированы 1971-1972 гг., хранятся в музее истории локомотивного депо Курск, Д. 8].

Наседкина А.И. (1930-2012) – краеведа [Неопубликованная часть хранится в рукописи за 2004 год. ГАКО. Ф. Р-903 (Архивные материалы Курского областного краеведческого общества)].

Кепова А.Г. (1891-1974) – инженера, бывшего заместителя Главы Курской городской Управы (1941-1943 гг.) [Неопубликованная часть рукописи хранится в НВФ Курского областного краеведческого музея. Датирована 1968 г.].

Кузнецовой Е.И. (1927-?) – краеведа [Неопубликованная часть хранится в музее Касторенской средней школы № 1 и в личном архиве семьи Е.И. Кузнецовой].

Свирина И.И. (1902-1985) – командира Дмитриевского партизанского бригады (апрель – декабрь 1942 г.) [Хранятся в НВФ Дмитриевского районного краеведческого музея].

Шнилевского П.Н. (1932 г.р.) – бывшего директора Курского техникума железнодорожного транспорта (КТЖТ), почетного железнодорожника [Записаны нами в Курске в августе 2014 г.].

Денисова А.М. (1899-1979) – ветерана войны и труда паровозного депо Курск и Курского отделения Московской ж.д., заместителя председателя Совета музея истории локомотивного депо Курск (1969-1974 гг.) [Хранятся в фондах музея истории локомотивного депо Курск, Д. 9 (10 стр.)].

Легасова А.И. (1908-1996) – секретаря Курского ОК ВКП(б) в 1941-1946 гг., секретаря подпольного обкома ВКП(б) в 1941-1943 гг. [Неопубликованные

материалы периода оккупации и партизанской борьбы на территории Курской области, письма военных лет, адресованные семье, хранятся в семье внучки И.В. Легасовой, проживающей в Москве].

III. Периодическая печать.

Газеты: центральных и местных органов власти:

«Правда» (орган ЦК ВКП(б)), 1941-1945.

«Известия» (орган Президиума Верховного Совета СССР), 1941-1945.

«Красная звезда» (орган НКО СССР), 1941-1945.

«Гудок» (Орган НКПС и ЦК профсоюза железнодорожников), 1942-1943.

«Курская правда» (орган Курского обкома ВКП(б)-КПСС и облисполкома), 1943-1973.

«Белгородская правда» (орган Белгородского обкома КПСС и облисполкома), 1959-1979.

«Молодая гвардия» (орган Курского обкома ВЛКСМ), 1951-1973.

«Красная Армия» (ежедневная красноармейская газета Центрального фронта), 1943.

«Большевистский натиск» (красноармейская газета 121-й стрелковой дивизии 60-й армии), 1943.

Коллаборационистские издания, выходившие на временно оккупированной территории РСФСР:

1. Белгородская правда (Белгород), 1941
2. Восход (Белгород), 1941-1943
3. Дмитровская газета (Дмитровск), 1942
4. Курские известия (Курск), 1942-1943
5. Новая жизнь (Старый Оскол), 1942
6. Новый путь (Льгов, Курск), 1942
7. Новый путь (Старый Оскол, Валуйки), 1942
8. Посев и жатва (Курск), 1942
9. Речь (Орел), 1942-1943

10. РЫЛЬСКИЙ НОВЫЙ ПУТЬ (РЫЛЬСК), 1942-1943

IV. Сборники документов и опубликованные источники:

1. Анти-Нюрнберг по-киевски. Сборник документов и материалов / Рос. гос. торг.-экон. ун-т, Центр ист. исслед.; под ред. проф. С.Н. Бабурина [сост.: проф. Ю.В. Голик и проф. А.А. Сазонов]. – М.: Изд-во Российского гос. торгово-экономического ун-та, 2012. – 412 с.
2. Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. – Берлин: Аргон, 1994. – 288 с.
3. Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Сост.: Н.Г. Емельянов, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова, Г.В. Гаврилова, В.А. Кононов. – Смоленск: Маджент, 2003. – 152 с.
4. В ту суровую пору. (Белгородчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг.) Сб. документов и матер. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1978. – 152 с.
5. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г. Сборник документов / Сост.: А.Р. Дзенискевич, Л.И. Ильина, В.И. Кардашов и др. – Л.: Лениздат, 1981. – 360 с.
6. Генерал Власов: история предательства / Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. В 2 т. – М.: Росспэн, 2015: Т. 1. Нацистский проект. – 1160 с.; Т. 2. Из следственного дела А.А. Власова. Кн. 1. – 854 с.; Кн. 2. – 711 с.
7. Документы обвиняют. Сб. документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. – Вып. 2. – М.: Госполитиздат, 1945. – 922 с.

8. Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной армии / Сост. Ф.Д. Свердлов. – М.: Научно-просветительский центр «Холокост», 1996. – 132 с.
9. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 9. – М.: Воениздат. Народного комиссариата обороны (НКО), 1943. – 47 с.
10. Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941-1945. Справочник по фондам РГВА. – М.: РОССПЭН, 2014. – 166 с.
11. Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942-1943гг.): малоизвестные страницы. Сборник документов / Авт. предисл. и авт.-сост. А.А. Черкасов. – Сочи: Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2003. – 69 с.
12. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Сост. В.А. Козлов, О.В. Эдельман, Э.Ю. Завадская. – М.: Материк, 2005. – 432 с.
13. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941- 1945 гг. Сб. документов и материалов. Кн. 1.– Курск: Курское кн. изд-во, 1960. – 486 с.
14. Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о катастрофе советских евреев (1941-1944). – Иерусалим: ЯД ВАШЕМ, Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления; М.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), 1993. – 464 с.
15. Неизвестная «черная книга». Материалы к «Черной книге» / Под ред. Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Сост. И. Альтман и Ш. Краковский. – М.: АСТ «Корпус», 2014. – 416 с.
16. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956): Сб. документов / Сост.: Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М., 2008. – С. 41.

17. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: Сборник материалов: В 3-х томах / Под общ. ред. Р.А. Руденко – М.: Юриздат, 1965-1966; Т. 1. Нацистский заговор против мира и человечности; Т. 2. Военные преступления. Преступления против человечности; Т. 3. Преступления против человечности.
18. «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. – М.: «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 480 с.
19. Оккупация (Белгородчина в октябре 1941 – августе 1943 гг.). Документы и материалы / Авт.-сост. А.Н. Крупенков, Т.И. Утенина, Л.Б. Хромых. – Белгород: Константа, 2010. – 376 с.
20. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М.: Русь, 2000. – 717 с.
21. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М.: Русь, 2000. – 699 с.
22. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. – М.: «Русь», 2000. – 699 с.
23. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М.: «Русь», 2003. – 702с.
24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель» 1 января – 3 июня 1943 года. – М.: «Русь», 2008. – 796 с.
25. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 4. Кн. 2. Великий перелом. 1 июля – 31 декабря 1943 года. – М.: Русь, 2008. – 809 с.

26. Подвиг народный. Участие трудящихся Курской области в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. Сб. документов и материалов / Отв. ред. В.Е. Шаров. – Курск: Изд-во «Курская правда», 1978. – 440 с.
27. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944гг.) / Сост.: Заставенко Г.Ф. и др.; общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – М.: «Экономика», 1985. – 328 с.
28. Прибалтика. Под знаком Свастики (1941-1945). Сб. документов / Сост.: Былинин В.К., Крысин М.Ю., Кучков Г.Э., Ямпольский В.П. – М.: Объединенная редакция МВД России, Ассоциация «Военная книга» – «Кучково поле», 2009. – 464 с.
29. Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг.: Документы и материалы. Т. 20(9). – М.: Терра, 1999. – 672 с.
30. Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.: Документы и материалы. Т. 25(14). – М.: Терра, 1998. – 736 с.
31. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР (22 июня 1941-1942гг.). Т. 13(2-2). – М.: Терра, 1997. – 448 с.
32. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943-1945гг.). Т. 13(2-3). – М.: Терра, 1997. – 456 с.
33. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост. и вст. ст. и коммент. П.Н. Кнышевского, О.Ю. Васильевой, В.В. Высоцкого, С.А. Соломатина. – М.: Русская книга, 1992. – 348 с.
34. Страницы народного подвига (Калининская область в годы Великой Отечественной войны). Сборник документов и материалов. – М.: «Московский рабочий», 1974. – 312 с.
35. Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов. Сборник документов. Часть I. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. В.Л. Богданов. – Курск, 2010. – 324 с.

36. Суровая правда войны. 1942 год на Курской земле в документах архивов. Сборник документов. Часть II. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. В.Л. Богданов. – Курск, 2010. – 512 с.
37. Суровая правда войны. 1943-1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Сборник документов. Часть III. / Гл. ред. В.Л. Богданов. – Курск, 2007. – 880 с.
38. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы в 2 т. [сборник] / [Федер. арх. агенство, Рос. гос. арх. социально-полит. истории и др.]; редкол.: Артизов А.Н. (пред.) [и др.]; сост.: Царевская-Дякина Т.В. (отв. сост.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2012.
39. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Сборник документов и материалов / Ред. И. Арад. – Иерусалим: ЯД ВА-ШЕМ, Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, 1992. – 427 с.
40. «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941-1944 гг. Сборник документов / Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – 360 с.
41. Ямпольский В. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937-1945 гг. – М.: «Кучково поле», 2008. – 656 с.

V. Мемуары и дневники:

1. Аленцев В. Курская земля в огне // Фронт без линии фронта. – М.: Московский рабочий, 1970. – С. 132-147.
2. Андреев В. Народная война. Записки партизана-офицера в Великую Отечественную войну. – М.: Воениздат, 1949. – 264 с.
3. Башилов Б.П. Правда о бригаде Каминского // Феномен Локотской республики. Альтернатива советской власти? / Авт.-сост. Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. – М.: Вече, 2012. – С. 245-255.

4. Белоусов И. От Путивля до Карпат // Русское Возрождение (Нью-Йорк – Париж). – 1981. – № 16. – С. 226-227.
5. Букреев И.Н. «Мы начеку, мы за врагом следим» // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 27-33.
6. Букреев И.Н. «Суровая правда» // На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области. Статьи, очерки, воспоминания. – Курск: ИПП «Курск», 1998. – С. 163-168.
7. Волчков В.В. Так рождалась победа (из воспоминаний бывшего председателя Курского облисполкома о Великой Отечественной войне) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 6-7 (56-57). – С. 4-12.
8. Дети войны (1928-1945 гг.). Сборник воспоминаний. – Курск: Б.и., 2012. – 214 с.
9. Детство, опаленное войной. Кн. I / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. – Курск: Курская гор. типография, 2005. – 522 с.
10. Кепов А.Г. Курск в период оккупации 1941-1943 гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2002. – № 22. – С. 24-45.
11. Ковалев В.Т. Курск довоенный. Воспоминания. – Курск: Б.и., 2003. – 122 с.
12. Ковалев В.Т. Еврейский квартал // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 2. – С. 23-28.
13. Коробко Г.Ф. Я – следователь КГБ // На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области. – Курск: ИПП «Курск», 1998. – С. 145-155.
14. Кравченко М.И. «Розыск не прекращать...» // Курский край. Научно-историч. журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 33-38.
15. Кравченко М. Оборотни // Долг и память. – Курск: ООО «Регион-пресс», 2014. – С. 100-117.
16. Меньшагин Б.Г. Воспоминания: Смоленск. Катынь. Владимирская тюрьма / Подг. текста и примеч. Г. Суперфина. – Париж: «УМСА-press», 1988. – 248 с.

17. Наседкин А.И. Курск, Оккупация. 1941-1945 гг. // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2007. – № 1. – С. 27-46.
18. Оккупированное детство. Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / Сост. Н. Поболь и П. Полян. – М.: РОССПЭН, 2010. – 381 с.
19. Проскурин И. Дети войны. Очерк. – Курск: Б.и., 2013. – 119 с.
20. Сабуров А.Н. За линией фронта. (Партизанские записки). Кн. первая. Партизанский край. – М.: Воениздат, 1953. – 320 с.
21. «Свершилось. Пришли немцы!» Идеальный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войне / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий; авт. вст. статьи О.В. Будницкий и Г.С. Зеленина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 325 с.
22. Славные дочери Отчизны / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. В 2-х кн. – Курск: Курская городская типография, 2010. Кн. 1. – 452 с.; Кн. 2. – 457 с.
23. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. – М.: Олма-Пресс, 1998. – 688 с.
24. Те, кто видели войну. Сборник воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / Сост. А.А. Корнеева. – Курск: Курский гос. ун-т, 2013. – 264 с.
25. Федосюткин А.Д. На земле железной. Записки комиссара Первой Курской партизанской бригады // Курские мемуары. Научно-историч. журнал. – 2006. – № 1. – С. 5-126.
26. Феномен Локотской республики. Альтернатива советской власти? / Авт.-сост. Д.А. Жуков, И.И. Ковтун [сборник воспоминаний]. – М.: Вече, 2011. – 288 с.
27. Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика: пер. с англ. – М.: СП. «Дом Бруни», 1991. – 440 с.
28. Штеенберг С. Генерал Власов. – М.: «Эксмо», 2005. – 320 с.

VI. Энциклопедические и справочные издания:

1. Белгородская энциклопедия / Гл. ред. В.В. Овчинников. Изд. 3-е, доп. – Белгород: изд-во «Областная типография», 2000. – 463 с.
2. Большая Курская энциклопедия./ Гл. ред. Ю.А. Бугров. Т. 1. Персоналии. Кн. 1. – Курск: МУП «Городская типография», 2008. – 415 с.; Кн. 2. – Курск: МУП «Городская типография», 2008. – 239 с.; Кн. 3. – Курск: МУП «Городская типография», 2009. – 279 с.; Кн. 4. – Курск: МУП «Городская типография», 2006. – 91 с.
3. Большая Советская энциклопедия. В 30 томах. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1970-1978.
4. Большая энциклопедия. В 30 т. – М.: БРЭ, 2004-2014.
5. Большая энциклопедия. В 62 т. – М.: Терра, 2006.
6. Великая Отечественная война. 1941-1945: Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1985. – 832 с.
7. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник / Под ред. О.А. Ржешевского. – М.: Политиздат, 1990. – 464 с.
8. Великая Отечественная война. 1941-1945. Иллюстрированная энциклопедия / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 640 с.
9. Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. – 672 с.
10. Великая Отечественная война: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. 3. – М.: Кучково поле, 2014. – 1104 с.
11. Великая Отечественная война: Энциклопедия / под общ. ред. В.В. Герасимова; НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ [и др.]. – Курск: изд. ЮЗГУ, 2015. – 767 с.
12. Военная энциклопедия: в 8-ми томах / Пред. гл. ред. комиссии С.Б. Иванов. – М.: Воениздат, 1994-2004.
13. Военный энциклопедический словарь / Пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. – М.: Воениздат, 1983. – 535 с.

14. Военный энциклопедический словарь / Редкол.: А.П. Горкин, В.А. Золотарев, В.М. Карев и др. – М.: БРЭ-Рипол-Классик, 2002. – 1464 с.
15. Война 1941-1945. Факты и документы / Под ред. О.А. Ржешевского. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 479 с.
16. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. – СПб.: ИД Нева; М.: Олма-Пресс, 2003. – 672 с.
17. Всероссийская Книга Памяти. 1941-1945. Обзорный том. 2-е изд. доп. и испр. – М.: Воениздат, 2005. – 335 с.
18. Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. – М.: «Эксмо», «Яуза», 2005. – 656 с.
19. Залесский К.А. Охранные отряды НСДАП. Энциклопедия. – М.: «Яуза»; «Эксмо», 2004. – 656 с.
20. История и историки. Историография Великой Отечественной войны. – М.: изд. ИИ РАН, 1999. – 221 с.
21. Краткий толковый словарь русского языка / Сост. И.Л. Городецкая, Т.Н. Поповцева, М.Н. Судоплатова, Т.А. Фоменко; Под ред. В.В. Розановой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985. – 245 с.
22. Курская областная Книга Памяти. Т. 1-17. – Курск: Курскинформпечать – МУП «Курская городская типография», 1993-2015.
23. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003. – 768 с.
24. Памяти павших. Великая Отечественная война 1941-1945гг. / Объед. редколлегия Книг памяти павших в годы Великой Отечественной войны. – М.: БРЭ, 1995. – 336 с.
25. Советская военная энциклопедия. Т. 1-8. / Гл. редколлегии Маршал Советского Союза Н.В. Агарков.– М.: Воениздат, 1976-1980.
26. СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945. Краткая хроника. – М.: Воениздат, 1970. – 484 с.

VII. Отечественные монографии, коллективные труды, научно-популярные издания:

1. Абовян Е.Н. Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941-1943 гг.). – Брянск: Изд-во Брянского гос. техн. ун-та (БГТУ), 2014. – 188 с.
2. Абовян Е.Н. Возникновение вооруженного коллаборационизма на территории Брянского региона (сентябрь 1941- май 1942гг.) // Курский военно-исторический сборник / Гл. ред. проф. В.В. Коровин. – Вып. 13. – Курск: ИЦ «Юмэкс», 2014. – С. 86-93.
3. Акунин А.С. Последствия немецко-румынского оккупационного режима (1941-1944 гг.) на юге Украины: «коллаборационизм» или вынужденное сотрудничество с оккупантами // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы VII Международ. научн. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2012. – С. 323-327.
4. Александров Д.А. Военный коллаборационизм в национальных одеждах // Проблемы национальной стратегии: Научный журнал. – 2010. – № 2 (3). – С. 167-171.
5. Александров К.М. Тайное оружие вермахта // Посев. – 2001. – № 6 (1485). – С. 4-7.
6. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945 гг. – СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2001. – С. 100-103.
7. Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне: Сб. статей и матер. / К.М. Александров. – СПб.: Ювента, 2003. – 352 с.
8. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели [сборник статей и материалов] / Кирилл Александров; [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: Яуза Эксмо, 2005. – 748 с.

9. Александров К.М. Армия генерала Власова 1944-1945. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 576 с.
10. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 423 с.
11. Алехин М.А. Вклад трудящихся Курской области в разгром немецко-фашистских захватчиков под Курском. В помощь сектора и докладчикам. – Курск: Курское кн. изд-во, 1963. – 28 с.
12. Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941-1945 гг. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. – 544 с.
13. Амоскин А.С. Школьная политика оккупанта в Курской области (1941-1943гг.) // Курские учителя в военное лихолетье (сборник очерков, документов, воспоминаний и статей) / Под общ. ред. Ю.В. Белянского. – Курск: ООО «Учитель», 2000. – С. 138-143.
14. Андриенко М.В. Проявления коллаборационизма на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: причины, сущность, особенности // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов): Сборник. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. лингвистического ун-та (ПГЛУ), 2004. – С. 129-144.
15. Андросов А.А. Трагедия народов: коллаборационизм и этнические депортации в исторической литературе // Историография сталинизма: Сборник статей. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 262-273.
16. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма, 1941-1945: история и психология подвига. – М.: Памятники историч. мысли, 2003. – 499 с.
17. Антипартизанская война в 1941-1945гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн.: АСТ-Харвест, 2005. – 400 с.
18. Апанасёнок А.В. Курские старообрядческие общины и оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны // Курский край. Научно-исторический журнал. – 2007. – № 4-5 (97-98). – С. 24-28.
19. Аристов С.В. «Лагерное самоуправление» в нацистских концентрационных лагерях: между сопротивлением и коллаборационизмом //

Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 5. Часть 1. – С. 201-205.

20. Арутюнян С.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1970. – 466 с.

21. Атаманенко И.Г. Предатели. Войско без знамен. – М.: Вече, 2012. – 300 с.

22. Банников Ф.Г. Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). – М.: Б.и., 1968. – 72 с.

23. Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой? – СПб.: ВШ МВД России, 1994. – 128 с.

24. Биленко С.В. На охране тыла: Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. – М.: Наука, 1988. – 256 с.

25. Богданов Г.М. В помощь краеведу (Пособие по истории Курского края для учителей начальной школы). – Курск, 1963. – 43 с.

26. Бодрова Е.В. К вопросу об истоках и размахе коллаборационизма в Северо-Кавказском регионе в годы Великой Отечественной войны // Россия и мир: вызовы времени: Материалы Международной научно-практической конференции «Вторая мировая война в зеркале современности», 21-22 апреля 2005 г. Ч. 1. – Уфа: Изд-во Уфимского гос. нефтяного технического университета (УГНТУ), 2005. – С. 60-70.

27. Бондарев В.А., Левакин А.С. Коллективизация и «раскулачивание» как факторы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны (на материалах Юга России) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала Великой Отечественной войны, материалы VII Междунар. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2012. – С. 292-296.

28. Бондарева А.В. Оперативно-служебная деятельность сотрудников территориальных органов НКГБ-НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (На материалах Курской области). – Курск: МУ «Изд. центр «ЮМЭКС», 2002. – 30 с.

29. Бондарева А.В. Перестройка деятельности органов госбезопасности советской провинции накануне и в начальный период Великой Отечественной войны. – Курск: ИЦ «Юмэкс», 2003. – 28 с.
30. Борисов А.В., Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я. Страницы истории / Департамент кадрового обеспечения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Сборник документальных очерков МВД России. – М.: «Витязь-Братишка», 2008. – 448 с.
31. Бормотова А.Р. Пропагандистское воздействие немецкой оккупационной печати на население захваченных территорий // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия. Матер. Международной науч. конф. – Орёл: Изд-во Орловский государственный университет, 2010. – С. 152-158.
32. Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. – М.: Издательский дом «Граница», 2003. – 479 с.
33. Брынцева Н.В. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны: новые документы из архивов спецслужб // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2005. – № 1-2 (64-65). – С. 54-58.
34. Бугров Ю.А. Оккупация (краткий историко-публицистический очерк) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (по материалам Курской области) / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. – Курск: Изд-во КГМУ, 1995. – С. 91-101.
35. Бугров Ю.А. Проявления коллаборационизма в Курской и Воронежской областях в 1941-1943 гг. при оккупационном режиме немецких войск и их сателлитов // Актуальные проблемы истории Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Матер. межрегиональной научн. конф. Курск, 16-17 мая 2007 г. / Под ред. И.А. Анфертьева и Ю.А. Бугрова. – Курск: «ЮМЭКС», 2007. – С. 19-25.
36. Будницкий О.В. К истории типологии коллаборационизма в период Великой Отечественной войны // Российская государственность: опыт 1150-

летней истории: материалы Международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.). – М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2013. – С. 458-469.

37. Будницкий О.В. Материалы по истории оккупационного режима и коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в американских архивах // Российская история. – 2014. – № 3. – С. 126-142.

38. Буровский А.М. Великая Гражданская война 1939-1945. – М.: Яуза, Эксмо, – 2009. – 326 с.

39. Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 (Краткий очерк). – М.: Политиздат, 1965. – 454 с.

40. Варфоломеева М.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере современной Белгородской области в 1941-1943 гг.) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия История. Политология. Экономика. – 2011. – № 19 (114). – Вып. 20. – С. 202-208.

41. Ватлин А.Ю. Сталин и борьба с коллаборационизмом // Россия и мир: история, международные отношения, наука и образование: сборник научных статей. – Архангельск: Солти, 2009. – С. 34-47.

42. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. – М.: Яуза, 1999. – 328 с.

43. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945. Краткая история / Под ред. П.А. Жилина. – М.: Воениздат, 1965. – 622 с.

44. Великая Отечественная народная. 1941-1945: Краткий исторический очерк / Под ред. П.А. Жилина. – М.: Мысль, 1985. – 363 с.

45. Великая Отечественная: правда и вымысел: Сб. статей / Под ред. Н.Д. Колесова. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 104 с.

46. Великая Отечественная война. 1941-1945. В 12-ти т. Т. 1-12. – М.: Воениздат, 2011. – 2015.

47. Веревкин С.И. Вторая Мировая война: вырванные страницы. – М.: Яуза, 2006. – 416 с.

48. Веревкин С.И. Самая запретная книга о Второй Мировой. Была ли альтернатива Сталину? / С.И. Веревкин. – М.: Яуза-пресс – Эксмо, 2011. – 605 с.
49. Веригин С.Г. Коллаборационизм на оккупированной территории Советской Карелии в 1941-1944 гг. // Север: Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал. – 2012. – № 5-6. – С. 228-239.
50. Веригин С.Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939-1945 гг. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), 2012. – 242 с.
51. Веригин С.Г. Особенности проявления коллаборационизма на оккупированной финскими войсками территории Карелии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная. К 70-летию народного подвига: Материалы Международной научной конференции «Ялта-45. Крымская конференция 1945 г. в контексте “острых” вопросов окончания Второй мировой войны и начала войны “холодной”». Симферополь – Москва, 18-19 марта 2015 г. – М.: РГГУ, 2015. – С. 186-201.
52. Воробьева Л.М. Латыши по разные стороны фронтов Великой Отечественной войны // 65 лет Великой Победы: (в 6 т.). Т. 4. Другое лицо войны. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 219-247.
53. Гальченко С.Н. Немецкая оккупационная политика в области низшего профессионального образования в 1941-1943 годы (по материалам периодической печати Курской области) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2003. – № 12-13 (44-45). – С. 42-45.
54. Гилязов И.А. На другой стороне. (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар. в годы второй мировой войны) / И. Гилязов. – Казань: Свод памятников Мастер лайн, 1998. – 251 с.
55. Гилязов И.А. Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны – форма проявления национализма? // (Аб

империю) AbImperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2000. – № 1. – С. 107-129.

56. Гладков Т.К. Тайны спецслужб III Рейха [От штурмовых отрядов до гестапо и абвера]. – М.: Эксмо-Яуза, 2004. – 413 с.

57. Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941-1944. – М., 2008. – 260 с.

58. Горбатов А., Прусаков В. Разведчицы. – Курск: Курское кн. изд-во, 1961. – 139 с.

59. Грибков И.В. Хозяин брянских лесов: Бронислав Каминский. Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. – М.: Библиотека журнала «Эхо войны», вып. 1, 2008. – 116 с.

60. Гринев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941-1944. – М.: Наука, 1976. – 231 с.

61. Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Учебное пособие. – Курск: Курский областной ИПК и ПРО, 1993. – 114 с.

62. Гришков И.Г. Фашистский оккупационный режим // Курский край. История и современность. (Учебное пособие). – Курск: Курский областной ИПК и ПРО, 1993. – С. 134-136.

63. Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 2-е изд., доп. – Курск: ООО «Учитель», 1999. – 150 с.

64. Дандыкин Т.К. Во имя павших и живых. Партизанская борьба на Брянщине 1941-1943 гг. – Брянск: Изд-во Придесенье, 2000. – 256 с.

65. Дандыкин Т.К. Страницы подвига. Военно-хозяйственная и политическая деятельность Коммунистической партии в партизанских краях и зонах Центра России (1941-1945 гг.). – Тула: Приок. кн. изд-во, 1979. – 208 с.

66. Джалил-Ходжа Р. Кавказский коллаборационизм: новый взгляд современника // Победа народов Советского Союза в Великой Отечественной

войне: национальное самосознание и историческая память 1945-2015 гг. Матер. международной научно-просветительской конференции. 22-26 мая 2015 г. – Краснодар: Традиция, 2015. – С. 58-62.

67. Добровольческий полк «Десна» // Антипартизанская война в 1941-1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – М.: «АСТ»; Минск: «Харвест», 2005. – С. 130-141.

68. Дорогами Победы. Сборник произведений московских писателей – фронтовиков, посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2010. – 560 с.

69. Дробязко С.И. Советские граждане в рядах Вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых. Сб. статей студентов, аспирантов и молодых ученых. – М., РГГУ, 1997. – С. 133-138.

70. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945: Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. – М.: «АСТ», 2000. – 46 с.

71. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941-1945 / С.И. Дробязко. – М.: Эксмо, 2004. – 604 с.

72. Дробязко С.И. Перечень казачьих соединений и частей в вермахте // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. – 2007. – № 1. – С. 26-30.

73. Дробязко С.И. Иностранцы формирования Третьего Рейха / С. Дробязко, О. Романько, К. Семенов. – М.: АСТАстрель, 2009. – 844 с.

74. Дюков А.Р. Милость к падшим. Советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – 175 с.

75. Елисеева Н.Е. Войска НКВД в борьбе за безопасность фронтового тыла // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941-1945). Матер. Всероссийской научно-практич. конф. 21-22 апреля 2005 г. / Отв. ред. А.А. Чернобаев, сост. Т.М. Булавкина, М.В. Стеганцев. – М.: Academia, 2007. – С. 287-292.

76. Емельянов Ю.В. Сталин на вершине власти. – М.: Вече, 2002. – 554 с.
77. Ермолов И.Г. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной армии // Истории Русской Провинции (Орел). Историко-просветительский журнал. – 2008. – № 41. – 168 с.
78. Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. – Орел: Б.и., 2008. – 180 с.
79. Ермолов И.Г. Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях РСФСР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История: Научный журнал. Выпуск 2. – 2008. – № 19 (79). – С. 86-95.
80. Ермолов И.Г. Религиозный коллаборационизм на оккупированных территориях РСФСР // Вестник Тверского государственного университета. – 2008. – № 28 (88). – С. 64-77.
81. Ермолов И.Г. Влияние аномалий партизанского движения на возникновение и развитие коллаборационизма // Доклады Академии военных наук. – 2009. – № 3 (38). – С. 140-146.
82. Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. – М.: Центрполиграф, 2009. – 252 с.
83. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. – М.: Центрполиграф, 2010. – 381 с.
84. Ермолов И.Г. Коллаборационизм в сфере культуры, искусства на оккупированных территориях РСФСР в 1941-1944 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – Ч. 4. – С. 58-61.
85. Ермолов И.Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941-1944 гг. – М.: Вече, 2013. – 462 с.
86. Жуков Д.А. Власовцы и нацистская пропаганда. – М.: Б.и., 2000. – 40 с.

87. Жуков Д.А. Германские оккупационные органы на территории СССР. Структура и юрисдикция // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. – 2007. – № 1. – С. 2-5.
88. Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русские эсэсовцы в бою. Солдаты или каратели? – М.: «Яуза-Пресс», 2009. – 320 с.
89. Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская вспомогательная полиции. Вып. 2. – М.: Академия поэзии «Московский писатель», 2009. – С. 39-40.
90. Жуков Д.А. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский» / Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. – М.: Вече, 2009. – 304 с.
91. Жуков Д.А. Русская полиция / Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. – М.: Вече, 2010. – 299 с.
92. Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2006. – 229 с.
93. Журавлев Е.И. Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1941-1943 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология: Научный журнал. – 2008. – № 2. – С. 56-61.
94. Журавлев Е.И. Военно-политический коллаборационизм на юге России в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943гг.) // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России: Научный журнал. – 2009. – № 4. – С. 20-34.
95. Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943 гг.): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История: Научный журнал. Выпуск 32. – 2009. – № 16 (154). – С. 66-73.
96. Журавлев Е.И. Депортация народов Юга России и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Власть: Общенациональный научно-политический журнал. – 2009. – № 6. – С. 120-124.

97. Журавлев Е.И. Особенности проявления коллаборационизма на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.). – Азов: Азов Печать, 2009. – 191 с.
98. Журавлев Е.И. Судебные и внесудебные наказания коллаборационистов в СССР в период Великой Отечественной войны и послевоенное время // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия История. Политология. Экономика. – 2013. – № 22 (165). – Вып. 28. – С. 154-160.
99. Загоруйко М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1980. – 575 с.
100. Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. – Краснодар: «Традиция», 2007. – 178 с.
101. Залесский А.И. В партизанских краях и зонах. Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага (1941-1944). – М.: Соцкнига, 1962. – 397 с.
102. Зарубин Д.Е. Русская православная церковь в Старом Осколе в 1938-1943 годах. Некоторые аспекты существования // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2005. – № 8-9 (71-72). – С. 57-62.
103. Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: Война 1941-1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. – М.: «ТЕРРА»-Книжный клуб, 2006. – 768 с.
104. Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. – М.: «ОЛМА-Пресс Образование», 2005. – 573 с.
105. Земсков В.Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной территории СССР (1941-1945). – М.: Мысль, 1986. – 234 с.
106. Злуникин В.Г. Вера. Повесть. Изд. 4-е, доп. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965. – С. 379-380.

107. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д. Военное руководство партизанским движением в тылу германских войск на территории областей Центрального Черноземья // Военно-исторический архив. – 2008. – № 2 (98). – С. 118-139.
108. Ивлев И.А. Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированных территорий СССР, 1941-1945-4 гг. – М.: Мысль, 1988. – 285 с.
109. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945. В 6 томах. М.: Воениздат, 1960-1965.
110. История Второй мировой войны. 1939-1945. В 12-ти т. – М.: Воениздат, 1973-1982.
111. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти томах. Т. 5. Кн. 1. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны / Ред. Ю.П. Петров. – М.: Политиздат, 1971. – 506 с.
112. История России. XX век. 1939-2007 / Под ред. проф. А.Б. Зубова. – М.: АСТ, 2009. – 848 с.
113. История советского крестьянства. В 5-ти т. Т.3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938-1945 / [В.Т. Анисков, М.А. Вылцан, В.В. Кабанов и др.]; Редкол.: М.А. Вылцан (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1987. – 447 с.
114. Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М.: Посев, 1994. – 344 с.
115. Калиниченко Ю. Герои и предатели: новый взгляд // Аргументы и факты. – 1995. – № 25. – С. 7.
116. Карнаевич В.Г. Антигерои или жертвы войны? // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. – СПб.: Нестор, 1999. – 79-81.
117. Карнаевич В.Г. Война с Россией глазами германского солдата // Военно-исторический журнал. – 2004. – №5. – С. 72-74.

118. Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941-1943 гг. – М.: «Мысль», 1980. – 318 с.
119. Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Иуды. Власовцы на службе у фашизма // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 6. – С. 68-81.
120. Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было. История власовского предательства // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 18-28; № 7. – С. 12-20; № 9. – С. 45-51; № 12. – С. 31-41.
121. Ковалев Б.Н. «Пятую колонну» создать не удалось // Псков. Научно-практический и историко-краеведческий журнал. – 1995. – № 2. – С. 47-56.
122. Ковалев Б.Н. Деятельность немецких разведывательных, контрразведывательных и пропагандистских служб на Северо-Западе России // Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород: Управление ФСБ РФ по Новгородской области, 2000. – С. 58-75.
123. Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России в 1941-1944. – М.: «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. – 486 с.
124. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм и Холокост на оккупированной территории Севера-Запада России в годы Великой Отечественной войны // Петербургская историческая школа: альманах. Вып. 3: Памяти А.Я. Лейкина. – СПб.: Нестор, 2005. – С. 236-243.
125. Ковалев Б.Н. Проблемы типологии отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2005 год. – М.: ФСБ РФ, 2006. – С. 49-59.
126. Ковалев Б.Н. Проблемы изучения истории отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке, 1997-2007. – М.: Кучково Поле, 2008. – С. 270-281.

127. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет и Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009. – 371 с.
128. Ковалев Б.Н. Особенности детского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей. – Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета (НовГУ), 2009. – С. 49-58.
129. Ковалев Б.Н. Половой коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей. – Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета (НовГУ), 2009. – С. 58-62.
130. Ковалев Б.Н. Юридический коллаборационизм на оккупированной территории России (1941-1944гг.) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия: «История. Филология»: Научно-теоретический и прикладной журнал. – 2009. – № 52. – С. 12-15.
131. Ковалев Б.Н. Формы коллаборационизма несовершеннолетних на оккупированной территории России (1941-1944 гг.) // История государства и права: Федеральный журнал: Научно-правовое издание. – 2010. – № 5. – С. 15-21.
132. Ковалев Б.Н. Советское законодательство о коллаборационистах в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2009. – № 51. – С. 10-14.
133. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.
134. Ковтун И.И. Белорусы на службе в СС // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. – 2008. – № 2. – С. 39-50.
135. Ковтун И. Операция «Цыганский барон» // Братишка. – 2009. – № 4 (133). – С.54-58.

136. Ковтун И.И. Охотники: спецподразделения вермахта по борьбе с партизанами // Братишка. – 2009. – № 2 (131). – С. 56-59.
137. Ковтун И.И. Партизаны Брянщины: мифы и правда // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. – 2007. – № 1. – С. 17-25.
138. Кожемякин М. Вспомогательная полиция. Организация, униформа, знаки различия // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. – 2007. – № 1. – С. 38-44.
139. Колесников А.Н. Непокоренный край. Документальная повесть. – Курск: «Курскинформпечать», 1995. – 238 с.
140. Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и Власовщина. Материалы междунар. круглого стола (Москва, 12 ноября 2009 года) / Под ред. д.и.н. В.Д. Кузнецевского. – М.: РИСИ, 2010. – 224 с.
141. Комаров Д.Е. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура: Гуманитарный научно-популярный, литературно-художественный журнал. – 2003. – № 3-4. – С. 21-44.
142. Комаров Д.Е. К вопросу о масштабах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Край Смоленский: Научно-популярный журнал. – 2015. – № 2. – С. 44-48.
143. Конасов В.Б. Приговоры военных трибуналов диверсантам-изменникам Родины // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 9. – С. 16-17.
144. Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941-1945. – М.: Луч, 1995. – 229 с.
145. Коннов Ю.В. Войска НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии в Курской битве (белгородское, направление) // Военно-исторический архив. – 2006. – № 3 (75). – С. 128-157.
146. Коннов Ю.В. Система правоохранительных органов в структуре оккупационных властей на Белгородчине в 1941-1943 гг. // Матер. научно-практической конф. «Проблемы коренного перелома во Второй мировой

войне. Год 1943» // ред. М.Б. Кугина, В.Н. Павлова. – Белгород: Белгор. обл. типогр., 2013. – С. 65-72.

147. Кононов Н.Г. Социальное обеспечение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг. (на материалах Курской области). – Курск: ООО «Учитель», 2013. – 190 с.

148. Кононов Н.Г. Курская деревня в годы Великих испытаний. 1941-1945 гг. – Курск: ООО «Мечта», 2015. – 613 с.

149. Коняев Н.М. Власов. Генерал из трясины: Судьба и история Андрея Власова: анатомия предательства. – М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб., 2003. – 603 с.

150. Коренюк Н. Трудно жить с мифами. Генерал Власов и Русская освободительная армия // Огонек. – 1990. – № 46. – С. 29-31.

151. Кормилицын С.В. Коллаборационизм или предательство?: «Идейные предшественники» генерала Власова // Журнал русской культуры. – 2012. – № 5. – С. 165-168.

152. Коровин В.А. Кто он коллаборационист или герой-фронтовик? (О работе органов государственной безопасности Курской области по выявлению лиц, сотрудничавшими с немецко-фашистскими оккупантами в 1941-1943 гг.) // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА: Материалы научной конференции «XX век в научных исследованиях молодых ученых». Сб. статей. Вып. 3. – Курск, 2012. – С. 22-24.

153. Коровин В.А., Манжосов А.Н. Антифашисты и коллаборационисты на земле великой битвы (по материалам спецпроверок 1943 г. на территории Поньровского района Курской области) // Представления людей о «норме» и «патологии» в процессе исторического развития: Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 14-15 мая 2012 года / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. – СПб.: Полторак, 2012. – С. 126-130.

154. Коровин В.А., Коровин В.В., Манжосов А.Н. «Завоевание доверия русского населения в занятых нами восточных областях превратилось в

проблему» Доклад разведотдела штаба 4-й немецкой армии. 1943 г. // – Исторический архив. – 2012. – № 6. – С. 55-64.

155. Коровин В.А., Коровин В.В. О национальных факторах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. – 2012. – № 1. – Ч. 1. – С. 248-252.

156. Коровин В.А. Верный слуга оккупантов (коллаборационистская деятельность М.Н. Коха) // Личность в истории развития Курского края: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной Году российской истории. Курск, 27 сентября 2012 г. / Под ред. В.Л. Богданова. – Курск, 2012. – С. 45-47.

157. Коровин В.А., Коровин В.В. Органы управления железных дорог западного и южного направлений в противодействии экономическому коллаборационизму (1943-1945 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. – 2012. – № 1. – Ч. 2. – С. 256-258.

158. Коровин В.А. Полицейские формирования Курской области на страже оккупационного режима (1941-1943 гг.) // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА: Сб. статей. Вып. 4. – Курск, 2013. – С. 25-31.

159. Коровин В.А., Коровин В.В., Манжосов А.Н. «Возможности, которые представляются в оккупированных областях для их вовлечения в тотальную войну... едва ли можно переоценить» (Стратегия военно-политического руководства Германии на оккупированных восточных территориях весной 1943 года) // Военно-исторический архив. – 2013. – № 4 (160). – С. 53-78.

160. Коровин В.А., Коровин В.В. Специфика общественно-политических настроений населения Центрального Черноземья в первый период Великой Отечественной войны (по материалам Курской области) // Государство и общество: Взаимодействие и противостояние. Материалы Седьмой

региональной научной конференции (г. Воронеж, 4 февраля 2013 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 248-252.

161. Коровин В.А. Выявление агентуры противника в прифронтовой полосе Центрального фронта весной-летом 1943 года // «Огненная дуга»: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве. Курск, 27 июня 2013 г. / Под ред. В.Л. Богданова. – Курск, 2013. – С. 36-43.

162. Коровин В.А. Противодействие коллаборационистам и десантам противника в тылу войск Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА: Сб. статей. Вып. 5. – Курск, 2013. – С. 27-33.

163. Коровин В.А., Коровин В.В. Участие войск НКВД в обеспечении безопасности тыла Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Военно-исторический архив. 2013. № 9 (165). С. 35-48.

164. Коровин В.А., Коровин В.В. Охрана тыла Центрального фронта накануне и в период Курской битвы // Армия и общество. – 2013. – № 4. – С. 58-63.

165. Коровин В.А. Суровый экзамен гражданской зрелости (о проверке комсомольскими органами поведения молодых курян на оккупированной территории) // «Мы все – войны шальные дети...»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 13. Курск, 2014. С. 93-101.

166. Коровин В.А., Коровин В.В. Приговоренные к предательству // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография: Сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Третьяков; отв. ред. Л.С. Холтобина. Курск: ОБУК «Участок оперативной полиграфии», 2015. С. 64-66.

167. Коровин В.В. Малоизвестные эпизоды диверсионной войны в тылу врага (по воспоминаниям курянина П.Н. Свечкина) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 6-7 (56-57). – С. 25-38.

168. Коровин В.В. Боевая деятельность и повседневная жизнь дмитриевских партизан (по воспоминаниям командира отряда И.И. Свирина) // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2004. – № 10-11 (60-61). – С. 9-28.
169. Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Русь, 1998. – 289 с.
170. Коровин В.В., Манжосов А.Н., Немцев А.Д., Цуканов И.П. Победу приближали как могли (Боевые действия Брянского и Юго-Западного фронтов и партизан против войск гитлеровской Германии и её союзников в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (октябрь 1941 – июль 1942 гг.)). – Курск: Славянка, 2006. – 322 с.
171. Коровин В.В. «Дезорганизовать тыл противника, причинить максимальный урон его живой силе и технике». Партизанское движение в Центральном Черноземье // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 6 (578). – С. 17-22.
172. Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг. – Курск: «ЮМЭКС», 2006. – 128 с.
173. Коровин В.В. Поднимались воины народа. Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг. – Курск: Славянка, 2008. – 512 с.
174. Котюков К.Л. Роковое разделение: Русская военная эмиграция в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Советского Союза и Югославии. Историческое исследование / К.А. Котюков; под ред. Г.А. Куманева. – М.: У Никитских ворот, 2012. – 191 с.
175. Красовский О. Страшная правда // Вече. – 1990. – № 39. – С. 228-241.
176. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 155-163.
177. Крикунов П.Н. Некоторые проблемы коллаборационизма на территории СССР в годы Второй мировой войны (казаки-коллаборационисты) // Проблемы истории массовых и политических

репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – С. 119-136.

178. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942-1943гг.). – Майкоп, 2000. – 242 с.

179. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Информационно-аналитический вестник (Адыгейского Республиканского института гуманитарных исследований): История. Этнология. Археология. Вып. №3. – Майкоп, 2000. – С. 221-232.

180. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм военного времени как проблема социальной истории // Война и мир в историческом процессе (XVII-XX вв.): Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы, 15-17 апреля 2003 г. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 54-59.

181. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории.-2004. – № 11. – С. 153-164.

182. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм на оккупированной территории Кубани (1942-1943): причины, типы, последствия // Доброволец-XXвек. – 2005. – № 1-2 (5-6). – С. 82-87.

183. Кринко Е.Ф. Оккупация и коллаборационизм на Северном Кавказе во время Великой Отечественной войны: итоги и перспективы изучения // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – С. 154-160.

184. Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. – М.: «Вече», 2007. – 576 с.

185. Крысин М.Ю. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939-1945. – М.: «Вече», 2004. – 464 с.

186. Кудряшов С.В. Трудно расстаться с мифами // Огонек. – 1990. – № 4. – С. 30-31.
187. Кудряшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы войны?: Советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль: Теоретический и политический журнал. – 1993. – № 14. – С. 84-98.
188. Кузеванов Л.И. Коллаборационизм: методология исследования // Международный академический журнал. – 2011. – №1. – 24 с.
189. Кузенкова М.В. К вопросу об изменении уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Патриотическое значение полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады (К 70-летию полного освобождения Ленинграда). Сб. материалов научной конф., СПб.-Пушкин, 22 февраля 2014. – СПб.-Пушкин: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2014. – С. 149-154.
190. Кузнецов И.З. Курские партизаны в Великой Отечественной войне (июнь 1941-март 1943г.) // 1917-1957 / под ред. Т.И. Архиповой. – Курск, 1957. – С. 333-348.
191. Кулаков В.В., Каширина Е.И. Массовый героизм и коллаборационизм советских воинов в период Второй мировой войны (1939-1945 годы) // Культурная жизнь Юга России: Региональный научный журнал. – 2009. – № 3. – С. 67-70.
192. Курдяев С.В. Дни Великой Отечественной войны в Курской области // Родной край / Под ред. Ф.С. Максименко и П.К. Староверова. – Курск, 1946. – С. 73-97 (В когтях вражеской оккупации. – С. 75-83).
193. Курская область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, А.Д. Немцев и др. – Курск, 2010. – 427 с. (Курский край: научно-популярная серия: в 20 томах; Т. XII. Ч. 1).
194. Кустов М. Наемники Фюрера. [Памяти героев, победивших фашизм] / М. Кустов. – М.: Трибуна, 2008. – 123 с.

195. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 563 с.
196. Литвин А.М. Проблема коллаборационизма и политические репрессии в Белоруссии 40-50-х годов // Политический сыск в России: история и современность. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та экономики и финансов, 1997. – С. 266-270.
197. Литвинов М.Ю., Седунов А.В., Шпионы и диверсанты. Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. – Псков: «Псковская областная типография», 2005. – 344 с.
198. Логунова Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941-1943гг. – М.: Издательство МГУ, 1973. – 228 с.
199. Майоров Н. Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / Сост. М.Е. Карышев. – М.: «Воениздат», 1984. – С. 152-161.
200. Макаров В., Христафоров В. Дети лейтенанта Шмидта. Миф о «Локотской альтернативе» // Родина. – 2006. – № 10. – С. 90-91.
201. Малиновский В.В. Кто он российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. – 1996. – № 11-12. – С. 160.
202. Малыгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос» 1941-1944гг. / А.В. Малыгин. – Симферополь: Сонат, 2008. – 186 с.
203. Малышева Е.М. Социоэтнические компоненты массового общественного сознания в годы Великой Отечественной войны: патриотизм, интернационализм и коллаборационизм // Информационно-аналитический вестник (Адыгейского Республиканского института гуманитарных исследований): История. Этнология. Археология. Вып. № 4. – Майкоп, 2001. – С. 163-185.

1. 201. Малышева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов. Современные подходы: (Сборник статей). – М.: Наука, 2005.– С. 305-338.
204. Малышева Е.М. Советские коллаборационисты в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – С. 136-153.
205. Малышева Е.М. Горцы Кавказа в годы Великой Отечественной войны и проблема коллаборационизма // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России (7-9 ноября 2008г.: в 2 ч.). Ч. 2. – Карачевск: Изд-во Карачаево-Черкесского государственного университета (КЧКУ), 2008. – С. 99-113.
206. Малышева Е.М. Патриотизм как основа обеспечения российской национальной государственной безопасности и воспитания гражданственности молодежи // Освобождая блокадный Ленинград. Матер. Всероссийской научно-практич. конф., Санкт-Петербург, 23 января 2009. – СПб.: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2009. – С. 265-272.
207. Малышева Е.М. Патриотизм народов Кавказа, Адыгеи в борьбе за великую Победу // Патриотизм на защите Отечества – традиция российской армии / Сост. М.И. Фролов, отв. ред. Н.Я. Гребенев. – СПб.: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2012. – С. 263-288.
208. Малышева Е.М. Планы нацистской Германии в СССР // Патриотическое значение полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады (К 70-летию полного освобождения Ленинграда). Сб. статей / Отв. ред. Н.Я. Гребенев. – СПб-Пушкин: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2014. – С. 190-197.

209. Манжосов А.Н., Золотухин А.Ю. Некоторые аспекты нацистской оккупационной политики на территории Центрального-Черноземья (1941-1943) // *Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия*. Матер. международной и научной конф., 21-23 апреля 2010 г.: Орел: Изд-во ОГУ – ПФ «Катуш», 2010. – С. 192-199.
210. Маркедонов С.М. Кривые и прямые чеченского коллаборационизма // *Посев: Общественно-политический журнал*. – 2003. – № 8. – С. 13-15.
211. Мартынов А.В. По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация / А.В. Мартынов. – М.: Вече, 2014. – 384 с.
212. Маслов Н.П., Плиско Л.Н. Борисовский район в 1941-1943 военные годы // *Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Уроки истории*. – Белгород: БГУ, 2000. – С. 92-97.
213. Матяш В., Чехонин Б. Пешкин в грязной игре // *Нацистских преступников к ответу!* – М.: «Политиздат», 1983. – С. 118-122.
214. Михеев В.П. Оперативно-розыскные и следственные мероприятия по привлечению к ответственности государственных преступников // *Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне*. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород: Управление ФСБ РФ по Новгородской области, 2000. – С. 34-47.
215. Млечин Л. Могла ли Россия получить свободу из рук Гитлера? // *Новое время*. –1993. – № 9. – С. 44-48.
216. Млечин Л.М. Нож в спину. История предательства. [«Пятая колонна», изменники Родины, военные преступники, полицаи, коллаборационисты]. – М.: Центрполиграф, 2014. – 347 с.
217. Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953). Изд. 2-е, расш. и доп. – М.: Кучково поле, 2011. – 752 с.

218. Мозохин О.Б. Репрессивная политика в СССР в цифрах // Военно-исторический архив. – 2003. – № 6 (42). – С. 49-61.
219. Молодова И.Ю. Коллаборационизм на территории Калужской области в годы Великой Отечественной войны: агенты и пропагандисты: по материалам Госархива документов новейшей истории Калужской области // Калуга в шести веках: материалы 6-й городской краеведческой конференции (октябрь 2006 г.). – Калуга: Полиграф-Информ, 2008. – С. 87-93.
220. Мухин Ю.И. Крестовый поход на Восток. Жертвы второй мировой войны. – М.: Яуза, Эксмо, – 2004.-350 с.
221. Мякишев А.П. Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения, выпуск 4. Т. 12. – Саратов, 2012. – С. 114-117.
222. На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области. Статьи, очерки, воспоминания. – Курск: ИПП «Курск», 2008. – 480 с.
223. Некрасов В.Ф., Борисов А.В., Детков М.Г. и др. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. – 464 с.
224. Никифоров С.А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны / С.А. Никифоров; Регион. фин.-экон. ин-т. Т. 1. Под фашистской пятой. – Курск: Региональный финансово-экономический институт, 2012. – 410 с.
225. Никифоров С.А. Оккупационный режим и экономическая политика фашистской Германии в Курской области в 1941-1943 гг. // Книга Памяти. Т. 12. – Курск, 2000. – С. 75-92.
226. Никифоров С.А., Манжосов А.Н., Крамаренко А.Д. Кадровая политика немецко-фашистских оккупантов в Курской области в 1941-1943 гг. // Курский край. Научно-исторический журнал. – 1999. – № 5 (8). – С. 6-26.

227. Неизвестный Х. Теткино: штрихи истории // Курский край. Научно-историч. журнал. – 2006. – № 9-10 (84-85). – С. 37-44.
228. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества). – М.: Прогресс, 1989. – С. 57-62.
229. О कोरोков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М.: ВУ, 2000. – 173 с.
230. О कोरोков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. – М.: Русский путь, 2007. – 288 с.
231. Падерин А.А. Борцы за самостоятельную Украину: герои или преступники? // 65 лет Великой Победы: (в 6 т.). Т. 4. Другое лицо войны. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 45-51.
232. Панчишин И. В розыске – оборотни // Контрразведка: Сборник / Сост. В.К. Кириллов. – Псков: «Издательство организационно-методического центра по подготовке областной Книги Памяти», 1995. – С. 254-276.
233. Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941-1945: В 2 кн. Кн. 2. – М.: Наука, 2004. – С. 293-305.
234. Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Антипартизанская война в 1941-1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – М.: «АСТ»; Минск: «Харвест», 2005. – С. 117-129.
235. Пилишвили Г.Д. Боевая деятельность истребительных батальонов в Центральном Черноземном регионе РСФСР (1941-1945). – Курск: Изд. КГУ, 2007. – 196 с.
236. Плотников В.М. Помощь курян Советской Армии в битве под Курском // Краеведческие записки. Вып. 1. – Курск: Курское кн. изд-во, 1959. – С.70-122.
237. Под оккупацией в 1941-1944 гг.: Статьи и воспоминания / А.С. Гогун, И.В. Грибков, К.Л. Таратухин, Т.С. Джолли, Р.И. Матвеева-Рацевич, Р.В. Полчанинов. – М.: Посев, 2004. – 112 с.

238. Поздняков Э.Н. Шебекино в период оккупации (новые сведения) // Великая Отечественная война 1941-1945гг. Уроки истории. – Белгород: БГУ, 2000. – С. 97-101.
239. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «РОССПЭН», 2002. – 896 с.
240. Помогаев В.В. Коллаборационизм в СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.: Науч.-теорет. и прикл. журн. широкого профиля. – 2001. – № 4. – С. 32-38.
241. Попов А.Ю. Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении // Военно-исторический архив. – 2002. – № 12 (36). – С. 158-177.
242. Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 512 с.
243. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383 с.
244. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
245. Похлебкин В.В. Великая Отечественная война и несостоявшийся мир 1941-1945-1997. Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-правовым последствиям, с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. – М., 1997. – С. 127.
246. Прокопенко Н.П. Движение сопротивления на Белгородчине // Белгородский краеведческий вестник. Вып. 3. – Белгород, 2003. – С. 71-75.
247. Прусаков В.В. Дневники суровых лет. – Курск: Курское кн. изд-во, 1963. – 78 с.
248. Прусаков В.В. Неподкупные сердца. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1965. – 195 с.
249. Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. – М., 1995. – С. 292-313.

250. Раманичев Н.М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Краткие исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. – М.: Наука, 1999. – С. 153-167.
251. Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах Вермахта и СС / О.В. Романько. – М.: Издатель Быстров, 2006. – 640 с.
252. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. – М.: Вече, 2008. – 428 с.
253. Романько О.В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941-1945 / О.В. Романько. – М.: Центрполиграф, 2013. – 478 с.
254. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение, 1941-1944 / О.В. Романько. – М.: Центрполиграф, 2014. – 413 с.
255. Сазонов О.Н. Граждане СССР в рядах Вермахта // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. – СПб., 1999. – С. 64-69.
256. «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. – М.: РОССПЭН, 2014. – 324 с.
257. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 862 с.
258. Семиряга М.И. Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. – № 3. – 1985. – С. 6.
259. Сергунин А. Партизанское движение на Новгородской земле в период Великой Отечественной войны // Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей. – М.: «Наука», 1964. – С. 119-141.
260. Семенов К.К. Войска СС. Солдаты как все. – М.: Яуза, 2004. – 384 с.
261. Сергеев Ф. Тайные операции фашистской разведки. – М.: Воениздат, 1991. – 371 с.
262. Сеницын Ф.Л. «Сначала морят голодом... потом...заставляют под диктовку писать прошения». Национальный фактор в военном

коллорабационизме народов СССР (июнь 1941г. – ноябрь 1942г.) // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 1 (645). – С. 19-26.

263. Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова / О.С. Смыслов. – М.: Вече, 2004. – 505 с.

264. Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера / О.С. Смыслов. – М.: Вече, 2007. – 505 с.

265. Смыслов О.С. Иуды в погонах. [Они изменили присяге и предали свою страну]. – М.: Вече, 2010.-316 с.

266. Смыслов О.С. Предатели и палачи. [1941-1945 о А.А. Власове] / О.С. Смыслов. – М.: Вече, 2013. – 318 с.

267. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: Аст-Пресс-книга, 2005. – 352 с.

268. Сорокина О.Л. Школы Курской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // История Великой Отечественной войны в документах и судьбах (По материалам Курской области) / Под ред. проф. А.Ю. Друговской. – Курск: Изд. КГМУ, 1995. – С. 101-114.

269. Спириденков В.А. Лесные солдаты. Партизанская война на Северо-Западе СССР. 1941-1944. – М.: «Центрполиграф», 2007. – 335 с.

270. Степаненко С.Г. Коллорабационизм на Кубани в период оккупации (1942-1943 гг.) // Социально-гуманитарный вестник: межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. – Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2009. – С. 47-55.

271. Тетуев А.И. Коллорабационизм в Кабардино-Балкарской АССР и депортация балкарского народа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции г. Ростов-на-Дону 6-7 июня 2013 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного Центра (ЮНЦ) РАН, 2013. – С. 128-135.

272. Титаренко Д.Н. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины (зона военной

администрации): коллаборация или сопротивление? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – С. 160-169.

273. Ткаченко А.И. Фашистский оккупационный режим // Шли на битву партизаны. Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-1943 гг. – Брянск, 1972. – С. 47-60.

274. Трегуб А.П. Использование коллаборационизма фашистскими спецслужбами в борьбе против СССР // Власть: Общенациональный научно-политический журнал. – 2003. – № 8. – С. 54-59.

275. Третьяков С.В., Шевелев А.В. Печатные периодические издания городских властей в период оккупации Курска (по материалам УФСБ РФ по Курской обл.) // Непобедимая сила Отечества. Сб. науч. статей / Под ред. Н.А. Постникова. – Курск, 2003. – С. 292-295.

276. Трифанков Ю.Т., Шанцева Е.Н., Дзюбан В.В. История оккупации Брянской области в период Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941-1943 гг.). – Брянск: Изд-во БГТУ, 2012. – 316 с.

277. Трут В.П. Европейский «коллаборационизм» и сотрудничество части советских граждан с оккупантами в годы Второй мировой войны // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. К 20-летию Законодательного Собрания Краснодарского края. Матер. Всероссийской научно-просветительской конф., 3-7 октября 2014 г. / Отв. ред. А.А. Зайцев (26-е Адлерские чтения). – Краснодар: традиция, 2014. – С. 262-266.

278. Труфанов С.В. Военный коллаборационизм и уголовная ответственность за него в Курской области в 40-60-е годы XX века // Научные труды молодежной секции Курского отделения РОИА / Под ред. В.Л. Богданова. – Вып. 1. – Курск: ИЦ «ЮМЭКС», 2011. – С. 24-32.

279. Ульянов В., Шишкин И. Предатели. Облик. – М., 2008. – 544 с.
280. Федоров А.В. К вопросу о коллаборационизме в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: 60 лет Победы: материалы научной конференции: памяти доктора исторических наук профессора Сергея Николаевича Михалева. – Красноярск, 2005. – С. 312-317.
281. Филатов В. Машина смерти. Преступление против России и русского народа / Библиотека журнала «Молодая гвардия». Т. 2. – М: Молодая гвардия, 1995. – 416 с.
282. Филимонов В.Я. Человек на войне (к проблеме коллаборационизма в годы войны) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 5: (Материалы 5-х научных чтений «Проблемы истории и археологии Окско-Деснинского междуречья», 15-16 ноября 2002 г.). – Киров, 2004. – С. 107-112.
283. Филоненко В.С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941-1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 1 (72). – Вып. 13. – С. 191-196.
284. Филоненко В.С. Воронежская прокуратура в годы Великой Отечественной войны. – Воронеж: ВГАУ, 2010. – 280 с.
285. Филоненко М.И. Фашистская пропаганда, направленная на советские войска и население временно оккупированных территорий СССР в годы Великой Отечественной войны // Воронежский вестник архивиста. Вып. 3. – Воронеж, 2005. – С. 148-169.
286. Филоненко Н.В. Обстановка на временно оккупированной территории Воронежской области (июль 1942 – февраль 1943 гг.) // Вставай, страна огромная: Матер. областной научно-практич. конф. – Воронеж, 2011. – С. 45-47.
287. Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942-1943. – Воронеж: Кварта, 2006. – 416 с.

288. Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). – Воронеж: ВГАУ, 2005. – 256 с.
289. Фокин С.В. О феномене коллаборационизма: Выходцы из Прибалтики и с Кавказа на стороне нацистской Германии (1941-1945) // Свободная мысль: Международный общественный журнал. – 2011. – № 4 (1623). – С. 71-82.
290. Христофоров В.С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы: (в 6 т.). Т. 4. Другое лицо войны. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 182-213.
291. Цветков А.В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2011. – 59 с.
292. Цуканов И.П. О проблеме коллаборационизма на оккупированной территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг. // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации. Матер. Международной науч. конф. – М.: РГГУ, 2015. – С. 518-521.
293. Цуканов И.П. О проблеме коллаборационизма советских военнопленных на оккупированной территории Курской области в 1941-1943 гг. // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия. Матер. Международной научной конф., 21-23 апреля 2010 г. – Орел: изд. ОГУ, ПФ «Картуш», 2010. – С. 221-225.
294. Черкасов А.А. Этап мирного времени (1920-1941 гг.) и его роль в зарождении советского коллаборационизма // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы 4-й Всероссийской научной конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – С. 170-175.

295. Чиченков А.П. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. – Белгород, 2005. – 416 с.
296. Чуев С.Г. Власовцы – пасынки Третьего Рейха. – М.: Эксмо; Яуза, 2006. – 608 с.
297. Чуев С.Г. Проклятые солдаты. Предатели на стороне III Рейха. – М.: Эксмо; Яуза, 2004. – 576 с.
298. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Кн. II. – СПб.: Нева, 2003. – 447 с.
299. Чуев С.Г. Татарский коллаборационизм в Великой Отечественной войне: Краткий исторический обзор // Обозреватель. – 2002. – № 5-6 (148-149). – С. 106-111.
300. Чуев С.Г. Украинский легион / С.Г. Чуев. – М.: Яуза, 2006. – 543 с.
301. Шанцева Е.Н. Брянщина в период оккупации 1941-1943 гг.: генезис партизанского движения и коллаборационизма / Е.Н. Шанцева, В.В. Дзюбан, Ю.Т. Трифанков; М-во образования и науки Рос. Федерации, Брян. гос. техн. ун-т. – Брянск: Изд-во БГТУ, 2010. – 289 с.
302. Шанцева Е.Н. Коллаборационизм на территории Брянщины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Люди. События. Факты. Материалы круглого стола, посвященного 65-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков / Под общ. ред. проф. В.В. Иконова, доц. Ю.Н. Лунева. – Брянск: Б.и., 2010. – С. 80-86.
303. Шанцева Е.Н. Психологическая «обработка» населения оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 годы // Вестник Брянского государственного университета. Серия: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – 2010. – № 2. – С. 55-59.
304. Шанцева Е.Н. Украинский добровольческий полк на Брянщине (январь-февраль 1942 г. – август 1943 г.) // Социально-гуманитарные

исследования в БГТУ. Сб. статей / Под общ. ред. А.Ф. Степанищева. – Брянск: БГТУ, 2009. – С. 135-148.

305. Шевелев А.В. Пропагандистское обеспечение религиозной политики, проводимой немецкой администрацией на оккупированной территории Курской области (1941-1943гг.) // Непобедимые сыны Отечества: Сб. научных статей / Под ред. Н.А. Постникова. – Курск: изд-во КГУ, 2003. – С. 296-301.

306. Шевелев А.В. Пропагандистское обеспечение «нового порядка» на оккупированных территориях и реакция населения: 1941-1943 гг. (На материалах Курской области) / Под ред. Н.Л. Авиловой. – Курск: ИЦ «ЮМЭКС», 2004. – 49 с.

307. Шишкин И. Сталин как оправдание коллаборационизма // Украина: информационно-аналитический мониторинг. – М.: Изд-во Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ). – 2010. – № 7 (48). – С. 48-51.

308. Шляхтунов А.Г. Эстонские и латвийские дивизии «Ваффен-СС» на Северо-Западе СССР в 1941-1945 гг. // 65 лет Великой Победы: (в 6 т.). Т. 4. Другое лицо войны. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 248-275.

309. Щеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе (1941-1944): типы и проявления в годы оккупации. – Смоленск: Универсум, 2005. – 431 с.

310. Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941-1944 гг.). – М.: Мысль, 1971. – 217 с.

311. Юшкевич В.В. Укрепление связей с общественностью при решении контрразведывательных задач по розыску государственных преступников // Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород: Управление ФСБ РФ по Новгородской области, 2000. – С. 52-57.

312. Яценко К.В. Курская область в период Великой Отечественной войны: историография. – Курск: Курский гос. ун-т, 2006. – 78 с.

313. Яценко К.В. Курская область в период оккупации: историография проблемы // Нацистский оккупационный режим в годы Великой Отечественной войны: его демографические, экономические и социально-культурные последствия. Сб. матер. Международной научн. конф. – Орел: ОГУ, 2010. – С. 90-96.

314. Яценко К.В. Фронтвой регион. Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. – Курск: Курский гос. ун-т, 2006. – 330 с.

VIII. МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ:

1. Армстронг Д. Партизанская война: стратегия и тактика, 1941-1943 / Пер. с англ. О.А. Федяева. – М.: Центрполиграф, 2007. – 432 с.

2. Башилов Б. Правда о Бригаде Каминского // Наша страна. – 1952. – № 152.

3. Блейер В., Дрехслер К., Ферстер Г., Хасс Г. Германия во второй мировой войне (1939-1945). – М.: Воениздат, 1971. – 432 с.

4. Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс – Мефистофель усмехается из прошлого. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2000. – 448 с.

5. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.

6. Даллин А. Немецкое правление в России (пер. с англ.). – М.: Политиздат, 1961. – 483 с.

7. Диксон Ч.О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 292 с.

8. Дин М. Пособники Холокоста. Преступления местной полиции Белоруссии и Украины, 1941-1944. – СПб: Академический проект; ДНК, 2008. – 268 с.
9. Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941-1945 гг. – Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1954. – 118 с.
10. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. – М.: Изографус, Эксмо, 2003. – 800 с.
11. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М.: Воениздат, 1974. – 388 с.
12. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск: Смядынь, 1993. – 484 с.
13. Пфедфер К.Г. Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 493-516.
14. Рейтлингер Д. Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях СССР. 1941-1945. – М.: Центрполиграф, 2011. – 542 с.
15. Рендулич Л. Партизанская война // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 137-155.
16. Рике Г.И. Продовольственная проблема и сельское хозяйство // Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 444-469.
17. Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941-1945 гг. – М.: Вече, 2009. – 304 с.
18. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939-1945 гг. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1956. – С. 332.
19. Хессе Э. Главы из книги «Советско-русская партизанская война 1941-1944гг.» // Антипартизанская война в 1941-1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. – С. 37-102.

20. Хоффманн Й. История власовской армии. – Paris: Умса-press, 1990. – 379 с.
21. Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941-1945. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2006. – 624 с.
22. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. / Пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. – М.: Русское историческое общество – Русская панорама, – 480 с.
23. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение / Авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. – М.: Посев, 1993. – 440 с.

IX. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ:

1. Александров К.М. Вооруженные формирования Комитета освобождения народов России в 1944-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Александров Кирилл Михайлович; [Рос. акад. наук, С.-Петербург. ин-т истории]. – СПб., 2001. – 349 с.
2. Андриенко М.В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Андриенко Максим Валерьевич; [Пятигор. гос. технол. ун-т]. – Пятигорск, 2005. – 27 с.
3. Баканов А.И. Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов (1929-1945 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Баканов Алексей Иванович; [Гос. акад. ун-т гуманитар. наук, Ин-т всеобщ. истории РАН]. – М., 2012. – 27 с.
4. Баринов И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941-1944 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / Баринов Игорь Игоревич; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ист. фак.]. – М., 2013. – 297 с.

5. Беляев А.В. Местная вспомогательная администрация в системе немецко-фашистского оккупационного режима в Беларуси (1941-1944 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Беляев Алексей Викторович; [Бел. гос. ун-т]. – Минск, 2005. – 22 с.
6. Бернев С.К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941-1944 гг.: цели, основные направления, крах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бернев Станислав Константинович; [С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2008. – 25 с.
7. Бондарева А.В. Органы государственной безопасности советской провинции в годы Великой Отечественной войны (на примере Курской области): Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Бондарева Антонина Васильевна; [Курский гос. ун-т]. – Курск, 2003. – 180 с.
8. Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Бормотова Александра Руменовна; [Курский гос. ун-т]. – Курск, 2010. – 228 с.
9. Веригин С.Г. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы (1939-1945гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Веригин Сергей Геннадьевич; [Ин-т рос. истории РАН]. – М., 2012. – 59 с.
10. Верютин Д.В. Органы НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны: ... Дисс. ...канд. ист. наук. 07.00.02 / Верютин Денис Викторович; [Курский гос. тех. ун-т]. – Курск, 2002. – 147 с.
11. Гальченко С.И. Проблемы развития системы школьного образования на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гальченко Светлана Ивановна; [Рос. гос. социал. ун-т]. – М., 2010. – 31 с.
12. Гилязов И.А. Военно-политический коллаборационизм тюркомусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны: Дисс. ...

д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Гилязов Искандер Аязович; [Казан. гос. ун-т]. – Казань, 2000. – 400 с.

13. Горелкин В.А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Горелкин Виталий Александрович; [Волгоградский гос. ун-т]. – Волгоград, 2003. – 197 с.

14. Дандыкин Т.К. Организаторская деятельность партии по налаживанию военно-хозяйственной и политической жизни в партизанских краях и зонах (1941-1943 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. –Брянск, 1972. – 92 с.

15. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Доронина Наталия Викторовна; [Ставропольский гос. ун-т]. – Ставрополь, 2005. – 181 с.

16. Дробязко С.И. Восточные формирования в составе вермахта; 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дробязко Сергей Игоревич. – М., 1997. – 208 с.

17. Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941-1944 гг.: Дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ермолов Игорь Геннадьевич; [Твер. гос. ун-т]. – Тверь, 2005. – 279 с.

18. Залесский А. И. Борьба колхозного крестьянства Курской области за сохранение и возрождение колхозов во время Великой Отечественной Войны (1941-1943гг.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 1950. – 496 с.

19. Зверев Ю.В. «Русские» формирования Вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук 07.00.02 / Зверев Юрий Владимирович; [Белорус. гос. ун-т]. – Минск, 2002. – 19 с.

20. Иванов И.Л. Военные действия советских войск по освобождению территории Курской области и образованию Курской дуги в январе – марте 1943 г.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иванов Игорь Леонидович [Курский гос. ун-т]. – Курск, 2013. – 379 с.
21. Иванченко Н.Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2004. – 208 с.
22. Карев Д.С. Военные суды и военная прокуратура: Автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. [Московский гос. ун-т]. – М., 1951. – 50 с.
23. Ковалев Б.Н. Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния, 1941-1944 (на материалах временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 1993. – 196 с.
24. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2002. – 553 с.
25. Кожевников М.В. История советской прокуратуры: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1945. – 48 с.
26. Комаров Д.Е. Эксплуатация фашистской Германией экономического потенциала временно оккупированных территорий СССР, 1941-1944 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Смоленск, 2001. – 281 с.
27. Коровин В.В. Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. 07.00.02 / Коровин Владимир Викторович. [Курский гос. техн. ун-т]. – Курск, 2008. – 512 с.
28. Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Крикунов Петр Николаевич; [Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – М., 2004. – 25 с.

29. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: Состояние и особенности развития, июль 1942 – октябрь 1943 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2003. – 341 с.
30. Литвинова О.Н. Культура повседневной жизни партизан Брянского края в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Литвинова Ольга Николаевна; [Ярослав. гос. ун-т им. К.Д. Ушинского]. – Ярославль, 2008. – 202 с.
31. Меньшагин В.Д. Преступление против обороны СССР: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1951. – 45 с.
32. Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Молодова Ирина Юрьевна; [Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского]. – Калуга, 2010. – 263 с.
33. Напсо Н.Т. Восточные легионы в Вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Напсо Нурета Темботовна; [Адыгейс. гос. ун-т]. – Майкоп, 2000. – 238 с.
34. Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Никифоров Сергей Александрович [Курский гос. пед. ун-т]. – Курск, 2003. – 253 с.
35. Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Огороков Александр Васильевич [Воен. ун-т.]. – М., 2001. – 479 с.
36. Пилишвили Г.Д. Добровольческие военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны (на примере народного ополчения и истребительных батальонов Курской области): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Пилишвили Георгий Джунглович; [Курский гос. ун-т]. – Курск, 2005. – 234 с.
37. Попов А.Ю. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной территории (1941-1944 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра

ист. наук: 07.00.02 / Попов Алексей Юрьевич; [Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории]. – М., 2007. – 46 с.

38. Рымарев В.Е. Аграрная политика фашистской оккупационной власти в западных областях России, 1941-1943 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Брянск, 2000. – 162 с.

39. Сервачинский И.Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (Июль 1941 – август 1944 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 1999. – 16 с.

40. Степаненко С.Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Степаненко Сергей Григорьевич; [Кубан. гос. технол. ун-т]. – Майкоп. 2010. – 23 с.

41. Туркатов М.М. Советские спецслужбы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 229 с.

42. Филоненко В.С. Деятельность органов прокуратуры Воронежской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2010. – 216 с.

43. Филоненко М.И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области. 1942-1943 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Филоненко Михаил Иванович; [Воронеж.гос. пед. ун-т]. – Воронеж, 2006. – 208 с.

44. Филоненко Н.В. Немецко-фашистский режим на временно оккупированной территории Воронежской области и его крах (Июль 1942 г. – февраль 1943–г.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Филоненко Наталья Викторовна [Воронежский гос. пед. ун-т]. – Воронеж, 2003. – 219 с.

45. Червякова А.А. Власовское движение и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Червякова Алла Александровна; [Рост.гос. ун-т.] – Ростов н/Д, 2004. – 26 с.
46. Чехлов В.Ю. Отношение населения к нацистскому оккупационному режиму на территории СССР 1941-1944 гг.: На примере Белорусской ССР: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2003. – 181 с.
47. Шанцева Е.Н. Генезис партизанского движения и коллаборационизма в Великую Отечественную войну (на примере оккупированной территории Брянского региона: август 1941 – сентябрь 1943 гг.): Дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Шанцева Елена Николаевна [Юго-Западный гос. ун-т]. – Курск, 2011. – 290 с.
48. Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шевелев Андрей Викторович; [Курский гос. тех. ун-т]. – Курск, 2004. – 211 с.
49. Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированных районов СССР (1941-1944): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 1969. – 26 с.
50. Якутин А.В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области: июль 1941 г. – сентябрь 1943 г.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Якутин Александр Владимирович; [Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского]. – Смоленск, 2009. – 212 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Перечень газет (приложений к ним), выпускавшихся и распространявшиеся на оккупированной территории Курской области в 1941 - 1943 гг.

№ п/п	Наименование печатного органа	Годы издания	Место издания (выпуска)
1.	Белгородская правда (ежедневная газета)	11-14.12.1941 г.	г. Белгород, Курская обл.
2.	Восход (ежедневная газета для русских)	14.12.1941 – начало 1943	г. Белгород
3.	Западные вести	1942	пос. Александровский (Прохоровка), Курская обл.
4.	Курские известия (еженедельная газета местного самоуправления)	1.11.1942 – 24.01. 1943	г. Курск
5.	Новый путь (газета для населения освобожденных областей). Новый путь (издание полевого подразделения № 30952) – газета для населения освобожденных областей.	01.1942 - 30.10.1942 08.1942 -1943г.	г. Льгов, Курская обл. (с 30.05.1942 г. издавалась в Курске) гор. Старый Оскол и Валуйки, Курская обл.
6.	Новая жизнь (орган Старооскольского	1942 -1943	г. Старый Оскол, Курская обл.

	районного управления и городской управы)		
7.	Голос народа (орган бургомистерства Локотского национального округа)	03.1942 - 08.1943	пос. Локоть, Орловская обл.
8.	Дмитровская газета	1942 -1943	г. Дмитровск, Курская обл.
9.	Острогожский листок (орган Острогожской городской управы)	08.1942 - 01.1943	г. Острогожск, Воронежская обл.
10.	Посев и Жатва (двухнедельное приложение к газете «Новый путь»)	1942	г. Курск
11.	Посев и урожай (двухнедельное приложение к газете «Курские известия»)	1942	г. Курск
12.	Рыльский новый путь	1941 -1943	г. Рыльск, Курская обл.
13.	Речь (газета для населения освобожденных областей)	5.12.1941 - 30.07.1943	г. Орел

Составлена по: Чуев С.Г. *Проклятые солдаты. Предатели на стороне III Рейха.* – М., 2004. – С. 544-549; Окорочков А.В. *Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй Мировой войны.* – М., 2007. – С. 198, 200-202, 205, 209, 211, 213.

**Число лиц,
арестованных территориальными и структурными органами НКВД
СССР (с апреля 1943 г. – НКГБ СССР)
на территории Курской области за 1941-1951 гг.**

Годы												Всего
	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	
Количество арестованных, чел.	нет дан-ных	1703	13360	257	549	507	407	368	348	273	291	18064

Составлена по: Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. – М., 2011. – С. 491, 498, 508, 516, 528, 537, 563, 577, 592.

**Сведения о количестве бандитских формирований,
ликвидированных на территории Курской области в 1941 – первой
половине 1944 гг.**

№ п.п.	Результаты деятельности	1941 г.	1942 г.	1943 г.	01-06. 1944 г.	Всего
1.	Ликвидировано банд	1	-	34	37	72
2.	Ликвидировано членов бандитских формирований	4	-	152	139	295
3.	Из них:					
	убито	-	-	8	4	12
	арестовано	4	-	137	132	273
	явились с повинной	-	-	7	3	10

Прим.: на
1.07.1944 г. на учете
состояло 19
бандгрупп (157
участников), а на
1.12.1944 г. – 6
бандгрупп (22
участника)

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 137. Л. 6; Д. 493. Л. 21.

**Сведения о количестве немецких агентов и пособников фашистов,
задержанных сотрудниками отдела по борьбе с бандитизмом областного
Управления НКВД и бойцами истребительных батальонов Курской
области в 1943 – первой половине 1944 гг.**

№ п.п.	Результаты деятельности	1943 г.	01-06. 1944 г.	Всего
1.	Задержано и убито вражеских парашютистов	52	-	52
2.	Задержано и убито немецких агентов	3	2	5
3.	Арестовано немецких пособников и сотрудников местной полиции	28	15	43
	За 1943-1944 гг.			100

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 137. Л. 6; Д. 493. Л. 2.